

Ужасная находка.
Кто же убийца?
Ставки высоки, как никогда.

Орловский Порок

Впервые на русском!

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

УЖАСНАЯ НАХОДКА. Опасно быть приближенным Карла II: порой один неверный шаг приводит к позору, изгнанию и даже к смерти. За место у трона борются самые высокопоставленные вельможи Англии. И чаша весов может склониться не в пользу лорда Кларендона, когда в колодце его дома находят мертвеца...

КТО ЖЕ УБИЙЦА? Джеймсу Марвуду, клерку на правительственной службе, поручено расследование этого дела, которое ни в коем случае не должно стать достоянием гласности. Между тем Марвуд знает человека, у которого есть все основания желать смерти Эдварда Олдерли, найденного мертвым, – это его кузина Кэтрин Ловетт, дочь цареубийцы. Множество улик указывает на нее. Теперь ее могут отправить на эшафот...

СТАВКИ ВЫСОКИ, КАК НИКОГДА. Марвуд уверен, что Кэт невиновна, поэтому решает найти настоящего убийцу. Но время на исходе. Если он допустит ошибку, это может угрожать репутации самого короля...

Впервые на русском!

-
- [Эндрю Тейлор](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)

- [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Эндрю Тейлор

Королевский порок

Посвящается Кэролайн

*Лишь чудотворное руки сей мановенье
Способно даровать мне исцеленье.
Пред этой дланью, ветвью древа Рая
С мольбою я колени преклоняю.
О кесарь мой, ты лишь коснись меня,
И верю я, исчезнет хворь моя.
Нет в короле порока, посему
Он даст отпор пороку моему.*

*Роберт Геррик. Королю, во исцеление хвори.
Геспериды, 1648 г.*

Andrew Taylor
THE KING'S EVIL
Copyright © Andrew Taylor, 2019
All rights reserved

© А. Д. Осипова, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

* * *

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Инфермари-клоуз, Савой

Джеймс Марвуд, секретарь Джозефа Уильямсона и Совета
красного сукна
Маргарет и Сэм Уизердин, его слуги

Чертежное бюро, Генриетта-стрит

Саймон Хэксби, маркшейдер и архитектор
Джейн Хэксби, его служанка, ранее известная как Кэтрин Ловетт
Бреннан, чертежник

Уайтхолл

Король Карл II
Яков, герцог Йоркский, его брат
Джозеф Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона
Уильям Чиффинч, хранитель личных покоев короля
Джордж Вильерс, 2-й герцог Бекингем
Джон Найт, главный королевский хирург

Кларендон-хаус

Эдвард Хайд, граф Кларендон, бывший лорд-канцлер Англии
Джордж Милкот, его секретарь
Мэтью Горс, слуга

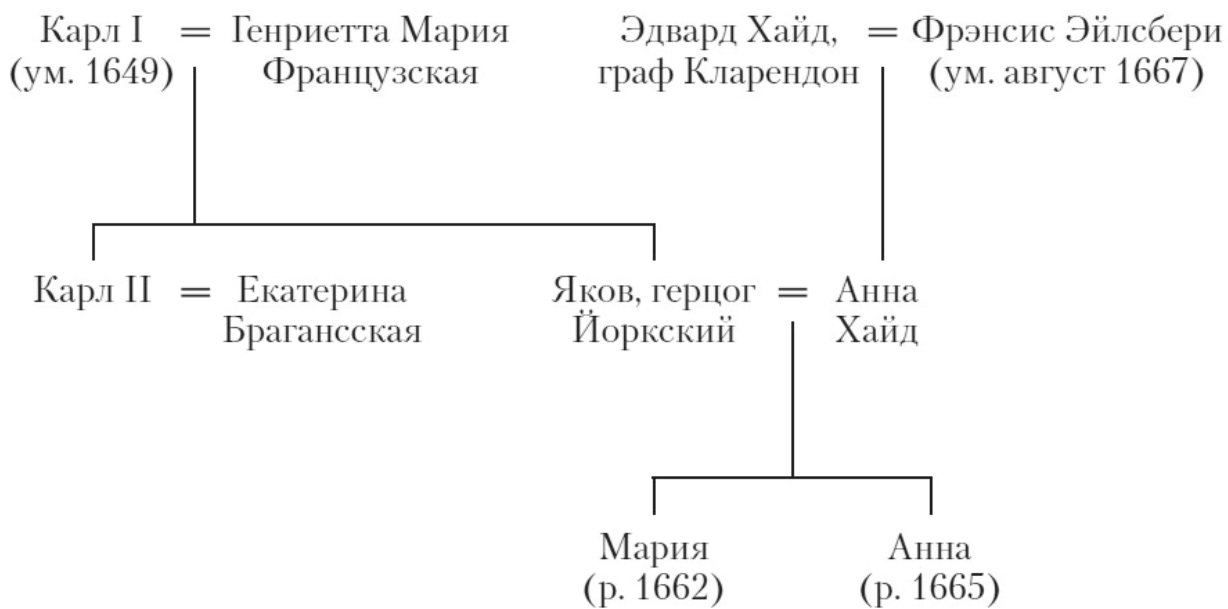
Другие

Оливия, леди Квинси, ранее госпожа Олдерли
Стивен, ее паж
Господин Тёрнер, нотариус из Барнардс-инн
Господин Вил из Лондона
Роджер, его слуга
Преподобный доктор Бёрбро из Кембриджа

Преподобный Ричард Уорли из Кембриджа
Госпожа Уорли, его бабушка
Фрэнсис, девочка
Господин Мангот из Вур-Грин
Израил Хэлмор, погорелец

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Сентябрь 1667 г.

Глава 1

Все получилось само собой. Одним плавным движением он отступил на шаг и повернулся к врагу боком. Правая нога чуть согнута в колене, носок направлен в сторону угрозы. В этот момент его стойка была безукоризненна: все, как показывал учитель фехтования. Он приготовился сделать выпад из терции и насадить стоявшее перед ним дьявольское отродье на шпагу, будто куропатку на вертел.

Вот он сдвинулся с места и тут услышал чей-то вдох. Его правая нога стояла на каменном полу. Но левая («под прямым углом к корпусу, месье, для устойчивости и силы») не нашла под собой опоры.

– Черт...

Он устоял на стоявшую перед ним фигуру. Через грязные подвальные окна сумерки просачивались внутрь, будто зловонные испарения. Он хотел взмолиться о помощи, но язык ему не подчинился.

Он вытянул руки перед собой в отчаянной попытке восстановить равновесие. Пальцы напряглись в надежде ухватиться за руку помощи. Сталь звякнула о камень.

У него было не больше выбора, чем у быка под топором мясника. Голова ударилась о парапет колодца. Боль ошеломила его. Он закричал. И полетел вниз, размахивая руками и ногами. Его пальцы скользили по влажной неподатливой каменной кладке. Не за что ухватиться. Ни единой зацепки...

Тут его плечо ударилось о каменную стену, и он ушел под воду. От пронизывающего холода у него перехватило дыхание, и боль тут же отступила. Он открыл рот, пытаясь то ли закричать, то ли сделать вдох. Ледяная вода обожгла легкие. Он захлебывался.

Грудь словно жгло огнем. Он тонул. Воды он боялся всегда, но плавать так и не научился. Пальцы царапали твердый камень. Сапоги наполнились водой, утягивая их обладателя на дно.

И все же ему удалось вынырнуть на поверхность. Он жадно глотнул воздуха. Высоко над его головой виднелись смутные очертания головы и плеч.

– Помогите! – выкрикнул он. – Ради всего...

Но прежде чем слова успели сорваться с его губ, он снова ушел под воду, и она приняла его в свои объятия. «Самая чистая вода в

Лондоне», – хвасталась ее светлость. Его ногти скребли камни и раствор между ними, только бы хоть за что-нибудь зацепиться. Руки и ноги налились свинцом. Боль в груди все усиливалась. Он и не подозревал, что можно испытывать такие страдания.

Отчаяние парализовало его. Отныне ему предстоят вечные муки. Вот он, путь в преисподнюю.

Боль отступила. На смену холоду пришло приятное тепло. Казалось, все чувства медленно исчезали, осталось только блаженное состояние покоя.

«Так, значит, это и есть...» – пронеслось у него в голове.

Глава 2

За день до этого

В пятницу я наблюдал, как король исцелял недужных в Банкетном доме Уайтхолла.

– Не оборачивайтесь, – тихонько произнесла леди Квинси.

При звуке ее голоса у меня замерло сердце. Я встретил эту женщину в прошлом году, сразу после Великого пожара. Ту пору своей жизни я предпочитал не вспоминать, однако в результате происходивших тогда событий леди Квинси осталась вдовой. Эта женщина была на несколько лет старше меня, и было в ней что-то, так и притягивавшее взгляд. Не удержавшись, я все-таки обернулся. Она глядела на свои руки в перчатках. На ней была шляпа с широкими полями, а лицо скрывала вуаль. Леди Квинси стояла совсем близко от меня. Она кого-то привела с собой, но я никак не мог разглядеть, кого именно. Однако ростом этот человек был очень мал. Ребенок? Карлик?

– Сделайте вид, будто увлечены церемонией, – вполголоса велела она. – На меня не смотрите, иначе мне придется уйти.

Мы стояли на балконе, и весь огромный зал внизу был перед нами как на ладони. Я снова обратил взгляд на короля. Здесь, в самых просторных и величественных своих апартаментах, Карл II восседал на троне под балдахином с королевским гербом, а по обе стороны от монарха столпились придворные и представители духовенства в стихарях, в том числе и личный духовник его величества, королевский исповедник. Лицо монарха было невозмутимым и торжественно-серьезным. Может ли король находиться в этом зале, не вспоминая о том, что его отец когда-то вышел на эшафот через высокое окно в середине зала и там несчастного ждал с топором палач в маске? Ребенком я и сам был среди толпы, на глазах у которой голову отца нынешнего короля отделили от тела.

– Ничего не говорите, – велела леди Квинси. – Только слушайте.

Йомены гвардии выстраивали в очередь собравшуюся в зале толпу, их алая форма особенно бросалась в глаза по сравнению с одеждой тусклых цветов, в которой явились сюда большинство страждущих и их

сопровождающие. Многие придворные прижимали к носу платки: от больных исходил не слишком приятный запах.

– Я должна предупредить об опасности, – продолжила леди Квинси. – Но угрожает она не вам, а другой персоне, имени которой мы называть не будем.

Я глядел на недужных. Почти у всех я заметил раздувшиеся шеи, гигантские зобы выпячивались вперед или искажали черты их лиц. Бедняги страдали от золотухи, болезни, омрачавшей жизнь множества людей. В народе ее прозвали «королевской хворью» или «королевским пороком», поскольку монарх обладал способностью исцелять ее наложением рук. Внизу в зале собралось не меньше двухсот страдальцев.

– В среду ко мне приходил гость, – еще тише продолжила леди Квинси. У меня по коже забегали мурашки. – Мой пасынок Эдвард Олдерли.

Один из королевских докторов по очереди подводил больных к трону, и те вставали перед его величеством на колени. Некоторые хромали, кое-кто еле ковылял на костылях, других несли близкие. Мужчины, женщины, дети, богато одетые джентльмены, жены торговцев, крестьяне, ремесленники, нищие. Перед Господом все равны.

Внизу что-то неразборчиво зачитывали вслух из молитвенника: я не мог разобрать ни слова.

– Эдвард был в бодром расположении духа, – продолжила леди Квинси. – К тому же исполнен самодовольства, почти как при жизни отца. Дела его процветают, – во всяком случае, именно такое впечатление он постарался у меня создать.

Повисла пауза, и теперь до меня долетали только звуки толпы внизу и приглушенное нечленораздельное бормотание чтеца.

Наконец она спросила:

– Вам известно, где сейчас можно найти его кузину Кэтрин? Просто кивните или покачайте головой.

Я кивнул. Во время моей последней встречи с Эдвардом Олдерли он произвел на меня впечатление спесивого грубияна, и я был уверен в том, что его кузина не обрадуется, если он снова появится в ее жизни.

– Хорошо. Передадите ей от меня устное послание?

– Да, – ответил я.

– Эдвард сказал мне, что знает, где она прячется. Заявил, что это большой секрет, но скоро я все узнаю. – Леди Квинси выдержала паузу. – Мой пасынок отомстит ей за то, что она с ним сделала. Он сказал, что Кэтрин Ловетт не уйти живой от него и его друзей и он еще спляшет на ее могиле.

– Друзей? Каких друзей?

Леди Квинси пожала плечами и умолкла.

Я удивился, что нашлись люди, желающие стать друзьями Эдварда Олдерли, этого хвастуна с замашками деспота, к тому же его покойный отец был изменником. В прошлом году, торопясь смыть позор, леди Квинси вернула себе фамилию и титул, доставшиеся ей от первого супруга.

Между тем внизу, в зале, король длинными пальцами поглаживал шею стоявшей на коленях больной, в толпе кто-то плакал, а священник монотонно и неразборчиво бормотал молитву. Лицо короля было серьезно, массивные черты придавали ему меланхоличный вид. Монарх глядел поверх головы коленапреклоненной женщины. Казалось, будто он смотрит прямо на меня.

– Думаете, слова Олдерли – не пустые угрозы? – спросил я.

Леди Квинси пошевелинулась, и ее рука на долю секунды задела мою.

– Эдвард приходил, чтобы... – Она выдержала паузу, как будто решая, что сказать. – Возможно, он рассчитывал произвести на меня впечатление. Или... или запугать меня.

– Запугать? – Я снова повернулся к леди Квинси, но ее лица не было видно. – Вас? С чего бы вам его бояться?

– Окажите мне услугу: предупредите Кэтрин, – не ответив на мой вопрос, произнесла леди Квинси. – Дайте слово, что известите ее при первой возможности. Не желаю, чтобы ее смерть была на моей совести.

– Даю слово.

– Полагаю, Эдвард расправился бы с ней собственными руками, если бы мог. – Леди Квинси на минуту умолкла, затем резко сменила тему: – В воскресенье я буду слушать утреннюю проповедь в церкви Святого Олафа. Знаете, где она? На углу Харт-стрит и Ситинг-лейн.

Я кивнул. Эта церковь, расположенная неподалеку от Тауэра, одна из немногих уцелела во время Великого пожара.

– Давайте встретимся там, но не в самой церкви. После проповеди ждите меня на улице в наемном экипаже. Хочу сохранить наш разговор в секрете.

– Как пожелаете. – Я сразу оживился. – Можно узнать почему?

Но леди Квинси уже отвернулась. Она заскользила сквозь толпу к двери, а следом шел ее маленький сопровождающий. Теперь я разглядел, что это черноволосый мальчик – должно быть, паж леди Квинси, только без ливреи. Он шел, завернувшись в слишком длинный плащ с высоким воротником.

Стоило леди Квинси скрыться на лестнице, и меня охватило разочарование. Слуга последовал за госпожой. В дверях он оглянулся, и я увидел, что мальчик – африканец.

После того как леди Квинси и ее паж скрылись, я выждал несколько минут, чтобы не столкнуться с ней случайно. Затем я тоже покинул балкон и спустился на Пибл-корт за Банкетным домом. Небо было затянуто серыми тучами, мостовая под ногами стала мокрой и скользкой.

Как и всегда в те дни, когда король исцелял недужных, покои дворца, куда допускались посетители, были забиты до отказа. Страждущие приходили не одни: их сопровождали родные и друзья, желавшие и поддержать больного, и увидеть чудо королевского руконаложения. Обычно многолюдные церемонии исцеления в сентябре не проводят, но количество желающих было так велико, что король отдал соответствующий приказ. Карл II был проницательным человеком, отдававшим себе отчет в том, насколько важно напоминать подданным о божественной природе королевской власти. И разве чудо наложения монарших рук не лучший способ доказать, что наш правитель – помазанник Божий?

Я направился в противоположный угол двора, прошел через дверь и поднялся в Тихую галерею. Господин Чиффинч ждал меня в покоях, где проходили ежеквартальные собрания Совета красного сукна, в котором он состоял. Я же был секретарем Совета. Чиффинч сидел в одиночестве, остальные заседатели уже ушли обедать. Он расположился у окна, и возле его локтя стояла бутылка вина. Чиффинч был дородным мужчиной, из-за румянца его лицо выглядело добродушным, но это впечатление было обманчивым.

Власть Чиффинча не бросалась в глаза, однако он обладал бóльшим влиянием, чем многие придворные: ведь он служил хранителем личных покоев короля и к тому же его личным секретарем, а это означало, что только Чиффинч решал, кого допустить к монарху. Именно Чиффинч велел мне ждать леди Квинси на балконе Банкетного дома, объявив, что таков приказ короля и его величество рассчитывает на мою деликатность. Кроме того, мне было велено исполнять любые распоряжения ее светлости.

– И чего же она хотела? – поинтересовался Чиффинч.

– Не имею права говорить об этом, сэр.

Чиффинч пожал плечами: мой ответ его раздосадовал, но не удивил. Он не любил пребывать в неведении, однако король посвящал его не во все свои дела.

– Надеюсь, вы не привлекли к себе внимания?

– Похоже, что нет, сэр.

– Вот что я вам скажу, Марвуд: в чем бы ни состояло ваше поручение, постарайтесь оправдать наши ожидания, иначе вы горько пожалеете о своих ошибках. Король не любит, когда его разочаровывают. А сейчас он отнюдь не в снисходительном настроении, в чем лорд Кларендон убедился на собственном горьком опыте.

Я отвесил поклон. Несколько месяцев назад король отправил в отставку лорд-канцлера Кларендона, своего давнего советника. Это событие стало самым большим политическим потрясением со времен Реставрации монархии семь лет назад. Но отставка не лишила лорда Кларендона политического влияния. Его дочь была замужем за родным братом Карла II, герцогом Йоркским. Поскольку законнорожденных детей у его величества не было, а королева Екатерина вряд ли могла подарить супругу наследника, герцог стал предполагаемым наследником своего венценосного брата. Более того, следующими претендентками на престол были внучки Кларендона, пятилетняя принцесса Мария и ее младшая сестра Анна. В случае смерти короля Кларендон вполне может стать еще более важной фигурой, чем сейчас.

– Времена нынче опасные, – продолжил Чиффинч. – Большие люди то высоко взлетают, то низко падают и тащат за собой маленьких. Уж если сам милорд Кларендон впал в немилость, такая же судьба может постигнуть любого. Но разумеется, там, где можно упасть, есть

шанс и взлететь. – Чиффинч замолчал, наполнил бокал и, понизив голос, продолжил: – Чем больше мне известно, тем лучше я служу королю. Если вы мне откроетесь, то и его величеству, и мне будет только польза.

– Простите, сэр, не могу.

Я подозревал, что Чиффинч ищет способ подорвать доверие, которое питал ко мне король.

– И все же любопытно, почему ее светлость выбрала для встречи с вами именно Банкетный дом, да еще и во время церемонии исцеления, – продолжил Чиффинч, устремив взгляд на содержимое своего бокала. – Леди Квинси нынче редко бывает в Уайтхолле. Впрочем, это вполне объяснимо. Одной смены имени недостаточно, чтобы все забыли о ее браке с обанкротившимся мошенником Генри Олдерли.

Я ничего не ответил. Отец Эдварда Олдерли был повинен и в худших прегрешениях, чем кража чужих денег, но, кроме короля и меня, об этом знали лишь очень немногие. Когда погиб Генри Олдерли, я сослужил королю хорошую службу, и тогда же я повстречался с леди Квинси. Впоследствии я помалкивал обо всем, что мне известно, и тем самым заслужил доверие его величества.

Чиффинч поднял глаза, и в его взгляде мелькнуло злорадство.

– Леди Квинси хорошенько вас разглядела, Марвуд? Заметила, как вы изменились со дня вашей последней встречи? – Он отвернулся и сплюнул в пустой камин. – Надо думать, ее светлость была неприятно удивлена. Ведь смазливый юношей вас больше не назовешь, верно?

Глава 3

Поздно вечером в пятницу дождь барабанил по большим окнам чертежного бюро на Генриетта-стрит под вывеской со знаком розы. Весь день ливень усиливался из-за шквалистого западного ветра. Если из-за туч станет еще темнее, придется зажигать свечи.

Не считая шума дождя, в мастерской царила такая тишина, что слышно было, как царапает бумагу перо господина Хэксби и скрипят половицы под чертежником Бреннаном, когда тот переступал с ноги на ногу. Бреннан трудился над детальным проектом фасадов для новых домов в Драгон-Ярде неподалеку от Чипсайда: сейчас это был самый важный заказ господина Хэксби.

Кэтрин Ловетт стояла за чертежной доской, установленной перпендикулярно одному из окон. Шея и плечи ныли. Последние полчаса она провела за другой работой. Кэт писала чернилами список необходимых материалов и их количества рядом с планом нового склада возле порта.

Аккуратно обводить карандашные буквы – скучная механическая работа, а в здании склада не было ничего интересного и примечательного, однако мыслями Кэт витала далеко: она представляла садовый павильон в поместье Кларендон-хаус. Они с господином Хэксби работали там сегодня утром. К ним приходил господин Милкот, чтобы обсудить установку подвальной перегородки. Господин Милкот выступал посредником его светлости, и Кэт невольно пришла в голову мысль, что их жизнь стала бы гораздо приятнее, если бы все клиенты, подобно этому джентльмену, разговаривали с ними любезно и точно знали, чего желают.

Кэт потерла глаза и потянулась. Она обмакнула перо в чернильницу, и тут раздался стук в дверь. Отложив перо, Кэт направилась к двери – впускать посетителей было ее обязанностью, кроме того, она должна была поддерживать огонь в камине, подметать и мыть полы, наполнять чернильницы и точить перья.

На лестничной площадке стоял мальчик на побегушках, выполнявший поручения сторожа. Он протянул Кэт письмо. Девушка разобрала кое-как написанный небрежным почерком адрес Хэксби. Она отнесла письмо архитектору. Тот сидел у огня, съезжившись, хотя день

выдался отнюдь не холодным. К подлокотникам его кресла были прикреплены доски, на которых Хэксби мог писать и чертить, когда у него не дрожали руки.

Сломав печать, архитектор развернул письмо. Бумага затрепетала в его покрытых старческими пятнами руках. Внутри скрывалось еще одно письмо. Озадаченно нахмурившись, Хэксби передал это послание Кэт. Ее имя – вернее, то имя, под которым она жила на Генриетта-стрит, «госпожа Джейн Хэксби», – было написано на нем тем же почерком, что и на первом листе.

– Что это такое? – недовольным тоном осведомился Хэксби. – Для меня здесь ничего нет. Вам известно, откуда это письмо?

Бреннан вскинул голову. Он отличался и остротой слуха, и остротой ума.

– Нет, сэр, – тихо ответила Кэт, скрывая раздражение.

Теперь, когда у Хэксби появилась вторая причина ожидать ее полного повиновения, в его голосе все отчетливее звучали повелительные нотки. Кэт развернула послание и пробежала глазами по строчкам.

Мне нужно с вами встретиться. Завтра буду на Новой бирже около 6 часов вечера. Ищите меня в лавке господина Кнеллера, он торгует кружевом на верхней галерее. Сожгите это письмо.

Ни подписи, ни даты. Но автором письма мог быть только один человек. Кэт бросила бумагу напрямик в пылающее сердце камина.

– Джейн! – рявкнул господин Хэксби. – Немедленно достаньте письмо! От кого оно? Я должен на него взглянуть.

Слишком поздно. Язык пламени лизнул угол листа, и вот огонь уже плясал по всему краю. Послание почернело. На секунду Кэт бросилось в глаза одно слово – «сожгите», – а потом бумага съежилась, затрепетала и обратилась в кучку горячей золы.

Глава 4

По воле случая субботним вечером я задержался в Уайтхолле дольше, чем рассчитывал. На службе я столкнулся с непредвиденными осложнениями. К великой досаде Чиффинча, большую часть времени я трудился под началом господина Уильямсона, заместителя лорда Арлингтона, государственного секретаря по делам Южного департамента и одного из самых влиятельных королевских министров. В обязанности господина Уильямсона входило издавать «Лондон газетт», правительственную газету. Под его руководством я изо дня в день тащил на себе груз забот: редактировал материал, относил его в печатню и следил за тем, чтобы новый выпуск дошел до читателей.

В Лондоне распространением «Газетт» в основном занимались женщины, они разносили номера по городским тавернам и кофейням, а также отдавали свежие газеты перевозчикам, после чего те развозили их по всему королевству. В этом месяце новые выпуски все чаще доставляли с опозданием, а порой не доставляли вовсе. Скорее всего, подобные случаи объяснялись привычным сочетанием непредвиденных обстоятельств: смерть, болезнь, пьянство и обычное разгильдяйство. И надо принять во внимание, что женщинам мы платили жалкие гроши, да и те задерживали неделями. Но лорда Арлингтона не интересовали причины. В перебоях доставки он винил Уильямсона, а тот, в свою очередь, меня.

Наконец освободившись, я спустился по общественной лестнице Уайтхолла, сел в лодку – к счастью, был отлив – и отправился к Чаринг-Кросс водным путем. Солнце стояло низко, и его косой луч падал на нас через зазор между облаками.

Перед Новой биржей Стрэнд был забит ожидавшими господ каретами и портшезами, из-за чего движение в обоих направлениях почти остановилось, лишь время от времени чуть оживляясь. Сердитые возницы прокладывали себе путь к Сити, или к расположенному выше по реке Уайтхоллу, или мимо королевских конюшен к Гайд-парку. Пешеходы же перемещались по Стрэнду намного быстрее.

Когда я входил в здание Новой биржи, часы уже били шесть. После того как в прошлом году город постигло несчастье в виде Пожара, уничтожившего лавки Чипсайда, старую Королевскую биржу в Сити и

многие другие здания, на Новой бирже стало еще многолюднее, чем прежде. Казалось, весь мир собрался здесь, чтобы продавать и покупать. На Новой бирже горделиво хвастались, что в этом здании под одной крышей отыщется все, чего душа пожелает. Можно побаловать себя предметами роскоши со всех концов света, и для этого даже не нужно топтать по грязи, мокнуть под дождем и слушать грубые окрики уличных торговцев.

Я заставил себя замедлить шаг: по Новой бирже прогуливаются не торопясь, а значит, спешащий человек привлечет внимание. Лавки, занимавшие два этажа, длинными рядами тянулись напротив друг друга. Я направился к лестнице. На верхних галереях народу оказалось еще больше, чем внизу.

Господин Кнеллер занимал одно из самых просторных торговых помещений с широкой многостворчатой витриной, чтобы покупатели могли лучше видеть выставленные на продажу товары. Львиную долю ассортимента господина Кнеллера составляли товары из Франции и Голландии.

Я замер на пороге. Через окно широкими полосами струились последние предзакатные лучи солнца, озарявшие своим сиянием шелка и кружева. В лавке толпились покупатели и мужского, и женского пола: в воздухе стоял тяжелый запах благовоний, отовсюду звучал гул голосов и шелест юбок. Супруга хозяина, миловидная женщина лет тридцати, показывала ленту ажурного кружева богато одетому джентльмену с лошадиным лицом. Однако того больше интересовал не товар, а сама хозяйка. Женщина мельком глянула на меня, затем опять сосредоточилась на покупателе.

– Любуетесь хозяйкой?

Я резко повернулся влево. Снизу вверх на меня смотрела Кэт. На ней был легкий плащ и шляпа, почти полностью скрывавшая лицо.

– Что за глупости! – тут же принялся оправдываться я. – Я просто искал вас.

– Вы лжете, сэр, – ответила Кэт. – Как и все мужчины.

Глава 5

Кэт позволила Марвуду отвести ее в тихий уголок, частично отгороженный от торгового зала прилавком, на котором подмастерья разворачивали самые большие мотки кружев. В последний раз она видела Марвуда три-четыре месяца назад. Кэт украдкой взглянула на него, уверенная, что он тоже исподтишка разглядывает ее.

Он выглядел более преуспевающим, чем раньше, а еще отчего-то казался старше. На нем был новый парик, более красивый и пышный, чем прежний. Лицо округлилось – когда Кэт видела его в последний раз, боль и лауданум заострили его черты.

Главное – вести себя непринужденно: они просто пара, решившая скоротать часок на Новой бирже, побаловать себя обновлениями. Кэт взяла кусок кружева.

– Как думаете, это богемское?

– Мне нужно с вами поговорить, – вполголоса произнес Марвуд. – Дело срочное.

– Разумеется. Но пока вы излагаете свое дело, все должны думать, будто мы просто выбираем кружева.

Она поглядела на Марвуда, склонив голову набок, чтобы лучше разглядеть левую сторону его шеи. К удивлению Кэт, Марвуд взглянул на нее с иронией, но без враждебности.

– Ну и как вы находите мою наружность? – осведомился он.

– Сейчас вы выглядите лучше. Во всяком случае, насколько я могу судить. Парик и воротник скрывают бóльшую часть шрамов.

Марвуд пожал плечами, явно гоня от себя воспоминания о том, как его обезобразил огонь. Он тихо продолжил:

– Ваша тетушка говорила со мной о вас.

Во взгляде Кэт отразилось удивление. Повысив голос, она сказала:

– Пойдемте к окну, сэр. Хочу рассмотреть кружева как следует.

Они остановились в оконном проеме. Кружева в руке Кэт будто струились и напоминали паутину, покрытую инеем. Девушка поднесла их к стеклу и принялась разглядывать.

– Леди Квинси? – переспросила Кэт. – Что ей от меня нужно? Прошло столько времени! Даже не верится, что тетушка до сих пор обо мне помнит. Будучи замужем за моим дядей, она ничего для меня не

делала и, пока мы жили под одной крышей, не пошевелила и пальцем, когда я больше всего нуждалась в помощи.

– Однако сейчас леди Квинси хочет вам помочь.

– Не сомневаюсь, именно так она вам и сказала, сэр. – Кэт почувствовала, как к горлу подступает едкая, как желчь, злоба. – Вы же верите каждому ее слову. Вы всегда испытывали к ней... как бы выразиться поделикатнее?... теплые чувства.

– Не представляю, о чем вы, – холодно произнес Марвуд. Он наклонился и прошептал Кэт на ухо: – К леди Квинси приходил ваш кузен Эдвард Олдерли. Он утверждает, что ему известно, где вы скрываетесь. Олдерли намерен добиться того, чтобы вы окончили дни на виселице.

– Возможно, это лишь пустая болтовня, – ответила Кэт. Заметив, что ей удалось вывести Марвуда из себя, она испытала удовлетворение. – У Эдварда всегда хорошо получалось закрывать глаза на правду.

– Вы не в том положении, чтобы рисковать. Леди Квинси полагает, что ваш кузен говорил искренне. Ордер на ваш арест по-прежнему в силе, вы обвиняетесь в измене за то, что оказывали помощь и содействие своему отцу-царевубийце. Обвинения так и не были сняты.

– Разве я могла поступить иначе? – задала риторический вопрос Кэт. – Что бы он ни совершил, отец есть отец. Кроме того, я старалась не вмешиваться в его дела.

– Олдерли сказал леди Квинси, что у него есть влиятельные друзья и они помогут ему с вами расквитаться.

– А я думала, после дядиного позора от Эдварда все отвернулись.

– Очевидно, вы заблуждаетесь, – произнес Марвуд. – Леди Квинси поверила Олдерли и по доброте душевной хочет вас предостеречь.

– Тетушка Квинси? По доброте?

– Вы должны покинуть Генриетта-стрит. Хотя бы на некоторое время. Оставаться там опасно.

Тут Кэт вспыхнула:

– С какой стати я должна бежать от Эдварда? Я устала постоянно находиться в бегах.

Марвуд взглянул на ближайшего подмастерья: до того явно долетели слова Кэт. Подойдя ближе к девушке, Джеймс развернулся, загоразивая ее собой.

– Ради вашей безопасности.

– Я вам кое в чем признаюсь. – Кэт дотронулась до его рукава. – Знаете, что со мной сделал мой кузен?

– Да, разумеется. Он помог своему отцу обманом лишить вас состояния, к тому же выступил против вас и...

– Эдвард взял меня силой.

– Что? – Марвуд потрясенно уставился на Кэт. – Я не понимаю...

– Что здесь непонятного? В отцовском доме он зашел в мою спальню ночью и изнасиловал меня. Я достаточно ясно выражаюсь, сэр? – Кэт понизила голос. – Вот почему я вонзила нож ему в глаз и сбежала из Барнабас-плейс. Я думала, что мой удар окажется смертельным. Но мне не удалось убить Эдварда, о чем я горько сожалею.

В этот момент к ним приблизился подмастерье и тихонько кашлянул.

– Сэр, госпожа, не желаете взглянуть на другие образцы? К нам из Антверпена недавно доставили кружева особенно тонкой работы.

– Не сейчас, – ответил Марвуд.

– Сэр, уверяю...

– Оставьте нас! – повысила голос Кэт. – Сейчас же.

В лавке тут же стало тихо. Взгляды доброй половины покупателей были обращены на Кэт и Марвуда. Миловидная жена хозяина тоже смотрела в их сторону.

– В другой раз, – обратился Марвуд к подмастерью.

Взяв Кэт под руку, он вывел девушку из лавки. «Попытка не привлечь к себе внимания провалилась с треском», – заключила Кэт. Марвуд направился к лестнице, они спустились на первый этаж, и все это время девушка не произносила ни слова. От быстрой ходьбы завитой парик Марвуда раскачивался. На секунду Кэт увидела то, что осталось от его левого уха.

Как только они вышли на улицу, Марвуд резко развернулся к ней.

– Почему вы мне не сказали, что с вами сделал этот мерзавец? – спросил он.

– Какой смысл вам об этом говорить? Разве вас это касается?

Марвуд поджал губы, но ничего не ответил. А между тем последние лучи солнца скрылись, и серые тучи окутали город.

– Когда-нибудь... – продолжила Кэт таким ровным тоном, будто речь шла о сущем пустяке. – Когда-нибудь я убью своего кузена.

– Не говорите глупостей. Вы добьетесь только одного – вас отправят на виселицу, а ведь Эдварду именно это и нужно.

– Вы забываетесь. Не имеете права мне указывать.

Марвуд отвел взгляд.

– В любом случае в интересах вашей безопасности будем исходить из предположения, что Олдерли снова вас нашел. А это значит, что вы должны покинуть чертежное бюро господина Хэксби, вам нельзя оставаться на Генриетта-стрит. Лучше будет, если вы на какое-то время уедете из Лондона.

– Я не могу.

– У вас нет другого выхода.

Кэт покачала головой:

– У нас очень много работы. Я не должна подводить господина Хэксби. И кстати, мне пора, до встречи с нашими клиентами осталось меньше часа. К тому же...

– Если дело упирается в деньги, я вам помогу. У меня с собой пять фунтов.

Щедрое предложение Марвуда растрогало Кэт.

– Вы не понимаете, сэр, – уже мягче ответила она. – Если мне понадобятся деньги, я попрошу их у господина Хэксби. Мы с ним помолвлены. Скоро он станет моим мужем.

Неделя в чертежном бюро оказалась удачной, судя по записям, которые Кэт делала в приходо-расходной книге господина Хэксби, и в субботу вечером они по устоявшейся привычке ужинали все вместе. Хэксби был бережлив, но не скуп. Недостатка в работе они не испытывали, ведь после Пожара половина Лондона превратилась в одну большую стройку.

Хэксби был человеком привычки, и поэтому он всегда угощал Кэт и Бреннана в отдельной комнате «Барашка» на Уич-стрит. Эта таверна видала лучшие времена, но здесь господина Хэксби знали, ценили как постоянного посетителя и, какая бы сильная дрожь на него ни нападала, относились к этому как к мелочи, не стоящей внимания. Обычно вечера проходили весело, и даже господин Хэксби позволял себе пропустить бокальчик-другой вина, хотя из-за этого его симптомы усугублялись.

Еще несколько месяцев назад Кэт не поверила бы, что согласится провести вечер в компании Бреннана. В начале их знакомства все вызывало ее отвращение – и он сам, и то, что он посмел добиваться ее благосклонности, и средства, которые он использовал для достижения этой неосуществимой цели. Но Кэт разрешила это затруднение, Бреннан смирился с ее отказом, и со временем девушка прониклась к нему уважением: он был умелым чертежником, к тому же он отличался надежностью и по-доброму относился к господину Хэксби.

На Генриетта-стрит Бреннан пришел с блестящими рекомендациями от доктора Рена, и время показало, что похвалы были вполне заслуженными. Сначала Бреннан работал у Хэксби сдельно, теперь же тот выплачивал чертежнику постоянное жалование. Кэт подозревала, что о Бреннанае есть кому позаботиться: должно быть, под материнскую опеку его взяла молодая женщина из кондитерской на Бедфорд-стрит.

В тот вечер они ужинали позже обычного: было уже почти девять. Вечер выдался теплый, однако Кэт казалось, будто она промерзла до костей. Девушка никак не могла сосредоточиться на разговоре мужчин. Из головы не шли мысли о кузене Эдварде. Кэт задавалась вопросом, удастся ли ей когда-нибудь снова стать счастливой.

Поначалу Хэксби и Бреннан не замечали ее молчаливости. Оба были в приподнятом настроении, отчасти из-за вина, отчасти из-за того, что Хэксби неожиданно получил часть платежа за проект в Кларендон-хаусе и благодаря этому выплатил Бреннану премию. Несмотря на политические дразги, лорд Кларендон оставался влиятельным клиентом и законодателем мод. Хэксби беспокоился, что работа над павильоном окажется под угрозой, ведь ее светлость, особенно заинтересованная в этом проекте, недавно скончалась. А еще его светлость не только впал в немилость при дворе – ходили слухи, что у лорда Кларендона трудности с деньгами. Однако же деньги архитектор получил. По всей видимости, благодарить за платеж следовало господина Милкота.

Но во время ужина Кэт заметила, что Хэксби то и дело бросает на нее обеспокоенные взгляды. Девушка понимала, что он все больше и больше от нее зависит, а когда его болезнь усугубится, Хэксби и шагу ступить без нее не сможет. Свадьба была назначена на конец октября, в

следующем месяце о бракосочетании будет объявлено. Скромная церемония состоится в новой церкви в Ковент-Гарден.

– Здание в стиле Иниго Джонса, – с довольным видом рассуждал Хэксби. – Это вам не ветхие несуразные церкви, построенные в средневековых городках папистами.

После ужина, когда они спускались на первый этаж таверны, Хэксби дотронулся до руки Кэт и тихонько спросил:

– Как вы себя чувствуете? Вам нездоровится?

– Нет, сэр. Ничего страшного, просто женское недомогание.

Хэксби тут же шарахнулся от нее и взял под руку Бреннана. На улице архитектор объявил, что портшез брать не будет: он прекрасно дойдет до дома на своих двоих. Бреннан и Кэт переглянулись, молча согласившись, что одного Хэксби отпускать нельзя. Втроем они медленно брели в сторону двора «Трех петухов» рядом со Стрэндом – Хэксби снимал там комнаты на втором этаже одного из новых домов. Бреннан зашел во двор и проводил архитектора до самого порога, а Кэт задержалась на Стрэнде.

Бреннан вернулся очень быстро, и они вместе зашагали туда, откуда пришли. Кэт с радостью прогулялась бы одна: за прошедший год она усвоила законы лондонских улиц. Кэт всегда носила с собой нож и в случае необходимости хваталась за него без малейших колебаний. Но Хэксби будет недоволен, что она ходит одна после наступления темноты, и девушка позволила Бреннану себя проводить. К тому же им было по пути.

– Что-то случилось? – спросил Бреннан, когда они проходили мимо церкви Святого Климента Датского. – Вы за ужином и двух слов не сказали.

– Нет, ничего.

Ответ сорвался у нее с языка сам собой. Но затем Кэт вдруг передумала и приняла другое решение.

– А впрочем, это неправда. У меня и впрямь возникло одно... затруднение. Мне нужно на время уехать. Никто не должен знать, где я. Даже господин Хэксби.

– Почему?

– Не могу ответить.

– Куда же вы уедете?

– Даже не представляю.

– Что за глупости? – покачал головой Бреннан. – Это из-за того письма?

Кэт кивнула:

– Дело срочное. Мне необходимо уехать, и как можно скорее.

Они проходили мимо Сомерсет-хауса. Неподалеку отсюда к западу располагался Савой, где жил Марвуд, и Кэт подняла воротник плаща, пряча лицо.

Бреннан неверно истолковал ее действия.

– Боитесь, что за вами следят?

– Возможно.

«Одинокая женщина неизбежно привлекает внимание, – подумала Кэт. – И чаще всего – нежелательное».

– Для вас очень важно, чтобы спальня была удобной? – вдруг спросил Бреннан.

Кэт устремила на него взгляд, исполненный негодования.

– Что?!

– Я имел в виду место, где вы будете скрываться, – торопливо пояснил Бреннан. – Что, если для вас найдется убежище, но жизнь там будет нищая и убогая – совсем не такая, к какой вы привыкли?

– А почему вы спрашиваете?

– Я знаю одно место, где вы сможете пересидеть неделю-две, а может, и дольше. Проживание стоит недорого.

– Если мне там ничто не будет угрожать, обойдусь и без пуховой перины, и без услуг горничной. Вы ведь о таких удобствах говорили?

– Раз так, я, пожалуй, смогу вам помочь. – Бреннан запнулся в нерешительности. – Хотя девушке вашего положения там, конечно, не место. Но зато вас точно не найдут. Никому даже в голову не придет там искать.

– И где же это ваше убежище?

– В нескольких милях от Лондона. Это лагерь погорельцев, он разбит на земле моего дядюшки. Раньше дядя ее возделывал, но после смерти сына его хозяйство пришло в упадок.

Глава 6

Когда мы с Кэт разошлись в разные стороны, я зашагал по Стрэнду к Савою. Мой дом был здесь, в Инфермари-клоуз, а тот, в свою очередь, располагался в лабиринте из ветхих зданий, в которых в былые времена размещался дворец и окружавшие его хозяйственные помещения. Савой до сих пор принадлежал короне, однако часть его территории была отдана под объекты различного назначения. Заполучить в свое распоряжение даже крошечный домишко вроде моего – большая удача: жилья в Лондоне на всех не хватало, особенно после того, как значительная часть города была разрушена из-за Великого пожара. Мой начальник господин Уильямсон замолвил за меня словечко в беседе с чиновником, занимавшимся вопросами сдачи королевского имущества внаем.

Я пребывал не в лучшем расположении духа. Когда мой слуга Сэм открыл дверь и взял у меня плащ, я выбрал его за неуклюжесть, хотя на самом деле он двигался со всей грацией, на какую способен человек без ноги, а ловкостью превосходил многих из тех, у кого обе нижние конечности были в целостности и сохранности.

Жена Сэма, Маргарет, подала мне ужин. Когда я принялся за еду, она задержалась возле стола.

– Прошу прощения, сэр, вы, должно быть, из-за доставщиц «Газетт» не в духе? Моя подруга Доркас говорит, что они с ног сбиваются, бедняжка к вечеру от усталости падает.

Мне стало стыдно за то, что я срываю раздражение на прислуге: боясь потерять место, они не могут позволить себе возразить хозяину.

Уже мягче я ответил:

– Из-за них и по многим другим причинам.

– Я ведь почему спрашиваю? Тут я, пожалуй, могла бы вам помочь. Если нужно, буду разносить газеты несколько раз в неделю – с вашего согласия, разумеется. Или объединюсь с Доркас. Я ее и раньше так выручала.

Предложение было весьма любезным. Прежде чем поступить на службу ко мне, Маргарет тоже доставляла газеты и до сих пор поддерживала дружеские отношения с некоторыми разносчицами. Обязанности ей знакомы. Но при этом мне было известно, что ей

неприятна эта работа, ведь молодым и привлекательным женщинам часто приходилось терпеть непрошенные знаки внимания.

– Спасибо, – ответил я. – Но вы нужны мне здесь.

Я сказал Маргарет, что она может быть свободна. В каком-то смысле даже хорошо, что Маргарет и Сэм думают, будто мое дурное настроение вызвано неприятностями с «Газетт». Им вовсе незачем знать правду.

Потом я сидел у окна, выходящего на крыши и стены. Дневной свет медленно угасал, а я все думал о Кэтрин Ловетт и ее неблагодарности. Неужто эта женщина не понимает, что я пытаюсь спасти ей жизнь? Откуда в ней столько глупого упрямства? Или глуп я, поскольку безо всяких на то причин пекусь о ее благе?

Доводя себя до состояния угрюмой злобы, я всячески подпитывал свою обиду. Но на самом деле меня вывело из равновесия признание Кэт: я не подозревал, что Эдвард Олдерли взял ее силой. А еще меня смущало ее обручение с Саймоном Хэксби, человеком, годившимся ей в отцы, а то и в деды.

Поступок Олдерли должен был возмутить меня лишь в отношении общечеловеческой морали: воспользоваться беспомощностью невинной кузины, которой отец Эдварда дал приют под своей крышей! Ну а что касается обручения, с точки зрения той же морали мне следовало порадоваться за Хэксби и Кэт: он даст ей уверенность в завтрашнем дне, а она привнесет в его жизнь юношеский задор.

Однако я не мог смотреть на обе эти ситуации с позиции стороннего наблюдателя и испытывал глубокое возмущение. Отчего-то сама мысль о каждой из них больно меня задевала. Отчаянно желая отвлечься, я углубился в размышления о леди Квинси, но и в них утешения не нашел. Завтра я снова ее увижу, однако я не имел ни малейшего представления, почему она желает, чтобы я забрал ее из церкви в наемном экипаже. Имеет ли это отношение к ее пасынку Эдварду Олдерли и предупреждению, которое леди Квинси просила меня передать Кэт? При одной мысли об этом мне стало не по себе. Я бы предпочел, чтобы наши с Эдвардом Олдерли пути более не пересекались ни в этой жизни, ни в следующей.

У моего волнения была и другая причина: мне предстояла новая встреча с леди Квинси. Несмотря на различия в нашем статусе, когда-то я испытывал к этой женщине влечение. Тогда желать ее было

глупостью с моей стороны, а сейчас это и вовсе непростительная ошибка. Кроме того, как мне верно напомнил Чиффинч, кому нужен такой, как я?

Глава 7

Кэт готовилась к отъезду. Она ощущала странное спокойствие, как будто ее судьба уже решена и что бы она ни делала, ей не под силу изменить предначертанное.

У себя в комнате Кэт отыскала холщовую сумку, с которой пришла на Генриетта-стрит. Девушка положила туда запасную сорочку и чулки. На плечи она накинет старый плащ. Она взяла половину буханки хлеба, оставшуюся после завтрака. Ей не хотелось расставаться с трудом Палладио – потрепанным трактатом, который ей подарил господин Хэксби, – однако брать его в дорогу по меньшей мере неблагоразумно: хотя все четыре книги «I quattro libri dell'architettura»^[1] были переплетены в один том, фолиант получился таким громоздким и тяжелым, что станет для беглянки только обузой. В качестве утешения она упаковала свой блокнот и миниатюрную дорожную шкатулку для письма, в которой были ручка, чернила, линейка, латунный транспортир и карандаши. В кошельке у нее было почти тридцать шиллингов, – по крайней мере, не придется бежать из дому без гроша в кармане.

Через открытое окно до Кэт донесся бой церковных часов. Одиннадцать. У нее пересохло в горле. Она и без того слишком много времени провела в бегах, и ей вовсе не улыбалось опять скитаться как неприкаянной. Застегнув плащ, Кэт взяла сумку и обвела взглядом чертежное бюро. В сиянии свечей оно казалось призрачным – повсюду лишь игра теней и грез. Здесь Кэт была счастлива, она вовсе не желала уходить.

Кэт задула все свечи. Единственным источником света остался маленький фонарь, с которым они поднимались и спускались по лестнице после наступления темноты. На лестничной площадке Кэт заперла за собой дверь и убрала ключ в карман у себя под юбкой. Там ключ стукнулся о нож, с которым девушка никогда не расставалась.

Когда она спускалась по ступенькам, освещая себе путь фонарем, круг света плясал, будто от корабельной качки. Сторож спал на своей койке, однако стоило Кэт войти в коридор, он тут же зашевелился.

– Уходите, госпожа? В такой час?

– Разве я не говорила? – произнесла Кэт. – Я буду ночевать у старой подруги. Они с отцом ждут меня. Будьте добры, отоприте дверь.

Сторож одну за другой отодвинул задвижки и поднял засов.

– Для походов по гостям уже поздно, госпожа.

– Вовсе нет. Они ужинали с друзьями, и сейчас они ждут меня в Ковент-Гарден. – Кэт отыскала в кошельке шесть пенсов и протянула монету сторожу. – Прошу вас, окажите мне услугу – никому не говорите, что я ушла. Особенно господину Хэксби. Незачем зря его волновать.

– Не беспокойтесь. Я сохраню вашу тайну. – Сторож посмотрел на девушку с неприятной ухмылочкой. – Я могила, госпожа.

Несмотря на поздний час, в ярко освещенных аркадах Ковент-Гарден было многолюдно: повсюду толпились нарядно одетые театралы, гуляки и куртизанки, а среди них, будто вши в пышной копне волос, копошились воры, уличные торговцы и попрошайки, каждый занятый своим ремеслом.

За прошедшие несколько месяцев Кэт успела познакомиться с этим миром любителей увеселений и теперь с уверенностью преодолела опасный путь. Знакомая неказистая фигура Бреннана ждала ее у входа в Королевский театр на Бриджес-стрит. Завидев Кэт, он сразу устремился к ней. Рядом с ним шел маленький слуга с факелом, пламя которого то и дело ярко вспыхивало и плясало на ветру. При свете факела Кэт увидела, что лицо Бреннана побледнело, а мышинные черты лица от волнения заострились еще больше.

– Вы пришли! А я уж решил, что вы передумали.

– Ну конечно пришла, – ответила Кэт. – Вы все устроили?

– Да. Я обо всем договорился. У вас есть деньги? Если нет, я одолжу...

– Деньги есть.

– Будет лучше, если мы пойдем пешком. – Бреннан запнулся в нерешительности. – Вы не возражаете? Можно я возьму вас под руку?

– Разумеется, – произнесла Кэт. – А мы не могли бы обойтись без мальчика-слуги с факелом?

Бреннан кивнул:

– Я хорошо знаю дорогу.

Поначалу факел и впрямь был не нужен, поскольку их путь пролегал по Боу-стрит до Лонг-Акр, а там жизнь была ключом почти так же, как в Ковент-Гарден. Но возле церкви Святого Эгидия в Полях обстановка царила совсем другая. На дороге то и дело попадались участки, погруженные во тьму, к тому же идти приходилось по жидкой грязи, и они постоянно рисковали оступиться и упасть в канаву. Но Бреннан не соврал: с таким проводником Кэт и впрямь было не о чем беспокоиться, хотя ее все сильнее раздражала его привычка постоянно спрашивать, не устала ли она и не слишком ли быстро он идет.

– Спасибо за заботу, но я в ней не нуждаюсь, – наконец не выдержала Кэт. – Я вам не фарфоровая ваза. Если не возражаете, я бы хотела поберечь дыхание для ходьбы.

– Хотите, я провожу вас до места назначения? В воскресенье мне в чертежное бюро не нужно. А убедившись, что вы на месте и все благополучно, смогу добраться до города и пешком.

– Нет, – возразила девушка. – Лучше поеду одна. Что, если меня хватит господин Хэксби? Он сразу же пошлет за вами. Вы должны быть рядом, чтобы успокоить его. Скажите господину Хэксби, что я отправилась к подруге, но куда именно, вы не знаете.

Постоялый двор оказался маленьким, низким зданием возле церкви Святого Эгидия в Полях. Через центральные ворота они вошли во двор. Перед ними тянулось длинное здание конюшни.

– Дядя Мангот никому не доверяет, – шепотом пояснил Бреннан. – Дело в том, что лошадь не его. Дядя взял ее напрокат у соседа, и, если кобылу украдут, ему вовек не расплатиться. Да и в любом случае во дворе ночевать дешевле, а когда ворота запирают на засов, тут не опаснее, чем в комнате.

Дядю Бреннана они нашли в дальнем конце конюшни. Лошадь стояла в стойле, а старик сидел в маленькой крытой повозке, стоявшей во дворе. В темноте Мангота трудно было разглядеть. Рядом с повозкой висел глиняный горшок с горячей лучиной, но в окружающей тьме лицо старика казалось мутным пятном.

Бреннан замедлил шаг и дотронулся до локтя Кэт.

– Чуть не забыл. Если дядя спросит про меня, не говорите, что мы работаем в Кларендон-хаусе.

– Почему? – шепотом спросила Кэт.

Зашуршала солома, и дрожащий старческий голос спросил:

– Кто идет?

– Дядя Мангот, это я, – обратился к нему Бреннан. – Я привел ее. Мужчина в повозке подался вперед.

– Опаздываешь. Это та самая девушка? Придется вам сегодня ночевать здесь, со мной. Поедем, когда рассветет.

– Хорошо, – ответила Кэт.

– Эта девушка мой друг, дядя, – заметил Бреннан. – Ты ведь будешь с ней любезен? Пустишь ее ночевать в дом? Она за все заплатит.

– Как пожелаешь. – Старческий голос звучал слабо и неуверенно, будто хозяин редко им пользовался. – Вот только покупать здесь нечего. Пускай работает за стол и кров. Давненько у меня не было прислуги.

– Никто не должен знать, что она живет у тебя, – прибавил Бреннан. – Обещай, что на ферме она будет в безопасности.

Мангот перегнулся через борт повозки и сплюнул.

– Я-то лишнего не сболтну. Главное, чтобы вы с ней держали рот на замке. – В темноте раздался звук, напоминавший смех. – Ничего с ней не случится, племянник. Гости к нам заглядывают редко. Мои погорельцы любого нечестивца отпугнут.

Кэт шагнула вперед, и на нее упал свет лучины.

– Пять шиллингов, – произнесла она. – За неделю. Такие условия мне обещал ваш племянник.

– И отдельная комната, – прибавил Бреннан.

Мангот фыркнул:

– Про комнату ты не говорил. Тогда семь шиллингов.

Бреннан принялся возражать, но старик упорно стоял на своем. Конец спору положила Кэт, достав кошелек и отсчитав требуемую сумму.

– И вот еще что, – прибавил Мангот, когда девушка выкладывала монеты ему на ладонь. – Придется вам делить повозку с другим пассажиром.

– С кем? – уточнила Кэт.

– Его зовут Израил Хэлмор. Раньше был перчаточником. До Пожара держал лавку в Чипсайте, а теперь остался ни с чем.

Ферма Мангота находилась в нескольких милях от Лондона по направлению к Сент-Олбансу. Она стояла на окраине деревни под названием Вур-Грин.

Мангот сдержал обещание и выехал со двора таверны на рассвете. Всю ночь Кэт зябла, кутаясь в плащ и прижимаясь к мешкам с мукой. Ее трясло почти непрерывно, хотя виной тому был не один только холод. Израил Хэлмор прибыл под утро, разбудив забывшуюся тревожным сном Кэт. Второй пассажир оказался сильно нетрезв и почти сразу же уснул.

Кроме муки, телега была нагружена рулонами холстины, от которой сильно пахло рыбой, и мешками гвоздей. У Мангота был пропуск с подписью магистрата, разрешавший ему совершать поездки по воскресеньям. Оживленного движения на улицах не наблюдалось, и окраины Лондона быстро остались позади. Тут Хэлмор проснулся, потребовал остановить телегу и справил малую нужду под деревом. Затем он сел рядом с Манготом и взял у старика вожжи. При дневном свете Кэт разглядела его высокую тощую фигуру, крупные черты лица и копну седых кудрей. Из-за артрита пальцы Хэлмора опухли и искривились, – должно быть, болезнь вынудила его бросить перчаточное ремесло.

Кэт притворялась, будто дремлет, а двое мужчин тихо переговаривались. В голове у девушки так и роились мрачные мысли. Если только не случится чудо, она представления не имела, как ей вернуться к прежней жизни на Генриетта-стрит, не рискуя быть обнаруженной. Когда страсти улягутся, благоразумнее всего, пожалуй, будет сбежать за границу, в Голландию или даже в Америку – там нашли убежище многие друзья ее отца.

От размышлений Кэт отвлек вдруг ставший более громким голос Хэлмора:

– Ну как мне было отказаться? Епископ угощал элем всех без разбору.

Мангот стал что-то говорить, но Хэлмор перебил его:

– Кларендон – алчный плут, господин Мангот, вдобавок он заодно с папистами.

– Чтоб ему пусто было, – прибавил Мангот.

– Вот именно. Епископ, уж как может, трудится во славу Божью.

– Но вы подвергали себя опасности, – возразил Мангот. – Пусть даже ради благородного дела. Вас могли арестовать.

– Меня? Ну уж нет! Мы просто стояли перед Кларендон-хаус, орали и улюлюкали. Я, правда, швырнул пару камней, но к тому

времени уже темнело, и никто не понял, что это я их кинул.

– А что за птица этот Епископ? – спросил Мангот. – Как его зовут по-настоящему?

– Не знаю. Но кошелек у него толстый, и на расходы он не скупится, а до остального мне дела нет. – Голос у Хэлмора был низкий, звучный, и его звуки разносились далеко, даже когда он говорил тихо. Такой голос хорошо иметь проповеднику. – Кроме эля, он раздал нам всем по полкроны. Знаете, что про него говорят? Ходят слухи, что он человек герцога Бекингема. Тогда понятно, откуда такие деньги и почему Епископ уверял, что ареста нам можно не бояться. Герцог нас из любой передряги вытащит. Уж кто-кто, а он всегда был другом народа и злейшим врагом папистов. А Кларендон получил по заслугам, чума его заberi! И вот что я вам скажу: это еще цветочки, Епископ для него приготовил кое-что похлеще.

Мангот покосился на Хэлмора:

– И что же?

Тот пожал плечами:

– Наверняка не скажу. Знаю только, что ударить они собираются по самому больному месту.

Глава 8

Церковь Святого Олафа находилась на южной стороне Харт-стрит, неподалеку от раскинувшихся зданий Военно-морского ведомства. Воскресным утром я ждал возле церкви в наемном экипаже. День выдался погожий, и я откинул кожаную шторку, чтобы одновременно и греться в лучах солнца, и следить за дверьми.

Когда прихожане начали расходиться, я заметил несколько знакомых лиц – в основном чиновников из Военно-морского ведомства или из Тауэра. Я высадился из экипажа и стал высматривать леди Квинси. Народу на проповедь пришло много, и ее светлость появилась на крыльце одной из последних. Вуаль скрывала ее лицо, по одну сторону от леди Квинси шла горничная, по другую – мальчик-паж. Горничная была чопорной женщиной, старавшейся не смотреть в мою сторону.

Я поклонился ее светлости, та кивнула мне и села в карету лицом к лошадям. Паж вскарабкался следом за госпожой, и леди Квинси усадила его рядом. Несмотря на теплую погоду, мальчик был одет в тот же толстый плащ с высоким воротником, в котором я видел его в пятницу. Я думал, что горничная тоже сядет в экипаж, но она зашагала прочь в направлении Марк-лейн.

– Куда вас отвезти, мадам? – спросил я.

– Велите кучеру, чтобы ехал на Бишопсгейт-стрит, это за стеной. Там скажу, куда ехать дальше.

Отдав распоряжения извозчику, я занял свое место в экипаже. Сжавшись в комок, мальчик сидел подле леди Квинси. Я расположился напротив, однако машинально повернул голову чуть влево, чтобы скрыть повреждения на левой стороне моего лица. Леди Квинси подняла вуаль, и мне в первый раз представилась возможность рассмотреть ее как следует. Печаль, острая, будто физическая боль, поразила меня в самое сердце.

Передо мною сидела та, ради кого я сегодня утром облачился в свой лучший наряд и распорядился, чтобы мой парик завили заново. Оливия, леди Квинси – леди из общества, на несколько лет старше меня, с красивыми темными глазами, мелодичным голосом и пышной фигурой, которую не смогло скрыть даже строгое платье. Но леди

Квинси во плоти сильно отличалась от образа, регулярно являвшегося мне в грезах на протяжении почти что года. «Эта дама отнюдь не дурна, – сказал я себе, – однако в Уайтхолле я каждый день встречал с десятком ей подобных, и многие были гораздо красивее».

Экипаж подпрыгивал на булыжной мостовой, и леди Квинси поморщилась.

– Опустите шторку, – приказала она.

Я подчинился, и в карете воцарился полумрак, хотя на улице было светло.

– Я исполнил вашу просьбу, мадам. Я передал ваше предупреждение известной нам обоим юной леди. Однако эта особа не горит желанием бежать от кузена.

– Она всегда отличалась упрямством.

Я хотел рассказать леди Квинси о помолвке Кэт, но промолчал. Это не мой секрет – так же как и то, что Эдвард ее изнасиловал.

– Где она? Надеюсь, моя племянница в безопасности?

– Не знаю, – ответил я.

– С ее стороны будет непростительной глупостью оставаться на прежнем месте. Кузен не оставит ее в покое. Эдвард лелеет обиды, будто любимых детей.

Минуту-другую мы молча ехали по шумным улицам и слушали, как стучат колеса, а извозчик осыпает ругательствами всех, кто преграждает нам путь.

– Куда мы направляемся? – поинтересовался я.

Леди Квинси подняла глаза:

– К господину Найту, королевскому хирургу.

Я пронзил ее взглядом.

– К господину Джону Найту? Главному хирургу?

– Вы его знаете?

– Да, я о нем слышал.

Его величество выделял Найта среди прочих медиков: свою преданность он доказал и во время гражданской войны, и после нее, когда королевский двор отправился в изгнание. В прошлом году Найт вел с господином Уильямсоном оживленную переписку, касавшуюся состояния здоровья моряков во флоте. С тех пор мне и запомнилась эта фамилия. Но воскресное утро – странное время для посещения врача

или хирурга, особенно такого выдающегося, как господин Найт. Вот и еще одно указание на то, что в деле чувствуется рука монарха.

– Где мы с ним встретимся? – спросил я. – Мне казалось, дом господина Найта на Расселл-стрит, а не рядом с Бишопсгейт.

– Он сейчас в гостях у родственников жены. Господин Найт согласился принять нас перед обедом. – Леди Квинси достала из кармана кошелек и протянула его мне. – После приема доктор потребует вознаграждение. Будьте добры, рассчитайтесь с ним за меня. Извозчику тоже нужно заплатить. Скажите ему, чтобы ждал нас, обратно тоже поедem с ним. И кстати, вовсе незачем говорить, кто я такая, особенно в присутствии слуг. Можете представить меня госпожой Грин, вашей кухней. На прием я записалась от вашего имени и буду весьма признательна, если вы создадите у господина Найта впечатление, что Стивен ваш слуга.

– Мой? – Я удивленно поглядел на леди Квинси. – Мадам, мне будет проще вам помочь, если вы объясните, в чем дело.

Секунду она молчала, потом велела:

– Отдерните штору.

Я повиновался. В карете стало светлее.

– Стивен, покажи джентльмену, что с тобой.

Мальчик подался вперед и распахнул плащ. В первый раз я разглядел его как следует. Он был пышно разодет, как и большинство африканских мальчиков, служивших у богатых дам, ведь они были для своих хозяек не только пажами, но и кем-то вроде домашнего питомца или игрушки. Мальчик был весьма хорош собой: симметричные черты лица, большие глаза, обрамленные длинными ресницами. Но мое внимание сразу привлекла шея. Если даму сопровождал арапчонок, мода требовала, чтобы его шею украшал серебряный ошейник, служивший и напоминанием, что ребенка привезли в Англию в качестве раба, и признаком благосостояния владельца. Но этот мальчик был без ошейника. Его шея опухла и расплылась, утратив четкие очертания. Паж страдал от королевской хвори.

– Как видите, у Стивена золотуха, – продолжила леди Квинси. – Не пугайтесь, насколько мне известно, мальчик не заразен. Я нарочно взяла его с собой в Уайтхолл посмотреть, как король исцеляет недужных наложением рук, чтобы Стивен знал: он такой не один. – Взглянув на пажу, леди Квинси прибавила: – Господь даровал королю

способность исцелять, она является свидетельством, что его власть над нами имеет божественную природу.

– Как великодушно, – заметил я.

Мне тут же стало совестно, что я так стыдился собственных ожогов, полученных несколько месяцев назад. Если сравнивать мои шрамы с чудовищно раздувшейся шеей этого ребенка, мне и вовсе не на что жаловаться.

Однако в голове у меня шевельнулась циничная мысль о том, что золотуха Стивена послужила удобным поводом для встречи со мной и дала леди Квинси возможность предостеречь Кэт через меня.

– Я хотела, чтобы Стивен своими глазами увидел церемонию исцеления, – продолжила она. – Надо же было его успокоить. Как и все дикари, он суеверен. Мальчик решил, что это колдовской обряд.

Леди Квинси говорила о своем паже так, будто его в карете не было.

– Надеетесь, что господин Найт вылечит Стивена?

Леди Квинси покачала головой:

– Нет, это по силам лишь королю. Но господин Найт – главный хирург, а значит, он достаточно компетентен, чтобы выдавать свидетельства о болезни, а также билеты для страждущих, чтобы те смогли принять участие в публичной церемонии исцеления. Кроме того, я хочу больше узнать об этой болезни. – Вдруг леди Квинси нервно сглотнула и судорожно сцепила руки на коленях. – О ее симптомах и причинах.

– Но, ваша светлость, зачем вам нужно мое присутствие? Почему вы записались к врачу от моего имени? К чему такая секретность?

– Потому что я не желаю, чтобы мой интерес к золотухе стал достоянием гласности – во всяком случае, пока. Вот почему для нашей первой встречи в Банкетном доме я надела вуаль и представила дело так, будто к врачу записались вы. – Леди Квинси выдержала паузу, потом облизнула губы. – У меня на то свои причины, и, возможно, когда-нибудь я открою вам правду. Ну а пока я уверена, что могу рассчитывать на вашу деликатность.

Дом оказался большим и старым, со множеством комнат и коридоров, которые три-четыре поколения владельцев пристраивали безо всякой системы. Обстановка была весьма уютной, однако

немножко старомодной и потрепанной. На первом этаже располагалась лавка, которая в воскресенье не работала. Кузен господина Найта возил меха из России. Дела его явно процветали, однако этот человек не считал нужным демонстрировать свое благосостояние всем и каждому.

Нас провели в малую гостиную на втором этаже. Слуга предложил нам напитки, но мы ответили отказом. Господин Найт не заставил себя долго ждать. От него исходил легкий запах вина и готовящихся кушаний. Хирург долгое время жил при дворе, что сразу было заметно по его величавой манере держать себя. Хорошее воспитание не позволяло доктору выказывать нетерпение, однако я догадался, что обед вот-вот будет готов и господин Найт не желает тратить на нас слишком много времени.

Когда мы представились, я велел Стивену подойти к доктору и показать шею.

– Стало быть, это тот самый мальчик, – произнес господин Найт. – Любопытно. В первый раз вижу, чтобы от подобного недуга страдал арап. Непременно опишу этот случай.

Он жестом велел Стивену подойти ближе и стал его осматривать. Длинные ловкие пальцы хирурга ощупывали шею мальчика с удивительной осторожностью. Не поднимая вуаль, леди Квинси сидела на самом краю кресла и внимательно наблюдала за осмотром.

– У него королевский порок? – спросила она.

– Да, госпожа. Вне всяких сомнений. Болезнь прогрессирует. На данный момент отек характерного розового цвета наблюдается только на шее. Запрокинь голову, мальчик. Да, так я и думал. Твердые отеки активно разрастаются под подбородком и вокруг горла... – Найт выпрямился и повернулся к нам. – Трудностей с получением свидетельства о болезни у вас не возникнет. И, учитывая обстоятельства... – Доктор чуть поклонился, вероятно выражая таким образом почтение к королю, проявившему заинтересованность в этом деле. – Кроме того, я выпишу для вас особый пропуск на следующую публичную церемонию исцеления. А иначе, чтобы получить билет, мальчику пришлось бы явиться со свидетельством ко мне на Расселл-стрит. Бывает, что пациенты вынуждены ждать месяцами, ведь страдальцев всегда так много!

– Благодарю, сэръ, – ответил я.

– Расскажите, отчего возникает эта болезнь? – спросила госпожа Квинси. – Какова ее природа?

Господин Найт сел, откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком.

– Очень интересные вопросы. Как заметил Гиппократ, у того, кому известна природа недуга, не возникнет затруднений при выборе лучшего метода лечения. Но вынужден с прискорбием сообщить, что причины возникновения золотухи нами до конца не изучены. Чаще всего симптомом является отек, не причиняющий пациенту боли, – или, как в данном случае, несколько отеков. – Доктор Найт пощупал шею Стивена, и мальчик отпрянул. – Да, струма податливая. Та, что слева, под челюстью, в течение месяца, скорее всего, переродится в незаживающую язву.

– А в чем причина, сэр? – не успокаивалась леди Квинси.

Я снова заметил, как ее пальцы на коленях пришли в движение. Я задался вопросом, чем вызвано такое сильное волнение.

– Что ж, позвольте перечислить некоторые из них, а впрочем, речь идет не столько о причинах, сколько об условиях, могущих привести к развитию болезни. Чаще всего золотуха встречается у детей, чьи родители также обезображены этим недугом. Как жаль, что отца и мать нам чаще всего осмотреть не удастся! Бывает, что болезнь передается младенцу от кормилицы, если та страдала золотухой. Кроме того, ей подвержены люди, долгое время жившие во влажном климате. – Доктор снова ткнул Стивена пальцем в шею. – Если не ошибаюсь, в Африке высокая влажность?

Мальчик лишь молча глядел на господина Найта широко распахнутыми испуганными глазами.

Я предположил, что слово «влажность» Стивену не знакомо. Я пояснил:

– Джентльмен говорит про сырость, Стивен. Там, где ты жил до того, как тебя привезли в Англию, было много воды?

Голова мальчика дернулась, будто у пугливой лошади, столкнувшейся с незнакомым явлением. Господин Найт воспринял этот жест как знак согласия.

– Вот, пожалуйста, – объявил доктор. – Я ничуть не удивлен. Другая причина, несомненно, связана с питанием. Развитию золотухи способствуют большие количества вязкой или грубой пищи, а также

мучного и незрелых фруктов. Малоподвижный образ жизни тоже может привести к болезни. Кроме того, ее связывают с холодным или флегматичным темпераментом. – Господин Найт нахмурился. – Мальчик очень похож на флегматика. Кстати, он склонен к застою желчи?

Я пожал плечами:

– Понятия не имею.

Торопясь сгладить неловкость, Найт продолжил лекцию:

– Привести к золотухе могут и наружные повреждения, к примеру вывихи или растяжения, в отдельных случаях ее причиной становятся даже катары и лихорадки. Кроме того, вредно пить стоячую воду. А некоторые врачи полагают, что мать, часто видевшая золотушного человека, рискует передать болезнь своему ребенку.

Леди Квинси молчала. Паузу нарушил я:

– Если я вас правильно понял, сэр, все это причины, имеющие отношение к самому человеку. А существуют ли внешние обстоятельства, при которых болезнь поражает того, кто к ней предрасположен?

– Среди нас, медиков, по этому поводу много споров, сэр. Большинство из нас полагает, что фактором, напрямую вызывающим золотуху, является закупорка мелких сосудов вязкими, тягучими телесными соками. Однако есть и те, кто связывает начало болезни с уровнем кислотности крови, из-за которой та свертывается, а потом застывает.

– И каков же лучший метод лечения, сэр? – спросила леди Квинси.

Господин Найт снисходительно улыбнулся:

– Не существует ни одного надежного и действенного способа, кроме наложения рук его величества. Божьей милостью он исцелил тысячи страждущих. По моим подсчетам, руки короля коснулись не меньше тридцати тысяч его подданных. Ничего удивительного, что наши люди так обожают своего правителя и чтят Господа. Нам ниспослано благословение свыше.

– Действительно, – сухо произнесла леди Квинси. – Благодарю за консультацию. Полагаю, вам с господином Марвудом нужно обсудить деловые вопросы. А я пока подожду здесь.

Мы с господином Найтом оставили ее наедине со Стивеном. По моей просьбе доктор велел слуге пойти и сказать нашему кучеру, чтобы

тот подал карету к парадной двери. Господин Найт провел меня в маленькое помещение с окном, выходящим на улицу. Простотой обстановки оно больше напоминало контору, чем комнату в жилом доме. В углу стоял глобус. На столе лежала развернутая карта Русского царства, ее края были придавлены камешками.

Пока хирург выписывал для Стивена свидетельство о болезни и пропуск на следующую церемонию исцеления, я от нечего делать глазел в окно. В дальнем конце улицы стоял высокий, очень худой человек в длинном коричневом камзоле. Одет просто – должно быть, мелкий торговец. Но мое внимание привлекла шпага у него на поясе. Это оружие носят либо знатные люди, либо головорезы из подворотен Эльзаса, однако незнакомец мало походил как на разбойника, так и на дворянина.

Мужчина вскинул голову и посмотрел на окна дома. Может, он и заметил меня, хотя сквозь стеклянные ромбы он вряд ли разглядел что-то, кроме искаженного силуэта. Затем этот человек прогулочным шагом направился прочь. Тут доктор Найт обратился ко мне, и я на некоторое время забыл про незнакомца.

– Вот, пожалуйста, сэр. Ближайшая церемония, скорее всего, пройдет в Банкетном доме – конечно, при условии, что его величество не переедет в Виндзор. Если йомен у двери не захочет вас пропустить, вам стоит лишь назвать мое имя.

Я поблагодарил доктора Найта и расплатился с ним. С большими церемониями он проводил нас до двери и помог леди Квинси сесть в экипаж, где ее уже ждала горничная. Мы со Стивеном тоже заняли свои места.

Почти в полной темноте, с задернутой кожаной шторкой, мы, подпрыгивая на мостовой, катили в сторону ворот Бишопсгейт. Благоухание духов леди Квинси быстро заполнило тесное пространство.

– Благодарю за помощь, сэр, – произнесла она. – Уверена, вы никому не расскажете о нашем визите к доктору.

– Даю слово, мадам.

Интересно, пригласит ли она меня в свой дом в Колыбельном переулке? Может быть, леди Квинси даже предложит мне выпить?

– Не стану больше отнимать у вас время. Высажу вас у стены.

– Разумеется, – ответил я, мысленно сказав себе: «Чем меньше я общаюсь с этой дамой, тем лучше». – Весьма любезно с вашей стороны.

Глава 9

В понедельник утром дождь полил снова, но на этот раз с удвоенной силой. Я стоял у окна Тихой галереи и глядел вниз, в Собственный сад. Живые изгороди и статуи выглядели замызганными, а на посыпанных гравием дорожках появились глубокие лужи. Я заметил всего двух-трех прохожих, да и те спешили. Сад они использовали лишь для того, чтобы срезать путь.

Галерея располагалась на втором этаже и тянулась от сада до реки. Впервые побывав в Уайтхолле, я впал в отчаяние, боясь, что мне суждено вечно плутать по этому беспорядочному запутанному лабиринту из всевозможных строений. Однако со временем я понял, что планировка не лишена определенной логики. В центре находятся королевские покои, принадлежащие королю и королеве, – в одни допускают посетителей, другие предназначены для личного пользования монарших особ. От них под прямым углом друг к другу тянутся два длинных ряда комнат, а между ними разбит Собственный сад. Если идти по старому саду в западном направлении, выйдешь к Банкетному дому и воротам Холбейн. Здесь много служебных помещений и правительственных кабинетов, в том числе зал заседаний совета и кабинеты лорда Арлингтона. Каменная галерея, расположенная под Тихой, идет на юг, в сторону Вестминстера. Вдоль нее немало апартаментов придворных фаворитов. В дальнем конце находятся покои герцога Йоркского.

В это дождливое утро в галерее толпились придворные, чиновники и посетители. Джентльмены прохаживались взад-вперед, шепотом переговариваясь. То и дело раздавались приглушенные смешки. Галерея была излюбленным местом для прогулок, сюда ходили, чтобы и на других посмотреть, и себя показать. Особенно многолюдно здесь становилось в плохую погоду. Еще одним преимуществом галереи была возможность напрямую попасть во многие личные апартаменты.

Сегодня в галерее царил атмосфера сдерживаемого возбуждения. Ходили слухи, что герцог Бекингем, один из злейших врагов лорда Кларендона, вчера был восстановлен во всех своих многочисленных должностях, а значит, ему удалось вернуть расположение короля. Простые люди видели в Бекингеме своего героя, и он пользовался

широкой поддержкой парламента. Воспитанный в королевской семье, Бекингом с детских лет был другом его величества, к тому же он владел баснословным состоянием. Однако до недавнего времени Бекингема держали в Тауэре: его враги утверждали, будто он заплатил астрологу, чтобы тот составил гороскоп короля, а это считается разновидностью государственной измены: ведь предсказание будущего монарха неизбежно подразумевает вопрос о его возможной смерти.

Я снова ждал господина Чиффинча. Сегодня утром он прислал записку в Скотленд-Ярд, велел мне явиться к нему по делу короны. Господин Уильямсон нехотя отпустил меня, ворча себе под нос, что «Газетт» сама себя не издаст. Во время ожидания я невольно вспоминал о Кэт Ловетт и леди Квинси. Мысли были не из приятных: своей унылостью они могли бы сравниться с погодой за окном.

Вдруг у входа в личные покои короля возникло оживление. Двери распахнулись. Стражники выпрямились, толпа притихла. Герцог Йоркский, брат короля, вышел в галерею в сопровождении двух своих советников.

Не обращая внимания на поклоны придворных, склонявшихся перед ним, будто колосья на ветру, герцог прошествовал к собственным покоем. Это был видный мужчина, однако сегодня его раскрасневшееся лицо искажала гримаса гнева. Стоило герцогу покинуть галерею, и джентльмены снова принялись шептаться, на этот раз с бóльшим азартом.

Я отошел от окна и стал разглядывать висевший на стене женский портрет. Дама была одета в украшенное богатой вышивкой шелковое черное платье с пышными рукавами, на шее у нее висела золотая цепочка. Незнакомка глядела мимо меня, поверх моего правого плеча, и только ей одной было известно, на что она смотрит. Вышивка на платье напоминала переплетающихся змей. За спиной у дамы в ее комнату заглядывала группа женщин.

Прошло минут десять-пятнадцать, прежде чем двери королевских покоев открылись снова. На этот раз из них вышел Чиффинч, порозовевший, будто досыта накормленный младенец. По пути он кивал и улыбался всем, с кем считал нужным поддерживать отношения. Однако Чиффинч ни разу не остановился. Он сразу направился ко мне.

– Любопытно, что вы предпочли именно ее, – произнес Чиффинч, глядя мимо меня на картину.

– Не понимаю, о чем вы, сэр.

– О даме, которую вы разглядывали. Эта вдова в черном платье чем-то похожа на леди Квинси, не находите?

Я пожал плечами:

– Возможно, небольшое сходство есть, сэр. Но, по-моему, ее светлость не такая бледная.

Упоминание о леди Квинси смутило меня. Чиффинч обладал выдающейся способностью подмечать человеческие слабости. Неужели он почувствовал мой интерес к этой особе?

– И губы тоньше, чем у ее светлости, – прибавил Чиффинч, поджав собственные губы.

– Кто это?

– Не имею представления. Видимо, какая-нибудь давно почившая итальянская принцесса. Голландцы преподнесли королю эту картину в честь Реставрации. – Чиффинч отвернулся от портрета. – Следуйте за мной. – Мы прошли по Тихой галерее и оказались в каморке рядом с королевской лабораторией, окна которой выходили в сад.

– Закройте дверь, – приказал Чиффинч. – И сядьте.

Он указал на стул возле маленького столика под окном. Сам Чиффинч расположился напротив меня и подался вперед, отчего мы оказались лицом к лицу.

– У меня для вас поручение, Марвуд. Помните Эдварда Олдерли? – (Я так удивился, что ненадолго утратил дар речи.) – Олдерли, – с раздражением повторил Чиффинч. – Только не говорите, что вы про него уже забыли! Вспомните ту историю со вторым супругом леди Квинси, в которой вы участвовали после Пожара. Эдвард Олдерли – сын этого человека от первой жены. Он раньше частенько бывал при дворе.

– Да, сэр. Конечно же я его помню.

– Он мертв. – Чиффинч помолчал, теребя бородавку на подбородке. – Вряд ли кто-то будет по нему сильно убиваться.

Мое потрясение быстро сменилось облегчением. Какой счастливый поворот в судьбе Кэт!

– От чего он умер?

– Утонул. Но для нас важнее даже не сам факт его гибели, а место, где нашли тело. – Чиффинч оставил в покое бородавку, чтобы

постучать указательным пальцем по столу. – В колодце лорда Кларендона.

Я начал понимать, отчего герцог Йоркский пришел в такую ярость. Лорд Кларендон – тесть герцога.

– Прямо в доме у его светлости?

– В саду. Впрочем, это одно и то же. Но учтите, дело конфиденциальное. Хоть словом о нем обмолвитесь – пожалеете. Вы меня поняли?

– Да, сэр, но... Вы уверены, что мне по силам такое деликатное поручение?

– Уж поверьте, будь моя воля, этим вопросом занимались бы не вы. Но таков приказ короля. Полагаю, его величество остановил выбор на вас, потому что вы немного знакомы с этим человеком и его семейством.

Выходит, нечего и надеяться переложить это поручение на кого-то другого.

– Что прикажете? – спросил я.

– Отправляйтесь в Кларендон-хаус и подробно разузнайте, при каких обстоятельствах погиб Олдерли. Тело сейчас хранится под замком. Лорду Кларендону, разумеется, известно о случившемся, и его секретарю, господину Милкоту, тоже. Сегодня утром тело Олдерли обнаружил слуга, но с него взяли слово хранить молчание. Мы пока не хотим, чтобы новость стала достоянием гласности. Сначала нужно разобраться, что именно произошло. Это очень важно.

– Гибель Олдерли случайна, сэр?

Чиффинч всплеснул руками:

– Откуда, во имя всего святого, я могу знать? Это предстоит выяснить вам. Доложите мне о результатах как можно скорее.

– Господин Уильямсон...

– На него мне глубоко плевать. Но я прослежу, чтобы ему сообщили, что вы исполняете поручение короля. Едва ли он будет возражать. – Чиффинч с благочестивым видом возвел очи к небу. – Король – первый после Господа, и наш долг – служить ему. Надеюсь, что выражаю общее мнение.

Я машинально кивнул. Чем больше я размышлял об этой ситуации, тем больше она меня настораживала. Я достаточно долго прослужил в

Уайтхолле, чтобы понять: когда сильные мира сего вступают в противоборство, страдают мелкие сошки.

Чиффинч достал из кармана бумагу.

– Вот письмо с подписью короля, удостоверяющее ваши полномочия. – Чиффинч держал документ в руке, но не спешил отдавать его мне. – Помните. Лорд Кларендон больше не лорд-канцлер, но у него по-прежнему много друзей, желающих, чтобы он вернул расположение короля. И один из них – герцог Йоркский. – Чиффинч выдержал паузу, дав мне время вспомнить о том, что герцог Йоркский – предполагаемый наследник короля, а его дочери – внучки Кларендона – следующие претендентки на престол. – Поэтому умоляю вас, Марвуд, будьте осторожны. Если предстанете перед его светлостью собственной персоной, постарайтесь не вызвать его гнев. В последнее время ему приходится нелегко. Учитывайте, что не прошло и месяца с того дня, как он похоронил супругу.

С этим предупреждением Чиффинч отослал меня прочь. Исполненный дурных предчувствий, я прошел через покои, доступные для посетителей, пересек караульное помещение и вышел на Пибл-корт. Дождь за это время еще усилился.

Мне было приказано отправиться в Кларендон-хаус незамедлительно, но по дороге я должен был зайти в редакцию «Газетт» в Скотленд-Ярде, чтобы забрать свой плащ и письменные принадлежности. Там у меня возник соблазн написать коротенькую записку для Кэт и отправить ее на имя господина Хэксби, чтобы тайком предупредить девушку о гибели кузена. Но я побоялся нарушить запрет господина Чиффинча, не располагая полными сведениями о случившемся.

Кроме того...

Эта мысль настигла меня посреди двора, и я застыл, словно громом пораженный. Дождь капал с полей моей шляпы.

Как же я сразу не сообразил? Меньше двух дней назад я сообщил Кэтрин Ловетт, что кузен напал на ее след. В ответ девушка рассказала мне, что Эдвард Олдерли взял ее силой, когда она жила в доме у дяди, и сообщила о своем намерении убить его за это.

Услышь я нечто подобное от другого человека, решил бы, что это всего лишь красочная фигура речи, способ выразить ненависть. Но Кэт – случай особый. Эта девушка привыкла и говорить, и действовать

напрямик, и в силе духа ей не откажешь. Я своими глазами видел, на что она способна. И вот теперь Эдвард Олдерли мертв.

Как ни ужасно это звучало, я не мог исключить, что Кэт каким-то образом расправилась с кузеном. И, что еще страшнее, к расправе над Эдвардом Олдерли приложил руку я, предупредив убийцу, что кузен нашел ее.

Глава 10

Эта улица носила официальное название Португал-стрит в честь нашей королевы Екатерины Браганской, но все упорно продолжали называть ее Пикадилли. Дорогу к западу от Гайд-парка, ведущую к Редингу, проложили давно. Много лет назад частью здешних земель владел человек, разбогатевший на изготовлении широких старинных кружевных воротников с зубчатыми краями, называемых пикадилли, и постепенно так же начали называть и саму дорогу. В последнее время поместья богачей вырастали среди полей, будто гигантские грибы. Самое обширное из них – Кларендон-хаус.

Передо мной предстало огромное строение из грубого камня, способного выдерживать любые удары стихии. Его окружали высокие стены и ограды. Кларендон-хаус выходил на Пикадилли, спускаясь с холма на юг, к Сент-Джеймскому дворцу, казавшемуся маленьким и даже довольно обшарпанным на фоне великолепного нового соседа. Я слышал, как господин Уильямсон говорил, что король недоволен: дом подданного не должен затмевать дворцы его величества.

Большинство лондонцев разделяли нелюбовь короля к этому поместью. Пока лорд Кларендон наслаждался роскошью в своей новой резиденции, тысячи из них лишились домов во время Пожара. Люди прозвали поместье Дюнкерк-хаус: говорили, что бывший канцлер нашел способ присвоить львиную долю государственной прибыли от продажи этого города, в свое время завоеванного Кромвелем, французскому королю.

Была середина дня, однако главные ворота были заперты. Столбы ворот местами почернели. Во время беспорядков в июне толпа разводила здесь костры и сожгла деревья, росшие вдоль улицы снаружи. Будь у них воля, они спалили бы и сам дом.

Толпа винила лорда Кларендона во всех своих бедах, прошлых и нынешних, и даже в том, что королева так и не смогла подарить королю наследника. Смутьяны полагали, что Кларендон нарочно отыскал для монарха бесплодную жену, чтобы его собственные внуки, дети герцога Йоркского, в один прекрасный день взошли на престол. На Кларендона возлагали ответственность за сокрушительное поражение, нанесенное нам голландским флотом в битве при Медуэе. Его обвиняли во всем.

Если верить общественному мнению, для лорда Кларендона не существовало ни слишком крупных хищений, ни слишком мелких. Поговаривали даже, что он присвоил камень, предназначенный для восстановления собора Святого Павла после Пожара, и выстроил из него свое поместье.

Дом был погружен в траур – разумеется, не из-за Олдерли, а из-за леди Кларендон. На воротах висела мемориальная доска с изображением ее герба. Двое слуг, оба вооруженные, дежурили за воротами под временным навесом. Я предъявил рекомендательное письмо и попросил отвести меня к господину Милкоту. Упоминания его имени оказалось достаточно, чтобы меня пропустили во двор. Один из слуг провел меня к боковой двери в западной части дома, а потом мы с ним вошли в приемную, задрапированную черной тканью. Помещение было так велико, что там целиком поместился бы мой дом в Инфермари-клоуз, от кухни до чердака. Меня оставили ждать под недоверчивым взглядом лакея, а другой слуга отправился на поиски господина Милкота.

Сначала я услышал быстрые шаги, а потом в дверях, ведущих к лестнице, показался секретарь лорда Кларендона.

– Добрый день, господин Марвуд. К вашим услугам, сэр.

Мы обменялись поклонами. Это был высокий джентльмен лет тридцати, неброско одетый и в светлом парике, который, судя по цвету лица господина Милкота, оттенком ненамного отличался от его собственных волос. Секретарь тоже был в трауре.

– Надеюсь, слуги не заставили вас долго ждать. К сожалению, сейчас мы не имеем возможности принимать гостей так, как желал бы его светлость. – Уголки рта господина Милкота опустились вниз. – Вы же понимаете, в свете недавних событий...

Я кивнул. Мне сразу пришлась по душе открытость Милкота, причем это качество сочеталось у него с деликатностью и тонким чутьем, что уместно, а что нет.

Я тихо произнес:

– Я здесь по поручению короля.

Милкот взглянул на дежуривших в приемной слуг, взял меня под руку и отвел в сторону.

– Не считите за грубость, но лучше нам побеседовать на улице. – Он поднял взгляд на серое небо. – Ну хоть одна радость – дождь

наконец унялся.

Мы зашагали по выложенной каменными плитами дорожке. Перед нами вздымалось отличавшееся безупречной симметрией и аскетичностью боковое крыло здания, загораживавшее почти весь свет. Мы остановились у калитки из кованого железа, Милкот отпер ее, и мы прошли в разбитый за домом сад.

– Осмелюсь предположить, что вы пришли в связи с нашей... находкой? – уточнил Милкот.

– Да, сэр.

– У его светлости много дел, – продолжил Милкот. Если он заметил шрамы от ожогов на моем лице и шее, то, будучи хорошо воспитанным человеком, не подал виду. – Вероятно, сегодня лорд Кларендон не сможет с вами встретиться.

– Ему известно, что я здесь?

– Да. Герцог предупредил, что к нам придут.

Мы остановились на углу дома. Отсюда весь сад был виден как на ладони. Размахом он ничуть не уступал дому – акров пять-шесть, не меньше, и со всех сторон его окружали высокие стены. Дорожки уже проложили, а вдоль них высадили множество кустарников. Однако сразу бросалось в глаза, что работы по благоустройству еще не закончены: некоторые участки были затянуты линиями, неоднократно залатанной парусиной, дорожки покрыты жидкой грязью и изрыты колдобинами. Несмотря на плохую погоду, целые отряды садовников трудились вовсю. У дальней стены стояли два недостроенных павильона. У одного отсутствовала крыша. Зазор между ними загородили массивным деревянным забором.

– Когда завершатся работы, этот сад будет прекраснейшим в Лондоне, – объявил Милкот. – Проект мистера Ивлина. Жаль, что этот... неприятный инцидент произошел именно здесь.

– Где именно?

Милкот указал на павильон слева – тот, что без крыши.

– Желаете сразу пойти туда?

Милкот направился к дорожке, идущей параллельно боковой стене. На полпути он остановился и велел садовнику держаться подальше от этой части сада и передать то же самое другим слугам. Я оглянулся на фасад дома. На юго-западном углу в окне второго этажа я разглядел

размытое белое пятно. Кто-то наблюдал за нами. Из-за стекла лицо искажалось и выглядело призрачным. Мы пошли дальше.

– Строителей я отослал, – произнес Милкот.

– Они прибыли после того, как обнаружили тело?

– Да. Они могли бы поработать в другом павильоне, но я рассудил: чем меньше посторонних людей вокруг, тем проще нам будет разобраться с этим делом.

– И много народу о нем знает?

– Кроме меня, только слуга, нашедший тело, по имени Мэтью Горс, и, разумеется, сам лорд Кларендон.

– Но остальным домочадцам наверняка любопытно, что стряслось.

– Я объявил, что на крыше работать опасно и пока не привезут новую черепицу, туда лучше не ходить. – Милкот нахмурился. – А еще я отправил записку, чтобы строителей на сегодня освободили от работы. Но долго держать всех в неведении не получится.

Павильон состоял из двух этажей и подвала, сверху по краям тянулась балюстрада. Хотя стена, обращенная в сторону сада, была из того же камня, что и особняк, боковую стену сложили из крошащихся красно-коричневых кирпичей, смотревшихся здесь весьма неуместно. У земли я заметил маленькое двойное окно в каменной раме, зарешеченное стальными прутьями.

Поднявшись по низкому крыльцу, Милкот отпер двойные двери. Я обернулся, высматривая лицо в окне.

– Нас кто-нибудь видит? – спросил Милкот.

– Кажется, из дома за нами кто-то наблюдал.

На секунду во взгляде Милкота мелькнула тревога, но он тут же взял себя в руки.

– Вы заметили человека? В каком окне?

– В крайнем правом, на втором этаже.

– Там личные покои его светлости. – Милкот улыбнулся и добродушно прибавил: – Лорд Кларендон, может, и стар, но он следит за всем, что происходит вокруг.

Милкот распахнул дверную створку ровно настолько, чтобы мы могли пройти внутрь. Я очутился в комнате с кирпичными стенами, на которых до сих пор уцелели островки старой штукатурки. Свет проникал внутрь через два высоких окна, одно смотрело на дом, а второе, в соседней стене, – на другой павильон в противоположном

углу сада. На каменных плитах пола время оставило свой след в виде неровностей и пятен. В углу высилась гора досок и только что обтесанного камня. В воздухе ощущался пронизывающий холод.

– Тело внизу, на кухне, – пояснил Милкот, закрывая за нами дверь и задвигая засов. – Прошу за мной.

В стене слева обнаружилась дверь, ведущая в переднюю. Я обратил внимание на лестницу с истертыми ступенями и посмотрел вверх.

– Куда ведет эта лестница?

– В хозяйские покои. А оттуда – на смотровую площадку.

Следом за Милкотом я спустился в подвал. Он оказался того же размера, что и верхнее помещение, однако гораздо сумрачнее: два зарешеченных оконца были совсем малы и располагались под самым потолком. На кухне стоял большой очаг, а рядом с ним – две печи. Мебель отсутствовала, если не считать деревянной конструкции в углу, рядом с которой лежала гора шестов, предназначенных для возведения лесов. Непонятное сооружение почти упиралось в цилиндрический свод.

– Тело здесь, – произнес Милкот, указывая на пол перед пустым очагом.

На кирпичном островке лежала фигура, которую издали можно было принять за огромную кабанью гончую, греющуюся у огня. Тело накрыли лошадиной попоной.

Я шагнул к нему, но тут Милкот взял меня за локоть:

– Осторожно. Рядом колодец.

Впереди, примерно в футах от деревянного сооружения, я разглядел в полу деревянный диск около пяти-шести футов в диаметре. Крышка колодца была встроена в пол так, что я не сразу ее заметил.

– Я бы не советовал на нее вставать, – заметил Милкот. – На всякий случай.

Обойдя колодец, я присел на корточки возле трупа и откинул попону. Меня замутило. За прошедшие несколько лет мертвые тела мне приходилось видеть даже слишком часто. Во время чумы их сваливали прямо на улицах. Но я так и не привык к этому зрелищу.

Не оставалось никаких сомнений – передо мной Эдвард Олдерли. Его единственный глаз глядел на меня. Лицо приобрело серый оттенок. Со времени нашей последней встречи его черты стали грубее. В

открытом рту виднелись почерневшие зубы. Олдерли лишился парика, его голую макушку покрывала щетина. На коже я заметил капельки воды.

Я потянул попону к себе, открывая тело до пояса, затем до колен. На полу рядом с телом лежала вынутая из ножен шпага. Острие сверкнуло в свете фонаря. Почерневшие от пребывания в воде кожаные ножны, свисавшие с пояса на двух тонких цепочках, запутались в ногах.

Как это часто бывает, смерть придала ему нелепый вид. Нахмурившись, я дотронулся до воротника Олдерли, потом до камзола.

– Он весь мокрый.

– Разве вам не сказали? – удивился Милкот. – Бедолага упал в колодец и утонул.

Я покосился на крышку.

– Как же он умудрился? Колодец закрыт.

– Утром он был открыт. Кто-то прислонил крышку к стене.

– Когда ее убрали?

– Работы закончились в субботу вечером. Видимо, крышку подняли после их окончания и до прихода слуги, который отпер дверь павильона. Это было рано утром.

– Возможно, этот человек в субботу зашел в павильон по какому-то делу, а строители, уходя, случайно его заперли, – предположил я.

– Может быть, но вряд ли, – пожал плечами Милкот. – Землемер, под руководством которого они трудятся, очень здравомыслящий, добросовестный человек. В субботу он был здесь, я видел его своими глазами. – Милкот запнулся. – Между нами говоря, пока не известно, возобновят работы или нет. Господин Хэксби весьма обеспокоен, да и немудрено: он ведь уже нанял строителей.

Я вздрогнул.

– Вы сказали Хэксби?

– Да. Это наш главный архитектор. Опытный человек с блестящими рекомендациями. – Милкот с любопытством взглянул на меня, и я понял, что не смог скрыть потрясения. – Я, конечно же, побеседую с ним, но даже не сомневаюсь, что перед уходом господин Хэксби убедился, что колодец закрыт и в павильоне нет ничего, представляющего опасность. У него есть свой ключ.

– Да, – произнес я. – Или я поговорю с ним сам. – Я попытался скрыть смятение, направив разговор в другое русло. – Кто узнал в утопленнике Олдерли?

– Я. С этим джентльменом меня связывало шапочное знакомство, к тому же он несколько раз посещал Кларендон-хаус. – Милкот помедлил. – Но я даже не подозревал, что он здесь. Ума не приложу, как Эдвард Олдерли оказался в павильоне.

Я собирался поподробнее расспросить о знакомстве Милкота с Олдерли, как вдруг у нас над головами раздался громкий стук. Мы принялись испуганно оглядываться, будто застигнутые на месте преступления. Звук отражался от стен, и гулкое эхо заполнило пустое пространство кухни.

Милкот вполголоса выругался. Он кинулся вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступени. Я поспешил за ним. Милкот отпер дверь. Через щелку я заметил слугу.

– Господин Милкот, его светлость ждет вас у себя в покоях. А с ним – еще один джентльмен.

Старик сидел у окна, кутаясь в стеганый халат. Перебинтованные ноги покоились на мягкой скамеечке. По пути вверх Милкот объяснил, что Кларендон страдает от подагры, и мучения его так велики, что ступени лестниц в особняке сделали почти плоскими, чтобы хозяину было как можно проще по ним подниматься.

В камине всюду пылал огонь, и в комнате царила удушающая жара. После великолепия парадной лестницы и внешних покоев я не ожидал, что кабинет его светлости окажется столь мал. Однако комната так и пестрела яркими красками. Чего здесь только не было: картины, скульптуры, ковры, фарфор, всевозможные диковинки и книги, очень много книг повсюду.

Королевский ордер лежал у Кларендона на коленях. Он настоял на том, чтобы изучить документ самолично, и даже поднес его к лившемуся из окна свету, будто сама бумага, на которой он написан, хранила какие-то секреты.

– Марвуд, – произнес лорд Кларендон. На вид он казался ровесником века, однако его голос звучал четко и твердо. – Кажется, в Лондоне работал печатник с такой фамилией? Насколько мне известно, ныне покойный.

– Да, милорд. Это мой отец.

О памяти Кларендона ходили легенды – так же, как и о его внимании к деталям. Его маленькие глазки окинули меня изучающим взглядом, но, к моему облегчению, развивать тему он не стал.

– Вы ведь служите в Уайтхолле?

– Я секретарь господина Уильямсона, работаю в «Газетт».

– Вы из «Газетт»? – Взгляд лорда Кларендона стал подозрительным. – Стало быть, вездесущий лорд Арлингтон и в это дело влез?

– Нет, милорд.

Рядом со мной послышался скрип: Милкот переступал с ноги на ногу.

– К вам обратился король? Или герцог?

– Нет, ордер мне выдал господин Чиффинч, и он же направил меня сюда.

Лорд Кларендон фыркнул:

– И часто ли Чиффинч дает вам поручения?

– Иногда... Я ведь еще служу секретарем в Совете красного сукна, где состоит господин Чиффинч.

– Нам прекрасно известно, что это значит, – язвительным тоном заметил Кларендон. – За государственное жалованье члены Совета и пальцем не шевельнут. Королю они служат, скажем так, менее официальным образом. Равно как и их секретари. – Лорд Кларендон поглядел на Милкота. – Ну что ж, Джордж. Мы, разумеется, должны помогать властям, то есть оказывать господину Марвуду всяческое содействие, насколько это в наших силах. Так Олдерли убит?

Милкот пожал плечами:

– Тело мы еще не осматривали, милорд, но трудно представить, чтобы он упал в колодец сам. Если в павильоне было темно, он, конечно, мог оступиться. Но как он вообще там оказался?

– Вы ведь его знаете? Как вы с ним повстречались? – Кларендон выдержал паузу и поглядел на Милкота.

У меня возникло ощущение, будто этим взглядом хозяин желал что-то сказать своему секретарю.

Милкот кашлянул:

– Я был немного знаком с ним несколько лет назад, милорд, когда дела Олдерли процветали.

– Вы имели в виду, до краха его отца. Свет не видывал такого коварного плута!

– Каков бы ни был его отец, тогда Эдвард Олдерли отнесся ко мне по-доброму. – Милкот снова прокашлялся. – Когда я встретил его несколько месяцев назад, его положение, увы, изменилось не в лучшую сторону. Кажется, Олдерли пытался приумножить то небольшое, что осталось от его состояния, за карточным столом.

– Игроки – самые большие глупцы из всех представителей рода человеческого. – В тоне Кларендона прозвучали резкие нотки.

– Олдерли хотел взяться за ум. Он стремился поправить дела менее рискованными методами и обратился за помощью ко мне.

– И вы, как последний простофиля, одолжили ему денег?

– Да, милорд, немного. Ровно столько, чтобы он вернул самые срочные долги.

– Вы чересчур мягкосердечны, Джордж. Этих денег вам не видать как своих ушей.

«Милкот не просто мягкосердечен, – отметил я. – Этот человек до такой степени наивен, что поверил проходимцу вроде Эдварда Олдерли».

– Олдерли сказал мне, что хочет стать уважаемым человеком и поступить на службу, – продолжил Милкот. – Я обещал помочь ему найти место. Я бы обратился к вам, но я понимал, что вы даже слышать о нем не захотите.

– Значит, вы не совсем уж безнадежный олух. – Кларендон не улыбался, однако его голос звучал теплее. – И как же Олдерли попал сюда? Что он делал в павильоне?

– Не знаю.

– Милорд. – Я начал терять терпение. – Мне сказали, что единственный человек, кроме нас, кому известно о гибели Олдерли, – тот самый слуга, который сегодня утром отпер павильон и нашел тело.

Кларендон строго поглядел на меня. Он не жаловал тех, кто заговаривал с ним прежде, чем он сам к ним обращался.

– Для начала обсудим главные вопросы. Обещаете ли вы, что будете хранить эту историю в секрете? В такое сложное время я не могу позволить себе быть замешанным в скандале.

– Да, милорд.

– Если поползут слухи, я буду точно знать, кто виноват. – Лорд Кларендон не сводил с меня глаз. – Вам не нужен такой враг, как я.

Я решил, что не позволю ему меня запугать. У меня есть ордер от самого короля.

– Разрешите побеседовать с тем самым слугой.

– Разумеется. – Кларендон взглянул на Милкота. – Кто нашел тело?

– Горс, милорд.

– Не знаю такого. Велите, чтобы этого человека привели ко мне.

– К сожалению, его сейчас нет, – ответил Милкот и вполголоса прибавил, будто напоминая лорду Кларендону: – Траурные кольца.

– Возможно, вам известно, что месяц назад скончалась моя жена, – произнес Кларендон ровным, абсолютно бесстрастным тоном.

– Сегодня Горс раздает траурные кольца в память о ее светлости, – объяснил мне Милкот. – В основном ее бывшим протеже и знакомым. Ему предстоит объехать весь город. Думаю, раньше обеда его ждать не стоит. Точнее сказать не могу.

– Вы уверены, что этот Горс – надежный человек? – уточнил Кларендон.

– Полагаю, что да, милорд. Я знал его, когда он еще служил на прежнем месте. Это я рекомендовал Горса нашему мажордому.

– Хотелось бы разрешить эту загадку, – проговорил лорд Кларендон, по-прежнему не сводя с меня глаз. – Вы меня понимаете? И ради короля, и ради моего личного блага. В моем доме можете проводить любые изыскания, какие сочтете нужным, однако только в сопровождении Милкота – и внутри, и снаружи.

Я кивнул:

– Как вам будет угодно, милорд.

– Моя покойная супруга любила этот павильон, – уже мягче прибавил лорд Кларендон. – В прежние времена там располагался банкетный зал, с которым у нее были связаны теплые воспоминания о юности. Я хотел снести павильон и выстроить на его месте новый, в том же стиле, что и особняк. Но жена умоляла меня не трогать павильон, и в конце концов я согласился его сохранить – во всяком случае, частично. Однако я настоял на том, чтобы павильон реконструировали: он ведь должен сочетаться с домом и садом. – Лорд Кларендон выдержал паузу, пристально глядя на меня. – Вы женаты, господин Марвуд?

Я покачал головой.

– Нет? Если когда-нибудь вступите в брак, то сами убедитесь, что семейная жизнь требует постоянных компромиссов.

Лорд Кларендон умолк, повернул голову и устремил взгляд в окно.

– Тело Олдерли обнаружили в колодце, милорд, – заметил я. – Он был частью старого здания?

– Да. – Лорд Кларендон снова повернулся ко мне. Отчего-то его глаза заблестели ярче. – Леди Кларендон питала особую слабость к здешней воде. Говорила, что даже в самый жаркий день она остается студеной, а ключ, питающий наш колодец, отличается исключительной чистотой. – Тон лорда Кларендона изменился, и я, сам не зная как, понял, что он взбешен. – Труп отравил колодец моей жены, Марвуд. Загрязнил чистый ключ. Передайте королю, что ради моей супруги я хочу избавиться от этой скверны.

Глава 11

И вот пришло время для худшей из моих обязанностей. Этого момента я боялся с самого начала. Мы с Милкотом вернулись в павильон, чтобы внимательно осмотреть тело. Я как мог откладывал эту малоприятную работу. Для начала я остановился у калитки в дальней стене сада. Она была частью временного частотола, установленного на месте, где позже будут садовые ворота. Калитка оказалась заперта на замок и на засов. Милкот сказал, что ею почти не пользуются, садовники и строители ходят здесь лишь изредка.

Затем я поднялся на второй этаж, чтобы осмотреть главный зал павильона. Здесь работы продвинулись дальше, чем внизу. Застекленные окна оказались заперты. Вверху лестницы я заметил дверь, ведущую на смотровую площадку. Она тоже была заперта на замок и засов.

Наконец стало ясно, что нельзя и дальше откладывать неизбежное. В подвале мы с Милкотом сняли с Эдварда Олдерли верхнюю одежду. Даже вдвоем ворочать труп оказалось непросто. Олдерли был крупным мужчиной, отличавшимся избыточной полнотой, а с тех пор как я видел его в последний раз, он раздался вширь еще больше.

После событий прошедшего года доскональный осмотр трупов и близкое соприкосновение со смертью и ее последствиями должны были даваться мне легче. Но привычка еще не помогла мне зачерстветь и побороть брезгливость. Возможно, этого не произойдет никогда.

– Как Горс догадался, что в колодце человек? – спросил я, когда мы вытаскивали руки Олдерли из рукавов.

– Крышка была убрана, – ответил Милкот. – А еще Горс споткнулся о шляпу Олдерли – она валялась на полу. Тогда он и сообразил заглянуть в колодец.

– Что ваш слуга делал в павильоне в столь ранний час? Он всегда приходит сюда в это время?

– Нет. Однако с утра должны были привезти известь, а господин Хэксби не мог прийти так рано. Я поручил Горсу принять доставку. Он вошел со стороны сада, отпер дверь и спустился в подвал, чтобы открыть окна. В павильоне сыро, и мы следим, чтобы помещение

регулярно проветривалось. Внизу было еще темно, и Горс нес в руке фонарь.

Ноги трупа упали на каменный пол, и из утробы с длинным, протяжным звуком вырвались газы.

– Боже правый! – произнес Милкот. – Ну и работа! Неужели к подобным вещам можно привыкнуть?

– По всей вероятности, нет, – сердито бросил я.

Он что же, полагает, будто я с утра до вечера покойников ворочаю?

Я отметил, что стадия окоченения, через которую проходят все трупы, еще не наступила. Возможно, ее отсрочило пребывание в студеной колодезной воде. Если бы мы умели точно измерять временные этапы разложения, мы смогли бы определить, когда утонул Олдерли, – во всяком случае, приблизительно. Однако единственное, что нам известно: он утонул после того, как в субботу вечером Хэксби ушел вместе со строителями и запер павильон, и до того, как сегодня утром Мэтью Горс пришел отпереть павильон, чтобы туда занесли известь.

Я отогнал неприятную мысль о том, что есть и другой вариант: в субботу Кэт пришла сюда вместе с Хэксби, и Олдерли утонул прежде, чем они отправились домой.

Сапоги с трупа нам удалось снять только вдвоем: кожа набухла от воды. Даже тяжелый физический труд не помог мне согреться. Казалось, в подвале становилось все холоднее и холоднее. От колодезной воды стыли руки, вся моя одежда была забрызгана.

– У кого есть ключ? – выговорил я, отдуваясь, когда мы наконец обнажили ступни с нестриженными ногтями, напоминавшими бледные когти.

Милкот зашвырнул сапог в угол.

– У господина Хэксби. У меня – я распоряжаюсь всеми ключами в хозяйстве. У его светлости, но он им не пользуется, он лежит под замком в его кабинете. И у мажордома – Горс наверняка взял ключ именно у него.

– А ключи от дома и сада?

– Они спрятаны за семью замками. После беспорядков вокруг дома мы соблюдаем предельную осторожность. Ночью по саду бродят мастифы, а сторожа каждый час устраивают обход. В доме глаз не смыкают два лакея, а в переднем дворе всю ночь горят фонари.

– Тогда как же Олдерли проник в павильон? – спросил я.

Милкот пожал плечами:

– Для меня это загадка. Хотя, может быть, он пришел днем, когда здесь трудились строители. А когда они запирали павильон, Олдерли был уже мертв.

Милкот рассуждал в том же направлении, что и я, и мои мысли снова обратились к Хэксби и Кэт. Повернувшись к Олдерли, я расстегнул ремень у него на животе. Стянуть с трупа бриджи оказалось почти так же трудно, как и сапоги.

Смерть придает человеку не только нелепый, но и жалкий вид. Когда мы раздели Олдерли до рубашки, он будто съежился и стал казаться уязвимым, точно малое дитя. Милкот поднял фонарь, и я постарался как можно более добросовестно осмотреть тело. На предплечьях и плечах я заметил царапины, да и на пальцах была содрана кожа. Вот они, мрачные свидетельства того, что утопающий барахтался в воде, со всех сторон окруженный лишь отвесными стенами колодца. Ощупывая голову, я заметил синяк на лбу.

Олдерли ударился, когда летел в колодец? Или на него кто-то напал раньше?

Присев на корточки, мы перевернули тело обратно на спину. Я решил заняться карманами. Милкот пристально следил за мной. У Олдерли был с собой кошелек с почти тридцатью шиллингами серебром и двумя фунтами золотом. Для большинства людей это целое состояние, но бедность – понятие относительное.

Еще я обнаружил кольцо с двумя ключами, один из почерневшей стали, с длинной шейкой, а второй намного меньше и изящнее: похоже, он был изготовлен из серебра, а его головку украшало ажурное кольцо – судя по всему, с монограммой. Я поднес второй ключ к свету, но буквы так переплетались друг с другом, а окружавший их орнамент был столь затейлив, что я даже не разобрал, сколько их, две или три.

Затем во внутреннем кармане я обнаружил пачку размокших бумаг. Я попытался разлепить листы, но бумага порвалась.

– Вы не могли бы дать мне мешочек или сумку? – спросил я.

– Что? – Милкот оторвал взгляд от имущества Олдерли. – Мешочек?

– Я заберу вещи покойного с собой. Мне нужно куда-нибудь их положить.

Милкот кивнул:

– Разумеется.

Он ушел и вернулся с мешочком на завязках из грубой холстины.

– Подойдет?

– Идеально.

Милкот открыл мешочек, вытряхнул на пол содержимое – около дюжины только что выкованных гвоздей – и протянул его мне. Я положил внутрь бумаги, ключи и деньги.

– Олдерли раньше жил в Холборне, в Барнабас-плейс, – произнес я. – Это огромный особняк, там можно разместить целую армию. Он до сих пор там обитал?

– Нет. Чтобы расплатиться с долгами, он был вынужден продать дом вместе с львиной долей обстановки. Однако Эдвард Олдерли по-прежнему владел частью дома неподалеку, там он и жил. На Фэрроулейн.

– Вы там бывали?

Милкот покачал головой:

– Мы встречались в таверне, или Олдерли приходил сюда. Он жаловался, что его квартира очень мала. К тому же часть дома была заложена, и Олдерли приходилось сдавать помещение плотнику. – Милкот печально улыбнулся. – Думаю, ему было стыдно. Олдерли не хотел, чтобы я видел, до какого жалкого состояния он опустился. По правде говоря, я не слишком хорошо его знал, однако мне было его жаль.

Я снова повернулся к телу. У Олдерли отвисла челюсть. Я взял шпагу. Это был тонкий клинок из хорошей стали. Вокруг рукоятки были обвязаны две шелковые ленты, одна красная, а другая синяя. Возможно, некая леди подарила их Олдерли в знак благосклонности. На клинке прямо под рукояткой был выгравирован какой-то рисунок. Я поднес шпагу к окну и узнал герб Олдерли – самка пеликана кормит птенцов.

– Это старинная шпага работы самого Клеменса Хорна, – произнес Милкот. Вытянув руку, он с почтением дотронулся до клинка – так влюбленный касается руки прекрасной дамы, принадлежащей другому. – Хорн – немецкий мастер, – продолжил он. – Должно быть, шпаге лет пятьдесят, но лучшего оружия вы не найдете.

– Я бы хотел заглянуть в колодезь, – проговорил я.

Отойдя от трупа, я испытал глубокое облегчение. Мы с Милкотом подняли крышку и положили ее на пол. Она легко поддалась. В случае необходимости взрослый мужчина может открыть колодец без посторонней помощи. Или взрослая женщина.

Милкот присел на корточки на краю колодца и осветил фонарем в темную бездну. За пределами круга света было ничего не разглядеть. По моей просьбе Милкот принес веревку и привязал ее к кольцу в верхней части фонаря. Затем он спустил фонарь в колодец. Свет заплясал на гладко обтесанных камнях – шахта колодца оказалась выложена камнем, а не кирпичом.

Тут мне в голову пришла еще одна мысль, но я снова промолчал. По первому впечатлению Милкот мне понравился, но мы с ним служили разным господам.

Спускаясь все ниже и ниже, фонарь раскачивался и вертелся вокруг своей оси. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем фонарь наконец повис над водой.

– Господин Хэксби измерял глубину колодца, – заметил Милкот. – До уровня воды примерно сорок футов. Ну а до дна еще футов двадцать.

Я вспомнил синяки и царапины на теле Олдерли. Умел ли он плавать? Я представил, как он барахтается в воде, отчаянно пытаюсь за что-нибудь ухватиться или нащупать опору, однако вокруг лишь гладко обтесанный камень. И все это время вода утягивала его на дно, не выпуская свою жертву из ледяных объятий.

Но сейчас не до подобных размышлений, и я воспользовался шансом отвлечься.

– Как вы достали тело?

Вопрос настолько очевидный, что мне стало стыдно: как же я не додумался до него раньше?

– Мы с Горсом воспользовались лебедкой. – Милкот указал свободной рукой на деревянную конструкцию, которую я с самого начала заметил в углу подвала за колодцем, рядом с горой деревянных шестов. – Это приспособление привезли каменщики. С его помощью они клали новый раствор между камнями в колодце. Горс спустился к воде и прицепил к поясу Олдерли пару крюков.

– Хладнокровия вашему слуге, похоже, не занимать, – заметил я. – Оно и к лучшему, иначе в колодец пришлось бы лезть мне.

– Осмелюсь предположить, что Горс видал зрелища и похуже, – ответил Милкот. – Он рассказывал мне, что некоторое время служил подмастерьем у мясника, но они с хозяином не сработались. Однако, прежде чем истек срок его договора, Горс наверняка перетаскал немало туш.

Фонарь покачивался в нескольких дюймах от черной маслянистой поверхности воды.

– Господи помилуй! – вскричал я. – Что это?

В воде мелькнуло что-то темное. В колодце плавало живое существо!

Милкот издал смешок.

– Всего лишь парик Олдерли, сэра. – Он снова хохотнул, но мне показалось, что его смех звучит истерически. – А вы за что его приняли?

– Сам не знаю.

– Хотите, прикажу Горсу или еще кому-нибудь выловить парик?

– На ваше усмотрение. По мне, так пусть гниет.

– Парик может кому-нибудь пригодиться. Такая вещь стоит несколько фунтов.

Милкот втянул фонарь обратно наверх.

– Мне в голову пришла одна мысль, – произнес он, отвернувшись, чтобы повесить свернутую в кольцо веревку на подъемник. – Думаю, что гибель Олдерли все-таки несчастный случай. – Милкот снова повернулся ко мне и, понизив голос, затараторил: – Предположим, днем он пришел сюда по собственной воле, подкупил стражников, чтобы его пропустили в сад, и спрятался здесь, намереваясь ограбить дом, когда все уснут. Но в темноте Олдерли споткнулся...

Милкот умолк. «А как же мастифы? – подумал я. – Как же ночные сторожа, задвижки, засовы, замки и другие предосторожности, предпринятые Кларендоном, чтобы обезопасить свою резиденцию от незваных гостей?»

– Сэр, вам наверняка известно, что у лорда Кларендона много врагов, – с неожиданным пылом продолжил свою речь Милкот. – Если молва о случившемся дойдет до такого человека, как герцог Бекингем, он найдет способы использовать эту историю против его светлости. Может быть, даже обвинит лорда Кларендона в том, что Олдерли убили по его приказу. Согласитесь, для всех будет только лучше – и для

короля, и для герцога Йоркского, и для его светлости, – если тело найдут не здесь.

– К чему вы клоните? – холодно спросил я.

– У лорда Кларендона и в мыслях нет вставать на пути у правосудия, но господин Олдерли мертв. Оказался он в павильоне случайно либо намеренно, его уже не вернуть. – Милкот указал на покойника в длинной рубашке. – Пусть его обнаружат в другом месте. Всего лишь невинная уловка, которая никому не повредит, в том числе и Олдерли. Более того, мы защитим его репутацию. Иначе сплетники будут говорить, что проникнуть в резиденцию Кларендона его заставила жажда наживы.

Милкот поднял фонарь выше, пытаясь разглядеть выражение моего лица, и выдержал паузу, однако я хранил молчание.

– А еще мы оградим от наветов его светлость. Времена нынче сложные, – торопливо продолжил Милкот. – У бедного лорда Кларендона и без того достаточно неприятностей. Я бы хотел избавить его хоть от одного лишнего повода для тревоги. Лорд Кларендон порядочный и благородный человек, сэра, что бы ни говорили его враги.

– Ничуть не сомневаюсь, – произнес я.

– Всего-то и нужно вынести труп Олдерли из поместья и оставить его в каком-нибудь из фермерских садов возле Оксфорд-роуд. – Я отошел от колодца, и Милкот последовал за мной. – Можно бросить тело в пруд, это объяснит, почему оно мокрое. Тогда все подумают, будто его ограбили и убили разбойники. Никто не сможет доказать обратное.

Я не произносил ни слова. В полном молчании мы снова накрыли колодец крышкой и поднялись по лестнице. Я остановился у двери, дожидаясь, когда Милкот найдет ключ.

Тот покачал головой, будто укоряя самого себя.

– Простите, сэра. Вы, должно быть, думаете, что я не в своем уме. Прошу вас, забудьте все, что я говорил. Не знаю, что на меня нашло.

После того как мы осмотрели тело и обошли другие помещения в павильоне, я отобедал в обществе Милкота в столовой мажордома. Он больше не пытался убедить меня перенести труп в другое место. У меня создалось впечатление, что Милкоту и в самом деле стыдно оттого, что он завел этот разговор. Не то чтобы я его осуждал, –

напротив, я даже в некотором смысле проникся к этому человеку уважением, ведь им руководила преданность лорду Кларендону.

Я толком не замечал, что ем, и за столом мы почти не разговаривали. Меня занимали размышления обо всем, что я узнал за эти два часа. Во время осмотра павильона выяснилось, что окна внизу заперты, а до верхних никто добраться не мог. На крыше никаких следов не обнаружили. На самом верху располагалась смотровая площадка, но дверь, ведущая туда с лестницы, по которой мы спустились в подвал, была заперта изнутри и на задвижки, и на засов.

Другими словами, в павильон можно было проникнуть только из сада. Сначала Милкот, а затем мажордом подтвердили, что от этой двери есть только четыре ключа: первый у лорда Кларендона, второй у мажордома, третий у Милкота, а четвертый у Хэксби.

Прежде чем мы ушли из павильона, я осмотрел и замок, и ключ Милкота. В замках я не слишком разбираюсь, и все же я определил, что этот достаточно современный: выступы на бородке приспособлены для того, чтобы поворачивать четыре рычажка внутри замка, и все они разного размера. Должно быть, чтобы изготовить копию такого ключа, понадобился бы опытный мастер. Никаких следов взлома механизма я не заметил.

И это не единственная загадка. Днем в саду было полно народу, к тому же он отлично просматривается из окон дома. Ни один посторонний не сумел бы пройти через сад незамеченным. А на ночь ворота, ведущие в сад, запирают, выпускают собак и выставляют ночных сторожей, патрулирующих территорию через равные промежутки времени.

Но справедливости ради надо заметить, что я, к своему удовольствию, разгадал другую загадку, попроще – или, во всяком случае, нашел правдоподобное объяснение: раз Хэксби работал в павильоне, Кэт вполне могла его сопровождать, если не каждый раз, то хотя бы иногда. Возможно, Олдерли заметил ее во время одного из своих визитов к Милкоту.

Время истекало. Обнаружение тела надолго в секрете не сохранить, ведь герцог Бекингем и его союзники только тем и заняты, что строят козни лорду Кларендону. Герцог Йоркский намерен сделать все возможное, чтобы гибель Олдерли не бросила тень на его тестя, а значит, и на него самого. В этом король, похоже, с ним заодно, хотя

разобраться в мотивах его величества всегда непросто: может, он всего лишь потворствует брату, а может, у монарха свои причины не допускать, чтобы враги лорда Кларендона использовали полученные сведения как оружие против бывшего лорд-канцлера, который был верным наперсником и советником короля в долгие годы изгнания.

Для лорда Кларендона благоприятными будут только два возможных исхода: первый – станет известна причина гибели Олдерли, убийцу – если смерть насильственная – призовут к ответу, и суд постановит, что лорд Кларендон не имеет к случившемуся ни малейшего отношения. А второй вариант намного проще: претворить в жизнь идею Милкота и перенести тело в другое место. Если король отдаст соответствующие распоряжения, они будут исполнены. Но в противном случае об этом не может быть и речи.

Однако сильнее всего меня тревожило другое: если Олдерли действительно погиб насильственной смертью, а это представляется вполне вероятным, то на роль убийцы больше всех подходит Кэтрин Ловетт. Я неоднократно убеждался, что бурные чувства заставляют эту девушку действовать не колеблясь, а причин ненавидеть Эдварда Олдерли у нее более чем достаточно.

Я не предам Кэт – во всяком случае, по доброй воле, ведь мы столько пережили вместе. Но если кто-то другой обнаружит, что и она, и Эдвард Олдерли посещали Кларендон-хаус, плохи ее дела – как, впрочем, и мои, ведь я уже скрыл то, что мне известно об этой девушке.

Если за убийство Эдварда Олдерли повесят дочь цареубийцы, этот исход дела устроит всех, кроме Хэксби и меня. Помимо того, я лично предупредил Кэт, что Олдерли каким-то образом выследил ее. Что, если на этом основании меня объявят соучастником убийства?

Когда обед подходил к концу, я обсудил с Джорджем Милкотом некоторые из этих соображений. Он всячески старался мне помочь, однако, когда мы затрагивали вопросы, касающиеся чести лорда Кларендона, Милкот высказывался крайне осторожно. Мне нравилась его преданность хозяину, и тем прискорбнее, что обстоятельства вынуждали меня лгать ему – или, во всяком случае, о многом умалчивать.

– Когда вы в последний раз видели Олдерли? – решил уточнить я.

– На прошлой неделе. Мы встретились в «Трех бочках» на Чаринг-Кросс.

– Вы не заметили в его поведении ничего необычного?

– Нет. Олдерли был в хорошем настроении. Мы обсуждали одно мое вложение. Я приобрел небольшую долю в каперской компании, и Олдерли предлагал купить ее.

Я вспомнил обнаруженный нами кошелек.

– Выходит, в нищете он не прозябал?

– Нет. У меня сложилось впечатление, что его дела пошли в гору. – Милкот едва заметно улыбнулся. – Олдерли сам заплатил за вино, еще и меня угостил.

– Я должен как можно скорее побеседовать со слугой, нашедшим тело, – проговорил я. – Как, вы сказали, его фамилия – Горс?

– Да, Мэтью Горс. Вы еще раз придете в Кларендон-хаус вечером или мне отправить его к вам?

– Мне в любом случае придется к вам вернуться, – произнес я с уверенностью, которой не ощущал. – Никуда не отпускайте Горса, пока я с ним не поговорю.

Дабы создать впечатление, будто я в первый раз слышу имя Хэксби, я спросил у Милкота, что он за человек и можно ли ему доверять.

– За него ручался господин Пратт, – ответил Милкот. – К тому же кандидатуру Хэксби предложила ее светлость, то есть покойная леди Кларендон.

– Пратт?

– Господин Роджер Пратт, архитектор. Он проектировал особняк его светлости, но у господина Пратта не было возможности взять на себя еще и перестройку павильонов.

– Как леди Кларендон узнала о господине Хэксби?

– Не припомню, чтобы она об этом говорила, – пожал плечами Милкот. – Что вполне естественно – ее светлости не нужно было ни перед кем отчитываться. Главное, что этого человека рекомендовал господин Пратт. Насколько мне известно, господин Хэксби работал с доктором Реном и с доктором Гуком, и оба о нем высокого мнения.

– Где я могу его найти?

– На Генриетта-стрит, под знаком розы находится его чертежное бюро. Хэксби следит за работой строителей, а также занимается землемерными работами и проектированием. Честно говоря, когда я встретился с ним впервые, я был несколько обеспокоен – бедняга

страдает то ли от дрожательного паралича, то ли от лихорадки, – но похоже, что на качестве его работы этот недуг не сказывается. Тем более что под его началом трудятся хорошие помощники. Ее светлость особенно ценила готовность господина Хэксби пойти ей навстречу и при перестройке сохранить как можно больше от старого банкетного зала. Вы хотите нанести ему визит?

– Да, – кивнул я, однако в подробности вдаваться не стал. – Мне нужно встретиться с господином Хэксби, и поскорее.

Но сначала я должен заняться другими делами, о которых господину Милкоту знать незачем.

По-прежнему лил дождь. Я решил взять наемный экипаж.

Шагая по Пикадилли в поисках свободных карет, я следил, чтобы меня не окатили брызгами проезжавшие повозки и всадники. На ближайшей стоянке ни одного экипажа не оказалось, вероятно, причина была в дождливой погоде. Надвинув пониже шляпу и завернувшись в плащ, я продолжил путь.

На встречу с леди Квинси меня отправил Уильям Чиффинч. Он же прислал меня сюда. Но Чиффинч во всех отношениях человек короля, ведь покровительство монарха помогает ему заботиться о собственных интересах. Выходит, за обоими этими поручениями стоит его величество? И значит ли это, что они взаимосвязаны?

Напротив Королевских конюшен слуги в ливреях открывали массивные ворота Уоллингфорд-хауса, городской резиденции герцога Бекингема. Я остановился посмотреть. Сначала показались верховые, а следом за ними – огромная карета, украшенная позолоченными львами и павлинами. В роскошный экипаж были запряжены шесть лошадей одинаковой масти. За каретой, держась за ремни на задней стенке, по лужам бежали четверо забрызганных грязью лакеев, их, казалось, не смущал ущерб, наносимый их одежде.

Выйдя из Тауэра, герцог не собирался скрывать свое присутствие в Лондоне. Карета остановилась у парадного входа, и двери тут же распахнулись. На крыльцо вышел герцог собственной персоной. Это был высокий краснолицый мужчина в светлом парике и шляпе с перьями. Он был одет в серебристый камзол и синие бриджи, его грудь пересекала такая же синяя орденская лента, а над сердцем сверкала

звезда – орден Подвязки. Помахав рукой небольшой толпе зевак, герцог бросил им горстку серебряных монет и сел в карету.

Под приветственные крики толпы экипаж покати́л в сторону Уайтхолла. А я направился к стоянке наемных экипажей возле Чаринг-Кросс.

Эта сцена ясно продемонстрировала, что герцог и лорд Кларендон являются полными противоположностями: одного простые лондонцы считают героем, другого злодеем. Казалось, даже король встал на сторону Бекингема. Но если его величество намерен пожертвовать Кларендоном, отдав его на расправу Бекинге́му и врагам в парламенте, зачем же король дал мне поручение, как будто бы имеющее целью защитить репутацию Кларендона? Может, влияние на монарха оказал герцог Йоркский? Или королем движут иные, скрытые мотивы?

Глава 12

Извозчик высадил меня у моста Холборн.

– Фу! – воскликнул он, прикрывая нос рукавом. – Вонь, как у шлюхи под мышкой!

Фэрроу-лейн тянулась с севера на юг по восточную сторону от моста через реку Флит. Река была забита мусором. Поблизости работала кожевенная мастерская, а там, где дубят кожу, неизменно царит смрад.

Улица была прямой и узкой. Южную часть уничтожил Пожар. Завалы расчистили, но на их месте ничего не построили. Однако люди ютились на пустыре в самодельных хижинах, таких хлипких, что казалось, их может сровнять с землей одно дуновение ветра.

Южную часть дороги частично завалило: недавно обрушилась длинная стена, когда-то обозначавшая внешнюю границу здания, уничтоженного Пожаром. Пешком там еще можно было пробраться, но для повозок камни на дороге – непреодолимая преграда.

Расплатившись с возницей, я стал прокладывать себе путь сквозь толпу. В неповрежденной северной части улицы было многолюдно. По звукам пилы и молотков я легко отыскал мастерскую плотника. После Пожара те, кто занимался этим ремеслом, без работы не сидели, и подходящего леса все время не хватало.

Ставни были распахнуты. Хозяин мастерской с подмастерьем собирали каркас простой кровати, в чем им с удивительной сноровкой помогал мальчуган лет десяти-двенадцати – надо думать, сын плотника. Однако части каркаса упорно не желали соединяться друг с другом, и поэтому мастера так яростно орудовали молотками и пилой, а в воздухе витало раздражение.

Я стоял у окна, укрываясь от дождя и частично загораживая свет, и вот наконец плотник оторвался от работы и поднял голову. Плечи сгорблены, лицо узкое, но черты крупные, а лоб необычайно низкий. Этот человек напоминал берберийскую обезьяну.

– В чем дело? – резко бросил он, однако потом запоздало обратил внимание на мою одежду и респектабельный вид и поспешил прибавить: – Сэр.

– Я ищу квартиру господина Олдерли, – ответил я.

Плотник указал на потолок:

– Он живет наверху. Но его сейчас нет.

– Я знаю. У меня есть ключ. – (Плотник пожал плечами.) – У меня также есть ордер, по которому я имею право зайти внутрь, – прибавил я, хотя, строго говоря, тут я несколько покривил душой. – Если хотите, можете взглянуть.

Плотник открыл дверь и принялся изучать документ, который я ему показал.

– Это подпись короля, – сказал я, указывая пальцем на бумагу. – А вот его личная печать.

Плотник прищурился и с легким сомнением заметил:

– Здесь не говорится, что вам разрешено заходить в мой дом.

Я понизил голос, рассудив, что, позоря мастера при подмастерьях, я ничего не добьюсь:

– Речь не о вашем доме, а о доме господина Олдерли. Если пожелаете, я вернусь с магистратом и парой констеблей, и тогда вас будут судить за то, что вы чините препятствия королевскому правосудию. Или можете избавить себя от лишних неприятностей и показать мне дверь Олдерли.

Плотник облизнул губы:

– Говорите, у вас есть ключ?

– Разумеется. – Я показал ему кольцо, на котором висели два ключа Олдерли. – И ордер позволяет мне ими воспользоваться.

– Хорошо. Хэл, отведи-ка джентльмена к двери в квартиру господина Олдерли, да поживее!

– Секунду. Как вас зовут?

– Томас Беарвуд.

– Когда вы в последний раз видели господина Олдерли?

– Не помню. Кажется, на прошлой неделе. Надо у жены спросить.

К нам подошел мальчик, вытирая рукавом сопливый нос. Отец отвесил ему подзатыльник.

– Говорят тебе – поживее!

Мальчишка взвыл, но, кажется, больше для порядка – удар, похоже, не нанес ему вреда. Он повел меня в коридор, тянувшийся вдоль мастерской и ведущий в жилую часть дома. Позади снова завизжала пила. Ни слова не говоря, паренек указал на дверь.

Я вставил в замочную скважину большой ключ и повернул его. Механизм поддался. Мальчишка глядел на меня снизу вверх, и я понял, что он старается получше рассмотреть шрамы от ожогов у меня на лице. Заметив, что я на него смотрю, мальчик убежал туда же, откуда пришел. Я оглядел коридор. Больше здесь никого не было. Я открыл дверь и шагнул через порог.

Я очутился в крошечной прихожей. Наверх вела лестница. Я закрыл дверь и запер ее на засов, потом стал взбираться по ступенькам. Крутые и узкие, они скрипели при каждом шаге. Наконец я поднялся на площадку с тремя закрытыми дверьми. В воздухе стоял сильный застарелый запах мочи, но зловоние, исходившее от кожевенной мастерской, заглушало и его.

Ближайшая дверь вела в комнату, почти все пространство которой занимала украшенная богатой резьбой кровать. Шторы раздвинуты, постель не застелена. За кроватью располагался чулан, полный одежды: одни предметы гардероба висели на колышках в стене, другие валялись в доверху набитом сундуке. Сразу бросалось в глаза, что эта одежда принадлежит богатому человеку, любящему кружева, ленты и атлас. Некоторые вещи выглядели поношенными и не слишком чистыми, но другие явно были новыми. Я дотронулся до рукава бархатного костюма и задался вопросом, во сколько Олдерли обошелся такой наряд.

Вторая дверь на площадке вела в кладовую, значительно превосходившую по размерам гардеробную. Здесь хранились различные предметы, которые Эдварду Олдерли, вероятно, удалось забрать из Барнабас-плейс: свернутые рулонами гобелены, портьеры и ковры, поставленные друг на друга столы и стулья и окованный железом сундук, запертый на два висячих замка и три внутренних. В трещину в стене кто-то вколотил деревянный колышек, на котором висели четыре шпаги, – неужели Олдерли мало одной? Все вещи в кладовой были покрыты слоем пыли.

А третья дверь вела в большую квадратную комнату в задней части здания, однако из-за обилия предметов обстановки это помещение казалось тесным. На стенах, покрытых деревянными панелями, висело множество картин. Олдерли явно использовал эту комнату как салон или гостиную. На столе я заметил остатки трапезы и две пустые винные бутылки.

Я постарался осмотреть квартиру настолько тщательно, насколько позволяло нагромождение вещей. Задачу осложняло то, что я имел весьма смутные представления о предмете моих поисков и просто высматривал любые мелочи, способные объяснить, каким образом тело Олдерли очутилось в колодце недостроенного павильона лорда Кларендона. Особое внимание я обращал на шкатулки, дверцы шкафов и тому подобное, но маленький серебряный ключ на кольце не подошел ни к одному замку.

Больше всего внимания я уделил массивному письменному столу, стоявшему в нише. Ящики были забиты всевозможными бумагами – счетами, расписками о карточных долгах, письмами. Автором некоторых посланий, судя по всему, был сам Олдерли, поскольку несколько записок, касавшихся долгов, были написаны одним почерком. Эти письма представляли собой черновики или копии, и большинство из них свидетельствовали о попытках Олдерли тем или иным способом раздобыть денег. Однако в пачке в правом ящике я обнаружил записку, выведенную аккуратным секретарским почерком и этим разительно отличающуюся от остальных. Она была датирована прошлым понедельником, ровно неделю назад.

Сэр, документы на вашу собственность на Фэрроу-лейн готовы, и вы можете забрать их в моем кабинете в любое разумное время, удобное для обеих сторон.

Дж. Тёрнер

№ 5, Барнардс-инн

Милкот упоминал, что недвижимость Олдерли была заложена. Однако, судя по этому письму, владелец погасил ссуду. Я точно не знал, каких размеров заем можно получить за такой дом, однако предполагал, что сумма немалая: после Пожара вся уцелевшая недвижимость Лондона возросла в цене. Записав имя Тёрнера и его адрес, я вернул послание на прежнее место.

За окном темнело, день близился к вечеру, а я так и не обнаружил в этой захлавленной квартире ничего, что указывало бы на связь между Кларендон-хаусом и Олдерли. Ни одного упоминания о Милкоте я в бумагах тоже не нашел. Единственной странностью были неожиданные

признаки того, что благосостояние хозяина квартиры не так давно возросло, – к примеру, новая одежда и письмо от Дж. Тёрнера из Барнардс-инн.

Я уже задвигал ящик, когда в глаза мне вдруг бросилась висевшая над столом картина. Не в силах оторвать от нее взгляда, я застыл как каменный. Меня пробрала холодная дрожь.

Передо мной предстал маленький портрет в простой, но массивной раме. На полотне были изображены голова и плечи женщины из общества. Я узнал Кэтрин Ловетт.

Но, приглядевшись, я понял, что это вовсе не Кэт. Портрет был написан в прежние времена, двадцать или даже тридцать лет назад. Эта женщина была одета в темно-зеленое платье с пышными рукавами, ее шею украшало жемчужное ожерелье. Завитые локоны ниспадали вдоль белоснежной шеи.

На заднем плане я заметил особняк, очертания которого показались мне знакомыми. Он носил название Колдридж, и я побывал там в прошлом году. Раньше поместье Колдридж принадлежало семье матери Кэт, и в детстве госпожа Ловетт несколько лет жила там вместе с тетусшкой. Колдридж по праву принадлежал ей, но дядя Кэт вместе с Эдвардом Олдерли обманом отняли у нее поместье.

Однако с картиной было что-то не так. Я подошел ближе и перегнулся через стол. Ни на одном портрете я не видел таких неестественно больших пустых глаз. И тут я понял, в чем дело. Кто-то выковырнул оба зрачка – скорее всего, острием кинжала.

Внизу забарабанили в дверь.

Я спустился туда.

– Кто там? – спросил я.

– Госпожа Беарвуд! А ну открывайте!

Я отодвинул засов. Жена плотника едва доходила мне до локтя, но недостаток роста она с лихвой восполняла суровостью нрава. Протолкавшись мимо меня в прихожую, эта женщина уперла руки в бока и сердито уставилась на меня. Она явно чувствовала себя хозяйкой положения.

– Вы кто такой? – потребовала ответа госпожа Беарвуд. – По какому праву вы рыщете по чужим домам? Отвечайте, пока я констебля не позвала!

Я показал ей мой ордер, и хозяйка внимательно его прочла.

– Про мой дом здесь не говорится, – проворчала она. – Во всяком случае, прямо. Но бумага, похоже, настоящая. Беарвуд словно вчера родился. Наивный, будто дитя, да и ума, как у младенца. Извините, господин, но мой муженек кого угодно к нам пустить мог.

– Ничего страшного, госпожа Беарвуд.

Но хозяйка не успокаивалась.

– Я уж испугалась, что вор добро из дома выносит, а муж с сыном и не чешутся. До чего досадно, что Хэл у нас весь в папашу! Беарвуд даже читать толком не умеет, из вашего ордера он понял не больше, чем из воскресной проповеди. – Хозяйка оглядела меня с ног до головы с обидным отсутствием интереса, потом шагнула чуть в сторону, чтобы получше рассмотреть мои шрамы.

– По вам не скажешь, что вы придворный, – заметила она.

– Я не придворный, – пояснил я. – Я служу в Уайтхолле секретарем. Но я рад, что вы пришли, госпожа. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

В душе хозяйки вспыхнула борьба: злость – на меня, на супруга, а может, и на весь мир – против опасения нажать врага в моем лице, если я и впрямь тот, за кого себя выдаю.

– Когда вы в последний раз видели господина Олдерли? – спросил я.

– Не пристало нам болтать про его дела.

– Ослушиваться короля вам тоже не пристало. Клянусь честью, ничто из сказанного вами не причинит господину Олдерли ни малейшего вреда.

Ее черные глазки-бусинки пристально глядели на меня.

– В субботу вечером, – наконец ответила госпожа Беарвуд. – Весь день он просидел дома, но около восьми часов куда-то отправился.

– Господин Олдерли часто уходил в это время?

Хозяйка пожала плечами:

– Он иногда всю ночь гулял, ежели ему охота. Или день-деньской с постели не встает. А бывает, вскакивает с петухами. Но меня его привычки не касаются. У меня, сэр, работы по горло, и...

Я жестом остановил ее.

– Давно вы его знаете? – задал я вопрос.

– Года полтора. Господин Олдерли сдает нам мастерскую и весь первый этаж. Прислуги он не держит, в квартире у него убираю я, а Хэл

носит ему обед и бегают по поручениям. – Госпожа Беарвуд выдержала паузу, и по взгляду ее мышиных глазок я понял, что в уме она производит быстрые подсчеты. – А вы знакомы с господином Олдерли?

– Да, – подтвердил я. – Впервые я повстречался с ним в прошлом году, когда он еще жил в Барнабас-плейс. – В этом доме Эдвард Олдерли напал на Кэтрин Ловетт и силой овладел ею в ее собственной постели. – К господину Олдерли приходят гости?

Госпожа Беарвуд покачала головой:

– Только Епископ.

– Епископ? – Я удивленно взглянул на хозяйку. – Сам епископ лондонский?

– Нет, сэр. – Госпожа Беарвуд посмотрела на меня свысока. – Епископ – это прозвище. Он друг господина Олдерли. И если вы из той же компании...

– Господин Олдерли мне не друг, а просто знакомый. Когда этот Епископ был здесь в последний раз?

– В пятницу, – ответила госпожа Беарвуд. – Он привез господина Олдерли домой. – Она сердито фыркнула. – Господин Олдерли опять набрался. Еле на ногах стоял. Идти не мог, зато языком молот без передышки. Ох и намучились Беарвуд с Епископом, когда наверх его затаскивали!

Следующий вопрос я задал на всякий случай, не особо надеясь получить ответ:

– Вы не знаете, где живет друг господина Олдерли?

Госпожа Беарвуд потихоньку пятилась к выходу: ей, видимо, надоели мои расспросы.

– Не знаю. Наверное, в Уотфорде.

– В Уотфорде? За городом? Почему вы так думаете?

– Когда Епископ уходил, господин Олдерли открыл окно – и давай орать на всю улицу! Ревел, как бык, его даже на кухне было слышно, при закрытом-то окне! Тогда я и услышала про Уотфорд. Может, Епископ проповедник, хотя по виду не скажешь – священники шпаги не носят.

– Проповедник? – переспросил я, чувствуя себя так, словно тонул.

– Может быть. Просто господин Олдерли кричал что-то вроде: «Приедешь в Уотфорд – обязательно расскажи им про Иерусалим».

– Иерусалим? – переспросил я.

– Иерусалим. Ей-богу, не вру.

Глава 13

По пути в Уайтхолл меня одолевала соблазн заглянуть на Генриетта-стрит и предупредить Кэт Ловетт, рассказав ей о судьбе кузена. Но благоразумие победило. Я не желал, чтобы о нашем знакомстве стало известно. К тому же нужно было спешить: Чиффинч ждал моего доклада.

Во всяком случае, так я себя оправдывал. На самом же деле меня повергала в ужас мысль, что Кэт прекрасно известно о смерти Эдварда Олдерли и, более того, она собственными глазами видела, как он тонул. Мне не давали покоя слова, произнесенные ею два дня назад на Новой бирже: «Мне не удалось убить Эдварда, о чем я горько сожалею».

Возле Уайтхолла я столкнулся с господином Уильямсоном, причем в буквальном смысле слова – он выходил из ворот суда на улицу, по которой шел я. Чтобы избежать несчастного случая, я был вынужден отскочить в сторону.

– Марвуд! – рявкнул Уильямсон. – Когда вы вернетесь к своим обязанностям?

– Не могу сказать, сэр. Когда король и господин Чиффинч...

– Как прикажете выпускать «Газетт» без вас? – Раздражение стерло лоск, который Оксфорд и Лондон придали Уильямсону, и в его речи зазвучали бескомпромиссные гласные, выдававшие уроженца севера. – У меня своих забот хватает, мне некогда возиться с вашими женщинами!

Я не сразу сообразил, что Уильямсон имеет в виду разносчиц, исходивших вдоль и поперек улицы Лондона со связками номеров «Газетт». Трудности с нашей службой доставки я убрал в такой дальний угол памяти, что почти забыл об их существовании.

– По непонятным для меня причинам в ваше отсутствие выпускать газету согласно установленному распорядку становится невозможно, да и мои каждодневные поручения толком не исполняются. Ума не приложу, с чего вдруг. Я не могу допустить, чтобы Чиффинч и дальше гонял вас туда-сюда, как ему заблагорассудится, тем самым нарушая работу вверенного мне ведомства. Я предприму соответствующие меры. А пока заявляю, что ваше присутствие требуется в Скотленд-Ярде, и как можно скорее.

Я поклонился:

– Да, сэръ. Поверьте, в этом наши желания совпадают.

Уильямсон хмыкнул, коротко кивнул мне и быстро зашагал по улице, высматривая наемный экипаж.

Я направился в Тихую галерею. Там за дверью скрывался вход на лестницу, ведущую в личные покои короля. Это были владения Чиффинча. Я попросил одного из стражников доложить о моем приходе и выразил надежду, что господин Чиффинч согласится меня принять.

Дождаясь ответа, я снова принялся разглядывать портрет итальянской вдовы и в результате пришел к заключению, что между этой женщиной и леди Квинси нет ни малейшего сходства. Боясь, что господин Чиффинч застанет меня возле этого портрета, я добрую четверть часа прохаживался по галерее то в одну сторону, то в другую, пока ко мне наконец не приблизился слуга. Он проводил меня в сумрачную комнату рядом с задней лестницей, где мы с Чиффинчем уже один раз беседовали в начале года. Зарешеченное окошко выходило на реку. По стеклу барабанил дождь, в комнате стоял запах сточных вод. Из своего маленького опыта я сделал вывод, что в это неприятное помещение людей вызывают исключительно для неприятных разговоров.

Чиффинч уже ждал меня. Еще не стемнело, однако он приказал зажечь свечи. Чиффинч сидел за столом напротив окна. Перед ним лежала гора бумаг, рядом с которыми стояла неизменная бутылка вина. Когда я рассказывал обо всем, что удалось выяснить в Кларендон-хаусе и на Фэрроу-лейн, он внимательно слушал.

Я описал тело Олдерли и поведал о том, что обстоятельства, при которых этот человек попал в запертый садовый павильон, окутаны тайной – так же как и причина гибели молодого повесы. Я пересказал свою беседу с лордом Кларендоном, подчеркнув, что его светлость до глубины души возмущен осквернением павильона его покойной супруги и желает избежать скандала. Упомянул я и о том, что секретарь Кларендона, господин Милкот, намекал, что всем будет удобнее, если тело перенесут в другое место.

– Ах вот как, – произнес Чиффинч. – Любопытно. – Он махнул рукой. – Продолжайте, Марвуд.

Повествуя о своем визите на Фэрроу-лейн, я ни разу не солгал Чиффинчу, но и всей правды не сказал. Я рассказал, как с удивлением

обнаружил признаки того, что дела Олдерли в последнее время шли в гору. Сообщил о так называемом Епископе, в пятницу вечером притащившем Олдерли домой, и о совете, который ему дал хозяин квартиры: отправиться в Уотфорд и рассказать там про Иерусалим. Но о женском портрете с вырезанными зрачками я умолчал, равно как и о том, что одетая по моде прежних лет дама – вылитая Кэт Ловетт.

Пока я говорил, Чиффинч не произносил ни слова. На него это было не похоже. Вот я закончил рассказ, а он все молчал. Он водил пальцем по краю своего бокала с вином, круг за кругом. Через некоторое время комнату заполнил пронзительный дрожащий звук. Постепенно он становился все громче. Я заерзал на стуле.

– Если пожелаете, завтра же отправлю человека в Уотфорд, чтобы разузнал обо всех вновь прибывших проповедниках. Кстати, у мистера Уильямсона там есть корреспондент, можно написать ему напрямую. А я тем временем нанесу визит господину Тёрнеру в Барнардс-инн и спрошу его про закладную. К тому же у меня практически назначена встреча со слугой из Кларендон-хауса, который...

Внезапно заунывный звук стих.

– Хэксби, – произнес Чиффинч.

Я уставился на него во все глаза.

Чиффинч холодно глядел на меня в ответ.

– Хэксби, – повторил он, сморщив нос. – Мне прекрасно известно, что вам это имя знакомо. Не прошло и года с тех пор, как вы сами упомянули его в разговоре со мной. Это тот самый маркшейдер и архитектор, который открыл мастерскую рядом с Ковент-Гарден. По моим сведениям, весьма уважаемый представитель своего ремесла. И, как мы оба знаем, этот человек уже попадал в мое поле зрения.

Я постарался как можно быстрее взять себя в руки.

– Да, сэр, я хорошо его помню.

Я понимал, что ступаю на зыбкую почву: именно Чиффинч устроил для леди Квинси встречу со мной в Банкетном доме. С его стороны вполне разумно полагать, что этот разговор напомнил мне и о Кэт, и о Хэксби. Чиффинчу известно, что в конце прошлого года Кэтрин Ловетт нашла прибежище под крышей господина Хэксби.

– Вы знаете, что архитектор, занимающийся перестройкой павильона лорда Кларендона, – не кто иной, как этот самый Хэксби? – вкрадчиво осведомился Чиффинч.

– Да, сэр. Господин Милкот, секретарь лорда Кларендона, упоминал его имя сегодня утром, но я не придал значения...

– Неужели вам не пришло в голову, что это обстоятельство может иметь отношение к делу? – тоном, исполненным сарказма, произнес Чиффинч. – Нам ведь уже известно, что дочь Ловетта работает в мастерской у Хэксби под вымышленным именем, и короля такое положение дел вполне устраивает – при условии, чтобы эта девица никому не доставляла неприятностей. Его величеству мстительность несвойственна. Когда леди Квинси сообщила королю, что Олдерли опять угрожает госпоже Ловетт, наш государь согласился даже на то, чтобы вы предупредили девушку. Некоторые скажут, что король слишком мягкосердечен, но не мое дело ставить под сомнение его решения.

Я попытался, насколько возможно, изобразить ситуацию в выгодном свете.

– Я посчитал маловероятным, что господин Хэксби возьмет с собой на строительные работы женщину.

– Однако эта женщина – дочь цареубийцы. Говорят, что Кэтрин Ловетт так же фанатична, как и ее отец, – одержимая безумной ненавистью, она вонзила нож в глаз собственному кузену. Олдерли выжил только чудом. Вдобавок она чуть не сожгла дом, пока ее дядя и тетя спали.

Казалось, Чиффинч впервые в жизни был искренне потрясен.

– Чтобы женщина вероломно подняла руку на членов собственной семьи! На родственников, приютивших ее! – продолжил он. – Подобное злодейство просто в голове не укладывается! И вот теперь кузен госпожи Ловетт утонул – или, что более вероятно, утоплен – в доме, где работал Хэксби. Неужто это обстоятельство не кажется вам достойным внимания?

– Признаю, совпадение интересное, сэр.

– Совпадение? И кем же мне вас после этого считать, Марвуд, тупицей или изменником? Напрашивается только один вывод. – Чиффинч открыл лежавшую перед ним папку и достал лист бумаги. – Сегодня днем мне пришло письмо.

Чиффинч пододвинул послание ко мне и, попивая вино, стал наблюдать за тем, как я читаю. И дата, и обратный адрес отсутствовали.

Достопочтенный сэр!

Господин Эдвард Олдерли утонул в колодце в новом павильоне лорда Кларендона в поместье Кларендон-хаус. С ним расправилась кузина, Кэтрин Ловетт, отродье цареубийцы и противоестественное создание, недостойное называться женщиной. Она скрывается в доме господина Хэксби на Генриетта-стрит, возле Ковент-Гарден. Господин Хэксби в последнее время часто бывал в Кларендон-хаусе, а с ним и эта дьяволица. У Хэксби есть ключ от павильона.

Друг его величества

Слова выводили нетвердой рукой, однако причиной тому вряд ли была малограмотность автора: скорее, он пытался скрыть свой почерк, взяв перо в левую руку. Я перевернул письмо, но с обратной стороны увидел только имя Чиффинча. Выходит, отправитель знал, кому адресовать послание. Человек несведущий обратился бы к магистрату или к одному из высокопоставленных чиновников, призванных следить за общественным порядком. За пределами Уайтхолла мало кому известно об особом положении Чиффинча – человека, занимающегося личными делами короля. А тех, кто знает, что именно Чиффинчу его величество поручил разобраться в обстоятельствах гибели Олдерли, и того меньше.

– Письмо оставили у сторожа, – сказал Чиффинч. – Я спрашивал, кто его принес, но этого человека никто не видел.

У меня зашумело в ушах.

– Значит, госпожа Ловетт арестована, сэр?

– К сожалению, нет, – ответил Чиффинч. – Сегодня во второй половине дня к Хэксби приходили офицеры, чтобы взять ее под стражу, но эта женщина исчезла. Бегство – лучшее доказательство вины.

Я кивнул, будто соглашаясь. «Боже мой! – подумал я, постепенно начиная осознавать всю тяжесть положения. – Этого проклятого письма в сочетании с бегством достаточно, чтобы отправить Кэт на эшафот!»

– Офицеры доставили в Уайтхолл Хэксби, – между тем продолжал Чиффинч. – Но от него толку мало. Этот старый дурак только дрожит как осиновый лист. Однако мы, разумеется, найдем ее, и очень скоро.

Для меня ситуация усугублялась с каждой секундой.

– Можно ли как-нибудь выяснить, кто автор письма? – спросил я.

– Откуда мне знать? – сердито бросил Чиффинч. – Впрочем, это не имеет значения. Доказательства у нас в руках, осталось лишь изловить Кэтрин Ловетт и вздернуть ее на виселице. И Хэксби вместе с ней – как соучастника. Вероятно, старик помог ей скрыться и даже приложил руку к убийству Олдерли. Вряд ли преступница справилась бы одна. Пусть Кэтрин Ловетт дьяволица, но она ведь всего лишь женщина. Наверняка эта особа наняла каких-нибудь головорезов и поручила им всю грязную работу.

Но я знал Кэтрин Ловетт гораздо лучше, чем Чиффинч. Меня так и тянуло возразить, что, если все женщины похожи на нее, еще нужно разобраться, который из полов следует признать слабым.

Чиффинч подлил себе еще вина и подался вперед.

– С другой стороны, Марвуд, у дела есть и обратная сторона, – понизив голос, продолжил он. – Король не желает, чтобы эта история наделала шуму. Его величество обеспокоен будущим Кларендона, а скандал подобного рода может сказаться на ряде сложных переговоров, которые сейчас проходят. К тому же есть люди, готовые воспользоваться любой возможностью устроить переполох. Не секрет, что и лорд Кларендон, и герцог Йоркский только и ждут подвоха от герцога Бекингема. Скандал поможет ему удовлетворить свои амбиции.

Чиффинч замолчал и отпил глоток вина. Поставив бокал обратно на стол, он устремил на меня испытующий взгляд. Значит, худшее еще впереди. Откровенность Чиффинча – дурной знак.

– Итак. – Теперь его голос зазвучал еще вкрадчивее. – У короля есть для вас два поручения. Первое – сделать все, чтобы Кэтрин Ловетт изловили как можно скорее. А второе – перенести тело Олдерли подальше от поместья Кларендон-хаус и его садов.

Я будто ухнул в пропасть. Своей судьбой я мог распоряжаться не больше, чем младенец в утробе матери.

– Куда? Каким образом?

– Будет лучше, если это я предоставлю решать вам и секретарю лорда Кларендона. Если не ошибаюсь, его фамилия Милкот? Говорят, в сообразительности ему не откажешь, да и неудивительно – его светлость не потерпел бы у себя на службе дурака. Советую вам передать основную инициативу в его руки. – Чиффинч выдвинул ящик стола, достал кошелек и бросил его мне. – Это на случай, если

понадобятся деньги, но потом вы должны будете отчитаться обо всех расходах.

– Сэр, правильно ли я вас понял?..

– Вам достаточно понимать одно, Марвуд: тело нужно перенести. Убийство Олдерли не должно пятнать репутацию лорда Кларендона и тем более репутацию короля. Оставьте труп в каком-нибудь не слишком приметном месте, куда его мог доставить кто угодно. Учтите, что правосудие свершится в любом случае и преступница ответит за свое злодеяние, и не важно, убила она Эдварда Олдерли собственными руками или заплатила наемникам. Мы всего лишь обставим дело так, чтобы не нарушить интересы других людей.

– Но ведь если тело Олдерли найдут в другом месте, разве вы сможете доказать причастность Кэтрин Ловетт? – заметил я.

– Не будьте тугодумом, Марвуд. Олдерли ведь не своей смертью умер, верно? И как я уже сказал, не секрет, что эта женщина ненавидит кузена, а в прошлом году она чуть не расправилась с Олдерли в его же собственном доме. Ну а бегство можно расценивать как своего рода признание в убийстве. К тому же стоит судье узнать, кем был отец этой женщины, и в правильности вердикта можно будет не сомневаться.

Наконец Чиффинч отпустил меня. Но едва я приблизился к двери, как он вскинул руку:

– Секундочку. Знаете старинную поговорку: «Не тронь дерьмо – вонять не будет»? Так вот, это дерьмо уж точно лучше не трогать. Иначе от вони задохнемся мы все.

Глава 14

Вечером ее второго дня на ферме Мангота Кэт сидела у окна в своей комнате и глядела на раскинувшиеся за домом поля. Смеркалось, и в темноте палатки и хижины, к счастью, не бросались в глаза так, как днем.

Вечер выдался холодным, но внизу горели всего два-три костра, хотя народу в лагере жило немало. Однако за много месяцев запасы дров успели иссякнуть. Дневной шум стих: сегодня мужчины из лагеря под руководством Израила Хэлмора строили новые жилища и укрепляли старые. Для работы они использовали гвозди и холстину, которые Хэлмор с Манготом привезли из Лондона. На землю уже ложился иней, и погорельцы отдавали себе отчет в том, что до зимы осталось недолго.

Окно Кэт было открыто, и до нее с другой стороны лагеря долетало пение: мужчины собирались там по вечерам и пили зерновой самогон, который варили во дворе, в обветшалом сарае. К окну поднимался и запах дыма, и смрад от ручья, используемого погорельцами вместо уборной. Когда-то ферма Мангота процветала, но эти времена давно прошли.

Лагерь погорельцев не был похож на те лагеря, которые власти создали сразу после Великого пожара на окраинах Лондона, таких как Мурфилдс и Смитфилд. Они, почти все уже закрытые, были относительно благоустроенными территориями с аккуратными импровизированными улочками, вдоль которых стояли временные лавки с разными товарами. Рынков поблизости тоже хватало, и, кроме того, у обитателей лагерей была возможность зарабатывать себе на жизнь – Лондон постепенно возрождался из пепла, а для этого требовались рабочие руки. А этот маленький, затерянный в глуши лагерь был погружен в полный хаос. Здесь жители подчинялись только Израилу Хэлмору, чья власть держалась на силе характера, и господину Манготу, пустившему их на свои земли по двум причинам: во-первых, возделывать земли в одиночку ему было не по силам, а во-вторых, хозяин утверждал, что ему явилось видение и Господь приказал ему искупить и собственные прегрешения, и грехи покойного сына, дав приют бездомным.

На кухне было теплее, но Кэт предпочитала проводить вечера здесь, уединившись в маленькой комнатухе под самой крышей, где когда-то жил сын старика. Дверь была крепкой, к тому же с засовом. В любом случае за пределами ее спальни ничего интересного не происходило: дом постепенно обращался в руины, а в лагерь добровольно отправился бы только безумец.

Кэт клонило в сон, и ее мысли сами собой обратились к заказу в Кларендон-хаусе. Осовременить старый павильон – задача нелегкая, о чем господин Хэксби сразу предупредил его светлость. Гораздо проще было бы снести здание и выстроить новое в том же стиле, что и второй павильон в противоположном углу сада. Как бы они ни старались, результатом может стать уродливая, не вписывающаяся ни в одну категорию помеся старого и нового. Особенно много сложностей возникнет с задним и боковыми фасадами. Однако Кэт рассудила, что сам особняк – точно такая же уродливая помеся, несмотря на баснословные деньги, вложенные в его строительство. Фронтоны и симметрия здания отвечают классическим канонам, но чисто английское пренебрежение к архитектурным ордерам проявилось и здесь. Если бы великие увидели это строение с небес, Андреа Палладио покачал бы головой, а Витрувий от негодования всплеснул бы руками.

Насколько поняла Кэт, лорд Кларендон сохранил павильон из чисто сентиментальных соображений, желая порадовать больную супругу. Поначалу ее светлость иногда появлялась на людях. А позже, когда состояние ее здоровья ухудшилось, страдавший подагрой лорд Кларендон, морщась от боли и опираясь на руку Милкота, ковылял по саду к павильону, чтобы оценить ход работ. Но с тех пор как леди Кларендон скончалась, хозяин больше в павильон не приходил. Вместо него за строительством наблюдал господин Милкот, секретарь его светлости.

Но об этом человеке Кэт думать не хотела. Ее все больше тревожил разговор, который она вчера утром случайно услышала в повозке по дороге на ферму. Если Хэлмор говорил правду, беспорядки у Кларендон-хауса организует герцог Бекингам. А кто такой Епископ? Похоже, что агент герцога. Судя по словам Хэлмора, этот человек намерен и дальше строить козни лорду Кларендону, однако на этот раз он задумал что-то похуже. Может быть, этот Епископ будет подстрекать

толпу, чтобы те снесли ворота и подожгли дом. А что, если готовится нападение на самого Кларендона?

Кэт нравилась леди Кларендон, и к его сиятельству она относилась с уважением: хорошие клиенты, которые знают, чего хотят, проявляют к работам интерес и своевременно оплачивают счета, встречаются редко. Может быть, с архитектурной точки зрения особняк далек от совершенства, однако Кэт вовсе не желала ему гибели. Она горько сожалела, что не может предупредить Кларендона.

Откуда-то из лагеря донесся пронзительный женский визг, напоминая Кэт, что она не сможет отсиживаться у себя весь вечер: пора готовить старику ужин – если, конечно, эта трапеза заслуживает столь громкого названия. Такова была часть платы за гостеприимство Мангота.

Кэт медленно спустилась по скрипучей лестнице, переступив через прогнившую третью ступеньку снизу, и вошла в кухню. Господин Мангот уже сидел за столом. Медленно водя пальцем по строкам, он читал Библию при слабом свете зловонной лучины. Старик по-прежнему был одет в рубаху из небеленого льна, которая была ему слишком велика. Мангот был болезненно худым и всегда чрезвычайно понурым.

Кэт развела огонь и поставила разогреваться котелок с супом. Другой еды в доме не было, если не считать зачерствелого хлеба, который они макали в бульон, чтобы хоть немного его размягчить. Сегодня утром Кэт дала господину Манготу еще пять шиллингов в надежде, что он купит продуктов.

Во дворе залаяла одна собака, за ней вторая, а потом обе затихли.

– Вы кого-то ждете? – шепотом спросила Кэт, опуская руку в карман, где лежал нож.

– Верно, разносчик приехал, – не поднимая головы, произнес хозяин. Голос у него был скрипучий – наверное, оттого, что Мангот им почти не пользовался. – На чужих собаки по-другому лают. Он сначала пойдет к Израилу, а потом ко мне. Наш разносчик всегда собирает заказы в понедельник вечером. Он еще и торгует – каждый раз предлагает что-нибудь купить.

– А продукты он продает? – спросила Кэт.

Не переставая водить пальцем по странице, Мангот покачал головой.

– Ваш разносчик может доставить письмо в Лондон?

Мангот оторвался от книги. Его глаза были затянuty пленкой, и Кэт только подивилась, как он разбирает буквы.

– Письмо? Вот сама у него и спроси. Кому писать собралась?

– Вашему племяннику.

Мангот фыркнул:

– Он что, ухаживает за тобой?

– Нет.

– Оно и к лучшему.

Кэт взглянула на котелок с супом, под которым тлел огонь. Разогреться суп будет еще четверть часа, не меньше.

– Я быстро.

Взяв лучину, Кэт поднялась к себе в комнату и написала записку Бреннану.

Пожалуйста, скажите Х., чтобы предупредил л. К., что г. Б. платит черни, чтобы они осаждали К.-х. Их главарь – человек г. Б. по прозвищу Епископ. Этот Епископ злоумышляет еще что-то против К., желая нанести ему болезненный удар. Пусть Х. напишет л. К. письмо и скажет, будто подслушал разговор в таверне.

Подписываться Кэт не стала. Вырвав листок с посланием из записной книжки, девушка сложила его и написала сверху имя Бреннана. Запечатать письмо было нечем. Кэт сомневалась, будет ли от ее предупреждения хоть какой-то толк, даже если оно дойдет до Бреннана: ему придется доказывать Хэксби, что к письму надо отнестись со всей серьезностью, а это уже само по себе непросто, и после этого Хэксби еще должен убедить лорда Кларендона. Наверное, лучше поговорить с господином Милкотом. Кэт замерла в нерешительности: может, развернуть письмо и добавить постскриптум? Но потом девушка нахмурилась. Ситуация с Милкотом так и не разрешилась, а значит, его в это дело впутывать не следует.

Внизу забарабанили в дверь. Кэт сунула письмо в карман и спустилась на кухню. Разносчик показывал Манготу пачку сборников баллад, текстов проповедей и памфлетов – все только что из печати. Когда вошла Кэт, он вскинул голову, продемонстрировав бельмо на

глазу, и окинул девушку быстрым оценивающим взглядом, прежде чем вернуться к разговору с фермером.

Пока мужчины беседовали, Кэт вытерла стол и поставила на него деревянные тарелки и кружки. Помешивая суп, она не могла дожидаться, когда же он наконец разогреется. Мангот купил памфлет о заговоре папистов, задумавших убить короля отравленным кинжалом прямо во время богослужения в Уайтхолле.

Пока разносчик собирал свой товар, Кэт попросила его отвезти письмо в Лондон. Он согласился, заявив, что доставит письмо на Генриетта-стрит утром. За услугу разносчик потребовал с Кэт два шиллинга, хотя они оба знали, что цена просто грабительская.

– Я хочу, чтобы вы отдали письмо не слуге или первому, кто откроет дверь, а лично адресату, – объясняла Кэт. – Он работает у господина Хэксби, под вывеской с розой, его фамилия Бреннан, у него худое лицо и рыжие волосы. Он племянник господина Мангота.

Разносчик улыбнулся ей беззубым ртом и плюнул в очаг, едва не попав в котелок с супом.

– Тогда с вас еще шиллинг.

Кэт нехотя уплатила полную сумму. Разносчик повернулся, собираясь уходить, и тут дверь черного хода открылась и в кухню ворвался поток холодного воздуха, а вслед за ним порог перешагнула высокая фигура. Израил Хэлмор.

В его правой руке болталась заячья тушка, уже освежеванная и выпотрошенная. Хэлмор бросил ее на стол, на котором она развалилась в жутковатой пародии на негу.

– Для вашего котелка, хозяин.

Глава 15

Покинув Уайтхолл, я отправился домой. Маргарет подала мне ужин. Вооружившись вилкой и ножом, я накинулся на вареную баранину, словно на врага. В одном я был согласен с Чиффинчем: Олдерли убили. Как бы он проник в подвал сам, без чьей-либо помощи? Кто убрал крышку с колодца? Более того – на полу лежала вынутая из ножен шпага погибшего. На клинке не было ни капли воды. Не намокли даже ленты, обвязанные вокруг рукоятки. Зато ножны вымокли так же сильно, как и их владелец, а значит, когда он упал в колодец, они были у него на поясе.

Это наводило на мысль, что Олдерли обнажил свою шпагу раньше, чем он упал или был сброшен в колодец. А зачем еще доставать шпагу, если не для защиты или нападения?

Поев, я зажег побольше свечей и достал из кармана холщовую сумку, которую дал мне Милкот. Я разложил на столе содержимое карманов Олдерли: два ключа, деньги в плоском кошельке с шелковой подкладкой – с такими ходят игроки – и отсыревшую связку бумаг. Однако последние намокли не так сильно, как мне сначала показалось: похоже, от воды их частично защитила плотная шерстяная ткань камзола Олдерли. Я насчитал пять-шесть небольших листов, единожды сложенных и перевязанных лентой. Верхний лист оказался пустым.

Разрезав ленту, я попытался разделить бумаги. Одна из них тут же порвалась. Взяв всю стопку, я спустился на кухню. Маргарет прибиралась после ужина. При моем появлении она бросила на меня настороженный взгляд, ведь до этого я был с ней резок.

– Насколько горяча печь? – спросил я.

– Это не... я не пользовалась ею с сегодняшнего утра. – Она вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. – Я сгребла уголья в кучу, чтобы к утру они еще тлели. Хотите, я их опять разбросаю, господин?

Печь была встроена в левую стену очага. Наклонившись, я сунул руку внутрь. Кирпичи, которыми была выложена печь, на ощупь были сухими и чуть теплыми.

– Нет, – ответил я. – Угли не трогай. Эти бумаги намокли. На ночь оставлю их здесь сушиться.

– А что мне делать с ними утром?

– Прежде чем разводить огонь, аккуратно достань их и положи туда, где с ними ничего не случится. – Я обвел взглядом полутемную кухню. – Скажем, в миску на шкафу.

Пожелав Маргарет доброй ночи, я вернулся в гостиную, где провел следующие несколько минут, в сиянии свечей разглядывая серебряный ключ.

Судя по размеру и тонкой работе, его изготовили, чтобы открывать шкатулку или дверцу шкафа. Ничего похожего я в квартире Олдерли не видел, а впрочем, имущества у него много, а я осматривал комнаты не настолько тщательно, чтобы заметить все до мелочей. Я еще раз взгляделся в монограмму, но безуспешно: украшенные завитками буквы переплетались так витиевато, что прочесть их было невозможно. Что это – «С»? Или «П»?

Я лег в постель, но события этого дня не давали мне уснуть. Вдобавок меня тревожили мысли об Оливии, леди Квинси. Лежа на спине в кровати с задернутым пологом, со всех сторон окруженный темнотой, я пытался воскресить в памяти черты этой женщины, но тщетно. Вместо этого передо мной ясно возникло лицо ее африканского пажа, глядевшего на меня так пристально, будто мальчик старался меня запомнить.

На рассвете меня разбудил вопль, донесшийся снизу.

Затем Маргарет принялась кричать, а когда она замолчала, чтобы перевести дух, я услышал низкий голос Сэма. Выругавшись, я встал с постели и вышел на лестницу в одной рубашке.

– Придержите языки, черт бы вас побрал! – гаркнул я.

Тут же стало тихо. Потом с лестницы донесся топот Маргарет – она поднималась по ступенькам. Сэм что-то говорил ей вслед жалобным, виноватым тоном. Когда Маргарет добралась до лестничной площадки, щеки ее пылали еще ярче обычного. С мужем она ссорилась частенько и обычно одерживала верх. В руках Маргарет держала глиняную миску.

– Вот ведь остолоп! – переводя дух, выговорила она. – Дубина!

– В чем же он провинился? – спросил я.

– Простите, господин. Ваши бумаги...

– Что случилось?

Маргарет застыла на последней ступеньке, не решаясь ступить на площадку.

– Я их вытащила, сэр, – стала рассказывать она. – Все, как вы велели. Потом я оставила их на столе, всего на минутку, чтобы развести огонь в очаге, а этот недоумок... не поверите, что ему в голову взбрело! Взял один лист, скрутил и сунул в огонь, чтобы от него свечу зажечь!

Маргарет показала мне миску. Бумаги, которые я оставлял в печи, уцелели, но сверху лежал пепел.

Сэм вскарабкался по ступенькам следом за женой.

– Откуда же я мог знать, господин? Эта дуреха бросила их как попало, будто мусор! Я ведь не ясновидящий! Я...

– Хватит, – перебил я его и взял миску у Маргарет. – Уходите оба. Нагреется вода – принесете ко мне в комнату.

Я вернулся в спальню. В ожидании горячей воды для умывания я изучал уцелевшие бумаги. Листы хорошо просохли, и теперь разделить их не составило труда. Одна из бумаг оказалась очередным счетом, на этот раз от перчаточника Олдерли. А вот счет из таверны за еду и напитки, на бумаге винные пятна, а внизу кое-как нацарапано: «оплачено». Другие два листа также не представляли интереса: неразборчиво напечатанный политический памфлет, в котором яростно ругали лорда Кларендона, и приглашение в Королевский театр – там в прошлую субботу давали «Северянку».

А вот и обугленный кусок бумаги – все, что осталось от документа, которым Сэм зажег свечу. Это был неровный уголок листа. Из того, что там было написано, сохранились только четыре буквы: «алим!».

Может быть, Иерусалим? Вот он, ключ к словам, которые Олдерли прокричал вслед Епископу: «...Обязательно расскажи им про Иерусалим». Однако я по-прежнему далек от разгадки, и все из-за того, что Сэм...

Раздался стук в дверь, и в комнату вошла Маргарет с кувшином воды. Вид у нее был такой, будто ее сейчас вздернут на виселицу.

– Сэм и впрямь дурень, – заметил я. – Да и вы не лучше – оставили бумаги без присмотра. И я тоже умом не блещу, иначе бы этого не допустил.

У Маргарет, похоже, дрожали колени, однако она почтительно присела и поставила кувшин на умывальник.

Я взглянул на ее удрученную физиономию.

– Женщина, хватит разыгрывать трагедию! Все мы совершаем ошибки. Это не конец света. Будьте добры, передайте Сэму, чтобы как следует вычистил мой плащ.

Маргарет поспешила покинуть комнату. При этом вид у нее был такой, будто ее помиловали в последнюю минуту перед казнью. Не так давно они с Сэмом опустились на самое дно нищеты, и я подозревал, что в глубине души оба до сих пор боятся, что я отправлю их туда, откуда забрал.

Одевшись, я сошел вниз. После завтрака я написал короткое письмо одному из личных корреспондентов господина Уильямсона – сеть, в которую входил этот человек, опутывала всю страну и снабжала моего начальника сведениями, как официально, так и конфиденциально. Я решил обратиться к некоему Фишеру, содержавшему маленькую таверну в Уотфорде, в двух шагах от церкви.

Я часто вел переписку с этим корреспондентом от имени господина Уильямсона и поэтому был уверен: Фишер не заподозрит, что на этот раз я обращаюсь к нему от себя лично. Из письма следовало, что мне якобы велели разузнать, не баламутят ли умы жителей городка странствующие проповедники, и если да, упоминают ли они в своих речах Иерусалим.

Люди подобного сорта часто рассуждают о Новом Иерусалиме, царстве небесном, в которое превратится Англия, когда все ее обитатели ступят на праведный путь добродетели, а что именно считать добродетелью, на то у проповедников свое мнение. Религия и политика всегда шли рука об руку, и часто под личиной священнослужителей скрывались агитаторы, с неподдельным пылом старавшиеся разжечь пламя мятежа.

В былые времена отец Эдварда Олдерли являлся с подобными людьми. Возможно, сын пошел по его стопам. А если так, то его гибель вызовет еще больше нежелательных осложнений, чем я ожидал.

В послесловии я дал понять господину Фишеру, что дело не терпит отлагательств, и намекнул, что господин Уильямсон будет особенно благодарен, если корреспондент пришлет ответ срочной конной почтой.

Я позвал Сэма. Когда он, ковыляя, вошел в комнату, при виде него я испытал уже ставшую привычной смесь раздражения, досады и, если уж говорить начистоту, дружеского расположения. Сэм Уизердин служил на флоте, пока голландская пушка не отстрелила ему правую

ногу ниже колена. В результате Сэм передвигался при помощи деревянного протеза и костыля. Когда он поступил ко мне на службу, я выдал ему приличное платье, чтобы он выглядел как подобает слуге человека, чья карьера в Уайтхолле идет в гору. Я настоял, чтобы Сэм брился раз в неделю. Но что бы я ни говорил и ни делал, придать Уизердину respectable вид никак не получалось. Волосы у него вечно торчали в разные стороны, одежда смотрелась неряшливо, и, что хуже всего, была в нем какая-то лихость, которую я никак не мог побороть. Время от времени Сэм не прочь был залить глаза, но длительный опыт научил его ловко это скрывать, и припереть его к стенке было не так-то просто. Однако Сэм обладал качествами, которые я со временем ценил все больше.

– Я вычистил ваш плащ, господин, – сообщил он. – Ни капельки грязи не пропустил. Он теперь как новый. И туфли ваши я тоже почистил.

– Отнеси-ка это письмо на почту, – приказал я, отсчитывая деньги и за быструю доставку, и за ответ. – Срочно.

Сэм не ответил, но по выражению его лица я понял, что он считает поручение такого рода ниже своего достоинства. Он протянул грязную ладонь, взял деньги и письмо и с протяжным вздохом вышел из комнаты, а когда закрывал за собой дверь, хлопнул ею громче обычного.

Глава 16

Около дюжины мужчин и женщин собрались у ограды Кларендон-хауса. Всех, кто входил или выходил за ворота, они провожали свистом и окриками.

– Дюнкерк-хаус! – неслись в мою сторону вопли, пока я дожидался, чтобы меня пропустили. – Танжер! Бесплодная королева! Голландский изменник! Под суд мерзавца!

Встречать меня вышел Джордж Милкот в элегантном черном камзоле.

– И часто здесь такое? – спросил я, когда мы шли через передний двор.

– Иногда, – ответил Милкот, оглядываясь на толпу. – Время от времени мы их разгоняем, но они из-за этого только сильнее буйствуют. Да и что толку? Они ведь в любом случае появляются снова. Ни дать ни взять вши.

– Удивляюсь, что они находят время на подобные забавы.

– Видите тех двоих, что стоят позади? – Милкот остановился и указал на них. – Мужчину в коричневом камзоле и толстяка с тяжелой старинной шпагой? Подозреваю, что зачинщики – они, и деньги на эти «забавы» поступают из их карманов.

– О чем это вы?

– Я их уже видел. Они всегда стоят поодаль. Поблизости есть пивные, где за деньги при желании можно собрать целую толпу. Пару раз угостить завсегдатаев выпивкой, раздать монеты и сказать, что это лишь задаток, основная награда будет потом. А у ворот они стоят и следят, чтобы хозяйские деньги не оказались выброшены на ветер.

Некоторое время я в задумчивости разглядывал толпу. Мужчина в коричневом показался мне смутно знакомым, но я не мог припомнить, где его видел. Мы зашагали к дому. Солнце уже взошло, однако в столь ранний час главный фасад был погружен в тень.

– И кто же подкупает толпу? – спросил я.

Милкот улыбнулся мне:

– Хороший вопрос. Наверняка не скажу, но, по всей видимости, этот человек служит герцогу Бекингеу. У его светлости есть и другие враги, но большинство из них не опустится до подобной тактики.

Однако герцог любит действовать исподтишка. – Несмотря на улыбку, в тоне Милкота прозвучала горечь. – Фортуна настолько щедро осыпала его дарами, что он считает, будто для него закон не писан. Однако герцог и его наемники могли бы проявить милосердие и не досаждают его светлости в час печали.

– Вы про отставку лорда Кларендона?

– Нет, про смерть леди Кларендон. – Милкот горько усмехнулся. – Но от этого сброда добрых чувств ожидать не приходится, да и герцог Бекингем не лучше. Не люди, а звери!

Я кивнул, хотя и был не вполне с ним согласен. Милкот оценивает ситуацию с точки зрения лорда Кларендона, да и сам он в деньгах явно не нуждается: хорошо одет и обут, живет в роскошном доме.

Однако я понимал, что для толпы помпезность и великолепие особняка Кларендона – все равно что пощечина, особенно после того, как дома многих из этих людей у них на глазах обратились в пепел во время Пожара. Герцог Бекингем же, при всем своем богатстве и парадном блеске, умел расположить к себе простых лондонцев.

– Горс ждет нас в павильоне, – сообщил Милкот. – Я решил на всякий случай не позволять ему общаться с другими слугами и отправил его белить комнату наверху. Горс был очень недоволен. Ему приказано держать язык за зубами, однако предосторожности лишними не будут.

К этому моменту мы обогнули дом сбоку и вышли в сад. С главного двора донеслись крики, топот копыт и стук колес кареты.

– Герцог Йоркский прибыл, – пояснил Милкот. – Должно быть, для очередной личной беседы с его светлостью.

– Герцог здесь частый гость?

– Разумеется, у них ведь столько общих интересов! Лорд Кларендон – тесть герцога и дед его дочерей.

Милкот довольно-таки прозрачно намекал, что у лорда Кларендона есть влиятельные сторонники, и даже после утраты бывшего статуса он остается человеком, ссориться с которым неблагоприятно. Его связи с королевской семьей весьма тесны. Как известно всему свету, после смерти короля на трон взойдет герцог Йоркский, а внучка Кларендона, принцесса Мария, станет следующей наследницей престола.

Некоторое время мы шагали молча, оба погруженные в свои мысли. В другом конце сада шли работы, но в пределах пятидесяти

ярдов от нас никого не было.

– Прежде чем зайдем в павильон, скажу вам то, что предназначено только для ваших ушей, – произнес я. – Помните, что вы предлагали мне вчера?

Милкот отпрянул, и в его взгляде отразился испуг.

– Я позволил себе забытья, сэ... Ради бога, простите. Давайте забудем об этом разговоре.

– Не выйдет, – ответил я. – Нам приказано воплотить вашу идею в жизнь.

Милкот прирос к месту и уставился на меня во все глаза.

– Приказано? Кем?

– Этого мне говорить не дозволено.

Милкот шумно выдохнул. Как человек неглупый, он наверняка понимал, что без ведома короля приказ такого рода отдать не могли, и, скорее всего, к делу приложил руку герцог Йоркский. Наверное, за этим он здесь – чтобы обсудить ситуацию с тестем.

– Признаться, сэ, такого поворота я не ожидал, – произнес Милкот.

– Я тоже. Но сейчас мы с вами должны найти лучший выход из положения.

– Как вы смотрите на план, который я изложил вам вчера?

Мы оба остановились, будто по команде.

– Оставить тело в пруду возле Оксфорд-роуд?

Мой разум будто разделился на две половины: одна хладнокровно готовилась нарушить закон, избавившись от тела жертвы, а вторая в ужасе вскидывала к небу воображаемые руки, трепеща при одной мысли о том, как низко я пал и сколько опасностей меня подстерегает.

– На этот ваш план я смотрю положительно.

– Тогда приведем его в исполнение сегодня же, после наступления темноты. Чем скорее, тем лучше.

– Как мы его туда доставим?

– Закинем на коня и привяжем, – ответил Милкот так невозмутимо, будто подобные вопросы для него обычное дело. – Возьмем вьючную лошадь и завернем его в полотнище, чтобы было похоже на тюк. Отсюда через поля идет дорожка, ведущая к Оксфорд-роуд. Кстати, втроем будет проще: один ведет лошадь, а другие двое идут по обе стороны от нее. Надо позвать Горса.

– Слугу? Вы уверены?

– Лучше обратиться к нему, чем привлекать к делу нового человека. Горсу ведь и без того известно слишком много, ведь тело в колодце обнаружил именно он. Разумнее держать его при себе. К тому же на Горса можно положиться.

– На всех можно положиться, – заметил я. – До первого предательства.

– Выдав нас, Горс фактически признается, что он наш сообщник. А этот слуга человек разумный. Главное – щедро ему заплатить, и он будет держать язык за зубами. К тому же он умеет обращаться с лошадьми.

– Горс не должен знать, кто я такой, – предупредил я. – И кто меня прислал.

– Хорошо, – согласился Милкот. – Сегодня же после вашего ухода я обсужу с ним этот вопрос с глазу на глаз.

Меня по-прежнему одолевали сомнения.

– На Пикадилли даже ночью можно кого-нибудь встретить.

– Это я предусмотрел.

Милкот объяснил, что к юго-востоку от этого сада расположены приусадебные конюшни, дворы, фруктовые сады и огороды. Он сказал, что в ограде большого сада, где мы сейчас находимся, есть ворота, ведущие в хозяйственную часть поместья. Милкот договорится с мажордомом, чтобы ночью нас пропустили туда и обратно, к тому же собак выпускать не станут, а сторожам и патрульным велют не обращать на нас внимания. Милкот заверил, что такого рода приказы никого не удивят, ведь лорд Кларендон часто дает тайные поручения, которые нужно исполнять в ночную пору. На тачке мы довезем тело от павильона до конюшни, а там будет стоять наготове лошадь. Оттуда мы, никем не замеченные, выйдем на дорожку, ведущую на север, к Оксфорд-роуд, и тогда Пикадилли нам и вовсе не понадобится.

– Я возьму шпагу и пистолет, вы тоже, а Горса вооружим дубинкой, – продолжил Милкот. Теперь, когда речь зашла о практических аспектах нашего предприятия, он сразу приободрился. – Я знаю, куда идти. Вчера вечером я прогулялся по этой дорожке, чтобы убедиться, что она по-прежнему проходима. Местами ее развезло, но это нам не мешает. Возле Оксфорд-роуд есть один пруд. Для нашей цели он подходит идеально.

Меня восхитила его дотошность. Мне так часто приходилось иметь дело с людьми недалекими, что теперь я по достоинству ценил тех, кто не полагается на одну лишь волю случая.

– А как мы поступим с его одеждой?

– Когда побеседуете с Горсом, велю ему избавиться от этих вещей. Заодно пусть выловит из колодца парик и сожжет все вместе.

– Шпага тоже должна исчезнуть.

Милкот поморщился, как от боли.

– Оружие работы Клеменса Хорна? Какая жалость!

– Так надежнее. К тому же на ней герб Олдерли.

Мы прошли еще несколько шагов, и я дотронулся до рукава Милкота.

– Вы доложите обо всем его светлости, сэр?

– Таков мой долг. Лорду Кларендону известно, что тело Олдерли в павильоне, и он захочет знать подробности. – Милкот нахмурился и принялся рыть носком туфли гравий на дорожке. – Но, пожалуй, будет лучше, если он обо всем узнает, когда дело будет сделано.

Мы с ним переглянулись, и я понял, что нас обоих посетила одна и та же мысль: мы оба служим людям, предпочитающим ничего не знать заранее и не вникать в подробности того, как именно их желания воплощаются в жизнь. Часто они изъявляют свою волю лишь намеками, вместо того чтобы выразиться прямо. В некотором смысле люди, подобные Милкоту и мне, – их левая рука, трудящаяся в потемках для того, чтобы правая оставалась чистой и выглядела безукоризненно даже при беспощадно ярком дневном свете.

Мэтью Горс оказался крепко сложенным парнем с веснушчатой физиономией. На месте передних зубов у него во рту зияла брешь. Мы нашли Горса на втором этаже павильона, во внушительном зале с двумя расположенными друг напротив друга окнами от пола до потолка. Это помещение явно предназначалось для приемов. Вооруженный ведром с побелкой и кистью, слуга был занят работой. На одной стене результаты его трудов уже были заметны – до карниза оставался примерно ярд. При нашем появлении Горс снял шляпу и кивнул мне и Милкоту, – человеку, стоящему на верхушке лестницы, трудно отвешивать поклоны. По распоряжению Милкота Горс спустился, прислонил кисть к ведру и вытер руки тряпкой. Хотя Милкот дал мне

понять, что этот человек считает подобную работу унижительной для себя, Горс никак этого не показывал. А впрочем, хороший слуга быстро учится скрывать свои чувства.

Милкот по порядку расспросил Горса обо всем, что тот видел вчера утром, когда обнаружил тело. Слуга отвечал четко и без обиняков, и его версия событий до мельчайших подробностей совпадала с рассказом Милкота.

Я же тем временем отвернулся и устремил взгляд в окно, на сад и особняк. Эта часть здания была точной копией парадного фасада: пятнадцать травей^[2], два боковых крыла и лестница, ведущая к двери. Передо мной не просто жилище, а символ богатства и власти. Однако особняк смотрится внушительнее, чем его хозяин, – одинокий, страдающий подагрой старик, подставляющий под ноги скамеечку и целыми днями сидящий в маленьком, жарко натопленном кабинете, полном книг, в то время как у ворот выкрикивают оскорбления его враги.

– Вы не заметили следов взлома? – спросил Милкот.

– Нет, сэр. Никаких. Окна были заперты, и дверь, ведущая на крышу, тоже.

Я пересек комнату и приблизился к противоположной стене. Из окна открывался вид на поля и фруктовые сады за домом. Оба высоких окна были разделены на две половины средниками, сверху располагались фрамуги, а внизу окна были створчатыми. Судя по стеклу и фурнитуре, они являлись частью старого павильона, который Хэксби вместе с работниками скрывали под слоем нового камня. Я отодвинул задвижку на окне справа и толкнул створку. Окно открывалось наружу.

– У вас есть вопросы к Горсу, сэр? – спросил меня Милкот.

Я повернулся к ним.

– Пока нет.

Во взгляде Милкота промелькнуло что-то, очень похожее на облегчение.

– Что дальше, сэр? – спросил он.

– Можно еще раз осмотреть кухню? – поинтересовался я. – Важные мелочи легко проглядеть.

– Вы правы, – согласился Милкот. – Предосторожности никогда не бывают лишними.

Кларендон-хаус я покинул почти в полдень. На главном дворе стояла карета герцога, и в ожидании хозяина лошадей водили взад-вперед, чтобы они размялись. Его высочество прибыл с охраной. Присутствие солдат, видимо, спугнуло толпу недовольных, и улица опустела.

Милкот проводил меня до ворот и велел стражникам, чтобы впредь меня пропускали безо всяких вопросов, в какое бы время я ни пожаловал. В этот раз на предложение Милкота отобедать вместе я ответил отказом.

Выйдя на Пикадилли, я зашагал на восток, в направлении Холборна и церкви Святого Эгидия. Примерно через сто ярдов я свернул налево, на узкую дорожку, идущую вдоль стены, за которой располагались принадлежащие лорду Кларендону конюшни, фруктовые сады и огороды. Милкот не единственный, для кого важно заранее исследовать местность.

Часть дорожки возле ворот, ведущих к конюшне и кухне, недавно разравнивали, но дальше она сужалась так, что проехать по ней могла разве что одна-единственная повозка, и то не везде. К тому же дорогу развезло после вчерашнего дождя, а из-за следов многочисленных ног, испещривших землю за долгие годы, на ней твердого места не осталось.

Стена сменилась изгородью. Недавно здесь гнали коров, о чем нетрудно было догадаться по обильным свидетельствам прохождения стада. Я топал по грязи, бормоча ругательства, когда летевшие из-под ног брызги попадали на туфли и чулки. Время от времени за стеной мелькали высокие трубы Кларендон-хауса.

Наконец я остановился у ворот слева. За ними раскинулось поле, отведенное под пастбище. Слева его границу обозначала высокая стена большого сада, у которой друг напротив друга стояли павильоны.

В углу несколько унылых коров жались друг к другу под деревом. Без сомнения, они тоже принадлежали лорду Кларендону. Открыв ворота, я побрел вдоль стены, поверху утыканной шипами. Пустое пространство в середине северной стены, перегороженное временным, но крепким частоколом, обозначало место, где будут установлены ворота. Я обратил внимание на низкую калитку, через которую иногда ходили садовники и строители. Я поднял щеколду, но, как я и ожидал,

калитка оказалась заперта на засов с другой стороны. Траву возле нее успели вытоптать.

Павильон, в котором сейчас лежало тело Олдерли, располагался в дальнем углу сада. Если смотреть на него с поля, секреты истории павильона сразу бросались в глаза: с этой стороны ясно просматривалась кирпичная кладка старого здания. Пробежав взглядом по верху стены, я добрался до балюстрады смотровой площадки на крыше павильона. Здесь пока никто не пытался спрятать старый кирпич под современным каменным фасадом. С поля дом видели только коровы, истоптавшие копытами всю землю вокруг.

Продвигаясь вдоль стены, я зашагал обратно, по пути внимательно разглядывая тропу у себя под ногами. Примерно на полпути, у дальнего конца частокола, я заметил след – или, если быть точным, часть следа. Отпечаток ноги угадывался безошибочно, однако, к своей великой досаде, никаких важных деталей я разглядеть не сумел. По фрагменту следа трудно было определить даже его размер и форму, не говоря уже о том, чтобы увидеть особые приметы вроде отпечатков гвоздей, которыми подбита подошва.

Всего лишь часть следа, и больше ничего. Но его мог оставить кто угодно – к примеру, пастух.

Я повернулся, собираясь уходить. Хватит себя обманывать. Что я надеялся обнаружить на грязном поле?

Глава 17

Я шагнул через парк к Уайтхоллу. Я слышал, что дворец насчитывает более двух тысяч комнат и является самым большим в Европе. Скорее всего, он превзошел всех не только размерами, но и уродством, а также запутанностью планировки. По соседству, к северу от реки, неподалеку от Чаринг-Кросс и Стрэнда, располагался такой же непроходимый лабиринт из дворов, образующих Скотленд-Ярд. Это было более будничное место, чем Уайтхолл. В Скотленд-Ярде хватало и покоев, и кабинетов, но были также и хозяйственные постройки, угольные и дровяные склады, конюшни и пакгаузы.

Штаб-квартира «Газетт» также находилась в Скотленд-Ярде. Благодаря нашим трудам газета исправно выходила дважды в неделю, а также мы выпускали новостные бюллетени, предназначенные для узкого круга лиц, распространением которых занимался Уильямсон, и собирали по его приказу любые нужные ему сведения.

Кроме того, в Скотленд-Ярде размещалась тюрьма – маленькое двухэтажное здание рядом со Скотленд-док, речной пристанью, к которой причаливали суда, доставлявшие в Уайтхолл тяжелые грузы. Иногда власти высаживали на эту пристань заключенных или, наоборот, забирали их оттуда – чаще всего по ночам, ведь это место было гораздо более уединенным, чем общественная лестница Уайтхолла или расположенная выше по течению королевская Собственная лестница.

Тюрьма в этом здании размещалась не всегда. Для этой цели его приспособили во времена Оливера Кромвеля, когда он вел в Уайтхолле жизнь, достойную монарха, – король не по титулу, но по сути. В этих камерах арестованных подолгу не держали. Их допрашивали, а затем либо отдавали под суд, либо отпускали. Чаще всего сюда отправляли подозреваемых в государственной измене. При обычных обстоятельствах узников подобного рода содержали в Тауэре. Но иногда из соображений удобства или секретности власти несколько дней допрашивали арестанта здесь. К тому же так друзьям заключенного на воле было труднее напасть на его след.

Отобедав, я отправился в Скотленд-Ярд, к тюрьме. Я показал свой ордер пухлому сержанту, который исполнял обязанности тюремщика.

Его взгляд скользнул по шрамам у меня на лице.

– Кто вам нужен, сэр?

– Человек по фамилии Хэксби.

– А-а, старик с трясушкой и пустым кошельком. – Круглое лицо сержанта расплылось в розовой ухмылке. – Где желаете с ним говорить? Сюда его привести или сами к нему пойдете?

– Если Хэксби содержат в одиночной камере, побеседую с ним там.

– Хотите, отправлю с вами стражника? Вдруг он буйствовать начнет?

– Нет, – ответил я. – Хэксби кроток, как ягненок. К нему кто-нибудь приходил?

Тюремщик заглянул в книгу для записей.

– Всего один человек. То ли его секретарь, то ли слуга. Тощий такой, на лисицу смахивает.

– Как его фамилия? Случайно, не Бреннан?

– Да, вроде как-то так. Он принес Хэксби пару рубашек и одеял, а еще поест и немного денег, но они уже кончились.

Пребывать в тюрьме – удовольствие дорогое. Если желаешь быть хорошо одетым и накормленным, а также сидеть в приличной камере, за все нужно платить.

Переваливаясь, сержант вел меня по коридору, позвякивая ключами. Хэксби держали на первом этаже в тесной камере, куда еле-еле помещались койка, один-единственный табурет и ночной горшок. Большинству заключенных приходилось делить камеры с другими. Я сомневался, что Хэксби поселили одного исключительно по доброте душевной. Скорее всего, за эту привилегию заплатил Бреннан. Или, может быть, политическое дело Хэксби слишком щекотливое и поэтому его держат отдельно от других.

Когда я вошел в камеру, старик сидел на табурете, прислонившись к стене. Хэксби пытался читать Библию при свете, проникавшем внутрь через крошечное зарешеченное окошко под самым потолком. День был не холодный, однако Хэксби завернулся в одеяло.

При моем появлении он вскинул голову. Я поглядел на его небритое чумазое лицо. Щеки ввалились, голова напоминала череп, обтянутый кожей. Ни слова не говоря, Хэксби опустил взгляд и снова уставился в книгу.

«Как же Кэт могла обручиться с подобным мужчиной?» – пронеслось у меня в голове.

– Он у нас тот еще болтун, – пошутил сержант. – А если арестанта тут подержать подольше, он сам с собой разговаривать начинает – так их допрашивать проще, даже вопросов задавать не надо. – Запрокинув голову, тюремщик рассмеялся. В воздухе тут же запахло перегаром от эля. – Если не возражаете, сэр, я вас запрю. Соберетесь уходить – постучите в дверь.

Дождавшись, когда шаги в коридоре стихнут, я тихо произнес:

– Сочувствую, что вы оказались в столь бедственном положении, сэр.

– Неужели? – выкрикнул Хэксби тонким, дрожащим голосом. – Почему я должен вам верить?

– Тише. Нас могут подслушивать.

Я подошел к Хэксби так близко, что уловил звуки его дыхания: оно было слишком громким, словно воздух в его легких встречал на пути какое-то препятствие.

– Где Кэт? – спросил я.

– Не знаю. – На этот раз Хэксби понизил голос до шепота. – А если бы знал, неужто думаете, что я бы ее выдал?

– Кэт обвиняют в убийстве Эдварда Олдерли, – произнес я. – Мы должны ей помочь, иначе ее наверняка повесят.

– Она не повинна ни в каких злодеяниях.

Уверенности Хэксби я не разделял.

– Значит, нужно выяснить, кто расправился с Олдерли, а пока я ищу убийцу, Кэт не должна попасть в руки властей. Но без вашей помощи мне не справиться, сэр.

– У нее от вас одни неприятности, Марвуд, – вздохнул Хэксби. – Несколько месяцев назад Кэт чуть не погибла по вашей вине. Желаете этой девушке добра – лучше оставьте ее в покое.

– Лучше всего для Кэт будет, если я найду убийцу Олдерли.

– Подите прочь, Марвуд. Подите прочь.

– Смерть Кэт будет на вашей совести! – разозлился я. – Вы этого хотите?

Мне удалось задеть Хэксби за живое.

– Как вы смеете так говорить?

Старика начало трясти, и на секунду я испугался, что он свалится с табурета.

– Тихо, – велел я. – Ради бога, не кричите. Не знаю, все ли вам рассказали. Рано утром в понедельник тело обнаружили в павильоне Кларендона. Олдерли утонул в колодце. Все двери и окна были надежно заперты, с вечера субботы в павильон никто не заходил. Шляпа и шпага Олдерли валялись на полу, а с колодца кто-то снял крышку.

– Когда мы уходили, колодец был закрыт, – вдруг сообщил Хэксби. – Готов поклясться. Прежде чем запереть павильон, я все проверяю. Каждый раз. В любом случае колодец мы не открывали с начала прошлой недели.

– Хорошо, – произнес я. – Эти сведения мне пригодятся.

– Мы собираемся отгородить колодец от остальной части кухни. Так безопаснее. Пожалуй, нужно установить там насос. Непременно поговорю с господином Милкотом.

Голос Хэксби вдруг зазвучал увереннее, и в его взгляде даже появился молодой задор. А потом старик вспомнил, где он и для чего я задаю ему все эти вопросы, и закрыл лицо руками.

– Кэт ходила в павильон с вами?

– Иногда, – ответил Хэксби. – А в прошедшие неделю-две мы посещали Кларендон-хаус почти каждый день: мы обсуждали ход работ с господином Милкотом и наблюдали за строителями. Все они лентяи и неумехи, за ними нужен глаз да глаз. – Хэксби поджал губы. – Помоему, Кэт внушала им больший страх, чем я.

– Мне сказали, что вам дали ключ от павильона.

– Да. Когда меня арестовывали, его забрали.

– Где вы его хранили?

– В чертежном бюро, где же еще?

В последний раз я разговаривал с Хэксби четыре месяца назад, и тогда Кэт ночевала в маленькой каморке в чертежном бюро на Генриетта-стрит, а Хэксби каждый вечер возвращался в квартирку, которую снимал неподалеку от Стрэнда. Но теперь, когда эти двое обручены, их житейский уклад мог измениться: для некоторых пар помолвка означает полноценное сожитительство.

– А ночью? – уточнил я.

Хэксби нахмурил косматые брови:

– К чему вы клоните? Обычно я оставляю ключи своих клиентов в мастерской. Там они лежат в целости и сохранности.

– А где спит Кэт?

– Там же, в мастерской. Пока она ночует у себя в каморке. Я ей полностью доверяю, господин Марвуд, и у меня нет ни малейших сомнений в ее честности. Вам известно, что мы намерены сочетаться браком? Даст Бог, оглашение помолвки состоится здесь, в Ковент-Гарден, в соборе Святого Павла. А после свадьбы мы, я полагаю, будем жить вместе на Генриетта-стрит. Я договорился о том, чтобы взять в аренду квартиру под мастерской.

Я кивнул. Узнав, что Хэксби и Кэт пока спят в разных постелях, я, сам не зная почему, испытал облегчение. Однако я не мог отмахнуться от неприятного факта: вечером, когда Хэксби и Бреннан покинули мастерскую, Кэт ничто не мешало взять ключ от павильона.

– Почему меня сюда упекли? – вдруг выпалил Хэксби. – Я-то в чем виноват? С чего бы мне желать Олдерли зла? Мои тюремщики все допытываются, где Кэт, но я не знаю. А жаль.

Я присел перед ним на корточки.

– Чтобы помочь Кэт и вам заодно, я должен найти ее, – шепотом произнес я. – Может, вы хотя бы догадываетесь, где она?

– Не знаю, – повторил Хэксби. – И точно так же я не знаю, можно ли вам верить?

Я проигнорировал этот выпад.

Старик некоторое время колебался, но наконец решил, что от его молчания пользы не будет.

– В субботу мы вместе ужинали в «Барашке», – наконец проговорил он. – Помните таверну на Уич-стрит, где мы встречались в мае? А потом мы пожелали друг другу доброй ночи и разошлись в разные стороны.

– Вы не заметили в поведении Кэт ничего странного?

Хэксби пожал плечами:

– Нет. Пожалуй, она была молчаливее обычного... – И снова Хэксби ненадолго оживился. – Помню, мы говорили про доктора Гука. До меня дошли слухи, что он будет проектировать дом во французском стиле для милорда Монтегю.

– Значит, после ужина вы расстались?

Хэксби кивнул:

- Кэт пошла обратно в мастерскую, а я – домой.
- Выходит, в последний раз ее видели в «Барашке»?
- Если говорить только обо мне, то да.

Я устремил на него пристальный взгляд.

- То есть после ужина Кэт видел кто-то другой?

– Бреннан. Он ужинал с нами и вызвался проводить ее до мастерской. Бреннан живет неподалеку от Чаринг-Кросс, так что большой крюк ему делать не пришлось, а в Ковент-Гарден, к сожалению, полно всяких распутников, особенно по вечерам. – Во взгляде Хэксби я прочел беспокойство. – Бреннан и раньше провожал ее, когда мы ужинали в «Барашке».

– Вчера утром, не найдя Кэт в мастерской, вы с Бреннаном встревожились?

– Нет. Вернее, не сразу. Она говорила Бреннану, что в понедельник с утра ей нужно уйти по делам. Однако время шло, Кэт не возвращалась, и я начал волноваться. А потом...

Я еще несколько минут задавал ему вопросы, но ничего существенного не узнал. Хэксби ужасно беспокоился и за Кэт, и за собственную судьбу. Архитектора преследовал страх, что без своей помощницы он не сможет работать, а с нашей последней встречи его дрожательный паралич усугубился. Однако, несмотря на всю свою уязвимость, Хэксби не доверял мне, а значит, мог что-то утаить.

Наши пути уже неоднократно пересекались, но я каждый раз сомневался, откровенен он со мной или нет. Во-первых, я служу королю и правительству, он же во времена Кромвеля и наших недавних смут принадлежал к противоположному лагерю. Из-за Кэт у нас тоже возникали разногласия. Хэксби полагал, что в мае я подверг ее опасности, но за это его трудно было винить: тут старик прав.

Уходя, я дал Хэксби десять шиллингов и велел купить на эти деньги что-нибудь более питательное, чем смесь крупы, прогорклого жира и крысиного помета, которой кормят заключенных, не имеющих средств, чтобы платить за кормежку. По пути к выходу я дал сержанту корону и предупредил, что со стариком нужно обращаться хорошо.

Многозначительно подмигнув тюремщику, я пояснил доверительным шепотом:

– Сильным мира сего угодно, чтобы старик пока был сыт и оставался в добром здравии.

– Как гусь, которого откармливают к Рождеству, сэр?

– Именно. – Я похлопал по кошельку. – Если все будет благополучно, вернусь через день-другой и вы получите еще одну крону.

Выйдя на улицу, я обнаружил, что опять полил дождь. Погода соответствовала моему мрачному настроению. Увидев Хэксби в столь жалком состоянии, я был искренне опечален. К тому же я ни на шаг не продвинулся к цели. Я не напал на след убийцы Олдерли и не имел ни малейшего представления, где Кэт. И мне не давали покоя мысли об авторе анонимного письма: кто выдал Чиффинчу Хэксби и Кэт? Да и предстоящей встречи с Милкотом и Горсом я ждал отнюдь не в радостном предвкушении.

Да и то, как я вел себя с сержантом, мне совсем не понравилось. Я и не думал, что так хорошо усвоил дворцовые уловки: угрозы, подкуп, лесть. Я настолько в них преуспел, что боялся, как бы они не стали частью моей натуры.

Как говаривал мой батюшка, черного кобеля не отмоешь добела. А я уже замарался в грязи так, что чернота пристала ко мне намертво.

Глава 18

У главных ворот Уайтхолла я взял наемный экипаж. Уже закрывая дверцу, я заметил среди мужчин, стоявших под аркой, знакомое лицо.

Он это или нет, я был не уверен, однако незнакомец напомнил мне мужчину в коричневом камзоле, который сегодня утром привел толпу к Кларендон-хаусу. Милкот подозревал, что этот человек служит герцогу Бекингему. Но разглядеть мужчину как следует я не успел: он отвернулся и неторопливо скрылся из виду.

Внезапно, с ощущением надвигающейся катастрофы, я вспомнил, где видел его раньше: он был не только возле Кларендон-хауса, но и до этого, в воскресенье, стоял перед домом, где леди Квинси, Стивен и я наносили визит господину Найту. Но какая связь может быть между врагами лорда Кларендона и визитом леди Квинси к доктору?

Я велел извозчику ехать в Ковент-Гарден. Теперь, когда Олдерли мертв, а мне дан приказ расследовать и его убийство, и исчезновение Кэт, я могу посетить чертежное бюро Хэксби не таясь, в открытую. По пути я гнал от себя мысли о мужчине в длинном коричневом камзоле. Ни возле Уайтхолла, ни на Пикадилли я не видел его вблизи. Следуй он за мной всю дорогу от Кларендон-хауса, я бы заметил его гораздо раньше. Может быть, меня сбilo с толку случайное сходство.

Когда извозчик высадил меня на Генриетта-стрит, я постучал в дверь дома, где располагалась мастерская, и спросил Бреннана. Сторожа моя наружность показалась достаточно respectable, и он впустил меня без лишних вопросов. Он уже собирался звать мальчика на побегушках, чтобы тот проводил меня наверх, но я произнес:

– Сначала я должен вам кое-что сказать наедине. Я только что навещал господина Хэксби в Скотленд-Ярде. Он волнуется за свою кузину, госпожу Хэксби. – Кэт жила здесь под этой фамилией, скрывая свое истинное происхождение. – Она еще не вернулась?

Сторож прищурился:

– Ничем не могу помочь, сэр. Я их почти не знаю.

Врать он совсем не умел. Видно, сторожа напугал арест Хэксби и он решил держать язык за зубами.

Я показал ему ордер.

– Именем короля, госпожа Хэксби приходила?

Сторож переминался с ноги на ногу.

– Нет, сэр.

– Когда вы в последний раз ее видели?

– В субботу вечером.

В награду я дал ему шиллинг. Затем, будто меня вдруг осенило, я спросил:

– А вы, случайно, не видели, как госпожа Хэксби возвращалась домой после ужина?

– Да, тогда я ее видел, сэр.

Сторож запнулся. Он не сводил глаз с ордера у меня в руке. Он сделал ударение на слово «тогда».

– И?..

– Тем же вечером я видел госпожу Хэксби еще раз, сэр, когда она уходила. Сказала, что идет в гости к друзьям и, может быть, останется ночевать.

– К друзьям? Каким друзьям?

Сторожа все сильнее одолевало смущение.

– Имен она не называла.

– Госпожа Хэксби часто отправлялась в гости с ночевкой?

– Откровенно говоря, до того вечера – ни разу. – Тут сторож едва заметно пожал плечами, будто приняв некое решение. – Скажу вам по секрету, госпожа Хэксби ускользнула тайком. Она не хотела, чтобы об этом кто-нибудь знал – ни господин Хэксби, ни господин Бреннан. Сказала, что не хочет их беспокоить.

– Как вам кажется, куда она пошла?

– Молоденькая женщина сбегает из дому в одиннадцать часов вечера, сэр. – Сторож подмигнул. – Втайне от жениха. Тут к гадалке не ходи, сэр.

– То есть госпожа Хэксби ушла к любовнику? – проговорил я. – Что ж, возможно, ваша догадка верна. Вы правильно сделали, что все мне рассказали.

Мальчик отвел меня наверх. Бреннан стоял, склонившись над чертежной доской. Привлекательной внешностью он не отличался, но то же самое я мог сказать и о себе.

– Господин Марвуд, – произнес чертежник, отложив перо и идя мне навстречу. – Что вас сюда привело?

– Я только что от вашего хозяина, – ответил я.

– Значит, его из-за вас арестовали? – выпалил Бреннан.

– Нет, конечно. Моя задача – помочь вам и госпоже Хэксби.

При упоминании о Кэт щеки Бреннана порозовели. Должно быть, этот бедолага влюблен в нее, а ко мне испытывает неприязнь, по глупости считая меня соперником в борьбе за ее сердце.

– Я должен поговорить с госпожой Хэксби, иначе я ничем не смогу ей помочь, – продолжил я.

– Вы вовсе не собираетесь ей помогать. Вы хотите, чтобы я ее выдал.

Отвага Бреннана вызывала уважение, однако природа обделила его умом.

– Не говорите глупостей. Чтобы вас арестовали, достаточно одного моего слова, но Кэт и господину Хэксби от этого никакой пользы. В субботу вечером вы ужинали с ними обоими в «Барашке», а затем проводили Кэт до мастерской. О чем вы говорили?

– Ни о чем. – Бреннан махнул рукой в сторону письменного стола. – О работе.

Терять мне было нечего, и я решил прибегнуть к блефу.

– Думаю, вам известно, где Кэт. Передайте ей, что я приходил. Скажите, что я постараюсь ей помочь, но для этого она должна со мной встретиться. А иначе я ничего не смогу для нее сделать. – Бреннан пожал плечами и отвернулся. – В противном случае Кэт рано или поздно найдут и повесят, – тихо прибавил я. У Бреннана перехватило дыхание. Однако он продолжал молчать. – А виноваты будете вы.

Бреннан был тверд как скала. Я упрасивал его. Угрожал. Кричал. И все это время он стоял передо мной с пером в руке, упрямой решимостью во взгляде и губами, сжатыми плотно, будто створки раковины устрицы. Отправь я его на костер, он и тогда не проронил бы ни слова. Я видел, как вера превращает человека в мученика. Оказывается, той же силой обладает и любовь.

Тут в открытую дверь постучали. В проеме маячил мальчик на побегушках.

– К вам человек, сэр, – доложил паренек, глядя на Бреннана.

– Какой человек?

– Не знаю, сэр. У него для вас что-то есть. Он ждет внизу.

– Скажи, чтобы поднимался сюда.

– Он не хочет, сэр. Боится оставлять лошадь и поклажу.

– Что он там принес? Почему нельзя отдать эту вещь тебе?

Молча глядя на Бреннана, мальчик недоуменно пожал плечами. Бреннан выругался и произнес:

– Так и быть, сейчас спущусь. – Он взглянул на меня. – Только после вас, сэр.

Он явно был рад поводу от меня избавиться. Один за другим мы сошли вниз. Сторож стоял на пороге и разговаривал с человеком, похожим на разносчика. Он был одет в лохмотья, а глаза его сильно косили. Собеседники шагнули в стороны, давая мне дорогу. Я медленно направился в сторону Ковент-Гарден.

– Что вам нужно? – раздался у меня за спиной голос Бреннана.

– Вы господин Бреннан? – уточнил разносчик. – Да, волосы рыжие, все верно. У меня для вас письмо.

Я оглянулся. Бреннан глядел мне вслед поверх плеча разносчика. Я вскинул руку, будто прощаясь, и поспешил прочь.

От Ковент-Гарден я брел под дождем к Феттер-лейн. По пути я нарочно прошел мимо Клиффордс-инн, где заседал Пожарный суд, призванный разрешать спорные вопросы, касающиеся восстановления Лондона после Пожара. Тогда я получил ожоги, шрамы от которых остались на всю жизнь. Бывает, что нужно встретиться со своими демонами лицом к лицу, иначе они станут сильнее.

Пройдя через ворота на Феттер-лейн, я повернул в сторону Холборна. На западной стороне стояла вторая гостиница на Чансерилейн, Барнардс-инн: расположение весьма удачное для ее обитателей, ведь в прошлом году почти все здания в восточной части улицы уничтожил Пожар. На их месте остался лишь пустырь с закопченными руинами и самодельными хижинами, в которых ютились бедняки.

Я спросил у сторожа, где я могу найти господина Тёрнера, и мне было велено подниматься по лестнице в дальней части коридора. Когда-то гостиница предназначалась для студентов, изучающих право, но в последнее время здесь все чаще селились поверенные: им было удобно вести дела отсюда.

Господин Тёрнер занимал просторные апартаменты на втором этаже. В приемной за высоким столом трудился его секретарь. Вдоль стен стояли многочисленные ящики для документов, а на полках высились стопки перевязанных лентами папок.

Дверь в кабинет была приоткрыта, и я заметил двух мужчин, поглощенных разговором. Их увенчанные париками головы почти соприкасались.

– Фрэнкли! – раздался резкий окрик, и одна из голов в парике повернулась к клерку и ко мне. – Я же велел вам закрыть дверь.

Секретарь сорвался с места и поспешил исполнить распоряжение. Это был темноволосый человек маленького роста, одно его плечо было выше другого. Отвесив поклон, секретарь спросил, чем он может мне помочь.

– Я по поводу закладной, которую недавно погасили. Полагаю, этим делом занимался господин Тёрнер.

На секунду секретарь чуть изменился в лице, – похоже, он понял, о чем речь. Возможно, господин Тёрнер обычно не брал подобные дела, или этот случай был примечателен по другим причинам.

– К сожалению, я не знаю, когда господин Тёрнер освободится, сэр. У него сейчас посетитель.

– Меня интересует квартира на Фэрроу-лейн, принадлежавшая господину Эдварду Олдерли. Я всего лишь хочу узнать, кто залогодержатель.

– Этого я вам никак не могу сказать, сэр. Дела клиентов господина Тёрнера строго конфиденциальны.

Любопытно, видны ли секретарю ожоги на моем лице?

– Не советую вам упорствовать, – произнес я, и мой голос прозвучал резче, чем мне самому хотелось бы.

Я показал секретарю ордер. Стоило ему заметить подпись и печать, как его глаза округлились. Секретарь поглядел на меня с испугом.

– У меня мало времени, – уже мягче прибавил я. – Позже я направлю господину Тёрнеру запрос в соответствии с установленным порядком. Но сейчас вы ведь наверняка сами не хотите тревожить его понапрасну. Мне нужно только имя залогодержателя. Никаких документов или официальных заявлений. Пока мне достаточно будет, если вы мне его просто назовете.

Секретарь медлил.

– Наверное, все-таки лучше спросить у господина Тёрнера... – возразил он, поглядывая на закрытую дверь.

– Я не люблю проволочек, – с нарочитой суровостью произнес я и указал на ордер. – И мой господин тоже.

– Пожалуй, вреда от этого не будет...

– Ни малейшего.

Фрэнкли снова покосился на закрытую дверь и облизнул губы.

– Залогодержатель – леди Квинси, сэр.

Не веря своим ушам, я потрясенно уставился на секретаря.

Тот принял мое молчание за признак недовольства.

– Простите, больше ничего вам сообщить не могу. Подробности мне не известны. Господин Тёрнер занимался этим делом лично. Обратитесь к нему, и он...

– Леди Квинси пожаловала к вам собственной персоной? – перебил я.

– Нет, сэр. Сюда приходил только джентльмен, но господин Тёрнер выезжал к леди на дом.

– Джентльмен? Господин Олдерли?

Теперь Фрэнкли поглядел на меня с опаской.

– Да, сэр. Он хотел обсудить с господином Тёрнером закладную и еще какой-то вопрос – полагаю, касающийся брачного договора.

Я на шаг приблизился к секретарю.

– То есть Олдерли рассчитывал взять в жены леди Квинси?

Моя интонация заставила Фрэнкли отпрянуть.

– Не знаю, сэр. Спросите господина Тёрнера. Прежде чем закрыть за собой дверь, господин Олдерли сказал что-то о брачном договоре. Но больше я ничего не слышал.

– Фрэнкли! – рявкнул из соседнего кабинета господин Тёрнер. – Идите сюда!

Секретарь молча глядел на меня. В тот момент трудно было сказать, который из его страхов победит, – передо мной или перед начальником.

Сжалившись над Фрэнкли, я положил на стол два шиллинга.

– Благодарю. Можете идти.

Я вышел из кабинета и спустился по лестнице в мокрый от дождя двор. «Леди Квинси, – думал я. – Опять леди Квинси». Неужели мне вовек не избавиться от этой женщины? И какова ее роль в нынешних событиях?

Глава 19

К третьему вечеру на ферме Мангота жизнь Кэт вошла в своего рода рутину. По утрам она убирала на кухне и приносила хворост для очага. Кухня, самое обжитое помещение на первом этаже, за долгие годы заросла грязью настолько, что толстый ее слой покрывал каждую поверхность. Окончания уборки в ближайшее время не предвиделось, тем более что в распоряжении Кэт была только холодная колодезная вода и пара тряпок. И все же девушка находила определенное удовольствие в этой слабой попытке упорядочить кухонный хаос, к тому же во время работы она могла свободно предаваться своим мыслям.

Обедали в полдень, а всю вторую половину дня Кэт была предоставлена самой себе. Она читала или рисовала в своей комнате, заполняя альбом причудливыми проектами и надеясь, что когда-нибудь по одному из них выстроят здание, которое не заставит Палладио и Витрувия стыдиться своей ученицы. Иногда Кэт отправлялась на прогулку, но далеко от дома не уходила. Мангот предупреждал, что некоторые из погорельцев – народ буйный, особенно те, кто помоложе, и от них всего можно ожидать.

Потом нужно было готовить ужин. И перед трапезой, и после Мангот читал вслух Библию. Вечер завершали нескончаемые молитвы: старик молился, как Бог на душу положит, что чаще всего выражалось в подробном перечислении кар, ожидающих грешников на том свете. Кэт эта манера повергала в уныние, напоминая о последних годах под отцовской крышей: тогда вера Томаса Ловетта становилась все более мрачной и понижала все стороны его жизни.

Неизменной оставалась и еще одна часть распорядка. Перед ужином с черного хода в дом заходил Израил Хэлмор. В дверь он не стучал, лишь молча сбрасывал у порога тяжелые сапоги, в которых ходил по лагерю. С пустыми руками Хэлмор никогда не являлся. В воскресенье он принес полную шапку сморщенных, покрытых темными пятнами яблок, оказавшихся на удивление сладкими, в понедельник добыл зайца, а этим вечером пришел с большой кожаной флягой эля.

Стоило Хэлмору войти, как Мангот сразу закрыл Библию. Хэлмор снял сапоги, сунул флягу Кэт, даже не взглянув на девушку, и сел за стол. Кэт принесла мужчинам кружки и по кивку старика разлила по ним эль. Зловонные лучины на столе озаряли опущенные головы мужчин оранжевым сиянием, и от этого на лицах у них будто проступило что-то дьявольское.

Исполнять обязанности служанки Мангота было частью платы за оказанное стариком гостеприимство. Договоренность устраивала обе стороны, ведь благодаря ей от присутствия Кэт на ферме хозяину была одна польза. Пока мужчины пили и беседовали, девушка отвернулась и склонилась над котелком, в котором готовились остатки заячьего мяса.

– Есть новости от Епископа, – сообщил Хэлмор. – Сегодня его человек приезжал в лагерь.

– Человек? – В голосе Мангота прозвучало недовольство. – Какой еще человек?

– Жирдяй с длинной шпагой. Должно быть, кавалерист в отставке. Он на днях встречался с Епископом.

– Я никого такого не видел.

– Он приехал верхом по тропе вдоль ручья – там, где пасут скот, – ответил Хэлмор. – Не хотел привлекать к себе лишнего внимания. У него для нас интересное предложение. Он объезжает все лагеря, собирая людей под знамена Бекингема. Представь, что будет, если все мы – погорельцы, бедняки, уличные попрошайки – вместе пойдем маршем на Лондон! Ох и растрясем мы тогда ограду Кларендон-хауса!

– Плесни-ка еще эля, – велел Кэт Мангот.

Кэт вернулась к столу и наполнила кружки. Мужчины не удостоили ее даже взглядом. И это неудивительно, ведь она женщина, к тому же служанка – эти двое едва ли воспринимают ее как разумное существо, тем более способное делать выводы. Для них она такая же часть обстановки, как фляга или кухонный стол.

– Звучит как тост, – произнес Мангот.

– Верно, – улыбнулся Хэлмор. – Поэтому я и принес эль. Мы от этого Кларендон-хауса камня на камне не оставим.

Мужчины торжественно выпили за падение Кларендона и в этой жизни, и в последующей. Даже по запаху чувствовалось, что эль крепкий. Как только первая фляга опустела, Хэлмор тут же выудил из вшитого в плащ кармана вторую.

Меж тем рагу уже начало побулькивать. Кэт хотела спросить Мангота, подавать ли ужин, но тут заметила, что старик плачет.

Хэлмор смущенно похлопал хозяина по руке:

– Держитесь, господин, вы еще увидите этого проходимца в придорожной канаве. Чем выше такие негодяи поднимаются, тем ниже падают.

– Мой сын, – выговорил Мангот. – Мой сын. Будь он сейчас с нами, как бы он радовался! Если бы не Кларендон, мой сын был бы жив. Я вам рассказывал, что случилось?

– Да, рассказывали, – кивнул Хэлмор. – Очень грустная история, и...

– Мой сын сейчас сидел бы с нами! – перебил Мангот, с неожиданной яростью хлопнув рукой по столу. – На этой самой кухне! Он выпил бы с нами, Израил. И дела бы на этой ферме шли не хуже, чем на других в нашем графстве!

Пока Хэлмор пил, а старик рассказывал, что произошло с его сыном, Кэт отступила в тень. История оказалась очень простой – и очень печальной. Вскоре после Реставрации сын Мангота, единственный из его детей, кто пережил все опасности детства, пригнал четырех коров на Смитфилдский рынок. Затем с полным кошельком денег он отправился в одну из таверн Сити, плотно поужинал и, вероятно, слишком много выпил. Днем он пешком пустился в обратный путь. Но по дороге его сбил наездник, и юноша попал под колеса проезжавшей кареты. Молодой человек погиб мгновенно.

Карета принадлежала Кларендону, хотя его самого в тот момент внутри не было. Во время разбирательства свидетель показал, что кучер был пьян и это послужило причиной несчастного случая. Кучер клялся и божился, что он был трезв, как младенец. Коронер, не желая послушаться такого могущественного человека, как лорд-канцлер, предпочел пренебречь уликами, и впоследствии свидетель стал утверждать совершенно обратное.

С тех пор ферма Мангота пришла в запустение, ибо он не видел больше причин вкладывать в нее труд. За прошедшие годы свидетель ушел в мир иной, коронер и кучер тоже. Остался только один человек, на которого Мангот мог возложить вину за гибель сына и собственную загубленную жизнь, – лорд Кларендон.

Глава 20

Вернувшись в свой дом в Савое, я сказал Маргарет, что сегодня буду ужинать рано, и позвал Сэма, чтобы тот прислуживал мне в столовой.

– У меня к тебе еще одно поручение, – объявил я. – Будешь моими глазами и ушами. Пойдешь в город.

– В такую погоду?

– В такую погоду.

– Вам бы для этих ваших поручений мальчишку нанять, хозяин, – заметил Сэм и язвительно прибавил: – Обрядите его в свою ливрею, и пусть ходит за вами по пятам. Будете фланировать по Уайтхоллу, что твой знатный придворный.

Я проигнорировал его упражнения в остроумии.

– Знаешь Генриетта-стрит?

– Это где госпожа Хэксби живет? – сразу оживился Сэм. – Еще бы не знать.

Они с Маргарет прониклись к Кэт необъяснимой симпатией, когда она выхаживала меня после Пожара. Иногда у меня создавалось впечатление, будто к ней они относятся с бóльшим уважением, чем ко мне.

– Выдан ордер на ее арест. Господина Хэксби уже задержали как ее возможного сообщника. Она залегла на дно, и я не знаю, где именно.

Сэм присвистнул.

– В чем ее обвиняют, хозяин?

– В убийстве. Но это строго между нами.

– Господь Вседержитель! И кого же она убила?

– Власти считают, что госпожа Хэксби учинила расправу над своим кузеном Эдвардом Олдерли.

– Верно, ради денег? – многозначительно заметил Сэм. – Дело известное – ежели родные люди друг на друга ополчились, значит деньги не поделили. Вот где корень зла, хозяин. Так и в Библии говорится.

– Деньги – это еще не все. Олдерли сделал с госпожой Хэксби худшее, что мужчина может сделать с женщиной.

Облизнув губы, Сэм перевел взгляд на огонь в камине. Похоже, еле сдерживался, чтобы туда не сплюнуть.

– Тогда поделом ему.

– Возможно, Олдерли убила вовсе не госпожа Хэксби. Следует рассмотреть иные варианты...

– Я всегда говорил – она женщина с характером. Я...

– Будь любезен, послушай меня хоть пару секунд. В мастерской на Генриетта-стрит работает чертежник. Рыжий, остроносый. Фамилия Бреннан. Кажется, ему что-то известно. Я хочу, чтобы ты следил за ним сегодня вечером и завтра. Поговори с людьми. Постарайся разузнать хоть что-нибудь о местонахождении госпожи Хэксби. Перекинься парой слов со сторожем.

– Ливень еще сильнее припустил, хозяин. Дозвольте обождать, пусть немного поутихнет.

– Нет. – Сжалившись над бедолагой, я прибавил: – Если тебя это утешит, напротив чертежного бюро есть пивная. – Я достал кошелек. – И вот еще что. Сегодня днем разносчик доставил Бреннану письмо, причем отдал его лично в руки адресату. Оставляя послание у сторожа наотрез отказался. Разносчик знал, что Бреннан рыжий. Я бы хотел выяснить, от кого это письмо. Человек, который его привез, тщедушный и косоглазый. С собой он привел навьюченную лошадь.

Я дал Сэму пару шиллингов на расходы. С лестницы донесся громкий стук: мой слуга спускался на кухню, желая объяснить Маргарет, куда он уходит и зачем. Без сомнения, свой рассказ Сэм Уизердин сопровождает нелестными отзывами о моей персоне.

Огонь в камине погас, а я все сидел перед ним, одолеваемый чувством безнадежности, захлестнувшим меня, будто волна. Тишина в столовой давила на меня все сильнее и сильнее, и я попытался развлечь себя мыслями о других предметах. Однако тщетно. Чем дальше, тем больше тревоги вызывала опасная и неприятная работа, ожидающая меня сегодня ночью в Кларендон-хаусе.

А тем временем дождь стучал по оконным стеклам и вечернее небо постепенно темнело.

Спотыкаясь и поскользываясь, мы втроем пробирались по извилистой дорожке, по которой телеги выезжали с Пикадилли на

Оксфорд-роуд. Дождь не унимался, однако немного поутих. Тучи висели низко, скрывая луну и звезды.

Впереди шагал Горс с нашим единственным источником света – тусклым фонарем. На другую руку он намотал поводья. Лошадь брела между Милкотом и мной. Милкот вооружился шпагой и пистолетом. Он предлагал одолжить шпагу и мне, но я отказался.

Через спину животного был переброшен большой холщовый сверток. С моей стороны свисали ноги. Время от времени лошадь оступалась на ухабистой дороге, и стоило ей качнуться в мою сторону, как руку задевали пятки Олдерли.

Путь оказался медленным и трудным. Никто из нас не произносил ни слова. Время от времени мы останавливались, прислушиваясь, нет ли за нами погони и не идет ли кто впереди. Я взял с собой ордер, и в случае необходимости он станет нашей охранной грамотой, но я бы предпочел обойтись без этого. Там указана моя фамилия. Можно представить, что скажет Чиффинч, если позже мое имя свяжут с найденным у Оксфорд-роуд телом Олдерли.

Ведя на север, дорожка делала петлю и поворачивала в северо-западном направлении. Там тянулась дорога, лежавшая к востоку от Тайберна, – места, где стоят виселицы. Как и половина населения Лондона, я ходил туда смотреть на гниющие останки Кромвеля, Айртона и Брэдшоу – после Реставрации их выкопали из могил, заковали в цепи и повесили.

Мы остановились в доброй сотне ярдов от большой дороги. Горс отпер калитку и вывел лошадь в поле. Здесь идти стало легче – недавно закончился сенокос. К тому времени мои глаза привыкли к полумраку. Я разглядел конек крыши дома, стоявшего у дороги на краю поля. Перпендикулярно зданию тянулся низкий черный амбар. Огни в доме не горели, но вдалеке залаяла собака, и к ней тут же присоединились другие псы.

– Скорее, – прошептал Милкот. – Эти проклятые дворняги перебудят всю округу.

Мы направились к пруду. Милкот перерезал веревки, которыми труп был привязан к лошади. Наступил самый неприятный момент. Мы уложили Олдерли на землю. Горс держал фонарь, а мы с Милкотом разматывали холстину. На трупе была одна рубашка. Ворочать его в павильоне – достаточно тяжелая работа, но здесь, в темноте, в

сопровождении собачьего лая и неотступного страха быть замеченными, она и вовсе представлялась почти невыполнимой. Казалось, мертвая плоть, ранее бывшая Эдвардом Олдерли, преисполнилась слепой злобы.

Милкот заметил, что опустить тело в пруд будет проще, если мы с ним возьмем труп за ноги, а Горс – за плечи.

– Стойте, – произнес я, вытирая мокрое от дождя лицо. – Нужно снять с него рубашку.

– Нет времени, – возразил Милкот.

Я впервые услышал в его голосе панические нотки.

– Ничего, успеем. – Я ощупывал труп в темноте, пытаюсь найти нижний край рубашки. – Помогайте. Льняная рубашка стоит дорого. Другой одежды на нем нет. Если грабители раздели его донага, то и рубашку должны были прихватить.

– Я ее заберу, сэр, – вызвался Горс. – Есть у меня один знакомый, который ее возьмет и вопросов задавать не станет.

Меня удивил тон слуги – самоуверенный, почти нахальный, как будто парень уже решил, что рубашка достанется ему и никаких возражений слушать не намерен. Но Милкот не стал его одергивать. А впрочем, мой соучастник правильно сделал, что придержал язык: не хватало еще, чтобы в такой момент мы препирались друг с другом. К тому же у всех нас напряжены нервы, и вполне естественно, что в этих из ряда вон выходящих, пугающих обстоятельствах мы ведем себя не так, как обычно.

Сообща мы принялись стаскивать с Олдерли рубашку, дергая ее так, что разошелся шов. Наконец нам удалось ее снять. Втроем мы подняли труп, казавшийся еще тяжелее, чем раньше. Наши сапоги все глубже увязали в грязи. В мои просачивалась вода.

– Один, – стал считать я. – Два. Три.

Раскачав тело посильнее, мы забросили его в пруд. Раздался громкий плеск. Меня обдало брызгами. Я попятился и врезался в Горса. Тот пробормотал себе под нос ругательство.

– Скорее, – заторопился Милкот. – Уходим.

Обратный путь до Кларендон-хауса мы проделали намного быстрее. У ворот конюшни мы остановились. Милкот вполголоса сказал что-то Горсу, потом до меня донесся низкий голос слуги. Затем раздался звон монет.

Поверх крупа лошади Милкот прошептал:

– Горс войдет с конем через эти ворота. А нам с вами лучше зайти через главные. Пожалуй, сначала отыщем таверну и как следует обсушимся.

– Здесь я вас оставлю, – возразил я. – Предосторожности лишними не будут.

– Как пожелаете.

Мы молча ждали, когда Горс с лошадейю скроется за воротами. Вот створка открылась, потом закрылась. Убедившись, что Горс благополучно добрался до конюшенного двора, Милкот облегченно вздохнул.

– Кстати, – прибавил он, подходя ко мне еще ближе. – Милорд желает видеть вас завтра.

– Зачем?

– Не знаю. Вы не могли бы нанести ему визит утром, около десяти? А потом мы с вами обсудим наше дело. Кроме всего прочего, нужно решить, как распорядиться одеждой Олдерли.

– Постараюсь, – ответил я.

– В этой истории еще много загадок, – заметил Милкот. – Как Олдерли попал в павильон? Отчего упал в колодец?

Довольно-таки резким тоном я пожелал Милкоту доброй ночи и один зашагал к Пикадилли. В столь поздний час по улицам бродить рискованно, особенно в одиночестве, и на секунду я пожалел о том, что отказался от приглашения Милкота. Постоянно оглядываясь, я добрался до Чаринг-Кросс, и когда таверну покинула компания клерков из юридических контор, пошел за ними. Сами о том не подозревая, они «проводили» меня до Стрэнда.

Напряжение сказывалось все сильнее. Промокший и уставший, я готов был рвать и метать. Видимо, и Кларендон, и Милкот возмнили, будто я побегу к ним по первому зову. Потом я задался вопросом, можно ли рассчитывать на молчание Горса. Мне казалось, что Милкот чересчур ему доверяет.

Доверие. Все сводится к доверию. Кому из участников этой истории могу доверять я?

Глава 21

Стоило мне проснуться в среду утром, как перед мысленным взором замелькали картины вчерашней ночи, а вместе с ними вернулись все мои сомнения и опасения. Я крикнул Маргарет, чтобы принесла мне горячей воды. Однако, судя по звукам, по лестнице стал взбираться Сэм, а для него это дело медленное и трудоемкое. Толкнув костылем дверь моей спальни, он вошел в комнату, расплескав при этом воду. Мой слуга поставил кувшин на умывальник и повернулся ко мне. Его опухшие глаза говорили сами за себя.

– Как думаете, хозяин, для чего ему женский плащ, а? – начал разговор Сэм. – Вот бы что разузнать не мешало.

– Кому – ему?

– Бреннану, кому же еще? – Сэм прямо-таки светился гордостью. – Я сделал все, как вы приказали: засел в пивной на Генриетта-стрит и оттуда следил за дверью напротив. Пришла женщина вот с таким узлом. – Сэм широко расставил руки. – Большой, тяжелый. Она постучала в дверь и оставила узел у сторожа.

– При чем же здесь Бреннан и госпожа Хэксби? – спросил я. – Или письмо, о котором я рассказывал?

– Не все сразу, господин, до этого я еще доберусь. Потом женщина отправилась напрямиком на другую сторону, в пивную – видно, согреться захотела. Взяла она себе глинтвейна. Ну а я случайно с ней разговорился. – Сэм заговорщицки мне подмигнул. – Надо сказать, она оказалась весьма недурна собой, не красавица, но все же, хотя я, конечно, человек женатый и ни рукам, ни мыслям волю не даю, да вы и сами зна...

– Ближе к делу, – велел я.

– Так вот, болтаем мы с ней, и тут она обмолвилась, что работает в лавке у одной женщины на этой же улице, они там ношеным платьем торгуют. И вот она говорит: зачем, интересно, господину Бреннану женский плащ понадобился? Зашел в лавку днем и спросил, нет ли у них зимнего женского плаща – простого, без роскоши, но из добротной шерсти. Заплатил сразу, только край надо было подшить, вот почему плащ она доставила только вечером.

– Молодец, – похвалил я. – Еще что-нибудь узнал?

– Может, и узнал. Женщина из лавки сказала, что Бреннан велел завернуть свою покупку в холстину. Упомянул, что завтра отдаст плащ перевозчику, чтобы тот его за город доставил.

– Вот как? Но вряд ли Бреннан сообщил, куда именно, или назвал имя перевозчика.

– Вы правы, хозяин. – Сэм хитро, озорно покосился на меня – точь-в-точь лис. – Но вчера вечером, когда он вышел из чертежного бюро, свертка при нем не было. И я побожиться готов, что никто другой его из дома не выносил. Стало быть, Бреннан оставил плащ там на всю ночь. – Мой слуга многозначительно вскинул брови. – А значит...

– Скорее отправляйся туда.

Я сразу взбодрился. Этот плащ почти наверняка предназначен для Кэт.

– Если надо будет, весь день с мастерской глаз не своди, – велел я.

Сэм кашлянул:

– Тогда подбросьте еще на расходы.

– Я же тебе вчера два шиллинга дал, – возразил я.

– Деньги быстро уходят, хозяин, – ухмыльнулся Сэм. – Нельзя же сидеть в пивной просто так, надо и поесть заказать, и выпить. Да и женщину пришлось угостить. Я же человек вежливый.

Я выдал Сэму еще два шиллинга. В благодарность тот отвесил мне подобострастный поклон – нелегкая задача для человека с костылем – и покинул комнату прежде, чем я успел передумать.

По пути на Пикадилли я зашел в кофейню на углу Боу-лейн, чтобы позавтракать, а заодно узнать новости. Больше всего обсуждали то, что герцог Бекингем снова в фаворе, и гадали, будет ли от этого выгода простым людям, и здесь, и в Сити. Лорда Кларендона тоже упоминали – особенно собравшихся заинтересовал слух, что ему предстоит разбирательство в парламенте, а ведь у Бекингема там много сторонников. Если противники Кларендона одержат победу, король, возможно, будет вынужден подписать своему бывшему главному советнику смертный приговор. Но о мертвечке, обнаруженной в пруду рядом с Тайберном, не было слышно ни слова.

Позавтракав, я зашагал в сторону Кларендон-хауса. За ночь небо прояснилось, и солнце уже всю пригревало. Толпы у ворот не было – наверное, еще рановато. Стражники узнали меня и пропустили во двор.

Я направился к двери, через которую заходил в дом во время прошлых визитов.

Должно быть, Милкот меня высматривал: он вышел мне навстречу.

– Все благополучно, сэр?

– Вполне, – ответил я. – По дороге я зашел в кофейню, однако новостей, заслуживающих внимания, не услышал.

Похоже, у Милкота гора с плеч свалилась.

– Чем меньше новостей, тем лучше. Благодарю и за помощь, и за вашу доброту. Его светлость очень вам признателен, и я тоже.

На любезные речи Милкота я ответил поклоном и заверениями, что мне было совсем не трудно. Я не стал добавлять, что и пальцем не шевельнул бы, если бы не приказ Чиффинча. К тому же меня отнюдь не радовало, что мои начальники толкнули меня на противозаконное деяние. И все же Милкот мне нравился. Он производил впечатление порядочного человека, исполненного благородной преданности своему господину. Он просто старался найти наилучший выход из трудного положения.

– Лорд Кларендон велел привести вас к нему. Его светлость на террасе. – Милкот понизил голос: – Сегодня у него обострилась подагра. Он может быть раздражительным.

Вместо того чтобы обходить вокруг дома, Милкот решил пройти через него. В первый раз я увидел некоторые из величественных приемных покоев в центральной части особняка. Великолепием они не уступали королевским, а чистотой многократно превосходили их. Из-за обилия мраморных бюстов и колонн казалось, будто я перенесся в древний Рим.

Через дверь в центральной части дома мы вышли на широкую, выложенную плитам террасу. От сада ее отделяла каменная балюстрада, украшенная вазонами.

Лорд Кларендон восседал в кресле на колесиках, его перебинтованные ноги покоились на низком табурете. Его светлость читал письмо. Стоявший рядом стол был завален книгами и бумагами. Мы приблизились к нему, но Кларендон вскинул унизанную кольцами руку, жестом веля нам ожидать. Мы стояли молча, пока он не дочитал письмо до конца, затем Кларендон взял карандаш и написал внизу листа несколько слов. Только после этого он отложил письмо и кивнул нам.

– Марвуд, – произнес Кларендон, когда я отвесил ему поклон. – Спасибо, что навестили старика. – Я уловил в его тоне нотки сарказма. – Джордж, сейчас вы мне не нужны. Только Марвуд.

Милкот был обескуражен, однако с поклоном удалился. Кларендон глядел ему вслед и, убедившись, что он нас не услышит, произнес:

– Милкот говорит, что этой ночью вы двое перенесли то, что нам мешало, в другое место.

– Да, ваша светлость. Нам помогал Горс.

Кларендон поморщился, будто подагра напала на него с новой силой.

– Слуга, который его обнаружил? Надеюсь, мы не зря доверились этому малому. Тело уже нашли?

– Насколько мне известно, нет.

– И мы до сих пор представления не имеем, при каких обстоятельствах Олдерли утонул в колодце моей жены. – Нахмурившись, Кларендон посмотрел на меня снизу вверх. – Если только вам не удалось что-нибудь узнать.

Я собрал немало сведений об Олдерли и его передвижениях, но никак не мог сложить их в единую картину.

Я ответил:

– Не уверен, что это имеет отношение к делу, ваша светлость, но в поле за павильоном я заметил след. На втором этаже есть окна. Если одно из них оставили приоткрытым и сбросили сверху веревку, Олдерли мог проникнуть внутрь после наступления темноты, не заходя в сад. А еще в частокале позади дома есть калитка, хотя она заперта изнутри.

Кларендон сморщил нос, будто почуяв неприятный запах.

– На мой взгляд, очень надуманно. К тому же в обоих случаях Олдерли потребовался бы свой человек в доме.

– И есть еще господин Хэксби.

– Тот, который производил замеры? Герцог говорит, что его сейчас держат под арестом в Скотленд-Ярде. Ума не приложу почему, ведь сам он ничего сделать не мог – старик почти так же немощен, как я. – Кларендон нахмурился. – К тому же зачем ему убивать Олдерли? Хэксби щедро платили за работу. Да и не верится, что он вынашивал коварные планы. Моей жене его рекомендовал родственник, и он отзывался о Хэксби весьма положительно. Я и сам беседовал с ним раз

или два, и похоже, что он человек приличный и к тому же знает свое дело.

– А его служанка?.. Женщина.

Не упоминай я о Кэт, у Кларендона возникли бы подозрения.

Его светлость тут же ухватился за мой вопрос.

– Ну, сия особа – совсем другое дело. Герцог упомянул, что она кузина Олдерли, к тому же все говорят, что это не девица, а свирепая дикарка. Вам известно, что ее настоящая фамилия – Ловетт, а ее отец был «пятым монархистом» и цареубийцей в придачу? Надежные источники утверждают, что эта женщина ненавидела кузена и однажды уже напала на него.

– Признаюсь, трудно вообразить, как бы она с ним расправилась.

– Ключ от павильона у нее был – Хэксби держал его у себя в мастерской. Мало того – она скрылась. Какое еще признание вины вам нужно? На мой взгляд, все очевидно. Кровь не вода, Марвуд, кровь не вода.

– Да, ваша светлость.

Лорд Кларендон бросил на меня сердитый взгляд:

– Я ожидаю от вас большего, чем «да, ваша светлость». Я хочу, чтобы вы приняли меры, и того же самого желает герцог. Даже не сомневайтесь, это мои враги плетут против меня козни. Подозреваю, что Кэтрин Ловетт использовали как орудие в заговоре против меня. – Хотя поблизости не было ни души, лорд Кларендон поманил меня к себе и шепнул мне на ухо: – Возможно, им помог кто-то из моих домочадцев. – Старик выдержал паузу, и на секунду вид у него стал не только болезненный, но и испуганный. – Я доверяю Джорджу Милкоту настолько, насколько вообще способен верить людям, однако он мог допустить ошибку или завести неподходящих друзей. Ведь Эдварда Олдерли в дом привел именно он, а иначе ничего этого не случилось бы.

– Вы помните, когда Милкот в первый раз пригласил Олдерли сюда?

Лорд Кларендон устремил на меня пристальный взгляд.

– Недавно. С тех пор и месяца не прошло. Насколько мне известно, они водили знакомство еще до того, как отец Олдерли опозорил семью.

Иными словами, примерно в то же время, когда лорду Кларендону пришлось отдать канцлерскую печать, а его враги всерьез задумались о

том, чтобы предъявить ему обвинения в государственных преступлениях.

– Мягкосердечие погубит Джорджа, – заметил Кларендон, играя пером. – По секрету скажу вам то, о чем не рассказывал никому, кроме Милкота и моего зятя, герцога. – Уже в четвертый раз за утро Кларендон нашел повод напомнить мне, что его зять – сам герцог Йоркский, брат короля. – Как-то раз я застал Олдерли в моем кабинете. Он был там один. Заявил, будто случайно ошибся дверью, и извинился за вторжение.

– Что он делал в этом крыле, ваша светлость? Я думал, что здесь расположены только ваши личные покои.

– Джордж Милкот привел Олдерли сюда, чтобы показать ему мои картины. Я тогда отлучился, а значит, Милкот не боялся, что побеспокоит меня. Но потом Джорджа позвали по какому-то делу, и он ненадолго оставил Олдерли одного. Я неожиданно вернулся раньше времени. Олдерли сказал, что искал лестницу.

На первый взгляд, в этой истории не было ничего странного. Человеку, занимающему высокое положение в доме и пользующемуся доверием, не возбраняется показывать друзьям коллекции своего хозяина.

– Потом я задал несколько вопросов Джорджу, и слова Олдерли подтвердились, – продолжил старик. – Милкота позвали, когда возникли какие-то хозяйственные неурядицы, и он улаживал их дольше, чем рассчитывал.

– После визита Олдерли ничего не пропало?

– Интересный вопрос, – кивнул Кларендон. – Никак не могу найти шкатулку, которую держал в ящике стола. В длину дюймов восемь, не больше, в высоту – два, в ширину – четыре. Из твердой древесины, но покрыта серебром.

– Думаете, ее взял Олдерли?

– Возможно. Не знаю, долго ли он пробыл в кабинете. С другой стороны, мне эта шкатулка уже несколько месяцев на глаза не попадалась. Что, если кто-то другой взял ее еще раньше, а Олдерли и вправду заблудился? – Кларендон издал звук, одновременно напоминающий и кашель, и фырканье. Только через пару секунд я догадался, что это своеобразная разновидность смеха. – Даже может статься, что я сам ее потерял.

Я вспомнил серебряный ключ на кольце Олдерли.

– Шкатулка была заперта?

– Да, но ключ лежал в том же ящике. Вы обыскали квартиру Олдерли?

– Да, ваша светлость. Но ничего похожего я не видел. Что хранилось внутри?

Лорд Кларендон отвернулся и устремил взгляд на сад.

– Не важно. Просто отыщите виновных, господин Марвуд, и, если получится, верните мне эту шкатулку. Но не открывайте ее. Исполните мою просьбу, и я буду вам очень обязан. Да что там я – у вас в долгу будет сам герцог.

Глава 22

Оставив лорда Кларендона на террасе, я не стал искать Милкота. Я вышел на Пикадилли. У ворот стояли несколько человек, но все молчали. Мужчины в длинном коричневом камзоле среди них не оказалось, да и толстяка со старой кавалерийской шпагой я тоже не заметил.

Я сел в наемный экипаж и велел вознице отвезти меня к Холборну. У моста я расплатился с ним и остаток пути до Фэрроу-лейн проделал пешком.

Постепенно мой нос привык к исходившему от кожевни зловонию. В мастерской Беарвуд и его супруга разговаривали с потенциальными заказчицами, двумя пожилыми дамами. И хозяин, и хозяйка стояли спиной к улице. Подмастерье что-то усердно пилил в мастерской, располагавшейся в задней части здания. Мальчика нигде не было видно. Я проскользнул в коридор, ведущий к двери в квартиру Олдерли.

Я вставил ключ в замок и попытался повернуть его, но безуспешно.

Неужели кто-то поменял замок? Но тут мне в голову пришло объяснение попроще. Я повернул ключ в другую сторону, и на этот раз замок благополучно поддался.

Выходит, дверь уже была отперта. И сразу же вслед за первой догадкой меня посетила вторая: человек, который ее открыл, наверняка еще здесь.

Постаравшись как можно тише извлечь ключ из замочной скважины, я убрал его в карман. Жаль, что единственное мое оружие – это трость.

Я медленно поднял щеколду. Толкнул дверь. Петли были смазаны на совесть, и она бесшумно открылась внутрь.

Перешагнув через порог, я замер в выложенной плитам прихожей, откуда лестница вела наверх, в апартаменты Олдерли. Я прислушался. Сверху доносились медленные, тяжелые шаги: кто-то ходил по комнате туда-сюда. Создавалось впечатление, что неизвестный мужчина бродил из угла в угол, погруженный в глубокую задумчивость.

Как ни странно, этот человек не таился, не пытался скрыть свое присутствие. Никто, кроме разве что меня, не имел права здесь

находиться.

С тростью в руке я медленно поднялся по ступенькам. Две из них скрипнули, но, слава богу, шум наверху заглушил мои шаги. Незванный гость, похоже, тащил по полу что-то тяжелое. Звуки доносились из самой большой комнаты, той, что в задней части дома. Именно там стоял письменный стол, над которым висел изуродованный портрет женщины, похожей на Кэт.

Поднявшись наверх, я застыл и обратился в слух. Все двери были приоткрыты. Одежда Олдерли валялась на полу. У меня пересохло в горле, и я начал жалеть о том, что опрометчиво пришел сюда один.

Я даже хотел бежать вниз, чтобы приказать Беарвуду и подмастерью сопровождать меня. Но тогда неизвестный узнает о моем присутствии. Кроме того, Беарвуд – изрядный тугодум, и к тому времени, как я вернусь сюда вместе с ним, незваного гостя и след простынет. Однако самым весомым аргументом для меня стал тот, которым мы, мужчины, оправдываем свои самые безрассудные и глупые поступки: я не хотел выглядеть в собственных глазах трусом.

Решив больше не осторожничать, я вскинул над головой палку, пробежал по коридору и распахнул дверь. Створка врезалась в упавший стул. Я влетел в комнату, размахивая тростью как безумный и издавая бешеные вопли. Но, пробежав всего пару шагов, я остановился так резко, что едва не потерял равновесие.

Меньше чем в трех футах от меня стоял сынишка Беарвуда. Мальчик съежился от страха. Обзор ему закрывала съехавшая на глаза шляпа с пером, а на ногах у него были огромные сапоги для верховой езды. В руке мальчик держал шпагу, которая была почти с него.

Мы уставились друг на друга. Я кашлянул.

– Положи-ка эту штуку, – стараясь говорить как можно мягче, обратился я к младшему Беарвуду. – Я про шпагу.

Клинок дрогнул в мальчишеской руке.

– Положи сейчас же, – рассердился я. – На пол.

Мальчик присел на корточки и опустил шпагу на голые доски. Когда он наклонился, у него с головы упала шляпа, и я увидел треугольное личико с острым подбородком и копну золотистых кудрей. Не укладывалось в голове, как его неказистые родители умудрились произвести на свет такого ангелочка. Может быть, он подменьш и его

оставили феи, забравшие настоящего сына Беарвуда? В таком случае феи явно совершили обмен не в свою пользу.

Я попытался вспомнить, как к этому мальчику обращался отец.

– Хэл.

Ребенок попятился, будто ожидая удара. На нем по-прежнему были сапоги, голенища которых доходили до паха, мальчик споткнулся и упал навзничь на пол. Хэл тут же расплакался.

– Прекрати, – велел я. – Я тебя не трону.

Я обводил взглядом комнату. Когда я приходил сюда в прошлый раз, квартира выглядела неопрятно. Теперь же здесь царил настоящий хаос: вещи Олдерли были раскиданы по полу, валялись на столах, висели на стульях, а за распахнутыми настежь дверцами шкафов я заметил лишь пустые полки.

– Хэл, это ты все разбросал? Вывалил вещи из шкафов? В понедельник я здесь ничего подобного не видел.

– Нет, господин, честное слово, я ничего не разбрасывал, когда я пришел, все так и было, я только примерил шляпу и взял шпагу...

Мальчик умолк. Значит, Хэл натянул эти нелепые сапоги, нахлобучил на голову шляпу и принялся размахивать шпагой, наверняка сражаясь с воображаемыми врагами. Так вот кто топал у меня над головой.

– Тогда кто же учинил этот разгром?

– Наверное, друг господина Олдерли, сэр. Епископ.

– С чего ты взял?

Хэл как будто засмутился.

– А кто же еще?

Мальчик явно хотел сказать что-то другое, но раздумал, а значит, нужно проявить настойчивость. Я решил зайти с другой стороны.

– Как ты сюда попал?

– Дверь была открыта, сэр.

– И зачем же ты сюда пришел? – Я кивнул на шпагу и шляпу. – Дурака повалить?

Щеки мальчика покраснели, и я понял, что обидел его.

– Господин Олдерли должен мне шесть пенсов. Вот я и подумал – вдруг он деньги где-нибудь здесь оставил, чтобы я их забрал? Я ничего плохого не хотел, только посмотреть, и все...

– Хватит тараторить, – перебил я. – За что он должен тебе денег?

– Господин Олдерли велел мне отнести письмо Епископу и обещал, что заплатит шесть пенсов, когда в следующий раз меня увидит. Но с тех пор он тут не появлялся.

Я помедлил, размышляя над словами мальчика. Хэл воспользовался паузой, чтобы вылезти из сапог. Ноги у него были босые и очень грязные.

– Когда господин Олдерли отправил тебя с письмом к Епископу?

– Когда я его в последний раз видел, господин. В субботу днем.

– Какой адрес тебе дал господин Олдерли?

– «Золотой шар», сэр. На Лиденхолл-стрит.

Названия я раньше не слышал, но похоже, что это таверна.

– Каков он из себя, этот Епископ? – спросил я, позвякивая мелочью в кармане.

– Высокий. Выше вас, сэр. Видите притолоку над дверью? Епископ бы, наверное, ее головой задевал. А еще он тощий – кожа да кости. Одет в коричневый камзол.

– В длинный?

Хэл кивнул.

Чем дальше, тем хуже и хуже. Мужчина, руководящий толпой недовольных у Кларендон-хауса, как раз высокий и худой. Одет он был в коричневый камзол, а на поясе у него висела шпага.

Я попытался восстановить последовательность событий, происходивших в доме на Фэрроу-лейн до того, как Олдерли покинул его, чтобы больше не вернуться. В пятницу вечером Эдвард явился в стельку пьяный вместе с Епископом. Госпожа Беарвуд слышала, как Олдерли кричал что-то про Уотфорд и Иерусалим. В субботу около полудня он отправил Хэла в «Золотую чашу» с письмом к Епископу. Затем, по словам госпожи Беарвуд, он ушел часов в восемь вечера, и с тех пор она его больше не видела.

– Олдерли и Епископ говорили что-нибудь про Иерусалим или про Уотфорд?

– Только в пятницу вечером, когда господин Олдерли высунулся из окна. – Мальчик помедлил. – Правда, он не про Уотфорд кричал.

– Я повторяю слова твоей матери.

– Она не расслышала. – Тут голос Хэла зазвучал увереннее, чем раньше. – Мама туговата на ухо – бывает, не все разберет, а если

разберет, то неправильно. Она ведь тогда на кухне была, а я-то во дворе. Я ближе стоял. Я даже видел, как господин Олдерли из окна высунулся.

– Правда? – спросил я, стараясь не выдавать любопытства.

– Так свесился, что я уж боялся, упадет. А Епископу он кричал, что с утра обязательно запишет все про Иерусалим. Говорил: черным по белому, с подписью и печатью.

– А Уотфорд?

– Я расслышал: Уоллингфорд.

Выводы напрашивались сами собой. Я уставился на мальчика во все глаза.

– Уоллингфорд? Ты уверен? Ничего не путаешь?

Хэл кивнул:

– Честное слово. Именно так он и сказал. Кричал, что все запишет и вышлет в Уоллингфорд, а Епископ ответил: нет, отправишь в «Шар» до обеда.

– А дальше? Господин Олдерли еще что-нибудь говорил?

– Нет, ничего.

Я без предупреждения накинулся на Хэла и схватил мальчишку за локти.

– Ты ведь и после этого видел Епископа, верно? – Я потрянул паренька, точно собака крысу. – Ты видел этого человека, когда он пришел сюда и рылся в вещах Олдерли.

Мальчик побелел как полотно и открыл рот, чтобы закричать, но я зажал его рукой.

– Тихо. Скажи мне правду, и никто тебя не тронет.

Хэл захныкал, и я отпустил его. «До чего же я докатился? – пронеслось у меня в голове. – Добываю средства к существованию, запугивая малых детей!»

– Епископ приходил в понедельник вечером, сэр. Дома больше никого не было, все ушли в пивную.

– Он с тобой говорил?

Хэл покачал головой. Глаза у него стали как блюдца.

– Но он заметил меня в окне и сделал вот так.

Мальчик поднес к губам указательный палец, а затем, не сводя с меня глаз, провел пальцем по шее.

«Держи язык за зубами, а не то перережу горло».

Как ни странно, меня вдруг пробрал мороз – не от самого жеста, а от выражения ужаса на лице ребенка. Отыскав шесть пенсов, я опустил монету ему на ладонь.

– Узнаю, что ты соврал, – тебя выпорют так, как ни разу в жизни не пороли.

Хэл сжал монету в кулаке.

– Я не вру, господин. Все правда. Клянусь.

Я велел ему уходить.

Значит, не Уотфорд, а Уоллингфорд. И снова человек в коричневом камзоле. Если мальчишка и впрямь не соврал, это все меняет, причем в худшую сторону.

Хэл сбежал вниз по лестнице, распахнул дверь, ведущую в коридор, и шумно ее захлопнул.

Уоллингфорд-хаус. Парадная лондонская резиденция лорда Бекингема, расположенная возле Чаринг-Кросс и Королевской конюшни. Бекингом – враг Кларендона, по его приказу у ворот на Пикадилли целыми днями кричит толпа, к тому же он один из руководителей движения, цель которого – заставить лорда Кларендона держать ответ перед парламентом. Вдобавок я только что узнал, что человек Бекингема был знаком с Олдерли и, может статься, даже приложил руку к его гибели. И всех этих людей объединяет Епископ.

Оставшись один, я медленно переходил из одной комнаты в другую. В забитых вещами комнатах и раньше царил беспорядок, но теперь все здесь было перевернуто вверх дном – ящики выдвинуты, шкафы опустели, имущество Олдерли раскидано по полу.

Хозяин почти не оставил в квартире бумаг – а те, которые были, вероятно, забрал Епископ. Особенно меня интересовал брачный договор Олдерли. Видимо, новообретенное благосостояние подтолкнуло его к мыслям о женитьбе. Может, он покорило сердце богатой наследницы? Быть не может, чтобы невестой оказалась леди Квинси. Сама мысль об этом вызывала у меня отвращение. Однако Книга общих молитв запрещает мужчине жениться на супруге отца. Это меня обнадеживало. К тому же леди Квинси – женщина недюжинного ума, такая зря разбрасываться не станет, хотя, если сделка будет выгодной, она, пожалуй, согласится продать себя. Но только не Эдварду Олдерли, какую бы цену тот ни предложил.

Чем дальше я осматривал квартиру, тем сильнее меня тревожил царивший здесь хаос. Либо Епископ очень спешил, либо поленился убрать следы своего визита. Есть и другое объяснение: таким образом он хотел предупредить меня, а также любого другого посланника Кларендона или его величества, что он неуязвим и поэтому ему вовсе незачем скрывать, что он сюда приходил.

С крюка на двери, ведущей в кабинет, свисала большая кожаная сумка. Она была пуста. Тут мне пришло в голову, что Кэт, по всей вероятности, является наследницей своего кузена – во всяком случае, с точки зрения морали, а если Олдерли не оставил завещания, то и по закону.

Где бы ни была Кэт и какая бы опасность ей ни грозила, рано или поздно ей понадобятся деньги. Я побросал в сумку мелкие легкие предметы, которые можно продать: набор французских серебряных вилок с тремя зубцами, банку мускатного ореха, два ажурных кружевных воротника, настольные часы, новые карманные часы в золотом корпусе, стрелки которых остановились на пяти минутах пятого. Чиффинч не одобрил бы моих действий, однако ему о них знать необязательно.

Еще я положил в сумку миниатюрный портрет женщины, одетой по моде прежних лет, но как две капли воды похожей на Кэтрин Ловетт. Может быть, Кэт будет рада напоминанию и о месте, изображенном на картине, и об этой женщине. Да, глаза разрезаны, но умелый художник наверняка сумеет исправить этот изъян.

В спальне я встал на колени и заглянул под украшенную резьбой и завешенную богатым пологом кровать, но там я обнаружил лишь паутину да ночной горшок. Я хотел его отодвинуть, но оказалось, что горшок переполнен. Я торопливо отдернул руку, чтобы избежать хлынувшего потока мочи.

Вставая, я наступил каблуком на что-то, валявшееся на полу. Раздался треск дерева. Я опустил взгляд. У подножия кровати лежала скомканная шаль. Отдернув ее, я увидел маленькую серебряную шкатулку. Я поднял ее. Крышка свисала набок, держась на одной-единственной петле. И виной тому мой каблук. А впрочем, до меня кто-то уже взломал замок при помощи либо ножа, либо резца.

Всего час или два назад Кларендон описывал точно такую шкатулку: «В длину дюймов восемь, не больше, в высоту – два, в

ширину – четыре. Из твердой древесины, но покрыта серебром».

Серебро сильно потускнело. Лизнув указательный палец, я потер металл. Проступил витиеватый узор со множеством завитушек и арабесок. Я уже видел подобный рисунок. Ключ на кольце Олдерли украшен точно таким же.

Достав этот ключ из кармана, я вставил его в замочную скважину и повернул. Несмотря на повреждения, механизм работал, но до конца ключ не проворачивался.

Подозрения Кларендона подтвердились: шкатулку украл Олдерли. И теперь я был почти уверен, что Епископ нашел ее. А это значит, что содержимое шкатулки, по всей вероятности, в руках герцога Бекингема.

Глава 23

Сегодня была среда. Я не докладывал Чиффинчу о результатах своей работы уже почти двое суток и понимал, что дольше откладывать встречу с начальником нельзя.

Выйдя с Фэрроу-лейн, я взял наемный экипаж до Уайтхолла. Но судьбе было угодно, чтобы Чиффинча на месте не оказалось: вчера днем он уехал в свою резиденцию неподалеку от Виндзора и до сих пор не вернулся, хотя мне сказали, что его ждут обратно через час-другой.

Уже несколько дней подряд сплошные хлопоты и тревоги – и вдруг неожиданный перерыв, вынужденное бездействие. Мне отчаянно хотелось чем-нибудь себя занять, но я понятия не имел, чем именно. Мне вдруг вспомнилась певчая птица, которую когда-то держала в клетке моя матушка. С приближением зимы, когда ночи становились все длиннее, птица переставала петь и отчаянно стремилась улететь от холодов. Вместо того чтобы щебетать, как обычно, она бестолково металась туда-сюда, врезаясь в прутья клетки.

Я случайно встретил одного сослуживца, секретаря господина Уильямсона, и тот пригласил меня в таверну на Кинг-стрит выпить по бокалу вина. Если верить его рассказам, во время моего отсутствия несчастья обрушивались на «Газетт» одно за другим. Причин тому было множество: небрежно отредактированный номер, дурное настроение господина Уильямсона и трудности с распространением, которые так и не разрешили.

Затем я снова отправился в покои Чиффинча, но он так и не вернулся. Тогда я решил проведать Хэксби в тюрьме Скотленд-Ярда.

Там опять дежурил круглолицый сержант.

– Доброго вам здоровья, сэр.

При моем появлении он встал со стула и расплылся в широкой улыбке, вызванной не столько радостью встречи, сколько воспоминаниями о моей вчерашней щедрости.

– Как поживает господин Хэксби? – осведомился я.

– Справедливости ради скажу, хлопот джентльмен не доставляет. Однако его аппетит оставляет желать лучшего. – Тюремщик поджал влажные губы. – Вот уж не пойму, что ему не так. Уж я позаботился о

том, чтобы ему предложили самые восхитительные яства, и деньги, чтобы расплатиться, вы ему выдали. А он на еду даже не глядит.

– Но чем-то же он питается?

– Мышь и та больше съедает. К пище он почти не притрагивается, только воду изредка пьет.

– Вы у него спрашивали, в чем дело?

Круглолицый сержант посмотрел на меня так, будто вопрос оскорбил его до глубины души.

– Ну разумеется, сэр. Я бы об отце родном так не заботился, как о нем.

Меня его слова не слишком обнадежили.

– Господин Хэксби сказал, почему отказывается от еды?

Тюремщик покачал головой:

– Ни слова. Ни звука.

– Отведите меня к нему.

Сержант быстро шагал по коридору впереди меня, звеня ключами, будто прокаженный колокольчиком. По пути я видел других несчастных, вверенных попечению этого человека. Двое окликнули меня – один просил денег, другой хотел, чтобы я передал его друзьям письмо.

Тюремщик отпер дверь камеры Хэксби и отошел в сторону, пропуская меня вперед. Внутри было еще сумрачнее, чем в прошлый раз. Крошечное окошко располагалось под самым потолком. Оно хотя бы было застеклено, однако эти ромбики из старого зеленого стекла только искажали свет. Толстые металлические прутья делили окно на три вертикальные части. В холодном воздухе ощущалась сырость.

Хэксби лежал на койке, отвернувшись к стене и поджав ноги. Он был полностью одет. Старик никак не дал понять, что заметил наше появление.

Сержант кашлянул, отчего в груди у него что-то булькнуло.

– Ну, я пойду, сэр. – Вдруг в его голосе зазвучало сомнение. Тюремщик устремил взгляд на заключенного. – Нет, что-то с ним неладно.

Взглянув на сержанта, я кивнул. Поведение Хэксби явно ставило его в тупик. Ни с чем подобным он обычно не сталкивался. Тюремщик был растерян и даже встревожен.

Он вышел из камеры и захлопнул за собой дверь. Вот скрипнул засов, потом повернулся в замке ключ.

– Сэр, это я, Марвуд, – тихо произнес я.

Никакого ответа. Я едва сдержал раздражение: я сделал для этого человека все, что в моих силах, потратил на него деньги, а он вместо благодарности встречает меня будто каменный истукан.

Хотя нет, сравнение с истуканом не вполне точное: по телу Хэксби волной пробежала дрожь. Наклонившись, я заглянул ему в лицо. Щеки ввалились еще глубже, а на кончике носа я заметил каплю влаги. Глаза старика были открыты. Он лежал, уставившись на стену, на которой один предыдущий арестант нацарапал: «Дьявол заberi Тайный совет», а другой: «Боже, помилуй мою душу».

Я дотронулся до плеча Хэксби и легонько потряс его. Старик даже не пошевелился. Казалось, передо мной неодушевленный предмет. Из признаков жизни я заметил только дыхание, вырывавшееся из его носа, и слабо вздымавшуюся и опускавшуюся грудь.

– Вам нужно поесть, сэр, – проговорил я. – Оттого, что вы морите себя голодом, лучше никому не будет.

Я выпрямился и обвел взглядом камеру. На табурете стоял кувшин со слабым пивом и накрытая тарелка. Подняв крышку, я обнаружил горбушку хлеба и кусок твердого сыра.

Библия Хэксби валялась на полу между табуретом и ведром, исполнявшим здесь роль отхожего места. Еще один тревожный знак: Хэксби человек серьезный, к тому же с пуританскими наклонностями. Библию он ценил превыше всего. Я поднял книгу и осторожно положил ее на стул.

Вернувшись к койке, я опять склонился над Хэксби.

– Не падайте духом, – прошептал я. – Чем больше подробностей я узнаю, тем очевиднее становится, что это дело государственное и в нем замешаны силы, не имеющие ни малейшего отношения к Кэт. – Я помолчал, однако если Хэксби и услышал меня, то виду не подал. – Но я должен найти Кэт и убедиться, что ей ничего не грозит. Я выясню, отчего на самом деле погиб Олдерли, и вас выпустят на свободу, потому что я докажу вашу невиновность. – Я сжал плечо старика, стараясь таким образом показать силу своей убежденности, хотя сам понимал, что мои обещания пустые. Я выдержал паузу и сглотнул ком в горле. – А потом вы с ней поженитесь.

Я ждал, но единственными звуками были дыхание Хэксби и приглушенные крики несчастных из других камер.

– Если не скажете, где Кэт, я бессилён, – повторил я.

Старика опять начало трясти. И тут мне пришло в голову, что причина может быть не в дрожательном параличе – вернее, не только в нём. Что, если Хэксби просто мерзнет? Я осмотрелся в поисках одеяла.

В стену у двери был вбит колышек, на котором висел плащ Хэксби. Я снял его и уже собирался укрыть старика, как вдруг обратил внимание на асимметрию и заметил, что одна сторона плаща тяжелее другой. Похлопав по ней, я нащупал закрытый карман, вшитый в подкладку с левой стороны. Распустив завязки на кармане, я выудил из него записную книжку.

Положив ее пока на стул, я отвернулся и набросил на Хэксби плащ. Тот как будто ничего не почувствовал.

Снова взяв записную книжку, я пролистал ее. Внутри я обнаружил несколько сложенных бумаг. Почерк оказался почти нечитаемым, но я разобрал достаточно, чтобы понять – это рабочие записи Хэксби. Замеры, встречи, принятые решения, цены и количества. Были здесь и грубые наброски зданий, почти все с подписями и комментариями.

Одно из писем было написано Милкотом: тот подтверждал, что лорд Кларендон желает сохранить старый колодец, нужно только отгородить его от кухни, почистить и положить новый раствор. На отдельном листе плотник перечислял, какие именно доски ему понадобятся для перегородки, и указывал примерную стоимость работ.

На листе с потрепанными краями я обнаружил карандашный план прямоугольного здания. С одной стороны перпендикулярно ему тянулась галерея. Подпись была выполнена чернилами. Я силился разобрать, что написал Хэксби. Внезапно непонятные значки обрели смысл и превратились сначала в буквы, а потом и в слова.

«Доктор Рен. План новой часовни в Иерусалиме».

Я оглянулся и уставился на спину Хэксби.

– Сэр, у вас тут что-то написано про Иерусалим... – Ответа не последовало. Я еще раз осторожно потряс старика. – Что такое Иерусалим? Город? Или что-то другое?

Смешно всерьез предполагать, что какой-нибудь халиф, или султан, или патриарх нанял доктора Рена и господина Хэксби, чтобы те

выстроили часовню на Святой земле. Тогда что же означает «Иерусалим»?

Ответа я не ждал, и правильно делал. Дрожащий старик так глубоко погрузился в молчание, что нечего было и надеяться узнать от него правду – во всяком случае, сейчас.

Иерусалим. В пятницу вечером Олдерли кричал из окна Епископу: «Расскажи им про Иерусалим». Нет, это не просто совпадение.

Мне не терпелось уйти. Я сунул записную книжку и письма в сумку, которую забрал из квартиры Олдерли, и забарабанил в дверь, чтобы сержант меня выпустил.

Глава 24

Господин Чиффинч откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

– Нашли тело Олдерли. Он утонул.

Это была голая констатация факта. Чиффинч не выразил ни удовлетворения, ни сожаления.

– В самом деле, сэр? – произнес я таким же ровным тоном. – Для меня это новость.

– Труп выловили из пруда возле Оксфорд-роуд. Неподалеку от Тайберна. Олдерли стал жертвой грабителей, его обобрали до нитки. Что и говорить, места там опасные, немногим лучше Найтсбриджа. Король выразил обеспокоенность в связи с тем, что воры и разбойники совершают столь дерзкие нападения в непосредственной близости от Лондона.

Чиффинч не успел даже переодеться с дороги. По его словам, он только что приехал из Виндзора и поэтому решил принять меня в своих собственных апартаментах, в личном кабинете. Пока я стоял у двери, Чиффинч восседал за столом и ел виноград. Похоже, ему нравилось разыгрывать спектакль, делая вид, будто он узнал о гибели Олдерли только сейчас. Тут мне пришло в голову, что изощренные шутки в присутствии подчиненных – способ продемонстрировать власть над ними.

– Перейдем к другим вопросам. – Чиффинч выплюнул косточки на пол. – Кэтрин Ловетт. Вы ее нашли?

– Нет, сэр. Эта женщина будто исчезла с лица земли. Я установил наблюдение за ее домом.

– Этого мало. Ее необходимо посадить под замок.

– Но зачем брать ее под арест сейчас? – возразил я. – Если на господина Олдерли напали на большой дороге, ограбили его и бросили умирать...

Мы молча уставились друг на друга. Ситуация была полна горькой иронии: используя меня как орудие, Чиффинч хотел найти Кэт, чтобы возложить вину на нее, я же стремился отыскать эту девушку, чтобы спасти ей жизнь.

Взяв еще одну виноградину, Чиффинч принялся внимательно ее разглядывать.

– Ее невиновность вызывает у меня большие сомнения. Я много размышлял над этой историей. Бегство Кэтрин Ловетт явно свидетельствует против нее. Наверняка она заплатила наемному убийце. Должно быть, кому-нибудь из нечестивых сподвижников своего отца. – Чиффинч отправил виноградину в рот и принялся жевать. – А впрочем, не имеет значения, кто именно выполнял грязную работу за Кэтрин Ловетт: в этом городе не составит труда найти человека, который ради денег на сытный ужин и поход к шлюхе прикончит любого. – Чиффинч выплюнул косточки. – И кстати, за ту же цену можно подкупить целую толпу свидетелей, готовых поклясться, будто слышали, как Кэтрин Ловетт говорила про будущую расправу над Олдерли.

– Я раздобыл новые сведения, и ситуация предстала передо мной в ином свете, сэр. – Я хотел как можно быстрее отвлечь Чиффинча от Кэт: похоже, он готов отправить ее на виселицу любым способом – хоть справедливым, хоть бесчестным. – В деле замешан герцог Бекингем.

– Бекингем? – Чиффинч замер, не донеся до рта очередную виноградину. – Я предупреждал вас, что он воспользуется малейшей возможностью раздуть скандал. – Он уронил виноградину обратно на тарелку. – Если тут и впрямь не обошлось без него, действуйте с крайней осторожностью. Вы уверены, что не ошиблись?

Я ни в чем не был уверен.

– Могу только перечислить известные мне факты. В пятницу вечером Олдерли выпивал с человеком, известным под прозвищем Епископ. У этого Епископа есть какая-то связь с Уоллингфорд-хаусом, а значит, и с герцогом. Кроме того, господин Милкот подозревает, что именно Епископ приводит толпы недовольных на Пикадилли, к ограде Кларендон-хауса. Я видел его там собственными глазами. А еще вчера днем я заметил Епископа здесь, в Уайтхолле. Он стоял у главных ворот.

Чиффинч нахмурился.

– То есть он за вами следил?

– Возможно. Я тогда шел от Кларендон-хауса через парк. Я мог и не заметить слежки – на прохожих я особого внимания не обращал. – Тут я запнулся в нерешительности. – А может, Епископ приходил сюда по другому делу.

Мы с Чиффинчем молча глядели друг на друга. Никто из нас не считал нужным говорить вслух об очевидном: как раз вчера герцог Бекингем посетил Уайтхолл, стремясь продемонстрировать всем, что он снова в фаворе.

– Кто такой этот Епископ? – спросил Чиффинч.

– Пока не знаю, сэр, – ответил я и продолжил, не давая ему возможности меня перебить: – А еще я нашел доказательства того, что недавно Олдерли разжился большими деньгами. Перед самой гибелью он погасил закладную на дом в Фэрроу-лейн и купил много новой одежды. Возможно, он также намеревался вступить в брак.

– И кто же невеста?

Я пожал плечами:

– Не могу сказать. Но сам факт заслуживает внимания. Напрашивается вывод, что его финансовое положение стало устойчивее, чем раньше. Полагаю, Олдерли собирался ухаживать за богатой наследницей.

Чиффинч кивнул. У меня язык не поворачивался сказать, что деньги под залог дома Олдерли ссудила леди Квинси – обстоятельство, о котором она по неясным причинам не сочла нужным мне сообщить. Ревность нашептывала мне, что эта женщина, похоже, скрыла от меня, насколько тесно она общалась с пасынком. Однако я рассудил, что справедливее будет сначала побеседовать с леди Квинси, а потом уже делиться с Чиффинчем своими подозрениями. Нужно дать ей шанс объясниться. При одной мысли, что у меня появился повод для визита к этой женщине, сердце забилось быстрее.

Пока Чиффинч не догадался спросить, кто залогодержатель, я продолжил:

– И это еще не все, сэр. Взгляните.

Расстегнув пряжки на ремешках сумки Олдерли, я достал сломанную шкатулку, которую обнаружил в его квартире. Я поставил ее на стол перед Чиффинчем, затем вынул из кармана ключ и положил его рядом.

Чиффинч ничего не сказал, однако на секунду его глаза открылись чуть шире – едва уловимое движение лицевых мускулов.

– Что это? – спросил он.

– Сегодня утром лорд Кларендон рассказал мне, что потерял точно такую шкатулку. Его светлость описал пропажу в подробностях. При

этом он упомянул, что около недели назад застал Олдерли в своем кабинете. Господин Милкот привел его на половину, где расположены личные покои, чтобы показать ему коллекцию картин, но затем секретарь лорда Кларендона вынужден был отлучиться. Олдерли сказал его светлости, что заблудился.

– Ах вот как. – Чиффинч отправил в рот новую виноградину. – Значит, лорд Кларендон думает, что шкатулку украл Олдерли?

Я кивнул.

– Его светлость сказал вам, что было внутри? – спросил Чиффинч, засунув за щеку следующую виноградину.

– Нет. Однако сразу после этого разговора я отправился на квартиру к Олдерли, чтобы обыскать ее как следует. Как видите, шкатулку я нашел. Она валялась на полу в спальне Олдерли. Но я опоздал. Кто-то добрался до нее первым.

Не переставая жевать, Чиффинч взял шкатулку и принялся разглядывать. Подняв крышку, он спросил таким спокойным тоном, будто речь шла о сущем пустяке:

– Кто сломал замок? Вы?

– Ну разумеется, нет, сэр. – Я попытался изобразить благородное негодование, но Чиффинча, похоже, не убедил. – В понедельник, осматривая тело Олдерли, я нашел в его кармане ключ от этой самой шкатулки. Зачем мне ломать замок?

– Значит, шкатулка была пуста? – продолжал допытываться Чиффинч. – (Я кивнул.) – И кто же ее открыл? – Вдруг его голос зазвучал резко. – Может, все-таки вы?

– Нет, сэр. Клянусь.

Некоторое время Чиффинч испытующе глядел на меня, затем вздохнул и потянулся за очередной виноградиной.

– Тогда кто же это сделал?

– Олдерли незачем было взламывать замок. Возможно, шкатулку открыл Епископ. Я расспросил мальчика, который его видел.

– Какого мальчика? – сердитым тоном спросил Чиффинч.

– Сынишку плотника, который арендует первый этаж дома Олдерли. Мальчик сказал, что в понедельник вечером Епископ вернулся. Сразу бросалось в глаза, что в квартире что-то искали, при этом даже не стараясь замести следы. Все перевернуто вверх дном. Это явно не ограбление – во всяком случае, в привычном смысле этого

слова. У Олдерли много ценных вещей, но их не тронули. Остается предположить, что Епископ искал шкатулку, а когда нашел, похитил ее содержимое.

Чиффинч больше не смотрел на меня. Взяв шкатулку, он поворачивал ее то в одну сторону, то в другую, разглядывая узор на крышке. Поставив шкатулку обратно на стол, он взял ключ.

– Можете разобрать, что здесь за буквы, Марвуд?

– Нет, сэр.

Отложив ключ, Чиффинч выплюнул косточки и сунул в рот новую виноградину.

– Я тоже, – небрежно заметил он. – Может, это и вовсе не буквы, а красивый, но ровным счетом ничего не значащий узор.

Пережевывая виноград, Чиффинч пристально глядел на меня. Его глаза казались стеклянными и еще более выпученными, чем обычно. Я понял, что это предупреждение.

– Никому не рассказывайте о своей находке. – Чиффинч вдруг затараторил, будто внезапно сообразив, что опаздывает. – При встрече с лордом Кларендоном про шкатулку не говорите. Пока ему об этом знать незачем.

– Тогда что же мне делать, сэр?

– Приходите ко мне завтра вечером, – ответил Чиффинч, пододвигая шкатулку ближе к себе и накрывая ее руками, будто желая защитить эту вещь от посторонних глаз. – В десять часов высадитесь у Собственной лестницы и попросите позвать меня. А пока никому не говорите ни слова и ничего не предпринимайте, если только не узнаете, где скрывается Кэтрин Ловетт. – Чиффинч сплюнул. – А теперь оставьте меня. Займитесь чем-нибудь полезным. Возвращайтесь в Скотленд-Ярд, к Уильямсону и его писакам.

Мне не терпелось сбежать от Чиффинча. Только выйдя на свежий воздух, я вспомнил, что не сказал ему про чертеж, который обнаружил в кармане плаща Хэксби. Может, оно и к лучшему: мое открытие ничего не объясняло, оно только добавляло этой истории загадочности. Сначала нужно разузнать хоть что-нибудь еще – или от Хэксби, если мне удастся его разговорить, или от Бреннана.

Когда я шел к Скотленд-Ярду через Большой двор, меня догнал один из лакеев лорда Кларендона. Должно быть, после моих

регулярных визитов в Кларендон-хаус он запомнил меня в лицо. Ни слова не говоря, слуга поклонился и вручил мне письмо, а потом отошел в сторону и сцепил руки перед собой.

Сломав печать, я развернул письмо.

Уважаемый господин Марвуд!

Горс пропал. Его никто не видел с прошлого вечера. Пожалуйста, отужинайте сегодня со мной. Буду ждать вас в девять часов в «Козе» возле Чаринг-Кросс.

Дж. Милкот

Кларендон-хаус

Сложив письмо, я убрал его в карман. А вот и новое осложнение. Горс произвел на меня впечатление человека прямого, но мне уже приходило в голову, что довериться ему и взять его с собой в нашу вчерашнюю экспедицию было весьма опрометчиво со стороны Милкота. Ушел ли Горс по собственной воле или его заставили силой?

Я жестом подозвал слугу.

– Передайте господину Милкоту, что я приду.

Как подобает хорошо вышколенному лакею, слуга отвесил мне еще один поклон и молча зашагал прочь, даже не дожидаясь чаевых. «Полная противоположность бедолаге Сэму», – подумал я.

Я направился к Скотленд-Ярду, где меня ждали вечные жалобы господина Уильямсона и заунывная рутина «Газетт». Я шел к арке, и тут часы пробили четыре. Я застыл как вкопанный. После секундных колебаний я стал быстро спускаться по общественной лестнице Уайтхолла и сел в лодку, велев отвезти меня вниз по течению, в Савой.

Казалось, Господу сегодня отчего-то вздумалось спуститься с небес и наслать на меня безумие.

Добравшись до Инфермари-клоуз, я обнаружил, что Сэм, ушедший следить за Бреннаном, до сих пор не вернулся и никаких вестей от него не было. Дверь мне открыла встревоженная Маргарет. Я напомнил ей, что Сэм – взрослый мужчина, а не беспомощный ребенок, а про себя подумал, что, если мой слуга опять вернется пьяным, на этот раз ему не избежать моего гнева.

Прежде чем Маргарет успела возразить, я завалил ее распоряжениями:

– Немедленно пошлите за цирюльником, я желаю побриться. Затем нагрейте воды, налейте ее в кувшин и принесите ко мне в спальню, и побыстрее. Достаньте мой лучший камзол и вычистите его как следует, чтобы ни пылинки, ни пятнышка. И моя новая воскресная рубашка должна быть выглажена самым тщательным образом.

Маргарет, похоже, рада была отвлечься. Я уже собирался идти наверх, и тут она отдала мне письмо, доставленное почтовой службой. Мне писал господин Фишер, уотфордский корреспондент господина Уильямсона. Он с сожалением отвечал, что ничем не может мне помочь. Странствующие проповедники в город не заходили, а об Иерусалиме говорят только там, где следует, – в приходской церкви и в освященных часовнях.

Этого и следовало ожидать. Я уже знал, что Уотфорд – это ошибка. Я бросил письмо в кухонный очаг, в котором над огнем грелся котелок с водой.

У себя в комнате я запер сумку Олдерли в платяном шкафу. Если мне удастся найти Кэт, собранные мной вещи ей пригодятся. Следующие полтора часа у меня ушло на то, чтобы умыться, побриться, причесаться, одеться и убедиться, что мой туалет в полном порядке. Встав так, чтобы в зеркале было видно только необожженную сторону моего лица, я нашел свой внешний вид вполне удовлетворительным.

Я повернулся другой щекой и снова взглянул на свое отражение. Оставалось только пожать плечами. Тут уж ничего не поделаешь.

Глава 25

У меня почти год не было повода побывать в Колыбельном переулке – узкой улочке в Сити, идущей с востока на запад рядом с воротами Мургейт. Однако такой пустяк ничуть не мешал мне туда наведываться. Примерно раз в месяц-полтора ноги сами приносили меня в этот переулок, хотя путь мой лежал совсем в другую сторону.

Что же меня туда манило? Там жила леди Квинси.

За последнее время Колыбельный переулок постепенно изменялся. Западная его часть сгорела во время Великого пожара. Через несколько месяцев развалины полностью расчистили, а вокруг участков земли, на которых стояли здания, появились ограждения. Пару домов уже восстановили, а на пепелище среди сорной травы выросли хжины-временки.

Восточную часть переулка – ту, что вела на Брод-стрит, – огонь пощадил. Там и жила леди Квинси в доме, который достался ей от первого супруга, сэра Уильяма Квинси. Внушительное здание наполовину из кирпича, наполовину из дерева представляло собой типичное жилище торговца – до Пожара таких в Сити было великое множество. Однако этот дом по размеру превосходил другие, да и сохранился он лучше. Верхние этажи выдавались вперед, нависая над улицей, а старомодные окна с ромбовидными стеклами сверкали в лучах заходящего солнца.

Признаюсь, меня охватило волнение. Я вдруг пожалел, что, вопреки обыкновению, разделся в пух и прах. Как это жалко – выдавать себя за того, кем не являешься! Чем ближе я подходил к дому, тем медленнее переставлял ноги и тем яснее осознавал всю глупость своего поведения.

Чтобы придать себе смелости, я громко и уверенно постучал в дверь. Ждать мне пришлось целую вечность. Наконец раздался звук отодвигаемых задвижек, и дверь открылась внутрь. Я назвал лакею свое имя и попросил узнать, может ли леди Квинси принять меня.

Лакей позвал слугу, которого я несколько раз видел во время прошлых визитов, и что-то прошептал ему на ухо. Слуга скрылся.

Я ожидал его возвращения в передней под пристальным взглядом лакея. Вокруг царила такая тишина, что собственное дыхание казалось

мне удивительно громким. Минуты ползли с черепашьей скоростью, а мое сердце билось быстро, точно у испуганного зайца.

В резком контрасте с фасадом дома передняя была выложена мрамором. Через арку между колоннами был виден холл и украшенная резьбой лестница, ведущая на верхние этажи. К дому недавно пристроили новые помещения, а меблировку обновили. За старомодным фасадом скрывался богато обставленный современный городской дом с жилыми покоем, выходившими в сад. Поговаривали, что ремонт оплатил сам король, – по слухам, леди Квинси была его любовницей, когда его величество жил в изгнании на континенте, однако она до сих пор находила способы быть ему полезной.

Слуга вернулся.

– Следуйте за мной, сэр.

Он привел меня к двери, ведущей в маленькую комнату на первом этаже в передней части дома, и шагнул в сторону, пропуская меня вперед. Затем, ни слова не говоря, слуга закрыл дверь и оставил меня одного.

Комната была тускло освещена. В отличие от роскошной гостиной наверху, в которой леди Квинси принимала меня в прошлом году, мебель здесь была простая: письменный стол, стул, табурет и массивный, окованный железом сундук. У стены я заметил высокий шкаф, дверцы которого были заперты на два замка. Маленькое оконце было плотно зарешечено. Я понял, что здесь хранятся ценности и ведутся деловые переговоры.

Послышались шаги. Дверь открылась. Вошла леди Квинси в сопровождении африканского пажа. Я отвесил поклон.

– Извините, что заставила вас ждать, сэр, – произнесла она. – Прошу, садитесь.

Она изящно опустилась на стул. Мне оставалось только сесть на табурет. Мальчик встал за плечом своей госпожи.

– Что привело вас сюда? – спросила леди Квинси, и, хотя ее тон был вполне любезен, она как будто напомнила мне о разделявшей нас пропасти.

– У меня для вас важные сведения, мадам. Они касаются вопроса, который мы обсуждали в Уайтхолле. – Я перевел взгляд на мальчика, стоявшего позади стула леди Квинси. – Возможно, вы не захотите, чтобы...

– Оставь нас, Стивен, – обратилась она к пажу. – Закрой за собой дверь, но далеко не уходи. Когда понадобится, позвоню в колокольчик.

Мальчик поклонился и выскользнул из комнаты.

– Являться сюда без предупреждения весьма неразумно с вашей стороны. Вы что-то узнали о моей племяннице?

– Она исчезла, мадам.

– Значит, Кэтрин все-таки прислушалась к моему предостережению. Слава богу!

– Как вы думаете, где она может скрываться?

Леди Квинси была умной женщиной и к выводам пришла быстро.

– Мне кажется, вы что-то недоговариваете, сэр. Соблаговолите ввести меня в курс дела.

Чтобы леди Квинси открылась мне, я, в свою очередь, должен быть откровенен с ней – хотя бы частично.

– Моя новость пока известна немногим, но скоро о ней заговорят все. Если поделюсь ею с вами, вы обещаете молчать, пока она не станет достоянием гласности?

Мне удалось завладеть ее вниманием.

– Как интригующе. Хорошо, обещаю.

– Надеюсь, вы не будете глубоко опечалены, узнав, что ваш пасынок мертв?

Леди Квинси сидела спиной к окну, к тому же начало темнеть, и ее лицо было погружено в тень. Как я мог считать эту женщину заурядной? Она излучала очарование, которое невозможно было описать словами.

– Отчего?.. – Голос леди Квинси был чуть громче шепота.

– Его нашли утонувшим. При весьма... загадочных обстоятельствах.

– Хотите сказать, что Эдварда убили?

Я пожал плечами:

– Его тело выловили из пруда неподалеку от Тайберна. Он был раздет догола.

Тут леди Квинси обрушила на меня шквал вопросов:

– Кто на него напал? Разбойники? Что он там делал один? Когда его убили? Кому еще известно о его гибели?

Я не отвечал. Пауза затягивалась. Леди Квинси сидела, сцепив руки на коленях и глядя на меня.

– Зачем вы мне об этом рассказали? – наконец спросила она.

– Господин Чиффинч полагает, что в убийстве Олдерли виновна Кэтрин Ловетт. Выдан ордер на ее арест.

Леди Квинси ненадолго задумалась, потом издала смешок.

– Тогда все ясно как день. Случившимся явно заинтересовался король, иначе Чиффинч не стал бы обзаводиться мнением на этот счет. Пожалуй, спрошу у него.

– Воля ваша, мадам. – Я хотел застать ее врасплох, поэтому сразу же выпалил: – Скажите, зачем вы дали Олдерли ссуду? Во время нашего разговора вы не сочли нужным упомянуть об этом обстоятельстве.

– Почему я должна была о нем говорить? Вас это не касалось. Я сказала вам самое главное – что дела Эдварда процветали. Ну а то, что он погасил закладную и выплатил причитающиеся мне проценты, всего лишь следствие этого.

– Намерение Олдерли жениться – тоже следствие его финансового благополучия?

– Эдвард собирался жениться? – Леди Квинси вскинула брови. – В первый раз слышу.

– Кроме всего прочего, вы говорили мне, что Олдерли и его друзья задумали учинить расправу над вашей племянницей, а потом Эдвард собирался сплясать на ее могиле. Когда я спросил, кто его друзья, вы не ответили. Возможно, вы скажете мне правду сейчас?

– Возможно, мой пасынок не говорил мне, кто они.

Этот странный разговор напоминал замысловатый танец со словами вместо па, и в соответствии с законами парных танцев леди Квинси отчего-то позволяла мне вести ее.

– Допустим, Олдерли намекал вам, кто такие его друзья, – произнес я. – Эти люди, случайно, не связаны с герцогом Бекингемом?

– Можете именно так и считать, господин Марвуд. – Леди Квинси улыбнулась, лишний раз доказывая, что в этой женщине нет ничего заурядного, а чары, которыми она меня околдовала, все так же сильны. – Но я, разумеется, не могу дать вам ответа. Я ведь всего лишь женщина, к тому же в свет я сейчас почти не выхожу.

Зашуршал серый шелк, и леди Квинси встала. Я тут же последовал ее примеру. Она протянула руку. Несколько секунд ее кисть лежала в моей ладони, теплая и беззащитная. Такого непреодолимого желания я не испытывал еще ни разу в жизни.

– Я рада, что мы с вами поговорили, – произнесла леди Квинси. – Пожалуй, через некоторое время нам стоит встретиться снова. – Она взяла со стола колокольчик, однако звонить в него не спешила. – Позвольте задать вопрос. Надеюсь, он не покажется вам слишком личным. Отчего у вас шрамы на лице? – Леди Квинси подняла руку и коснулась собственной щеки, будто изображая мое отражение в зеркале. – Простите, если для вас это болезненная тема.

Я почувствовал, как кровь приливает к лицу.

– Три-четыре месяца назад я стал жертвой огня, мадам. – Я растянул губы в фальшивой улыбке. – Поверьте, в первое время мои ожоги выглядели намного хуже.

– Сочувствую. – Голос леди Квинси зазвучал мягче. – Но ваша беда не так уж велика. Любой, кто глядит в суть, увидит не шрамы снаружи, а душу внутри.

С этими словами хозяйка позвонила в колокольчик, а когда вернулся Стивен, произнесла:

– Господин Марвуд уходит.

Глава 26

Когда я добрался до «Козы», было уже почти девять. После разговора с леди Квинси в голове роилось столько разных мыслей, что я ничего вокруг не замечал. Таверна располагалась возле Чекуэр-инн, на углу переулка Святого Мартина, рядом с Королевскими конюшнями.

Меня провели в укромный малый зал. При моем появлении Милкот встал из-за стола.

– Рад, что вы смогли прийти, сэ. – Он махнул рукой, отпуская слугу. – У меня от этой истории голова кругом идет – что ни день, то новое осложнение! А кроме вас, больше это дело обсудить не с кем. Я взял на себя смелость и заказал ужин, не дожидаясь вашего прихода.

На столе стояла бутылка вина. Я заметил, что она наполовину пуста. Когда я опустился на скамью напротив Милкота, он наполнил мой бокал.

– Вы сегодня одеты очень *à la mode*^[3]. – Милкот многозначительно вскинул брови. – Собираетесь нанести визит даме? Любовнице? Хотите, поднимем бокалы за нее?

– Нет, – ответил я, а про себя подумал, что галантные джентльмены, подобные ему, в глубине души все одинаковые: их интересуют лишь женщины и вино.

– Но если желаете, чтобы я произнес тост, – пожалуйста, – сказал я. – За счастливое разрешение наших затруднений.

– За это выпью с удовольствием.

Осушив бокал, Милкот опять потянулся за бутылкой. В его манере появилась не вполне естественная веселость. Лицо покраснелось, да и движения утратили обычную точность и четкость.

– Слыхали новость? – спросил Милкот и покосился на дверь, дабы убедиться, что она закрыта. – Олдерли нашли утонувшим в пруду возле Оксфорд-роуд, неподалеку от Тайберна. – Милкот шумно выдохнул и расплылся в улыбке. – Говорят, тело пробыло в воде довольно долго. Труп не свежий.

– Что ж, ничего удивительного я тут не вижу.

Милкот заговорил еще тише.

– По крайней мере, его наконец-то обнаружили. Его светлость доволен. Полагаю, за это тоже надо выпить.

– А куда подевался Горс? – спросил я, пока Милкот наполнял наши бокалы.

– Этот разбойник сбежал. После обеда мажордом доложил мне, что он исчез. В последний раз я видел Горса вчера вечером – тогда же, когда и вас.

– То есть, после того как Горс отвел лошадь обратно на конюшню, он вам на глаза не попадался?

Милкот кивнул.

– Сторожа говорят, что, устроив лошадь на ночь, он зашел в дом.

– У Горса отдельная комната?

– Нет, в спальне ночуют три человека, а кроватей там две, поэтому Горс делит постель с другим слугой. Утром наш сообщник был на месте – я разрешил ему поспать на час дольше обычного, поэтому другие двое встали раньше него. Когда они уходили, он лежал в постели и крепко спал. – Милкот пожал плечами. – А потом Горс как сквозь землю провалился.

Я нахмурился:

– Хотите сказать, что он исчез?

– Горсу наверняка не составило труда покинуть Кларендон-хаус – было бы желание. Если верить прислуге, никто не видел, как он уходил. А впрочем, кому нужно следить за его перемещениями? На слугу, занятого делами в хозяйском доме, никто не обращает внимания. Кроме того, сейчас вся челядь его светлости старается быть осторожной и в словах, и в поступках. Им известно, что над нами сгущаются тучи, и все как один беспокоятся о собственном будущем. – Милкот поморщился. – Точь-в-точь крысы, бегущие с тонущего корабля.

Я осторожно спросил:

– Горс ведь не там же, где был Олдерли? Вы проверяли?

В комнате было тепло, и лоб Милкота заблестел от пота.

– Нет. Слава богу, там его не оказалось. – Секретаря передернуло. – Я тоже сразу подумал о колодце. Его светлость задал мне тот же вопрос, когда я сообщил ему об исчезновении Горса.

– Разумеется. Должно быть, лорд Кларендон обеспокоен, ведь Горсу известно многое, очень многое.

– Да. Особенно после вчерашнего приключения.

Милкот взял бутылку, обнаружил, что она пуста, и принялся с остервенением звонить в колокольчик, вызывая прислужника. Милкот

потребовал еще одну бутылку хереса и сахару, чтобы подсластить напиток.

– Я приказал обыскать сундук Горса, – продолжил Милкот, когда мы снова остались наедине. – Внутри мы обнаружили его грязную одежду, а выходной камзол исчез.

– Похоже, Горс ушел по собственной воле, – отметил я. – И возвращаться не собирается. У него есть деньги?

– Накануне я заплатил ему пять фунтов золотом, чтобы он помалкивал о вчерашних событиях и... обо всем остальном. Я об Олдерли. И кстати, это еще не самое худшее. Когда я...

Слуга будто нарочно выбрал этот момент, чтобы принести новую бутылку. Следом за ним вошел мальчишка из кухмистерской с подносом, на котором стояли блюда под крышками – наш ужин. В напряженном молчании мы с Милкотом ждали, когда они накроют на стол и оставят нас одних.

А когда это наконец произошло, Милкот обвел взглядом расставленные перед нами яства и состроил гримасу.

– У меня сегодня нет аппетита, сэр. Могу предложить вам ножку...

– Что вы собирались мне сказать, перед тем как нас прервали?

Милкот поглядел на меня поверх стола:

– Выбрав Горса, я совершил ужасную ошибку. Напрасно я ему доверился.

– Потому что он сбежал?

– Нет, ситуация еще хуже. Намного хуже. В сундуке Горса я наткнулся на старую пару башмаков с дырявыми подошвами. – Милкот обхватил бутылку так, будто боялся упасть. – Он напихал внутрь бумаги, чтобы башмаки держали форму. Сам не знаю почему, но я вытащил эту бумагу. В одном башмаке лежала всего лишь старая листовка. А в другом – список поручений от предыдущего хозяина Горса, сам по себе вполне безобидный. Однако внизу стояла подпись: «Э. О.».

– Думаете, инициалы означают Эдвард Олдерли?

Милкот кивнул:

– Я в этом уверен.

– Почему?

– У Олдерли была привычка украшать свою подпись завитушками.

Когда я одалживал ему денег, он дал мне расписку, и с тех пор я

запомнил эти «Э» и «О».

Я оперся локтями о стол и подался вперед.

– Ничего не понимаю. Вы утверждаете, что бывший хозяин Горса – Олдерли? Но они оба делали вид, будто незнакомы?

– Да. И при этом именно Горс обнаружил тело Олдерли в колодце и помог нам перенести его в пруд.

Вдруг мне в голову пришла другая мысль. словно крупная рыба, она мелькнула на дне мутного пруда, в то время как ее мелкие собратья сновали у самой поверхности. Я высказал предположение:

– Возможно, мажордом Кларендон-хауса объяснит нам, как Горс попал в дом.

– Мажордома я уже расспрашивал. Горса взяли по рекомендации друга ее светлости. Этого человека характеризовали как хорошо обученного и честного слугу.

– О каком друге речь?

– Понятия не имею. Леди Кларендон в могиле. – Милкот махнул рукой, будто указывая на ее местонахождение. – А больше спросить не у кого. Ни одна живая душа не знает, откуда он взялся.

– Тогда кто же на самом деле хозяин Горса? – произнес я. – Очевидно, не лорд Кларендон, хотя именно он платил нашему другу жалованье. Что, если Горс так и остался человеком Олдерли? Но покойнику служить нельзя. А значит...

– Он... Может быть, Горс просто сбежал. Среди прислуги это обычное дело.

– А может быть, Горс покинул Кларендон-хаус, исполняя распоряжение своего истинного господина.

– Истинного господина... – медленно повторил Милкот.

Он уставился на меня. Его красивое лицо выглядело изможденным и было залито нездоровым румянцем. Я забрал у него бутылку и налил вина в оба бокала. Мы вместе выпили.

– Много раз я вступал в схватку с врагом на поле битвы и считал, что просто исполняю свой долг. – Теперь голос Милкота зазвучал тихо и ровно, будто он вовсе не был пьян. – Я сражался на дуэли, потому что честь одной дамы оказалась под угрозой и я должен был защитить ее доброе имя. Но это... это совсем другое дело. Наш враг невидим и вездесущ. На этот раз я не могу встретить опасность лицом к лицу, ведь я не знаю, в чем она состоит и где таится.

«Козу» мы оба покинули в изрядном подпитии. Милкота не слушались ни руки, ни ноги, и он находил это обстоятельство чрезвычайно забавным.

– Откровенно говоря, дражайший Марвуд, я набрался самым непозволительным образом.

– Не могу сказать, что я сам абсолютно трезв. Давайте найдем для вас портшез.

Говорят «In vino veritas»^[4]: когда человек пьян, можно узнать, каков он на самом деле. Когда человек неспособен на предосторожности и расчет, видишь его истинное лицо. Если взглянуть на дело с этой стороны, Милкот проявил лишь положительные качества: он был открыт и честен, даже во хмелю не забывал о хороших манерах и разговаривал со мной без тени снисхождения.

Стоянка портшезов располагалась на Чаринг-Кросс. Я нанял один для Милкота и не без труда помог ему туда взгромоздиться. Я велел носильщикам доставить его в Кларендон-хаус, и, хотя путь предстоял короткий, я щедро заплатил им вперед.

Я договорился с носильщиками, Милкот попрощался со мной и задремал в портшезе, а за это время в голове у меня прояснилось. Свежего воздуха и движения мало, чтобы полностью протрезветь, однако все это помогло сгладить самые пагубные последствия опьянения. Я зашагал к дому пешком – Савой отсюда еще ближе, чем Пикадилли.

По дороге вместе с винными парами рассеялась и моя мимолетная веселость. Прежде чем поступить на службу к лорду Кларендону, Горс служил Олдерли. Ни хозяин, ни слуга не сочли нужным довести это обстоятельство до сведения Милкота либо еще кого-нибудь из домочадцев. Но почему? Напрашивался вывод – Олдерли и Горс состояли в сговоре.

Свернув со Стрэнда, я прошел под аркой, ведущей в Савой. Эта часть города освещалась хуже, да и булыжники мостовой здесь были скользкими. Над рекой поднимался туман, расплываясь по округе и заставляя темные силуэты зданий казаться расплывчатыми. Вместе с туманом вокруг распространялось зловоние сточных вод. Оно всегда усугублялось во время отлива, когда обнажалась бóльшая часть берега.

Тут и там в окнах и над воротами мелькали размытые пятна фонарей. Я брел медленнее и осторожнее обычного, хотя дорога была знакома мне так же, как коридоры и лестницы собственного дома. Постукивание моей трости по булыжникам звучало приглушенно.

Мне не давало покоя что-то, о чем Милкот упомянул во время нашего разговора в «Козе», но эта подробность погрузилась так глубоко в омут моей памяти, что выловить ее оттуда не представлялось возможным. Некоторое время я силился вспомнить, что привлекло мое внимание, но тщетно.

– Господин Марвуд. Сэр.

Голос звучал чуть громче шепота. Он доносился справа, из узкого переулка между двумя зданиями: днем там часто собирались бродяги, особенно во время дождя.

Я замер и обернулся. Вход в переулок в темноте казался черным, будто чернильное пятно.

– Господин Марвуд.

Голос был низким и хриплым.

– Кто вы? – спросил я, покрепче сжав трость и подняв ее над головой, чтобы в случае необходимости использовать вместо дубинки.

– Друг, сэр. Друг. – Мужчина прокашлялся. – Мой хозяин желает говорить с вами.

– В таком случае пусть приходит ко мне днем.

– Нет, сэр, сейчас. Далеко идти не придется. Он...

Незнакомца прервал щелчок щеколды. Звук донесся от калитки в переулке слева: она вела в часть Савоя, отведенную для частных домов, где обитал и я.

Калитка открылась. В тусклом свете висевшего над ней фонаря я разглядел размытый силуэт мужчины, вышедшего в переулок. Он нес маленький фонарь. До меня донеслось знакомое постукивание костыля по булыжникам.

– Сэм! – закричал я. – Сэм, это ты?

– Да, хозяин. Дай-ка, думаю, возьму фонарь и пойду вас встречать.

Я испытал глубокое облегчение.

– Эй ты, – сразу осмелев, обратился я к неизвестному. – А ну-ка покажись.

Ответом мне были лишь удаляющиеся шаги.

Вскоре подошел Сэм.

– Вы с кем-то говорили?

– Да, – подтвердил я и махнул тростью в сторону узкого проема между зданиями. – Там стоял какой-то человек. Хотел отвести меня к своему хозяину.

– Такой здоровенный детина? – спросил Сэм. – Пузо, как у олдермена? С длинной старой шпагой?

– Не знаю. Я его не рассмотрел. Голос у него был простуженный.

– Несколько минут назад этот толстяк стучался к нам в дверь. Несмотря на поздний час, хотел говорить с вами. Роба у него мерзкая. Я этого проходимца на порог не пустил. Разговаривал с ним через окошко в двери.

Сэм опустил фонарь, и на секунду в его свете мелькнула рукоятка пистолета, заткнутого за пояс моего слуги.

– А сюда ты зачем пришел? – спросил я.

Сэм отвернулся и сплюнул.

– Хотел проверить, не наткнулись ли вы на него. Ох и не понравилась мне его физиономия.

Я сразу устыдился своих черных мыслей и подозрений: а я-то думал, что Сэм зайвится домой пьяным до бесчувствия и ни на что не годным. Если и есть тут кто-то пьяный и ни на что не годный, так это я сам.

К дому мы шли молча. Значит, здоровенный детина с пузом, как у олдермена, и со старой шпагой. Больше всего тревожило то, что описанный Сэмом человек по всем приметам походил на толстяка, который, по словам Милкота, устраивал беспорядки возле Кларендон-хауса.

Сэм постучал в дверь Инфермари-клоуз, и Маргарет отодвинула засов. Служанка не говорила ни слова, лишь переводила взгляд с меня на Сэма и обратно, высматривая повреждения. Со свечой в руке она проводила нас в гостиную.

– Будете есть, сэр?

– Нет. Ложитесь спать. – Я хотел побыть в одиночестве. – Оба.

Сэм кашлянул:

– У меня для вас новости, хозяин.

Я тут же развернулся к нему.

– Ты нашел госпожу Ловетт?

Сэм шагнул вперед, в круг света от свечи.

– Пока не уверен. Днем Бреннан вышел из дома с мешком – довольно большим, плащ бы туда запросто поместился. Я шел за ним по пятам. – Сэм опустил взгляд на свою деревянную ногу. – Вернее, старался угнаться как мог. Бреннан дошел до церкви Святого Эгидия в Полях и оставил мешок в маленькой таверне неподалеку.

Я резко сел. Похоже, мы были правы. При обычных обстоятельствах Бреннан наверняка отдал бы посылку мальчику на побегушках. Но если он и впрямь отправлял плащ для Кэт, то наверняка не хотел, чтобы об этом узнали.

– И что потом?

– Из таверны Бреннан вышел без мешка, – продолжил Сэм. – Я зашел внутрь, гляжу, а там разносчик, про которого вы рассказывали. Тот самый, который письмо доставил. Косоглазый. Мешок Бреннана лежал на полу у его ног. Разносчик выпивал, ну и мне тоже пришлось с ним выпить, а он все ворчал, что сегодня ему надо ехать за город, а ведь того и гляди дождь хлынет. Сказал – хорошо хоть, что ему за это заплатили как следует, потому что он выполняет особое поручение. «Ах ты, бедолага», – говорю я, а косой отвечает: «Могло быть и хуже, до Вур-Грин ехать всего-ничего, миль пять, самое большее шесть».

– Вур-Грин? Где это?

– Деревня у дороги в Сент-Олбанс. – Сэм выдержал эффектную паузу. – Я слышал, там лагерь погорельцев. Сдается мне, в нем Кэт и прячется.

– Ты поработал на славу, – похвалил я. – Завтра встану рано. Разбуди меня в пять.

– Погодите, хозяин, дослушайте до конца. Может, еще передумаете. – Сэм шагнул ближе ко мне. – Ну так вот, вернулся я обратно на Генриетта-стрит и решил промочить горло в пивной на случай, если... мало ли, а вдруг Бреннан еще что-нибудь затеет? И очень хорошо, что я туда заглянул. Вы знаете, что тело господина Олдерли нашли в пруду возле Тайберна? Говорят, его избили и ограбили.

– Да, – ответил я ничего не выражающим тоном. – Эту новость я уже слышал.

Сэм вскинул брови:

– До чего спокойно вы восприняли это известие, сэр! Ученые джентльмены таких, как вы, флегматиками называют.

– Не дерзи. Свои чувства я проявляю так, как считаю нужным.
Сэм понимающе усмехнулся.

– В пивной я разузнал еще кое-что, хозяин, и эту новость вы наверняка не слышали. Бреннана забрали.

– Как это – забрали? Куда?

– На допрос. Когда он вернулся на Генриетта-стрит, его уже поджидали. Теперь в чертежном бюро никого не осталось.

Глава 27

На следующее утро я встал с постели, как только рассвело. Нельзя терять ни минуты. Бреннан арестован. В силе его привязанности к Кэт я не сомневался, хотя это обстоятельство меня ничуть не радовало, ведь он ей вовсе не ровня. И все же я сомневался, что Бреннан сумеет промолчать, когда за него возьмутся опытные дознаватели в Скотленд-Ярде. Они наверняка вырвут у него признание, это всего лишь вопрос времени.

За четыре шиллинга я взял напрокат лошадь на платной конюшне на Митр-сквер. Уильямсон меня в Скотленд-Ярде не ждет, а в назначенном Чиффинчем месте мне нужно быть только в десять часов вечера. Если посвящу день собственным интересам, меня никто не хватится.

Однако загвоздка в том, что судьба Кэт интересует и Чиффинча тоже, пусть и по другим причинам. Я веду двойную игру, а это забава опасная. И будь Кэт со мной откровенна, в рискованной экспедиции не возникло бы необходимости.

Ясное небо обещало теплый день. Я поехал по Уотлинг-стрит на север, в направлении Сент-Олбанса.

В голове еще не прояснилось после вчерашних возлияний, однако стоило оставить позади зловоние и шум Лондона, и мне сразу полегчало.

Верхом я ездил редко, и сноровки у меня не хватало. Все мое внимание было поглощено тем, чтобы следить за лошадьёю. Владелец конюшни заверил меня, что эта кобыла обладает спокойным, покладистым нравом: «Даже ваша достопочтенная матушка, сэр, доехала бы на ней до самой деревни Джон О'Гротс без единого происшествия», – и первые несколько сотен ярдов у меня не возникало повода усомниться в его словах. Животное являло собой образец смирения: лошадь не спеша брела по улицам именно туда, куда я ее направлял.

Но стоило нам выехать на открытую дорогу, как она утратила всю свою покладистость. Кобыла шарahalась от любого животного, встречавшегося нам на пути, а лающих собак она просто не выносила. Более того, чем дальше мы отъезжали от города, тем сильнее у нее

разыгрывался аппетит. Она то и дело жалась к обочине, чтобы отщипнуть пучок-другой травы или любого приглянувшегося ей растения. Я тянул за поводья, но ни малейшего воздействия это на нее не оказывало: полакомившись всем, чем ей заблагорассудится, моя лошадь сама решала, когда ей идти дальше.

Примерно через час я начал подозревать, что не заметил деревню Вур-Грин и случайно проехал мимо: указатели на этом участке дороги отсутствовали. Я обратился к мужчине, который сгребал траву на поле у дороги.

– Вур-Грин, господин? – переспросил тот, опираясь на грабли. – Зачем вам туда ехать? Вы ведь джентльмен.

– А почему в эту деревню нельзя ездить джентльменам? – спросил я, приняв его лесть и распознав в ней завуалированные взывания к моей щедрости.

– С тех пор как нагрянули погорельцы, туда нос сунуть боязно. Ради шести пенсов горло перережут.

Однако дорогу он мне объяснил. Я и впрямь пропустил поворот и проехал лишнюю милю. Работник поведал мне, что деревня расположена в нескольких сотнях ярдов к западу от большой дороги, хотя тамошние убогие лачуги раскиданы как попало, и с виду не поймешь, что перед тобой деревня.

– Я ищу лагерь погорельцев, – сказал я. – Каков он? Неужели это и впрямь такое страшное место?

После Пожара десятки тысяч погорельцев находили приют в лагерях вокруг Лондона. Но сейчас большинство обитателей их покинуло, а оставшиеся лагеря превратились в крошечные поселки с улицами и собственными правилами.

– Этот лагерь не похож на другие, господин, – начал работник, явно наслаждаясь возможностью посплетничать.

Как всякий словоохотливый человек, он был рад слушателю. Он объяснил, что лагерь в Вур-Грин очень мал, его население меняется, и обычно там живет несколько десятков семей. Из-за удаленного расположения тамошним погорельцам трудно найти работу в округе, а Лондон слишком далеко, чтобы каждый день ходить пешком туда и обратно. Многие кое-как кормились тем, что им удавалось вырастить, выпросить или украсть, другие жили за счет родных или полагались на

великодушные соседей. Огонь отнял у этих неприкаянных все, что у них было, даже волю бороться за лучшую жизнь.

Лагерь разбит на земле, принадлежащей старому фермеру по фамилии Мангот, который после смерти жены совсем запустил хозяйство. Во время войны там останавливались на постой солдаты, и полю был нанесен значительный ущерб. Из детей Мангота выжил один сын, но и тот погиб несколько лет назад.

Как и подобает джентльмену, я наградил работника, чтобы тот выпил за мое здоровье, и поскакал обратно. К деревне вела изрытая колеями дорога – если это место, конечно, можно было назвать деревней. По пути я встретил старуху, срывавшую с куста ежевику. Глаза ее провалились в глазницы, кожа потемнела от солнца, а по обе стороны от рта пролегли такие глубокие морщины, что казалось, будто их вырезали ножом. Пока лошадь щипала траву под кустом, я спросил старуху, где земля господина Мангота и лагерь погорельцев. Бросив на меня недобрый взгляд, та указала грязным пальцем вперед.

Как только кобыла насытилась, я продолжил путь. Дорога, тянувшаяся меж двух полей, сузилась и спустилась ниже. Живые изгороди выглядели все плачевнее. В воздухе стоял запах разлагающихся овощей.

Вдруг непонятно откуда выскочили две собаки и принялись с рычанием описывать вокруг меня круги, пытаясь цапнуть меня за ногу. Лошадь испуганно попятилась, заметавшись от одного края узкой дороги к другому. Я понимал, что проклятая кобыла в любой момент может встать на дыбы, а я полечу на землю. Обругав собак на чем свет стоит, я стал звать на помощь.

– Ко мне, черти!

Мужской голос прозвучал резко и пронзительно. Он донесся откуда-то сзади и сверху. Псы тут же съжились, поджали хвосты и покарабкались вверх по склону сбоку от дороги. Живая изгородь была такой чахлой, что мне не составило труда разглядеть сквозь нее худосочную фигуру на поле.

– Вы господин Мангот? – уточнил я.

– Кто его спрашивает?

– Моя фамилия... – Мне вдруг вспомнился старый товарищ из школы при соборе Святого Павла. – Роулиндейл.

– Какое у вас к нему дело?

– Я ищу молодую женщину, прибывшую в лагерь погорельцев день или два назад. Мне нужно с ней встретиться.

– Какую женщину?

Я не знал, под каким именем поселилась здесь Кэт, поэтому ответил:

– Вчера ей доставили плащ.

– Идемте. Мангот – это я.

Мужчина маленького роста пролез через изгородь и съехал по склону на дорогу. Собаки последовали за ним. Старик был тощим, но жилистым, с длинной копной спутанных, сальных седых волос и глазами, из-за какой-то болезни затянутыми пленкой. Мангот был одет в грязную рубаху, а на бриджах грязи было еще больше. Ни слова не говоря, он на ощупь отыскал повод моей зловредной кобылы, взялся за него и, прихрамывая, зашагал по дороге. Собаки трусили за нами. Я чувствовал себя не гостем, а пленником, которого ведут в триумфальной процессии.

Мы вышли на открытое пространство к полуразвалившейся ферме с провисшей крышей, позеленевшей от мха. Треть крыши провалилась, обнажив сломанные стропила и покосившиеся опорные балки. Мелкая свинья рыла пяточком землю в заросшем сорняками дворе, надеясь чем-нибудь поживиться. Больше вокруг не было ни единого живого существа, если не считать козы, привязанной к кольцу в стене амбара рядом с замшелой приступкой для всадников.

Мужчина издал утробный звук, напоминающий рычание, отчего псы сразу опустили хвосты и скрылись в амбаре, смежном с разрушенной частью дома.

– Вот, – произнес Мангот, указывая на участок земли позади двора, спускавшийся к ручью. – Лагерь здесь.

Я и раньше бывал в лагерях погорельцев, но ничто не могло подготовить меня к визиту в Вур-Грин, даже предостережения работника, встреченного мной по дороге. За хозяйственными постройками раскинулось хаотичное поселение из холщовых палаток и сколоченных на скорую руку деревянных хижин. Тут не было ни импровизированных лавок, ни улиц. От полудюжины костров поднимались струйки дыма. Казалось, все здесь – и палатки, и одежда жителей, и земля – было окрашено в оттенки коричневого: цвета мешковины и помоев, грязи и испражнений.

– Сколько здесь человек? – спросил я.

Мангот пожал плечами:

– Не знаю. Верно, около сотни. Раньше было больше. А теперь остались только эти страждущие души.

– Чем они здесь занимаются?

– Ждут, – ответил господин Мангот. – В Вур-Грин все ждут.

– Чего? – спросил я.

– Смерти, господин. Чего же им еще дожидаться?

Выпустив повод кобылы, Мангот, не оглядываясь, захромал к дому.

Я медленно проехал через двор и оказался в поле. Огибая лагерь, кобыла направилась к ручью, протекавшему у подножия склона. Погорельцы стояли возле своих палаток и лачуг и глазели на меня, будто на существо из другого мира – хотя в каком-то смысле так оно и было. У здешних обитателей были собственные собаки, и псы следовали за ними на безопасном расстоянии. И собаки, и хозяева выглядели одинаково забитыми.

Однако стоило мне остановиться у ручья, как высокий угловатый мужчина подошел ко мне и довольно-таки любезно осведомился, что мне угодно.

– Я ищу молодую женщину, которая приехала к вам на днях, – ответил я. – Может быть, в лагерь уже приходил разносчик, чтобы доставить ей плащ.

– Плащ, сэр? – переспросил мужчина. Он снял шляпу, под которой скрывалась копна седых кудрей, и почесал голову. – Про плащ мне ничего не известно.

– А про женщину? – Мое терпение было на исходе, и я заговорил сердито: – По всей вероятности, она прибыла в лагерь в воскресенье.

Должно быть, от злости я дернул поводья. Лошади это не понравилось. Мотнув головой, она галопом поскакала обратно, вверх по склону, а я отчаянно вцепился в ее шею. У ворот, ведущих во двор, одна из собак Мангота погналась за моей кобылой. Та отпрянула к задней стене фермы. Я закричал на пса и замахнулся тростью, которую не выронил лишь чудом. Собака с рычанием попятилась.

Но передышка оказалась лишь временной. Остальные псы в лагере, вдруг осмелев, стали окружать меня, и люди последовали их примеру. А страшнее всего было то, что все они надвигались на меня беззвучно: люди не кричали и не произносили ни слова, собаки не

лаяли. Они лишь молча подбирались ко мне и моей кобыле. Возглавлял их высокий мужчина. В руках он держал топор. Я крепче сжал трость, от всей души жалея, что не позаимствовал у Сэма пистолет.

Тут дверь у меня за спиной открылась. Я потянул за поводья, пытаюсь развернуть лошадь в сторону этой новой угрозы.

– Дражайший сэр, ради бога, прекратите измываться над этим несчастным животным.

От удивления я едва не свалился со своей проклятой кобылы. Выйдя из дома, Кэт взялась за повод и похлопала лошадь по шее, отчего та словно по волшебству снова превратилась в обещанный хозяином конюшни образец благонравия.

Стоило Кэт появиться, и от враждебных намерений погорельцев и их собак не осталось и следа. Их настроение изменилось столь внезапно и неуловимо, что я даже задался вопросом: неужели исходившая от них опасность мне просто померещилась?

– Благодарю, господин Хэлмор, – между тем произнесла Кэт. – Господин Мангот сказал мне, что этот человек меня ищет.

Хэлмор пожал плечами:

– Смотрите, чтобы он не ходил в лагерь. Здесь ему не место.

Кэт ответила кивком. Вместе с лошадью девушка вошла во двор и подвела мою кобылу к поилке. Все это время я сидел в седле. Лошадь опустила голову и стала пить. Я воспользовался представившейся возможностью и соскользнул с ее спины. Почувствовав под ногами твердую землю – вернее, жидкую грязь, – я испытал непередаваемое облегчение.

– Зачем вы приехали? – спросила Кэт. – И как вы нашли...

– Вы слышали, что случилось? – перебил я.

– О чем вы?

– Эдвард Олдерли мертв. Скорее всего, убит.

Секунду Кэт глядела на меня во все глаза. Ее лицо было неподвижно, точно маска. За прошедшие несколько дней она успела загореть, хотя погода в основном была пасмурной. Я заметил, что Кэт сделала другую прическу, а ее глаза на посмуглевшем лице казались особенно яркими. Они как будто стали больше – хотя, может быть, девушка просто исхудала.

– Хорошо, – наконец произнесла она и после небольшой паузы повторила: – Да. Хорошо.

Кэт ничем не выдавала ни своих мыслей, ни чувств. Меня охватила знакомая бессильная злость. Иметь дело с Кэт Ловетт было бы намного проще, знай я, что ею движет. Но чем больше я узнавал эту женщину, тем меньше ее понимал.

Кэт провела меня на кухню. Мангот сидел за столом, углубившись в чтение Библии. На нас хозяин даже не взглянул. Кэт повела меня в коридор, ведущий в разрушенную часть дома. Над нашими головами раскинулось ясное голубое небо, вид на которое загораживали только сломанные балки, сваи и стропила.

– Не повышайте голос, и никто нас не услышит, – тихо велела Кэт. – Как вам удалось меня отыскать?

– История долгая, и рассказывать ее не вижу смысла. Главное, что здесь вам оставаться опасно.

Во взгляде Кэт мелькнула тревога.

– Почему?

– Власти собирают доказательства, чтобы обвинить вас в убийстве Олдерли.

– Я к нему и пальцем не притрагивалась, – с негодованием выпалила Кэт. – Клянусь Богом, это истинная правда. А жаль.

– Однако со стороны дело выглядит по-другому. У вас было более чем достаточно причин расправиться с Олдерли. И вам представилась такая возможность: в Кларендон-хаусе он был частым гостем. Так же, как и вы.

– Откуда властям это известно?

– Кто-то написал донос, обвиняя вас в убийстве. А когда вас пришли арестовывать и обнаружили, что вы скрылись, этот факт восприняли как лишнее свидетельство вашей виновности. Петля вокруг вашей шеи затягивается все крепче и крепче.

Кэт пожала плечами, но не произнесла ни слова. После небольшой паузы она перевела разговор в другое русло:

– Как он умер?

Долю секунды я колебался: может быть, сказать ей правду и признаться, что тело Олдерли нашли в колодце лорда Кларендона? Однако мне еще так мало известно об этом деле, к тому же я не имею права делиться чужими тайнами, в которые меня посвятили. Не говоря уж о том, что Кэт мне не доверяет, так с какой стати я должен доверять ей?

Поэтому я ответил:

– Вчера его нашли утонувшим в пруду неподалеку от Тайберна. Олдерли раздели догола, к тому же говорят, что его избили. Подозревают, что вы заплатили наемникам, чтобы те разделались с вашим кузенком.

– Эдвард мертв, – произнесла Кэт. – В голове не укладывается. Вы уверены? В этом нет никаких сомнений?

– Ну разумеется, уверен, – сердито бросил я. Похоже, ликование Кэт от гибели кузена пересиливало ее страх за собственную судьбу. – Однако сюда я приехал не за этим. Вчера забрали Бреннана, его будут допрашивать. Может быть, ему уже развязали язык, а если нет, то это вопрос времени. И когда он проговорится...

На секунду вид у Кэт стал виноватым. Затем она произнесла:

– Бреннан ничего не скажет. Он меня не предаст.

– Не будьте наивны.

Она едва не испепелила меня взглядом. Однако я лучше нее знал, что делают с подозреваемыми в Скотленд-Ярде. Да, страшные времена, когда арестантов пытали, подвешивая их на дыбу или сдавливая им пальцы тисками, остались в прошлом. Но дознаватели освоили другие методы вырывать признания у заключенных, а Бреннан особенно уязвим, ведь на заступничество влиятельных покровителей ему рассчитывать не приходится. Чертежник показался мне крепким орешком, но я подозревал, что его оболочку уместнее сравнить с тонкой, хрупкой скорлупой, которую легко разбить на мелкие осколки, и тогда содержимое сразу растечется лужей.

– А господин Хэксби? – спросила Кэт. – Как он все это воспринял?

– Ваш нареченный? Не очень хорошо, – ответил я, слишком рассерженный, чтобы щадить ее чувства. – Его арестовали в понедельник. Вчера, когда я навещал его, он пребывал в удручающем состоянии.

Кэт отвернулась и выдернула пробившийся сквозь пол побег кипрея. Должно быть, раньше здесь располагалась кладовая.

– Нужно уезжать, – сказал я. – Немедленно.

Кэт развернулась ко мне:

– Так вам велела сказать ваша добрая подруга леди Квинси? Кстати, с тех пор вы с ней виделись?

– Она здесь ни при чем.

– В любом случае я никуда не поеду.

– Поедете.

Глаза Кэт сверкали гневом. Наши воли будто вступили в поединок друг с другом, однако силы оказались равны, и ни одна сторона не могла одержать верх.

– Я даже не знаю, правду ли вы говорите, – объявила она, горделиво вскинув голову. – И должна заметить, вы недооцениваете Бреннана, и господина Хэксби тоже.

– Когда я видел Хэксби в последний раз, он лежал на койке, отвернувшись к стене, и трясся, будто испуганный ребенок.

Когда Кэт ответила, ее тон звучал уже не так самоуверенно:

– Мне нужно время, чтобы подумать, как лучше поступить. И мое благополучие вас не касается.

Мне стоило огромных усилий сохранить самообладание.

– Речь не только о вашем благополучии. Благополучие Бреннана и Хэксби тоже под угрозой. – Я выдержал паузу. – Да и относительно меня вы заблуждаетесь. Если узнают, на что я решился, чтобы помочь вам, я не дам за свою жизнь и ломаного гроша.

Глава 28

Путешествие обратно в Лондон стало изощренной пыткой сразу во многих отношениях. Сначала я вызвался идти пешком – пусть Кэт сидит в седле, а я буду вести лошадь на поводу. Но она велела мне не глупить. В результате на спину кобылы мы взобрались вместе. К счастью, седло было двойным, что уже само по себе делало его неудобным, но, по крайней мере, оно давало нам возможность путешествовать вместе. Господин Мангот объяснил, как добраться до города проселочными дорогами, не выезжая на столбовую.

Кэт устроилась позади меня, сидя боком и одной рукой обхватив меня за талию. Лошадь спокойно брела по безлюдным дорогам, а вокруг, как бывает в конце лета, буйствовали пыльные кусты и травы. Кобыла вела себя гораздо лучше – видимо, понимала, что сидящая на ее спине Кэт не потерпит дерзких выходок. Поводья, конечно, держал я, но это было всего лишь пустой формальностью.

Мышцы бедер ныли от непривычной нагрузки. Меня мучили голод и жажда, но утолить их было негде. Да и в любом случае, даже на большой дороге, небезопасно лишний раз привлекать к себе внимание.

Приходилось мириться и с другими неудобствами, главным из которых стало то, что мы с Кэт были вынуждены сидеть, прижавшись друг к другу, и из-за этой нежеланной близости я ощущал каждое ее движение, а она – мое. Похоже, что за год, прошедший со дня нашей первой встречи, тело Кэт утратило мальчишеские очертания, сменившиеся мягкими округлостями. Признаюсь, это открытие вывело меня из равновесия.

Да и поведение Кэт меня порядком раздражало. Нельзя сказать, что на разрушенной ферме мы поругались, однако еще чуть-чуть – и наш разговор перешел бы в ссору. Я размышлял о том, что, будь Кэт здравомыслящей девушкой, она бы незамедлительно последовала моему совету и по достоинству оценила бы то, что, несмотря на риск, я разыскал и предупредил ее. Чем дальше, тем больше я уверялся в том, что Кэт вовсе не желает, чтобы я – или кто-либо другой – спасал ее, и это, разумеется, выводило меня из себя еще сильнее.

Мы проехали несколько миль, но беседа между нами так и не завязалась: мы нарушали молчание, только чтобы решить, в какую

сторону ехать (по этому поводу у нас тоже возникали споры). Но не могли же мы дуться друг на дружку всю дорогу до Лондона! Нам ведь многое нужно было обсудить.

– Нужно решить, куда вас отвезти, – обернувшись через плечо, начал разговор я.

– А я думала, что и это решение вы уже приняли за меня, сэр, – ответила Кэт.

– Пожалуй, лучше вам пока пожить у меня. Только недолго. Это слишком опасно для нас обоих.

– В таком случае поищу себе жилье сама.

– Не говорите глупостей. Я желаю вам добра, только не знаю, что мне сделать, чтобы вам помочь.

Я почувствовал, как Кэт расслабилась, – ей иногда была свойственна подобная переменчивость настроений.

– Знаю, господин Марвуд. Хотя одному Богу известно почему. Но честно говоря, я не желаю обременять ни вас, ни кого-либо другого.

Путь мы продолжили в молчании, но из угрюмого оно превратилось в почти дружеское. Ни одно из затруднений мы не разрешили, но на душе у меня стало легче, пусть и самую чуточку. Однако, несмотря на кажущееся потепление наших отношений, с Кэт нужно было держать ухо востро.

– Не припоминаете, в доме вашего дяди работал слуга по фамилии Горс? – спросил я.

– Мэтью Горс? Да. Он иногда прислуживал за столом.

– Вам известно, что этот человек работал и в Кларендон-хаусе?

Кэт заерзала в седле.

– Нет.

Я пожалел, что не вижу ее лица, ведь от этого простого вопроса зависело очень многое. Горс мог узнать и Кэт, и Эдварда Олдерли. Любому слуге глубоко врезаются в память лица хозяев, особенно если речь идет о таких высокопоставленных людях, как семейство Олдерли. Что, если именно Горс сообщил Эдварду Олдерли, что Кэт работает в павильоне? Или он сказал Кэт, что Олдерли – приятель Милкота и время от времени бывает в Кларендон-хаусе? Можно даже предположить, что Горс предупредил их обоих, желая получить двойную награду за свои труды.

Сейчас важнее всего разыскать Горса. Для того чтобы проложить безопасный путь через эту гущу интриг, сначала нужно докопаться до истины.

– Расскажите, что произошло в субботу вечером? – Я сразу взял быка за рога, надеясь, что, застигнутая врасплох, Кэт будет откровеннее.

Девушка отпрянула, насколько это было возможно.

– Эдварда Олдерли убили тогда?

– Возможно. В последний раз его видели в субботу. – О некоторых фактах я умолчал нарочно, чтобы ввести ее в заблуждение. – Но, как я уже сказал, тело в пруду нашли только вчера.

– Ума не приложу, что ему там понадобилось? Эдварда ограбили и убили на большой дороге?

– Не знаю. Но... король поручил мне расследовать обстоятельства случившегося.

– Вам? Почему?

Я пожал плечами:

– Сильные мира сего не посвящают меня в свои намерения.

Кэт фыркнула, однако звук больше напоминал испускание газов, – видимо, именно таковы были ее намерения. Мою напыщенность как ветром сдуло.

– Ну хорошо. – Я невольно улыбнулся. – У меня возникали кое-какие предположения. В прошлом году я немного общался с вашим кузенком. Возможно, причина отчасти в этом. К тому же король может отдать мне приказ по секретным каналам через господина Чиффинча и Совет красного сукна, – возможно, королю выгодно держать в тайне свой интерес к этому делу. Времена нынче беспокойные. И в правительстве, и при дворе соотношение сил меняется.

– А вы, как я посмотрю, всюду успеваете, сэр, – холодно произнесла Кэт. – Леди Квинси. Господин Чиффинч. Сам король. Важные государственные дела. К чему же приведет такое усердие? Надеюсь, что вас посвятят в рыцари – это меньшее, чего вы заслуживаете.

– Я зарабатываю на жизнь как могу, – парировал я: от моего благодушного настроения не осталось и следа. – А заодно стараюсь помочь вам.

– Зачем? – Вопрос Кэт прозвучал резко: не девушка, а законник в зале суда!

Вопрос был вполне уместным, но я оставил его без ответа. Я понимал, что отчасти причина в чувстве вины, ведь в мае я подверг Кэт большой опасности. К тому же тех, кто вместе пережил нечто страшное, связывают незримые узы – особенно же это касается людей, уцелевших благодаря друг другу.

– В субботу вечером вы ужинали в «Барашке» с господином Хэксби и Бреннаном. Последний проводил вас до Генриетта-стрит. Однако сторож утверждает, что некоторое время спустя вы снова покинули дом.

– Даже если и так, то что с того?

– Сторож утверждает, что вы сказали ему, будто идете к подруге и, может быть, останетесь у нее ночевать.

– Напомню, что я поступила именно так, как вы мне советовали в ту же субботу на Новой бирже, – холодно сказала Кэт. – Я подумала над вашим советом и решила им воспользоваться. А теперь вы допрашиваете меня, будто преступницу.

– И что же вы сделали?

– Нашла место, где можно переждать опасность, и покинула Генриетта-стрит. Господину Хэксби я ничего говорить не стала – рассудила, что лучше не ставить его в известность.

– Вместо этого вы обратились к Бреннану. – Не сдержавшись, я повысил голос. – Простите. Я не хотел...

– Кричать на меня? Запугивать, будто судья обвиняемую на скамье подсудимых?

– Я просто хочу выяснить...

– Да, я попросила помощи у Бреннана, – перебила меня Кэт. – Его дядя Мангот приехал в город по делам и на следующее утро собирался обратно в Вур-Грин. Бреннан отвел меня к господину Манготу на конюшню постоялого двора, где стояли его лошадь и телега. Мы обо всем договорились на месте.

– Станный выбор, – заметил я, не объясняя, что странным истораживающим мне показался тот факт, что Кэт обратилась именно к Бреннану и он помог ей.

– Отчего же? Что странного в том, чтобы отправиться на ферму к Манготу? Я предпочла этот путь, потому что лучших вариантов не

было. В лагерь погорельцев стекаются люди, незнакомые друг с другом. Деревня Вур-Грин расположена не слишком далеко от Лондона и при этом не слишком близко. – Кэт снова повернулась в седле. – И кстати, я покинула Генриетта-стрит не потому, что так велели вы. Я просто хотела избавить господина Хэксби от неприятностей.

– Тут ваши старания не увенчались успехом.

Кэт толкнула меня локтем.

– Это было низко, сэр. – (Я мог бы согласиться с Кэт, поскольку она была права, однако я не доставил ей такого удовольствия.) – В Кларендон-хаусе вы говорили с господином Милкотом? – спросила она после небольшой паузы. – О ходе работ в павильоне мы отчитывались ему. Он наверняка знает о Горсе больше, чем я.

Похоже, Кэт пыталась сменить тему.

Я ответил:

– Мы с ним уже обсудили все, что только можно.

Кэт вцепилась в меня крепче.

– Он весьма толковый секретарь.

Я невольно задался вопросом: а не приглянулся ли ей Милкот? Перед таким импозантным мужчиной не устоят многие девушки, но, с другой стороны, Кэт сильно отличается от большинства своих ровесниц.

Пятьдесят унылых ярдов мы тряслись в седле молча, но наконец Кэт спросила:

– К чему все эти вопросы? Что вы пытаетесь узнать? Убила я кузена или нет?

– Разумеется, нет.

– Хоть на том спасибо. И все же, как вы меня отыскали? По письму?

– По какому письму? – с раздражением спросил я.

– По тому, которое я отправила Бреннану.

– Да, письмо, плащ, косой разносчик... – Я оглянулся на нее. – А зачем вы писали Бреннану?

Кэт ответила не столько на тот вопрос, который я задал вслух, сколько на тот, который меня действительно интересовал.

– Если вы думаете, что это любовное послание, то вы ошибаетесь. Нет, просто на ферме я услышала один разговор, речь шла о лорде Кларендоне и его доме. Высокий мужчина – вы его видели –

утверждает, что герцог Бекингем задумал нанести его светлости некий сокрушительный удар, от которого тот не оправится. А вчера я слышала, что люди герцога подкупают недовольных, чтобы собрать отряд и пойти маршем на Кларендон-хаус. Отряд из людей вроде погорельцев в лагере, самых отчаянных из них.

– И что же, по-вашему, должен был предпринять Бреннан?

– Рассказать обо всем Хэксби и убедить его, чтобы он предупредил господина Милкота или самого лорда Кларендона. – Кэт выдержала паузу. – Его светлость – хороший заказчик, и я бы не хотела, чтобы его дом пострадал. И павильон, над которым мы работаем, тоже.

Я чуть не рассмеялся. Кэт настолько обеспокоена судьбой чужого дома, что желание его уберечь пересилило страх выдать себя и быть обнаруженной врагами.

– Как думаете, Бреннан передал мое предупреждение господину Хэксби?

– Очень сомневаюсь, – ответил я. – Когда пришло письмо, Хэксби уже задержали для допроса, а теперь забрали и самого Бреннана. Возможно, он расскажет о грозящей Кларендону опасности дознавателям.

– Что ж, – произнесла Кэт. – Теперь вы все знаете – вернее, все, что я могу вам поведать.

Я усомнился в правдивости ее слов. Мне было известно, что, защищая себя, Кэт способна пойти на обман. Как, впрочем, и все мы. Дальше мы ехали молча, и по дороге мне пришло в голову, что Кэт может солгать и для того, чтобы уберечь меня. Я устал от неизвестности. Придется искать другой способ докопаться до истины и выяснить, что же все-таки произошло с Эдвардом Олдерли и какое отношение его убийство имеет к лорду Кларендону.

А пока у меня есть заботы, требующие моего внимания незамедлительно. Кэт я отыскал, но что теперь прикажете с ней делать?

Когда мы подъезжали к городу, уцелевшие во время Пожара часы били восемь. Режущая слух какофония продолжалась довольно долго, минуты три. Времени у нас все меньше и меньше.

– Не прошло и пяти дней, как я оставила все это позади, – проговорила Кэт, указывая на руины старого города. – А кажется, будто миновали целые века.

– Не поднимайте головы, – велел я. – Надвиньте капюшон на глаза. Нельзя терять ни минуты. Через два часа меня ждут в Уайтхолле. Окажете мне услугу? За мной следят два человека, и намерения у них явно недобрые. Прошлым вечером они едва меня не схватили, но, к счастью, рядом оказался Сэм. Один очень высокий и худой, в длинном коричневом камзоле. Другой ниже ростом и толстый. У обоих на поясах шпаги.

– Зачем они вас преследуют? – спросила Кэт. – Это как-то связано с тетушкой Квинси или смертью моего кузена?

– Возможно. Однако причины не имеют значения. Просто будьте начеку и, если заметите этих двоих, дайте знать.

Мы въехали на окраину Лондона, проехали вдоль старой стены и, петляя по городским улицам, стали прокладывать себе путь к Митр-скверу.

Кэт спешила у конюшни. Я велел ей ждать на улице, пока я возвращаю лошадь и расплачиваюсь с хозяином.

А потом, несмотря на то что нужно было спешить, я замер под аркой и некоторое время наблюдал за девушкой. Она стояла в пятне солнечного света, прислонившись к стене и опустив руку в карман, – ее пальцы наверняка сжимали рукоятку ножа. На другой стороне улицы ватага мальчишек привязалась к кошке. Та была кожа да кости, однако шипела, как змея. Вырвавшись из рук своих мучителей, кошка оцарапала двоих и умчалась в переулок. Один из пострадавших громко заревел. Второй побежал к матери, но та отмахнулась от него, словно от мухи.

Кэт взглянула на меня с улыбкой.

– Так и знала, что этим закончится.

– Да, – согласился я. – Кошки есть кошки. Возьмите меня под руку. Скорее.

Все с той же улыбкой Кэт решила на этот раз мне уступить. Мы быстро зашагали к Савою, вошли через боковые ворота, которые в этот час не охраняли, и направились к Инфермари-клоуз. Я забарабанил в дверь своего дома.

Послышалось звяканье цепочек и скрежет задвижек. Дверь открыла Маргарет. При виде Кэт ее лицо просветлело.

– Радость-то какая! Госпожа Хэксби! Как поживаете?

Кэт взяла мою служанку за руки.

– Не жалуюсь. А как дела у вас и Сэма?

– Как видите, госпожа, все по-старому.

– Заходите в дом и закройте дверь, – вмешался я.

Маргарет провела Кэт в прихожую.

– У вас усталый вид. Вы голодны? Хотите пить? И что у вас с лицом? Видно, вы слишком много времени проводили на солнце.

– Это всего лишь сок грецкого ореха, чтобы кожа выглядела темнее, – пояснила Кэт. – Я старалась не отличаться от деревенских женщин.

Я запер дверь на все замки.

– Отведите госпожу Хэксби в свободную спальню и дайте ей все, что нужно. А ко мне в комнату принесите горячей воды. После этого ждите меня в гостиной.

Маргарет почтительно присела. Кэт последовала ее примеру, хотя в ее книксене насмешки было больше, чем уважения.

– Ах, как вы добры, сэр! – произнесла она.

Я закрыл за собой дверь спальни. Я с ног валился от изнеможения. Руки и ноги болезненно ныли. Больше всего мне хотелось рухнуть в кровать. «Всего на полчаса, – сказал я себе. – Зато потом я стану новым человеком».

Однако усилием воли я заставил себя сбросить камзол и сел за туалетный столик. Я снял с головы парик и водрузил его на подставку. В дороге он весь пропылился. Я уставился в зеркало на собственное изможденное лицо.

Без парика шрамы от ожогов на моей голове и лице предстали передо мной во всех подробностях, и я почувствовал себя обнаженным, будто новорожденный младенец перед повитухой. Хотя какое значение имеют эти отметины? В сравнении с другими моими бедами и тревогами они просто меркнут.

Сейчас меня больше волнует Кэт, и Чиффинч, и собственное будущее – один Бог ведает, что меня ждет. Тут перед моим мысленным взором явилась непрощеная гостья – леди Квинси.

Раздался стук в дверь, и образ рассеялся. Вместо леди Квинси передо мной предстала Маргарет с кувшином горячей воды. Оставив воду на столике, моя служанка повернулась, чтобы уйти, но я ее окликнул.

– Закройте на секунду дверь, – велел я и, дождавшись, когда она исполнит мое распоряжение, спросил: – Мне приходили письма?

– Нет, сэр.

Я надеялся, что Джордж Милкот что-нибудь разузнал о судьбе пропавшего слуги, Мэтью Горса.

– На днях вы упоминали свою подругу, разносчицу «Газетт». Кажется, ее зовут Марта?

Маргарет разгладила передник.

– Доркас, сэр. Надеюсь, все в порядке... Уверена, она не стала бы...

– Нам в «Газетт» очень не хватает добросовестных разносчиц. Вы говорили, что Доркас нуждается в деньгах?

– Да, сэр, они все в них нуждаются.

Я поднес палец к губам.

– Вашей подруге можно доверять?

Маргарет кивнула, однако в ее взгляде отразилась тревога.

– Если она будет держать рот на замке, я одновременно и облегчу ей жизнь, и дам возможность немного подзаработать. Доркас с кем-нибудь делит постель?

Маргарет пришла в такое смятение, что я, не удержавшись, рассмеялся.

– У меня и в мыслях нет покушаться на ее добродетель. Я просто хочу знать, одна она живет или нет.

– Доркас ночует на чердаке над конюшней, сэр, одна. Ее сын служит во флоте, и бывает, что ему дают увольнительную, но сейчас он в Танжере.

– Госпоже Хэксби нужно где-нибудь пожить несколько дней, – пояснил я. – Не сказать, чтобы ее многие знали в лицо, однако ее ищут, и за ней вполне могут прийти сюда. Доркас согласится дать госпоже Хэксби приют под своей крышей?

– Я спрошу, – с сомнением произнесла Маргарет. – Доркас не из болтливых, в этом я за нее ручаюсь. А потеряв работу, она с голоду умрет.

– Моего имени не упоминайте. Придумайте что-нибудь вместе с госпожой Хэксби. Скажите, что она служанка, которую ищут приставы. Или она сбежала от хозяина, пытавшегося ее обесчестить, и тот гонится за ней по пятам.

– А для Доркас это не опасно, сэр?

– Ни малейшей опасности – ни для Доркас, ни для вас, ни для кого-либо другого. И вот еще что – госпожа Хэксби уже немного изменила свою внешность, и, если удастся преобразить ее еще сильнее, не вижу причины держать ее в четырех стенах, особенно если в городе она сможет быть нам полезной. Почему бы не сделать Кэт разносчицей «Газетт»? Пусть ходит по маршруту вместе с Доркас.

Мы с Маргарет долго глядели друг на друга в полном молчании. Хочешь что-то спрятать – положи на видное место.

Глава 29

До Собственной лестницы я добрался в начале одиннадцатого. Всю дорогу от Савоя я почти бежал и теперь изнывал от жары, не говоря уж о том, что все мое тело ныло после поездки в седле. Меня незамедлительно проводили к Чиффинчу: он встретил меня стоя, и его расположение духа оставляло желать лучшего.

– Опоздываете, Марвуд, – бросил он, прерывая мои попытки извиниться. – Следуйте за мной.

Пройдя мимо меня, он вышел через дверь, которой я раньше не пользовался, и мы очутились в причудливом лабиринте, где всюду шли строительные работы. В этой части дворца располагались личные апартаменты фаворитов и даже покои самого короля. Чиффинч шагал быстро и ни разу не сбился с пути. Он поворачивал то вправо, то влево, поднимался и спускался по лестницам, пересекал дворы и снова нырял в коридоры. Мы проходили мимо многочисленных стражников, те отдавали Чиффинчу честь и распахивали перед нами двери. Мне казалось, что на меня они не смотрят. Для них я был невидимкой.

Мы вошли в покои, где у окна вполголоса разговаривали двое богато разодетых придворных. За окном вяло текла серая река. В сумерках вода выглядела тусклой, будто старая рыба чешуя. При нашем появлении придворные обернулись. Я их сразу узнал – и Чиффинч тоже. Что-то пробормотав себе под нос, он поклонился со словами:

– Приветствую, ваша милость, ваша светлость.

Я согнулся в поклоне еще ниже. Герцог Бекингем и лорд Рочестер ответили Чиффинчу кивками. На секунду взгляд герцога задержался на мне. Это был импозантный мужчина с темными выразительными бровями и такими тонкими светлыми усами, что их можно было не заметить вовсе. От его взгляда веяло холодом, на лице ни проблеска улыбки. Рочестер что-то шепнул герцогу на ухо. Тот вдруг рассмеялся, затем снова отвернулся к окну. Мы с Чиффинчем поспешили дальше.

Наконец мы снова очутились под открытым небом. Он привел меня на лужайку для игры в шары у реки, к югу от дворца, ближе к Вестминстеру. Ступени вели к низкому причалу, выступающему в реку. Был прилив, и вода плескалась о него. Я видел эту лестницу с реки, но

никогда здесь не высаживался, поскольку сюда допускались лишь немногие. Ею пользовались редко, в отличие от общественной лестницы и Собственной лестницы, расположенной севернее.

Горел фонарь. Нас ожидали двое слуг в штатском, у обоих на поясе висели шпаги. Рядом была пришвартована весельная лодка, в которой нас ждал гребец. На корме висел еще один фонарь, но его не зажигали.

У меня возникло дурное предчувствие. Чиффинч прошел вперед, наклонился и присел на корточки, чтобы тихо сказать что-то лодочнику. Один из слуг шагнул вперед, преграждая мне дорогу. Его лицо было бесстрастно, да и в его манере держаться не чувствовалось враждебности. По приказу Чиффинча слуга шагнул в сторону, давая мне пройти.

– Садитесь на корму, да побыстрее, – велел Чиффинч.

Когда я проходил мимо него, он сорвал у меня с головы шляпу, и тогда я сразу понял, что мне предстоит.

Грациозно сесть в маленькую лодку – задача невозможная, и я взялся за дело с предельной осторожностью, держась за швартовую тумбу и постепенно перебираясь с берега на воду. Однако под моим весом лодка неистово закачалась из стороны в сторону, и я едва не плюхнулся в реку.

Гребец хохотнул.

Крепко схватившись за борта, я сел под фонарем на корме. Чиффинч бросил шляпу мне на колени и отошел.

Один из слуг отдал швартовы, второй оттолкнул лодку от причала. Сгущались сумерки, но на реке света было больше. Лодочник развернул наше суденышко носом к середине реки и широкими, медленными гребками направился туда. Когда мы отплыли от берега ярдов на пятьдесят, он поднял голову. Я узнал смуглое некрасивое лицо короля.

– Ваше величество. – Я низко склонил голову, как бы прося прощения за свой недостаточно глубокий поклон.

– Хватит церемоний, Марвуд, – ответил монарх. – Сидите смиренно, иначе мы с вами перевернемся.

Я и раньше часто видел короля на реке. Ходить под парусом – одно из его излюбленных занятий, и они с герцогом Йоркским часто плавали на своих яхтах наперегонки. Но я ни разу не видел его величество без свиты и прислуги, сидящим на веслах, будто обычный лодочник. По одежде я не признал бы в нем не то что короля, но даже представителя

знатного семейства: на монархе был камзол из грубой ткани и бриджи. Парик он надевать не стал и к тому же надвинул шляпу пониже на глаза.

– Эдвард Олдерли, – произнес его величество, разворачивая лодку по течению. – А ведь я надеялся, что больше мы об этом распроклятом семействе не услышим. От них одни неприятности – и при жизни, и после смерти. Я знаю, что вы рассказали Чиффинчу про обстоятельства, при которых было обнаружено тело. Известно мне и то, что произошло потом, но я хочу услышать подробности от вас. – Король выдержал паузу и вскинул руку с массивным кольцом на пальце. – Расскажите мне все. И учтите – я хочу знать не только то, о чем вы доложили Чиффинчу. Говорите без утайки.

Без утайки? У меня не было времени поразмыслить, что сказать, а о чем умолчать, король не дал мне возможности просчитать последствия, к которым приведут мои откровения. Я начал говорить, стараясь в процессе рассказа привести мысли в порядок.

Я поведал королю обо всем, что узнал в Кларендон-хаусе и других местах, выясняя обстоятельства гибели Олдерли. Описал квартиру Эдварда, упомянул о внезапно свалившемся на него богатстве и возможных планах вступить в брак, не забыл про сломанную шкатулку и поделился своими подозрениями на ее счет: Олдерли наверняка украл эту вещь у лорда Кларендона. Рассказал я и о приятеле Эдварда, человеке по прозвищу Епископ, который, похоже, устраивает на Пикадилли шумные протесты против бывшего канцлера. Я даже не без сожаления сообщил, что Епископ, похоже, связан с герцогом Бекингемом.

После этого я запнулся. Продолжать мне не хотелось, ведь, солгав, я стану преступником. Однако король, разворачивая лодку против течения, с легким раздражением заметил, что не терпит дураков, пытающихся что-то от него скрыть, и будет мне весьма признателен, если я скажу все, что знаю.

Тогда я признался, что Чиффинч приказал мне вынести тело с территории Кларендон-хауса. Исполняя его распоряжение, мы с Милкотом и слугой, который первым заметил Олдерли в колодце, отвезли труп в поле рядом с Тайберном. Однако возникло осложнение: вчера утром слуга пропал. Милкот обнаружил доказательства, что

раньше этот человек служил Олдерли, но какие выводы из этого следуют, я пока судить не берусь.

– Вот мы и подобрались к госпоже Ловетт, – заметил король.

Волей-неволей мне пришлось рассказать и о Кэт. Я поведал, что она работала у архитектора Хэксби, занимавшегося перестройкой павильона в Кларендон-хаусе, и многие полагают, что Олдерли погиб именно от ее руки. Господину Чиффинчу пришло анонимное письмо, автор которого утверждает, будто госпожа Ловетт убила своего кузена. К тому же среди ее вещей нашли бумагу с адресом Олдерли. Я выдержал паузу. На секунду меня одолел соблазн чистосердечно признаться во всем и сказать королю, что, несмотря на доказательства против Кэт, я не верю в ее виновность, поэтому сейчас я укрываю ее от констеблей.

Но этого я сказать не мог. Слова застревали в горле, будто рыбы кости, и я даже испугался, что задохнусь.

Чем больше я рассказывал, тем сильнее меня одолевал страх. Вот я разговариваю с королем Англии с глазу на глаз. Речь идет о конфиденциальных делах лорда Кларендона, который еще несколько месяцев назад был не только одним из самых влиятельных министров короля, но и его доверенным советником. Я практически напрямую предъявлял обвинения герцогу Бекингему – лучшему другу детства короля, к тому же обладающему репутацией придворного, особо приближенного к монарху, – не в последнюю очередь потому, что Бекингем умел рассмешить его величество. И в довершение всего герцог один из богатейших людей страны.

Король слушал меня, и вот наконец я смущенно умолк. К моему удивлению, в сгущающейся темноте послышался тихий смех.

– А теперь, Марвуд, пока у меня голова не пошла кругом от ваших умозаключений, расскажите мне о том, чего Чиффинч не знает. Когда в Банкетном доме я исцелял недужных наложением рук, к вам подошла леди Квинси. Напомните-ка, с какой просьбой она к вам обратилась.

Меня пробрала дрожь – на воде становилось все холоднее и холоднее, с наступлением темноты ветер усиливался. Наверняка королю уже известно, о чем меня просила леди Квинси. Должно быть, он испытывает меня – или ее светлость.

Я ответил:

– Леди Квинси спросила, знаю ли я, где живет Кэтрин Ловетт, сэр. Если помните, эта девушка ее племянница, они породнились, когда ее светлость вступила в брак с покойным Генри Олдерли.

Я почувствовал, что королем овладевает нетерпение. Терпением его величество не отличался. Пожалуй, это качество вообще не свойственно монархам, а впрочем, я увидел Карла II с другой стороны, когда он одним прикосновением исцелял огромную толпу своих подданных от королевской хвори: час за часом он, словно истукан, восседал на троне под монотонный гул молитв, которые читали заново для каждого нового страдальца.

– Леди Квинси желала, чтобы я предупредил госпожу Ловетт. Эдвард Олдерли узнал, как найти кузину, и собирался жестоко с ней поквитаться, – продолжил я. – Леди Квинси советовала племяннице бежать. Я... передал ее слова госпоже Ловетт.

– Вы встретились с этой женщиной лично? – Слова прозвучали резко, будто удар топора. – Или отправили ей письмо?

– Мы разговаривали в субботу вечером на Новой бирже, сэр. Я предостерег госпожу Ловетт от имени леди Квинси.

– Как она восприняла новость?

– Рассердилась. А еще... госпожа Ловетт не хотела покидать господина Хэксби. Они обручены, к тому же она помогает ему в работе. Но, видимо, Кэтрин Ловетт все же прислушалась к совету тети. Во время расследования я узнал, что в тот вечер она ужинала с господином Хэксби и его чертежником. Затем госпожа Ловетт вернулась в мастерскую, где она живет, и тем же вечером снова вышла из дома, на этот раз в одиночестве, и не вернулась. В понедельник утром ее пришли арестовывать, однако девушка бесследно исчезла.

– Куда она могла отправиться? Разумеется, при условии, что ее не увели силой.

Я прочистил горло.

– Даже не берусь предположить, сэр. С уверенностью могу сказать лишь одно – госпожа Ловетт весьма находчивая девушка.

– И, судя по всему, прибегать к силе для нее обычное дело. Чиффинч изложил мне доказательства, свидетельствующие против нее. Кэтрин Ловетт исчезла в субботу вечером. А Олдерли покинул дом в последний раз за час или два до этого.

– Да, сэр.

– Значит, если Олдерли убили, – а можно с большой долей уверенности заключить, что он умер не своей смертью, – госпожа Ловетт самая очевидная подозреваемая.

Я опустил голову. Кэт не только самая очевидная, но и самая удобная подозреваемая. Ссора между двумя ничем особо не примечательными кузенами завершилась убийством – такое объяснение всем принять намного проще, чем распутывать клубок интриг, рискуя задеть сильных мира сего: Бекингема, лорда Кларендона, герцога Йоркского. Вот почему король приказал, чтобы тело вынесли из павильона и оставили там, где его обнаружение не вызовет скандала. В практической его величеству не откажешь.

А потом я сделал большую глупость, выпалив:

– Сэр, я думаю, что госпожа Ловетт невиновна.

– Почему?

– Все доказательства против нее косвенные. Нет ни единого свидетельства того, что госпожа Ловетт была в павильоне лорда Кларендона, когда господин Олдерли упал в колодец. Да и трудно представить, как бы она туда проникла. А предостережение леди Квинси объясняет ее бегство.

– Это еще ничего не значит. Мои советники люди опытные, и, ознакомившись с доказательствами, они пришли к заключению, что госпожа Ловетт виновна. – Король поднял глаза к небу. Погрузив весло в воду, он развернул лодку обратно и стал грести к дворцовой пристани. – Завтра в шесть часов утра вы должны явиться в Колыбельный переулок.

Я недоуменно уставился на короля:

– Для чего, сэр?

– Вы сопроводите леди Квинси в Кембридж, и, возможно, не только туда.

– Но, сэр... – начал я.

Возражать я не пытался, об этом не могло быть и речи, но от неожиданности слова сами сорвались с языка.

– Возможно, поездка будет довольно продолжительной, – перебил король. – Неукоснительно исполняйте любые распоряжения ее светлости. А я жду от вас подробного отчета о каждом ее шаге: что она будет делать, где бывать, о чем говорить. Найдите Чиффинча, и он снабдит вас всем необходимым.

Я не осмеливался спросить, зачем леди Квинси едет в Кембридж. Последние слова король произнес так, что я сразу понял: разговор окончен.

Далее к лестнице возле луга для игры в шары мы плыли в тишине, нарушаемой только плеском весел и скрипом уключин. Под фонарем на пристани нас ждали три человека, однако Чиффинча среди них не было. На его месте спиной к реке стоял высокий мужчина, завернувшийся в темный плащ.

Король подплыл к лестнице.

– Марвуд, – тихо произнес он. – Если, несмотря на все факты, говорящие о виновности этой женщины, вы убеждены, что она не убийца, вы должны представить мне доказательства в подтверждение своих слов.

Слуги опустили на корточки и прижали борт лодки к каменной стене, чтобы королю было легче выбираться на пристань. Я с гораздо меньшим изяществом последовал за монархом. Один из слуг взял меня под руку и деликатно направил ко входу в Каменную галерею – через нее придворные выходили на луг для игры в шары.

По дороге я прошел мимо высокого незнакомца. В тот момент, когда я отвешивал королю прощальный поклон, этот человек тоже повернулся к его величеству. Фонарь горел прямо у него за спиной, и я успел сбоку разглядеть лицо, напоминавшее чеканный профиль на монете. Передо мной был Яков, герцог Йоркский, брат короля.

У задней лестницы я попросил, чтобы меня отвели к Чиффинчу, и меня проводили в его кабинет. Чиффинч вручил мне кошелек с тридцатью фунтами золотом и серебром, предназначенными для моих дорожных расходов.

– Представьте мне список всех своих затрат, – велел Чиффинч. – А если ее светлость предложит за что-нибудь заплатить – еще лучше, не вздумайте отказываться.

– Мне взять лошадь здесь или в платной конюшне?

При одной мысли о верховой езде ноги и руки заныли с новой силой.

– Лошадьми займутся люди леди Квинси. От вас требуется лишь явиться к ее светлости в назначенный час и делать все, что она велит.

Чиффинч махнул рукой, давая понять, что я могу быть свободен.

– Сэр, кто-нибудь из арестантов заговорил?

– Вы про Хэксби и Бреннана? – Чиффинч фыркнул. – Из Хэксби слова не вытянешь, причем в буквальном смысле. Кажется, старик тронулся умом. Если и дальше будет продолжать в том же духе, окончит свои дни в Бедламе^[5]. А с Бреннаном совсем другая история. Представьте себе, он слег с лихорадкой, поэтому из-за жара болтает без умолку, вот только в его бреде ни капли смысла.

Какая удача! Бреннан – единственный человек, которому известно, куда уехала Кэт.

– Говорят, этот малый то и дело жалуется на холод, – продолжил Чиффинч. – Все спрашивает, принесли его плащ или нет. За кого он нас принимает? За своих слуг? Кстати, Марвуд, а ведь и в самом деле холодает. Будете выходить – велите принести еще угля для камина.

Покинув кабинет Чиффинча, я отправился домой. Я раскошелился на извозчика – отчасти из-за усталости, отчасти оттого, что в кармане звенело столько монет.

Когда я постучал в дверь, открыл Сэм. Он сообщил, что Кэт в доме больше нет – она отправилась к Доркас, подруге Маргарет.

– Все благополучно устроилось, сэр, Доркас рада помощнице, а еще больше ее порадовало, что госпожа Ловетт обещала ей щедрую награду.

Непривычно было видеть Сэма в столь веселом настроении – в первый момент я даже заподозрил, что он опять залил за воротник. Даже новость о том, что им с Маргарет придется работать полночи, собирая для меня вещи в дорогу, не омрачила его бодрого расположения духа.

Однако причиной приподнятого настроения Сэма был вовсе не эль. Приободриться его заставила история с Кэт, пронизанная духом риска и секретности. Я и раньше замечал эту его черту: в то время как у любого здравомыслящего человека опасность вызывает беспокойство, Сэм, напротив, в трудную минуту оживал на глазах.

Лечь спать мне удалось только около двух часов ночи. Но в кровати я понял, что не смогу уснуть. Я лишь валялся на спине, уставившись прямо перед собой в темноту. Король и герцог Йоркский, Кларендон и Бекингам – все они находятся на такой недосягаемой высоте, что я способен лишь наблюдать за ними снизу, будто за далекими планетами, вращавшимися в ночном небе и недоступными моему земному

пониманию. Тогда я стал размышлять о Кэт Ловетт и леди Квинси, но дело закончилось только болью, и головной, и сердечной.

Глава 30

Когда я постучал в дверь дома в Колыбельном переулке, было еще темно. Сэм поехал вместе со мной в наемном экипаже и теперь сидел там с моей дорожной сумкой. Открывший мне слуга взял сумку у Сэма и проводил меня в полутемную, по-спартански обставленную комнату, где я беседовал с леди Квинси во время моего прошлого визита. Слуга принес мне печенья и немного слабого пива и обещал позвать меня, когда ее светлость будет готова меня принять.

Я сел и заставил себя поесть. Я был не голоден, да и пить не хотел, но я понимал, что следующий шанс подкрепиться, скорее всего, представится не скоро. Из-за закрытой двери было слышно, как прислуга бежит вверх-вниз по лестнице. Время от времени до меня доносились обрывки приглушенных разговоров. Тяжелые сундуки то волокли по полу, то с грохотом ставили.

Наконец вернулся тот же слуга. В руках он нес шпагу и пистолет в кобуре. Он спросил, взял ли я собственное оружие, и, когда я ответил отрицательно, отдал эти предметы мне.

– Такова воля ее светлости, – произнес слуга.

Наконец появилась леди Квинси собственной персоной, одетая в дорожный плащ.

– Спасибо, что согласились сопровождать нас, сэр, – неожиданно любезно проговорила она. – Хотите ехать с нами в карете?

Словами не передать, до чего меня обрадовало ее приглашение. Конечности до сих пор ныли с непривычки после вчерашней скачки. Вслед за леди Квинси я вышел в холл, где собралось множество людей. На улице ждала карета, в которую были запряжены шесть великолепных лошадей одинаковой серой масти. Кучер уже занял свое место на козлах, а верхом на ближайшей к нам передней лошади сидел фореитор. Еще один слуга стоял позади этой же лошади. Я испытал облегчение, увидев перед собой карету с застекленными окнами и дверцами, а не экипаж старого образца с кожаными шторами, не пропускающими внутрь свет и совершенно не защищающими от сквозняков. Массивная карета явно предназначалась для поездок на дальние расстояния.

В такой роскоши и комфорте мне до сих пор путешествовать не доводилось. Слуги помогли леди Квинси сесть в карету. Я ждал у дверцы, пока хозяйка устраивалась поудобнее на сиденье лицом к запряжке. Затем она жестом пригласила меня присоединиться к ней, показывая, что я должен сесть напротив, у окна, то есть наискосок от нее.

На какой-то безумный миг я почти поверил, что мы будем ехать только вдвоем, уединившись в качающемся экипаже. Но тут у меня за спиной раздалися шаги. Слуга посадил в карету горничную с худым лицом, избегавшую моего взгляда. Служанка села рядом с госпожой.

А потом с помощью слуги внутрь вскарабкалась мальчишеская фигурка – Стивен. Горничная довольно-таки грубо усадила его рядом со мной. Мальчик забился в темный угол, и его лица было не разглядеть, если не считать белков глаз.

Наконец дверца закрылась, и слуга убрал складную лестничку. Кучер щелкнул кнутом. Карета дернулась и сдвинулась с места, постепенно набирая скорость. Никто не произносил ни слова.

Ехали мы быстро: после жаркого засушливого лета грязи на дорогах не было, шестерка лошадей неслась вперед, не сбавляя темпа, и мили пролетали незаметно. Мы не разговаривали, поскольку леди Квинси была погружена в свои мысли и почти всю дорогу только глядела на пейзажи за окном. Мне и самому было о чем поразмыслить. Особенно меня занимали мысли о Кэт Ловетт. Можно ли надеяться, что у Доркас ей ничто не грозит? Помогая беглянке, я совершаю ужасную глупость, так зачем же я это делаю? И как мне поступить с Кэт, если расследование затянется надолго?

Стивен спал – или, во всяком случае, закрыл глаза и ушел в себя. Огромные отеки на шее искажали тонкие черты его лица: казалось, будто золотуха – зловредный червь, заползший под кожу несчастного ребенка и постепенно превращающий его в чудовище. Я осознал, что мои собственные шрамы – мелочь, едва ли стоящая внимания, и мне тут же стало стыдно, что я так жалел себя.

От Лондона до Кембриджа больше пятидесяти миль – расстояние слишком дальнее, чтобы без неудобной спешки преодолеть его за один день в карете с упряжкой из шести лошадей. На ночлег мы остановились в Пакеридже, в харчевне «Сокол». Деревенские жители

показывали на Стивена пальцами и, пересмеиваясь, глазели и на его темную кожу, и на раздувшуюся шею, пока я не заставил их заткнуться.

Леди Квинси ужинала в отведенной ей комнате. Я уже собрался трапезничать за хозяйским столом внизу, но тут ко мне подошла ее горничная и пригласила меня отужинать с ее светлостью. В комнате горели свечи, занавески были задернуты. Леди Квинси успела переодеться. За едой мы с ней говорили о разных пустяках. Но после ужина она отослала слуг прочь.

– Итак, сэръ, – произнесла леди Квинси, играя с яблоком и катая его по скатерти, будто шар. – Вас послали за мной следить?

– Я сопровождаю вас по приказу короля, мадам. Мне велено исполнять любое ваше распоряжение.

– И докладывать его величеству о каждом моем шаге?

– Да, мадам.

Она принялась чистить яблоко.

– Что ж, по крайней мере, вы честный человек.

– Утверждай я обратное, вы бы мне все равно не поверили.

– Значит, если не честный, то, во всяком случае, умный.

Комплименты леди Квинси подозрительно напоминали лесть.

Я осведомился:

– Позвольте узнать, каковы ваши планы?

– Завтра во второй половине дня мы будем в Кембридже. Я бы хотела, чтобы вы отнесли письмо джентльмену, который там проживает. В Иерусалиме.

Услышав это название, я вздрогнул, однако постарался скрыть волнение.

– В Иерусалиме, мадам? – будто без всякой задней мысли переспросил я.

– В колледже. Джентльмен, о котором идет речь, член совета.

– Разумеется.

Я почуял опасность. Похоже, леди Квинси предприняла это путешествие не просто для того, чтобы доставить письмо: ее дело наверняка каким-то образом связано с планом доктора Рена, который я обнаружил в записной книжке Хэксби.

Я произнес:

– Говорят, в Иерусалиме собираются строить новую часовню.

– Неужели? – устало произнесла леди Квинси. – В колледжах все время что-то строят. Удивительно, как они только находят время для науки.

На следующее утро, когда мы уезжали из «Сокола», леди Квинси дала мне свой кошелек и велела уплатить все, что с нас причитается.

Хозяин постоянного двора, изрядно обогатившийся благодаря нашему визиту, рассыпался в любезностях. Пересчитывая полученные деньги, он спросил меня, встретился ли я с другом.

– С другом? С каким другом?

– С джентльменом, который заезжал к нам позавтракать, сэр. Он, так же, как и вы, направляется в Кембридж, однако этот джентльмен спешил и не мог задерживаться. Не знаю, успел ли он до отъезда найти вас и ее светлость.

– Любопытно, кто бы это мог быть? – произнес я. – Говорите, джентльмен уже уехал?

– Как только лошади были готовы, они со слугой отправились дальше. Они путешествуют на перекладных, а значит, до Кембриджа доскачут быстро.

Моя тревога возрастала.

– Как выглядел этот человек?

– Высокий. Судя по речи, северянин. А больше я никаких примет не запомнил. И слуга у него тоже крупный, только не в длину, а в ширину. – Хозяин постоянного двора выставил руки перед собой, изображая большой живот. – Жаль его коня.

– А у этого толстяка была при себе старая кавалерийская шпага?

– В самую точку, сэр, – подтвердил хозяин. – Так вы и вправду их знаете. Я сказал его хозяину, что сегодня вы будете ночевать в «Розе». Полагаю, там вы с ним и увидите.

– Похоже, что так.

Я поднялся наверх, гадая, за кем из нас едут Епископ и его слуга – за леди Квинси или за мной. И зачем герцог Бекингем пустил своих людей по нашему следу?

Леди Квинси попросила меня отправить вперед фореитора, чтобы тот доехал до таверны «Роза» и предупредил, чтобы нам отвели там комнаты. Пообедали мы в дороге и до Кембриджа добрались ко второй

половине дня. Несмотря на внушительные здания, городок был невелик. Он располагался в низине, и улицы были плохо вымощены.

Я не стал рассказывать леди Квинси про Епископа: эту новость я решил держать при себе, пока не разберусь в ситуации. Если у ее светлости есть от меня секреты, почему бы и мне не завести свои?

В таверне леди Квинси вызвала меня в свою комнату, пока ее горничная Энн разбирала вещи. Стивен раскладывал их по местам, выполняя распоряжения горничной. Плотно сбитый мальчик двигался очень ловко.

Ее светлость протянула мне письмо, о котором говорила накануне вечером. Оно было адресовано преподобному господину Уорли из колледжа Иерусалим.

– Будьте очень осторожны с этим письмом, – велела леди Квинси. – Не отдавайте его никому, кроме самого господина Уорли. И постарайтесь доставить послание как можно быстрее.

Несмотря на распоряжения леди Квинси, я задержался в харчевне у бочки с пивом, чтобы пропустить кружку, – от дорожной пыли у меня пересохло в горле. А впрочем, причина моей неторопливости была не только в этом. Не люблю, когда меня используют как пешку в темных делах, о которых мне ничего не известно. Королю, Чиффинчу и леди Квинси угодно, чтобы я служил им со слепой преданностью, будто пес хозяину. Однако преданность – это одно, а слепота – совсем другое, и в подобных обстоятельствах она сродни глупости.

Хозяин таверны корпел над счетами у себя за столом. В это время дня гостей в таверне мало, и он был рад выпить со мной пива. К тому же он, как и его коллега из Пакериджа, рассыпался передо мной в любезностях, да и немудрено: прибытие леди Квинси вместе со свитой изрядно поправило его дела.

– Не могли бы вы удовлетворить мое любопытство? – осведомился я. – Я собираюсь нанести визит джентльмену из колледжа Иерусалим, однако я не знаком с этим человеком и хочу составить о нем представление заранее. Его фамилия Уорли.

– Господин Уорли? Как же мне его не знать? Очень уважаемый джентльмен. Я его помню еще мальчишкой. Он ведь из наших краев, сэр. Я даже его деда встречал.

– Значит, вся его семья из Кембриджа? – уточнил я.

– Нет, с Фенских болот, это к северу от города. У них поместье в Хитчем-Сент-Мартин. Полагаю, со временем оно перейдет к господину Уорли.

Я понял, что владелец таверны не прочь посплетничать, и решил воспользоваться случаем.

– Господин Уорли – наследник?

– Да, вот только поместье небольшое, к тому же обременено долгами. Сейчас в доме живет его бабушка – по завещанию ее мужа пожилой леди предоставлено право на пожизненное проживание и бóльшую часть доходов от поместья в придачу. Да только это ненадолго – бедная старушка хворает. Похоже, у нее с легкими беда. Уж очень влажный на Фенских болотах воздух, сэр. Старики этой сырости не выдерживают.

Я осушил кружку. Поняв, что я сейчас уйду, хозяин таверны попытался меня задержать.

– Возможно, господин Уорли там жить не будет и наймет управляющего.

– Чтобы остаться в Кембридже? – без особого интереса предположил я, вспоминая, где положил трость. – В Иерусалиме?

– Необязательно. Господин Уорли ведь принял сан – у членов совета колледжей так положено. Может, его повысят и еще куда-нибудь переведут. – Хозяин выдержал паузу и важным тоном добавил: – У семьи господина Уорли связи обширные, кто-нибудь да замолвит за него словечко. Побеседует с нужным человеком, и глядишь, господин Уорли до епископа дослужится. Будет у него и выезд с упряжкой в три пары лошадей, и кресло в палате лордов.

– Связи? – переспросил я. – Что ж, связи – вещь полезная. И с кем же у них налажены отношения?

Хозяин подмигнул мне:

– Наверняка не скажу, сэр. Это все, конечно, слухи. Когда его приняли в члены совета, он был совсем юнец. Но, видать, у молодого человека нашлись высокопоставленные друзья.

Я хотел расспросить его на эту тему поподробнее, но больше ничего из владельца таверны вытянуть не сумел. Однако разговоры о епископах напомнили мне о другой проблеме.

– Если кто-нибудь будет о нас спрашивать, пока мы гостим в вашей таверне, будьте добры, сообщите об этом мне лично.

Вдруг насторожившись, хозяин устремил на меня подозрительный взгляд.

– Надеюсь, репутации моего заведения ничего не грозит?

– Нет, – резко бросил я. – Это частное дело, и оно не касается никого, кроме заинтересованных лиц. А теперь скажите, как пройти в Иерусалим.

Глава 31

Вскоре после этого я покинул «Розу». Таверна выходила на шумный Маркет-хилл. На рынке всю кипела торговля. Я ожидал увидеть в Кембридже больше студентов, но от хозяина таверны узнал, что Михайловский семестр еще не начался, и поэтому в городе тише, чем обычно.

С трудом прокладывая себе путь сквозь толпу, я следовал указаниям. Наконец я добрался до дальней части города. Иерусалим располагался на самой окраине. Я вошел в колледж через арку в длинной ограде и очутился в открытом дворе, с трех сторон окруженном несколькими строениями. Старинные кирпичные здания были покрыты копотью.

Привратник у ворот спросил, по какому я делу, и я ответил, что хочу видеть господина Уорли.

Привратник внимательно поглядел на меня снизу вверх. Это был коренастый человек маленького роста с длинными седыми волосами и выступающими бровями, словно нарочно предназначенными для того, чтобы их хмурить.

– Вы ведь не из наших, верно, сэръ? Сколько бы лет ни прошло, я помню в лицо всех джентльменов, которые здесь обучались.

– Вы правы. Где я могу найти господина Уорли?

Он указал на дверь в левом углу двора.

– Идите туда. Покои господина Уорли в том дворе, с противоположной стороны. Вторая дверь налево.

Следуя указаниям привратника, я прошел по коридору, в котором пахло готовкой, и оказался у входа в другой двор, больше первого. Оттуда доносился громкий, сердитый голос. Решив задержаться в коридоре, я отступил в тень. Неподалеку спиной ко мне стояли двое мужчин. Они глядели на низкое ветхое здание слева.

– ...говорить вы мастер, но не могу же я верить вам на слово.

Эти слова произнес грузный сторбленный мужчина. Плечи у него были покатые, точно у быка. Когда-то его мантия была черной, но со временем приобрела грязный темно-зеленый оттенок.

– Да и вообще, пока не поступят деньги, мы не можем все здесь снести только лишь по вашей прихоти. Там комнаты для студентов, и...

Другой мужчина, маленького роста и худощавого телосложения, что-то тихо возразил.

Его ответ вызвал новую гневную вспышку.

– Да знаю я, что они уже несколько лет пустуют! Сейчас абитуриентов мало, не то что до войны. Но с Божьей помощью наши ряды пополнятся снова.

Второй мужчина покачал головой и опять ответил что-то неразборчивое.

– Ясное дело, ремонт обойдется дорого, – взревел первый. – Но глупо терять целое здание ради нескольких пенсов. Восточный корпус служил домом для ученых мужей без малого триста лет. А за вашу часовню придется выложить в сотню – да что там, в тысячу! – раз больше, и при этом там нельзя будет никого поселить. Даже если вы добьетесь, чтобы ее построили, никакой пользы она приносить не будет. Богомерзкие ритуалы и папистские обряды нам здесь не нужны. Наш основатель в гробу перевернется.

Наконец и второй мужчина повысил голос.

– Деньги на постройку часовни будут. Мне их пообещали.

– Кто?

– Пока не могу сказать.

– Раз так, ваши воображаемые постройки – просто воздушные замки.

– Деньги будут, клянусь.

– Полагаю, вы не в том положении, чтобы финансировать проект из собственного кармана.

Мужчина-бык улыбнулся, явно желая поддеть оппонента. Маленький и худой вскинул руку, и на секунду мне показалось, что сейчас он ударит своего собеседника. Однако мужчина сдержался.

– Значит, мы должны верить вам на слово? – продолжил издевки его мучитель. – Предлагаете обратить колледж в руины на основании ваших голословных утверждений? Да, мы были вынуждены исполнить приказ короля и принять вас в члены совета, но учтите, сэръ, никто здесь не намерен беспрекословно вам повиноваться.

– Когда вы увидите изготовленную архитекторами модель, доктор Бёрбро, вы все проникнетесь тем же пылом. Благодаря этой часовне Иерусалим станет жемчужиной Кембриджа.

– Жемчужиной? – проревел бык. – Скажите лучше – посмешищем!

Двое мужчин едва не испепелили друг друга взглядами. Решив, что услышал достаточно, я вышел из тени на свет.

– Добрый день, господа. Будьте любезны, скажите, где комнаты господина Уорли.

Маленький худой мужчина повернулся ко мне. Его щеки покраснелись от гнева, и он часто дышал.

– Я Уорли, – отрывисто бросил он.

– Можно поговорить с вами наедине?

Уорли взглянул на второго мужчину.

– Разумеется, – напряженным, резким тоном произнес он. – Я совершенно свободен.

Бёрбро побагровел.

– Бог свидетель, мы еще не договорили.

– Боюсь, что вы правы, сэр.

Бёрбро зашагал прочь. Тяжелой поступью он пересек двор и стал подниматься по лестнице в дальнем углу. Уорли проводил его взглядом.

– Моя фамилия Марвуд, сэр. Я из Уайтхолла, и у меня для вас письмо.

Уорли повернулся ко мне и склонил голову набок. Его глаза чуть заметно округлились, стоило ему заметить мои шрамы.

– По какому вы делу? – довольно-таки грубо осведомился он.

– Взгляните на письмо – и узнаете.

– Хорошо. – Его темные глаза оглядели меня с ног до головы. – Пойдемте лучше в мои апартаменты.

Мы зашагали через двор. Уорли двигался проворно и резко, при ходьбе его шелковая мантия так и развевалась. Губы члена совета были плотно сжаты – должно быть, от негодования.

– Говорите, вы из Уайтхолла?

– Да.

– Вы там служите?

– В Совете красного сукна. – Оглянувшись, я спросил: – Сэр, вы хотите, чтобы на вон том месте построили часовню?

Уорли с подозрением покосился на меня.

– Да.

– И возвести ее должны архитекторы доктор Рен и господин Хэксби.

Уорли прирос к месту.

– Откуда вы знаете? Официально об этом еще не объявляли – во всяком случае, не должны были.

– Два дня назад я виделся с господином Хэксби.

– Где?

– В Лондоне. Я видел набросок проекта часовни.

– Он показывал вам план? – Злости как не бывало. На смену ей пришел бурный, почти мальчишеский энтузиазм. – Когда завершатся работы, результат будет просто великолепен. Часовни элегантнее нашей не отыщется во всем Кембридже. Значит, вы знакомы с господином Хэксби? Как он поживает?

– Увы, сейчас его дела обстоят неважно, сэр, – ответил я. – Но я убежден, что скоро все наладится.

– Обострился дрожательный паралич? Бедняга! Ему то лучше, то хуже, однако он прекрасно справляется со своей работой. Мне известно, что доктор Рен о нем очень высокого мнения.

– Стало быть, новая часовня займет всю боковую часть двора?

– Не совсем. – Уорли махнул рукой в сторону старого здания. – Но для начала снесем восточный корпус. Он уже много лет пустует, да и вообще, обстановка там скудная, а комнаты неудобные. Вы только посмотрите на эту развалюху, сэр! Что в ней нашел старый дурак Бёрбро и почему он так рвется ее спасать, выше моего понимания!

В словах Уорли была своя правда. Низкое длинное здание, увенчанное крышей с крутыми скатами, подпирали контрфорсы^[6]. Кирпичную кладку скрывал разросшийся, пыльный плющ – засушливое лето явно не пошло растению на пользу. На крыше местами не хватало черепицы, а стекла в некоторых из маленьких окошек были разбиты.

– Вместо развалин, которые стыдно показывать людям, у нас появится открытая аркада во всю ширину двора, а над ней разместится прекрасная новая галерея для магистра, и все это выложено камнем, а наверху будет фронтон. Пожалуй, нужно установить там часы и для усиления эффекта возвести купол. Мне самому очень нравится идея с куполом, но доктор Рен не уверен, стоит ли его делать. А вы как считаете?

– Определенно стоит, – ответил я, а про себя подумал, что в подобное сооружение и впрямь придется вложить огромные деньги.

Сомнения Бёрбро вполне понятны.

– А через аркаду можно будет напрямик ходить в наши сады, они как раз находятся за восточным корпусом. Ну а здесь, в центре, будет стоять сама часовня. – Уорли для наглядности широко раскинул руки. – Но вход в нее будет искусно скрыт внутри аркады, чтобы сохранить симметрию и на верхнем, а на нижнем уровне. Здания удобнее и изящнее вообразить нельзя!

– Я случайно услышал обрывок вашего разговора, – признался я. – Похоже, не все разделяют вашу увлеченность этим проектом.

Разом поникнув, Уорли зашагал дальше.

– Доктор Бёрбро – вице-магистр. Он человек старомодный – во всех отношениях.

– В политике тоже? – предположил я. – И в религии?

– Да. – Уорли мельком взглянул на меня. Он явно понял, к чему я веду. Уорли помедлил. В борьбе между осторожностью и злостью на Бёрбро последняя одержала сокрушительную победу, не оставив первой шансов. – В члены совета его приняли во времена Кромвеля, – выпалил он. – Если хотите знать мое мнение, в душе он до сих пор пресвитерианин, к тому же он склоняется в сторону кальвинизма и республиканства. Ну а ко мне он вдобавок испытывает личную неприязнь.

– Потому что вас назначили по приказу короля?

– Вам и об этом известно? Вы хорошо осведомлены. Да, это правда, меня не избирали на должность по обычной процедуре. В совете освободилось место, и согласно королевскому приказу его занял я. Между прочим, магистра тоже назначил король. Корона имеет полное право отдавать распоряжения подобного рода, а также вносить изменения в наши уставы и решать, кому присвоить почетную степень. Но Бёрбро не выносит, когда король вмешивается в дела университета, и особенно вверенного ему колледжа. – Уорли вскинул подбородок и с вызовом прибавил: – Никто не может запретить королю использовать свои полномочия так, как его величество сочтет нужным. Вы согласны, сэр?

– Разумеется.

– Во время недавних смут Иерусалим стал рассадником пуританских протестов, – продолжил Уорли. – Да что там, весь университет. Но слава богу, король занял свой законный трон и

положил этому конец. Однако у нас еще встречаются люди, подобные Бёрбро. Они словно зловоние, оставшееся после Кромвеля.

Уорли вышел на лестницу, и мы с ним поднялись в гостиную на втором этаже.

– Смит? – позвал он, заходя внутрь.

Окна выходили во двор с одной стороны и в укромный сад – с другой. Комната оказалась просторной и удобной, впечатление портила лишь потертая старая мебель. Пол был застелен камышовыми циновками. На почетном месте у камина лежал прямоугольный турецкий ковер, вылинявший и потрепанный.

– Желаете бокал вина, сэр? – Не дожидаясь ответа, Уорли снова повысил голос: – Смит, уж будь любезен, принеси мадеру и два бокала!

Ответом ему было лишь слабое жалобное поскуливание. Казалось, эти звуки издавало раненое животное.

Уорли что-то пробормотал себе под нос. Он распахнул дверь у камина, которая до этого была чуть приоткрыта, и застыл на пороге.

– Что за?..

Я пересек гостиную и заглянул в дверной проем поверх его плеча. Дверь вела в скромный кабинет: полки, заставленные книгами, высокий шкаф, письменный стол, заваленный бумагами. Стул с подлокотниками валялся на боку у стены. Рядом с ним на полу лежал старик.

– Что здесь стряслось? – выговорил Уорли и схватился за дверной косяк.

Протиснувшись мимо него, я опустился на колени рядом с распростертым телом. Редкие седые волосы старика слиплись от крови, левая сторона его лица была вся в потеках. Едва я дотронулся до пострадавшего, как он издал стон.

– Смит! – вскричал Уорли. – Что случилось? Ты упал?

Слуга продолжал стонать. Я помог ему сесть на полу. Старик весил не больше ребенка, под кожей выступали кости.

Я взглянул на Уорли.

– Поднимите стул.

Тот исполнил мое распоряжение. Вдвоем мы подняли старика и усадили его на стул. Слуга тут же сполз вниз, его голова свесилась набок. Уорли забрасывал его вопросами, однако тараторил так, что нельзя было разобрать ни слова. Впрочем, Смит в любом случае не мог ответить.

– Нужно остановить кровь, – произнес я. – Принесите какую-нибудь ткань. Например, рубашку.

Уорли уставился на меня круглыми глазами:

– Что?

– Рубашку, – рявкнул я.

Он вышел из кабинета. Я огляделся по сторонам. Кто-то разворошил бумаги на столе, некоторые из них скинули на пол. В углу позади стола я заметил сундук. Он был повернут боком, а из-за шкафа выглядывал навесной замок, валявшийся рядом на полу. Я поднял замок. Он был не только заперт, но и до сих пор прикреплен к погнутой пластине.

Уорли вернулся с рубашкой.

– Зажмите ею рану на голове вашего слуги, чтобы кровотечение прекратилось.

Он сделал, как я сказал, и бросил взгляд на замок у меня в руке.

– Боже правый, сэр! Неужели кто-то открыл сундук?

Под скрежет металла по полу я вытащил сундук на середину комнаты. За ним на полу лежала кочерга: я предположил, что ею воспользовались, чтобы сорвать замок. Сундук был окован двумя металлическими полосками, навесной замок был единственным препятствием на пути взломщика: такие защищают лишь от любопытных слуг, но никак не от опытных воров. Я поднял крышку. Внутри лежали бумаги и кожаная сумка.

– Вы можете сказать, что пропало?

– Погодите, – снова затараторил Уорли. – Надо найти магистра и декана, и...

– Сначала ответьте.

Уорли втиснулся между мной и сундуком, заставив меня попятиться.

– Я понятия не имею, кто вы...

– Так загляните в письмо, – ответил я.

– Откуда мне знать, что вы не один из...

– Хватит, сэр.

Я устал с ним пререкаться. Взяв у него рубашку, я сложил ее и прижал к голове Смита: крови уже шло гораздо меньше.

– Извините, если я кажусь вам невежливым, но, кажется, здесь дело посерьезнее, чем обычное воровство. Вы должны проверить, что

украдено. Но сначала прочтите письмо.

Взяв у меня бумагу, он сломал печать. Послание леди Квинси оказалось совсем коротким, всего несколько строк, однако издали я не мог их прочесть. Я рисковал, ведь содержание письма было мне не известно. Быстро дочитав его, Уорли сложил лист и сунул к себе в карман.

– Эта леди, сэра... – начал преподобный. – Леди Квинси... Она пишет, что прибыла в Кембридж по делу короля.

– Так и есть. Я тоже, – произнес я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно увереннее.

– Она просит нанести ей визит.

– Ее светлость остановилась в таверне «Роза», она ждет нас как можно скорее. Но сначала мы должны помочь вашему бедному слуге, сэра. А еще я хочу знать, пропало ли что-нибудь из сундука.

Передав мне рубашку, Уорли опустился на колени возле сундука и выгреб его содержимое на пол. Кожаная сумка выглядела увесистой, и, когда Уорли поднял ее, она сразу перекосилась. Похоже, что внутри монеты, а значит, в сундук залез не простой вор. Я вспомнил, как обыскивал квартиру Олдерли на Фэрроу-лейн. Создавалось впечатление, будто человека, проникшего туда, не интересовала нажива в обычном понимании слова и он искал лишь конкретный предмет.

– Не хватает папки с бумагами.

– С какими бумагами?

Уорли покачал головой:

– Простите, сэра, но это вас не касается.

– Сэр... – прошептал слуга. С растерянным видом он переводил взгляд с хозяина на меня. – Сэр...

– Что произошло? – потребовал ответа Уорли. – Кто сюда проник?

– Я толком не разглядел его лица. Он постучал, я открыл дверь, а он меня ударил.

– Тогда ты должен был его рассмотреть, – сердито выпалил Уорли.

– Я рассмотрел только его мантию. Когда он втаскивал меня в комнату, рукав закрывал мне лицо. А потом он стукнул меня еще раз.

Смит закрыл лицо руками и расплакался: так плачут только уставшие беспомощные старики. Слезы смешивались с засохшей кровью, стекшей на его щеку из раны на голове.

– Мантию? – переспросил Уорли. – Какая на нем была мантия?

- Магистра гуманитарных наук.
- Ты уверен, что этот человек не из нашего колледжа?
- Да, сэр.
- Давно он приходил? – спросил я.
- Когда джентльмены обедали в столовой.

Я повернулся к Уорли:

- Вы поднимались сюда после обеда?

Тот покачал головой:

– Нет. У нас с Бёрбро завязался спор из-за новой часовни, и после обеда мы ходили осматривать восточный корпус. Когда вы пришли, мы с ним уже некоторое время дискутировали – вернее, ругались.

Помимо воли я проникся к незнакомцу в магистерской мантии уважением. Его расчет был на то, что в одеянии ученого он сольется с окружающими и станет невидимкой. Он дождался подходящего момента, когда все уйдут обедать. А для того чтобы проникнуть в колледж посреди дня, нужна немалая дерзость.

– Это не мог быть один из нас, – произнес Уорли. – Весь колледж собрался в столовой. Выходит, этого человека впустил привратник. Сейчас же пойду и расспрошу его.

Повинуясь порыву, он сделал несколько шагов к двери.

Но я удержал его за локоть.

- Есть ли здесь другие ворота, кроме главных – тех, что напротив?

– Да, – ответил Уорли. – Еще трое. Но мы гордимся тем, что мы надежно защищены от любых угроз. И колледж, и сады окружены высокой стеной.

- А у других ворот дежурят привратники?

– Нет, но они обычно заперты. Ключи только у членов совета. – Уорли повернулся к окну и показал пальцем. – Вот там есть ворота.

- А где ваш ключ, сэр?

– На кольце вместе с остальными, где же еще? Смит, пока я ходил обедать, ты должен был за ними приглядывать. Где они?

- На каминной полке, сэр. Там же, где вы их оставили.

Уорли поспешил в гостиную, к камину.

- Ключи на месте, – бросил он через плечо.

По моему совету Уорли дал слуге бокал мадеры, предназначавшейся для нас. Оставив старика приходить в себя, мы сошли вниз.

– Вот бедолага, – произнес Уорли. – Чаще всего Смит к этому времени уже уходит, но сегодня он пришел попозже.

– Значит, при обычных обстоятельствах в ваших апартаментах не было бы ни души?

Уорли кивнул. Вид у него был обеспокоенный. Настроения этого человека сменяли друг друга с поразительной скоростью, и все они отражались у него на лице.

– Из этого можно сделать вывод, что незнакомец хорошо знает ваш колледж, – заметил я, когда мы шагали по лужайке.

– Со стороны кажется, будто у нас тут островок спокойствия. – Уорли взглянул на меня. – Место, где правят разум и благонравие, а вся мирская суeta остается за воротами. Но поверьте, сэp, в Иерусалиме хватает тайн.

Мы подошли к сторожке привратника.

– Кто-нибудь входил в ворота за последние несколько часов? – спросил Уорли. – Скажем, человек в мантии магистра?

– С полудня никаких посетителей, кроме этого джентльмена, не было, – ответил привратник, глядя на меня из-под кустистых бровей.

– Вы уверены? – настаивал Уорли. – Может, вы отвлеклись? Или ходили по нужде?

– Нет, сэp, – проворчал привратник: видимо, его угрюмая манера предназначалась не только для визитеров. – Кроме него, в колледж никто не приходил.

С этими словами он ткнул пальцем в мою сторону.

– Меня ограбили. Если посторонний человек попытается выйти через ворота, задержите его и пошлите за мной.

Я отвел Уорли в сторону.

– Давайте проверим другие ворота.

Он зыркнул на меня так, что я уж подумал, что его преподобие будет возражать. Однако Уорли кивнул и повел меня в сады, раскинувшиеся за зданиями колледжа. В стене магистерского сада были узкие ворота, однако они оказались крепко заперты и на замок, и на засов. Вторые ворота, расположенные в противоположной части колледжа, за большим прудом – тоже.

А третьи ворота находились в саду совета, отгороженном от остальных. Эти ворота показывал мне Уорли из окна гостиной. Сад оказался приятным местом с посыпанными гравием дорожками,

вившимися среди низких изгородей, с тенистой беседкой, увитой виноградом, и еще одним прудом, поменьше, над которым склонялась ива.

Когда мы вошли в сад, Уорли что-то пробормотал себе под нос и встал как вкопанный.

– Здесь этот остолоп Бёрбро.

Пожилой мужчина прогуливался по дорожке. Он шел, уткнувшись в книгу, и, казалось, не заметил нас. Когда мы с Уорли зашагали через сад к воротам, он не поднял головы. Как и другие двое ворот, эти были заперты.

– Значит, грабитель все еще здесь, – заключил Уорли. – Где-то в колледже.

– Возможно.

На уровне локтя я заметил что-то черное. Я нагнулся. За шляпку гвоздя, которым была прибита щеколда, зацепился обрывок ткани. Я отцепил его.

– Хотя похоже, что нет.

Я выпрямился и обернулся. У пруда стоял доктор Бёрбро и глядел на нас, опустив голову, точно бык, готовый идти в атаку.

– Доктор! Можно вас на пару слов?

Уорли быстрым шагом направился к нему, я следом.

– Неужели вы передумали строить эту свою злосчастную часовню? – осведомился Бёрбро, когда мы подошли ближе. – Нас ведь учат верить в чудеса.

– Кто-то проник в мои комнаты.

– Неужели? – Как ни странно, Бёрбро ничуть не обеспокоила эта новость. – Когда?

– Во время обеда или после него, пока я беседовал с вами.

– Кошмар! Но такие уж нынче времена. Жители этой страны утратили всякие представления о морали.

– Грабитель напал на Смита, – прибавил Уорли.

Выражение лица Бёрбро сразу изменилось.

– На Смита? Что он делал в ваших комнатах в обеденное время?

– Доделывал утреннюю работу.

– Что с ним? Он сильно пострадал?

– В дверь постучали, Смит открыл, и вор его ударил. Видимо, старик потерял сознание. Сейчас он пришел в себя, однако его

состояние оставляет желать лучшего. На голове у него кровоточащая рана, к тому же он пережил сильное потрясение. Бедняга чудом остался жив.

– Это просто возмутительно! – С каждым слогом голос Бёрбро звучал все громче. – Поднять руку на беззащитного старика, всю жизнь верно служившего на благо колледжа! Смит ведь когда-то был и моим слугой тоже! Я его знаю лет двадцать, не меньше.

Бёрбро глядел на нас так свирепо, будто на Смита напали мы. Он развернулся так резко, что его мантия заколыхалась, и ринулся к выходу из сада.

Я глядел ему вслед.

До чего странные вопросы интересовали Бёрбро! Но еще больше меня смутил порядок, в котором он их задавал.

Глава 32

Я наблюдал, как леди Квинси безуспешно пыталась очаровать господина Уорли.

Эта женщина всегда обращала пристальное внимание на окружавших ее мужчин, и те, как правило, платили ей взаимностью, причем с процентами. Но Уорли оказался исключением. В напряженной позе он сидел за столом в ее гостиной в таверне «Роза». Уорли медленно потягивал вино и откусывал от печенья такие мелкие кусочки, будто исполнял неприятную обязанность. Сейчас в нем трудно было узнать человека, то кипевшего от возмущения из-за упрямства Бёрбро, то бурно восторгавшегося проектом часовни. Возможно, он еще не отошел после сегодняшнего ограбления, или преподобный просто чувствовал себя не в своей тарелке в обществе женщин.

Леди Квинси сидела напротив, а я примостился на табурете у окна, исполняя роль стороннего наблюдателя. И горничную, и Стивена ее светлость отослала, и мы остались втроем. Мне не представилось возможности поговорить с леди Квинси с глазу на глаз, поэтому она не знала ни о человеке в магистерской мантии, ни об ограблении в Иерусалиме.

– Господин Уорли, – проговорила ее светлость. – Во времена междуцарствия девочку отдали на попечение вашей бабушке. – Голос леди Квинси звучал сухо и деловито. – Мне велено привезти ее в Лондон.

– Мадам, моя бабушка действительно взяла под опеку свою юную родственницу, – холодно произнес преподобный: видимо, ему не нравилось получать распоряжения от женщины. – И госпожа Уорли, и ребенок вполне довольны этим положением дел. Не вижу причин нарушать устоявшийся порядок вещей.

– В самом деле? Вынуждена с вами не согласиться, сэр. До меня дошли слухи, что здоровье госпожи Уорли уже не то и ребенок становится для нее обузой. Да и девочке тоже нездоровится. Врач из Хитчем-Сент-Мартин или даже из Кембриджа не в состоянии ей помочь. И прежде чем мы продолжим разговор, советую вам прочесть это.

Она достала из кармана письмо и пододвинула его к Уорли. Тот взглянул на послание. Чуть нахмурившись, леди Квинси устремила на него пристальный взгляд. Некоторое время Уорли смотрел на нее в ответ. Затем он взял письмо, сломал печать и развернул бумагу. Глаза преподобного забегали по строкам, и кровь прилила к его лицу. Нервно сглотнув, он снова поднял взгляд на леди Квинси.

– Это письмо от самого короля. Мне даже кажется, что оно... оно как будто написано собственной рукой его величества.

– Вы занимаете должность в Иерусалиме по королевскому приказу, – мягко напомнила леди Квинси. – Может быть, вы об этом забыли?

– Как я могу забыть? – сердито произнес Уорли. – Но бабушка души не чает во Фрэнсис. Разлука с ней глубоко опечалит госпожу Уорли.

– Уверена, госпожа Уорли желает для ребенка самого лучшего.

– Нам нужно время, чтобы подумать. Бабушка захочет обсудить ваши планы с... заинтересованным лицом. Она непременно ему напишет, чтобы посоветоваться.

– Вы про лорда Кларендона? – уточнила леди Квинси. – Думаю, в этом нет необходимости.

И снова эта женщина застигла меня врасплох. Я невольно уставился на нее. С каким величественным видом она сидела у окна в лучах вечернего солнца! Я восхищался и ее горделивой осанкой, и тем, как она, словно бы безо всяких видимых усилий, подчиняла Уорли своей воле.

– Лорд Кларендон с самого начала не принимал участия в судьбе девочки, – мелодичным голосом произнесла она. – С просьбой к вашей бабушке обратилась покойная леди Кларендон. Ежегодные выплаты на содержание ребенка поступали от ее светлости – так же как и обещанное финансирование строительства новой часовни в Иерусалиме. Но, как вам известно, месяц назад леди Кларендон скончалась. Договоренность относительно ребенка... – Леди Квинси запнулась, – относительно Фрэнсис... это семейное дело, ведь и ваша бабушка, и ее светлость – урожденные Эйлсбери. И госпоже Уорли прекрасно известно, что леди Кларендон действовала не от своего имени.

– Тогда от чьего же? – Уорли подался вперед и устремил на леди Квинси пристальный взгляд. – Я часто задавался вопросом... – Он постучал пальцем по лежавшему перед ним письму. – Хотите сказать...

– Я ничего не хочу сказать, – перебила его леди Квинси. – И с вашей стороны весьма неблагоразумно задаваться подобными вопросами.

Повисла неловкая пауза. «Боже, во что я ввязался? – пронеслось у меня в голове. – Неужели девочка, о которой идет речь, незаконнорожденная дочь короля?»

– Единственное, что вам нужно знать в связи со смертью леди Кларендон, недугом госпожи Уорли и состоянием здоровья Фрэнсис, – это то, что король решил, что самое время принять меры, – продолжила леди Квинси. – Он желает, чтобы девочку перевезли в Лондон до начала зимы. Мне поручено ее сопровождать.

– Она к нам вернется?

– Может быть. Но это не мне решать.

Уорли ответил сердитым вздохом.

– Вижу, у нас нет выбора.

– Да, сэр, – подтвердила леди Квинси. – Так и есть.

Но ее слова почти заглушил топот на лестнице и в коридоре. До нас долетели громкие голоса, потом кто-то забарабанил в дверь. Затрепетав, словно заяц, Уорли повернулся на звук. Я встал.

Леди Квинси взглянула на меня и улыбнулась.

– Благодарю, господин Марвуд.

Я отпер дверь. Под мою руку тут же поднырнул маленький мальчик. От него исходил слабый, но очень противный запах прогорклого жира.

Следом вошла раскрасневшаяся от возмущения горничная леди Квинси.

– Мадам, я его не пускала.

Еще одна девушка, служанка в таверне, сделала мне книксен. Повернувшись к мальчишке, я схватил его за плечи.

– Сэр, – с нескрываемым оживлением пропищал он, обращаясь к Уорли. – Декан велел передать, что вас ждут в колледже. – Тут его голос стал еще пронзительнее. – Доктор Бёрбро утонул.

Глава 33

Час спустя я стоял на берегу и глядел на Бёрбро. В ушах у меня стоял шум воды. Оказалось, что доктор все же не утонул, хоть и был на волосок от смерти. Также он получил многочисленные повреждения. – помимо всего прочего, его ударили по голове. После того как доктора вытащили из мельничного пруда, его вывернуло наизнанку, и теперь он лежал на траве почти без чувств. Кто-то укрыл его плащом.

Рядом стоял Уорли вместе с еще одним членом совета колледжа Иерусалим, иссохшим стариком, которого мне представили как декана. Поблизости крутился мальчишка, прибежавший с новостью в таверну «Роза».

– Кто такой этот джентльмен? – шепотом спросил декан у преподобного Уорли.

Декан был немного глуховат, и его шепот звучал не так тихо, как ему казалось.

– Вы про господина Марвуда? – Уорли взглянул на меня. – Он прибыл по приказу короля, сэр.

– Короля? Это что-то из ряда вон выходящее.

– Не более, чем ваш вице-магистр в пруду, сэр, – ответил я. Мне надоело подслушивать. – Если желаете, могу предъявить ордер. Но сначала нужно оказать помощь Бёрбро. За врачом уже послали?

– Да, сэр. – От потрясения декана била дрожь. – Не годится, чтобы бедняга лежал на земле. Рядом есть постоянный двор... – Он отыскал взглядом мальчика на побегушках. – У тебя ведь там дядя работает? Беги скорее к нему и вели, чтобы приготовили комнату и развели огонь в камине.

Мальчик умчался прочь. Я взглянул на Уорли. Тот стал смущенно переминаться с ноги на ногу.

– Я не желаю Бёрбро зла, – сказал он мне вполголоса, чтобы не услышал декан. – Неприязни я к нему не испытываю. Просто у нас с ним по всем вопросам разное мнение.

Мельник с двумя сыновьями стоял чуть в стороне, все трое бросали на нас угрюмые, подозрительные взгляды. Я предположил, что отношения между университетом и простыми местными жителями добрососедскими не назовешь. Мельник, по всей видимости, боялся,

что вину за несчастный случай возложат на него – если произошедшее несчастный случай.

На смену дневному свету пришло предзакатное золотистое сияние. Солнечные блики играли на водах пруда. Большое колесо не вертелось: мельник остановил его, как только узнал, что случилось. Но по каналу по-прежнему мчался быстрый поток, такой же неумолимый и беспощадный, как поток времени.

Мокрые от летящих брызг каменные парапеты вокруг пруда поросли мхом. Преодолев узкий подводный канал, вода вырывалась в пруд под сильным напором. Колесо достигало девяти-десяти футов в диаметре, а с помощью расположенных по его окружности выступающих лопастей водяной поток приводил колесо в движение. Оно было погружено в узкий каменный желоб. Похоже, этой мельнице не один век. Я бы не удивился, если бы оказалось, что ее построили монахи. По отводящему каналу вода стекала вниз, обратно в реку.

Само здание мельницы стояло по другую сторону от колеса. Добраться до него можно было по мостику, перекинутому через подводный канал. Нижний этаж был каменный, два верхних – деревянными. Ласточки то влетали, то вылетали из своих гнезд под навесами крыши.

По прихоти течения шляпу Бёрбро вынесло к дальнему берегу, и теперь она мирно покачивалась на воде. Ее владельца обнаружили застрявшим между мельничным колесом и берегом пруда. Еще немного, и он скрылся бы под водой. Позвав на помощь сыновей, мельник сумел вытащить утопающего. А сейчас Бёрбро лежал в траве на боку.

Едва живой и насквозь мокрый, Бёрбро словно уменьшился в размере. Куда девался неистовый бык, которого я видел в Иерусалиме! Парика Бёрбро не носил, и его собственные волосы раскинулись вокруг головы, точно ореол. Край его темной мантии, который затянуло в желоб под водой, был разорван в клочья. На правой щеке доктора я заметил длинную бескровную рану, тянущуюся от уголка глаза до нижней челюсти.

Должно быть, Бёрбро упал в воду ниже по течению и поток утянул его под колесо. Доктор выжил только чудом.

– Пойдите-ка сюда, – окликнул я мельника.

Тот нехотя потащился ко мне. Крупным телосложением мельник напоминал Бёрбро: таская мешки с зерном, он накачал крепкие мускулы.

Игнорируя ропот за моей спиной, я спросил:

– Как ваше имя?

– Катлак, господин, – ответил тот. – Сразу вам скажу: мы ничего не видели и не слышали. Мой сынок Том вышел по малой нужде и заметил его. Господь свидетель, сэр, я бы все отдал, лишь бы этого не случилось.

– Когда доктор упал в воду?

Катлак пожал плечами:

– Когда мы обедали, его в пруду точно не было. Как только я увидел человека, мы его тут же вытащили, и я послал Тома в Иерусалим. Но вряд ли доктор пробыл в воде долго, иначе он бы утонул.

– Откуда вам известно, кто он такой?

– Доктора мы знаем хорошо, сэр. Он часто сюда приходит. Мельница принадлежит колледжу.

У меня за спиной Уорли прочистил горло.

– Магистру нездоровится, поэтому за имуществом колледжа следит доктор Бёрбро. Он ведь вице-магистр.

– Где его лошадь? – спросил я.

– Он любит ходить пешком, – ответил Уорли. – Наверное, Бёрбро хотел поговорить с господином Катлаком. К мельнице ведет мост. Полагаю, Бёрбро шел по берегу канала и ему стало дурно. День сегодня очень теплый... Должно быть, от жары и усталости он утратил равновесие, споткнулся...

Опустившись на колени перед доктором, я сбросил с него плащ. Судя по всему, Бёрбро покинул колледж почти сразу же после того, как мы видели его в саду совета. Тут меня посетило неприятное воспоминание: всего пять дней назад я точно так же осматривал другое насквозь промокшее тело – труп Эдварда Олдерли в подвале павильона лорда Кларендона.

Я стал рыться в карманах Бёрбро. Декан уставился на меня во все глаза, но возражать не стал. Я нашел только глиняную трубку с пропитавшейся водой ясеновой пробкой в чаше, огниво, кошелек и кольцо с тремя ключами.

Снова накрыв Бёрбро, я незаметно опустил ключи в свой карман. Остальные вещи я отдал декану. Я опять подозвал мельника. Его маленькие глазки как будто избегали моего взгляда.

– Вы в последнее время видели здесь посторонних людей?

Мельник издал невеселый смешок.

– Здесь только посторонние и шастают, сэр. И половина из них – воры, уж я эту породу чую.

– Почему воры? Что они здесь делают?

– На другом берегу реки большая дорога. До почтовой станции отсюда меньше четверти мили, путники целый день туда-сюда снуют.

– Там находится тот самый постоялый двор, куда мы доставим Бёрбро, – сообщил декан.

– Не буду вам мешать. – Я дотронулся до локтя Уорли. – Мне нужно возвращаться в Кембридж. Пойдете со мной?

Оставив декана разбираться с констеблем, мы с Уорли зашагали обратно в сторону Кембриджа. Я хотел сначала заглянуть в трактир, подозревая, что именно туда, а вовсе не на мельницу шел Бёрбро. Но я подавил этот соблазн: в Кембридже меня ждут дела поважнее, к тому же тогда у декана возникнут лишние вопросы.

– Бедняга, – на ходу пробормотал себе под нос Уорли и вздохнул. – Какой ужас!

Дальше мы шли молча. Я вспоминал последние слова, услышанные мной от Бёрбро в саду совета в Иерусалиме. Когда Уорли сообщил, что грабитель проник к его комнаты и напал на слугу, Бёрбро не спросил, сильно ли пострадал Смит, украл ли вор что-нибудь, удалось ли его поймать. Его первый вопрос был другим: он хотел знать, что слуга делал в комнатах Уорли в неурочный час.

Присутствие Смита не вписывалось в обычный распорядок. Бёрбро ожидал, что во время обеда, когда все спустятся в столовую, комнаты будут пусты. К тому же за обедом он обсуждал с Уорли проект часовни, а потом задержал преподобного во дворе – когда я пришел, они все еще спорили. Я прибавил сюда и другие факты: присутствие Бёрбро в саду совета, появление незнакомца в магистерской мантии, о котором рассказал Смит, обрывок черной ткани, застрявший в щеколде ворот, ведущих из сада на Сент-Эндрюс-стрит. Картина вырисовывалась неожиданная.

Между тем впереди показались печные трубы Кембриджа. Над деревьями вдоль пастбища возвышались здания колледжа Иерусалим.

– Господин Уорли, прежде чем мы вернемся в «Розу», я хотел бы взглянуть на комнаты Бёрбро.

Уорли сдвинул темные брови, всем своим видом выражая осуждение.

– Ваша просьба весьма необычна. Сначала я должен обратиться к магистру.

«Храни нас Господь от ученых мужей и их щепетильности», – мелькнула у меня мысль.

– Боюсь, сэр, что вынужден настаивать. Именем короля.

– Ума не приложу, какое отношение комнаты Бёрбро могут иметь к вашему поручению. – Уорли поджал губы. – А впрочем, я не знаю, в чем оно состоит.

– И я не намерен посвящать вас в подробности. Но если хотите, можете меня сопровождать.

– С ключами возникнут затруднения, – произнес Уорли. – Похоже, что они на дне мельничного канала. Запасные ключи есть у магистра, но убедить его отдать их вам будет непросто. И это при условии, что он в состоянии нас принять. Магистр страдает от камней в почках, и сегодня ему было так плохо, что он даже не спустился к обеду.

– Насчет ключей не беспокойтесь.

Я достал кольцо с ключами Бёрбро и показал его Уорли.

– Вы забрали их у...

– А как еще я бы их раздобыл? – Я потерял терпение. – Здесь три ключа. От чего они?

– Один от двери в его комнаты. Второй от ворот сада совета. А третий от гостиной для членов совета.

Мы воспользовались ключом Бёрбро, чтобы попасть на территорию колледжа через ворота в саду совета. Его комнаты располагались в том же здании, что и комнаты Уорли, но на первом этаже и дальше к востоку. Его квартира была устроена так же – просторная гостиная, маленький кабинет, совсем уж крошечная спальня и чулан, по размеру больше напоминавший шкаф. Последнее помещение было отведено для слуги. При этом внутри скрывалась потайная дверь, ведущая прямо в сад совета.

Я переходил из комнаты в комнату, а Уорли маячил у меня за спиной. Мебели было совсем мало, зато книг – великое множество. На полу лежали камышовые циновки. Камин был выметен, и углей я внутри не заметил. На столе в гостиной стояли кувшин и две кружки. Вся посуда была пуста и пахла слабым пивом.

А еще на столе лежали бумаги, свернутые в рулон. Развернув его, я увидел карту графства, нарисованную от руки чернилами. Графство было разделено на сотни^[7]. Судя по карте, здешняя местность была малонаселенной и сырой. Тут и там графство пересекали реки, плотины и дамбы, а между ними были обозначены бесчисленные озера и пруды. Расположенный внизу листа Кембридж был единственным крупным городом.

– Полагаю, это копия карты Блау, – произнес Уорли. – Ей лет двадцать, и это самая точная карта, какая у нас есть. Года два-три назад у нас был один студент, обучавшийся на средства колледжа, и он подрабатывал, делая копии карт. Думаю, Бёрбро приобрел одну из них. – Уорли склонился над листом бумаги, похоже радуясь поводу отвлечься от нашей мрачной миссии. – Смотрите, вот Хитчем-Сент-Мартин.

– Там ваша бабушка живет с Фрэнсис?

– Да, – подтвердил Уорли. – Это мое поместье.

Я принялся изучать карту. Хитчем-Сент-Мартин располагался к северу от Кембриджа, неподалеку от Или. Я присмотрелся повнимательнее. На карте деревня была всего лишь кляксой, над которой торчал крошечный церковный шпиль. А слева от нее я разглядел едва заметное отверстие. Я склонился над картой. Кто-то проткнул название булавкой.

– Далеко отсюда до Хитчем-Сент-Мартин? – спросил я.

– Миль семнадцать. А почему вы спрашиваете?

Я покачал головой. Факты начинали складываться в общую картину, но пока перед моим мысленным взором возник лишь примерный набросок.

– К доктору Бёрбро приходил гость, – произнес я. – Как вы думаете, когда он мог нанести визит?

– Скорее всего, утром. Иначе слуга убрал бы со стола. – Уорли отвернулся и устремил взгляд в сад. – Сущий кошмар, – сдавленным

голосом выговорил он. – Бёрбро наверняка упал случайно, не правда ли?

Не удостоив его вопрос ответом, я задал свой:

– Что было в папке? В той, которую украли из вашего сундука? – (Уорли продолжал молча глядеть в окно.) – Вы должны мне сказать, – не сдавался я. – Дело явно приняло опасный оборот, и, чтобы помочь вам, я должен знать правду.

– Письма, – наконец ответил Уорли. Он говорил так тихо, что я с трудом его расслышал. – Письма леди Кларендон моей бабушке и копии посланий, которые госпожа Уорли отправляла ее светлости. А недавно к ним добавилась переписка между нами тремя, в которой обсуждался тот же вопрос. Леди Кларендон не писала моей бабушке напрямую – остерегалась любопытных глаз в Кларендон-хаусе. С тех пор как я получил должность в колледже, письма передавали через меня.

Картина становилась все явственнее, и я понял, что нужно спешить. Мы не можем позволить себе задерживаться в Иерусалиме.

Наконец Уорли повернулся ко мне. В его взгляде отражалось смятение.

– Человек, забравший письма, точно знал, что ищет, и теперь ему известна вся правда о Фрэнсис. Бедное дитя! – Уорли помедлил, но потом нечто – возможно, научная тяга к точности и достоверности – заставило его прибавить: – Вернее, почти вся правда. В письмах не говорится, кто она такая. Никто из нас этого не знает, даже бабушка.

Глава 34

Несколько минут спустя, когда мы с Уорли шли по коридору колледжа, мне пришла в голову новая мысль.

– Сэр, рядом с мельницей есть почтовая станция, верно? Знаете, где она?

– «Голова герцога»? Да, конечно. Здесь ее все знают.

– Будь у меня время, я бы отправился туда и расспросил о путниках, прибывших на постоялый двор сегодня. Особенно меня бы интересовали двое мужчин. Один высокий, судя по речи, северянин. Второй – его слуга, толстяк со шпагой. Оба верхом.

– Если это так важно, я бы сходил туда пешком, но не могу же я разорваться. – Уорли казался рассерженным, как это часто бывает, когда человек напуган и загнан в угол. Вдруг он застыл как вкопанный, и его лицо просветлело. – Пошлю-ка я Джеремайю.

– Кого?

– Нашего мальчика на побегушках. Это он сообщил нам, что доктор Бёрбро упал в пруд. Джеремайя хорошо знает дорогу до «Головы герцога». Его дядя работает там конюхом.

– Прекрасная мысль, сэр.

Мимо конюшенного двора не проедет ни один конный путник.

– Когда мальчик вернется, договоритесь с ним, пожалуйста.

К тому времени, как мы добрались до таверны, уже темнело. Я бы отправил Уорли в Хитчем-Сент-Мартин этим же вечером, чтобы преподобный убедился, что в доме его бабушки все благополучно. Однако час был поздний. Оставалось лишь надеяться, что Епископ и его слуга не захотят скакать верхом семнадцать миль в сгущавшейся темноте по незнакомой дороге через Фенские болота.

Мы поднялись в гостиную леди Квинси: все свечи там уже горели, а занавески были задернуты. Это была просторная комната с низким потолком и чуть покатыми полами, доски которых скрипели при каждом шаге. Я подробно объяснил, что произошло, – во всяком случае, насколько это было возможно в присутствии Уорли. Ее светлость слушала внимательно, не перебивая. Она сидела, спокойно сложив руки на коленях, будто образцовая прихожанка во время проповеди.

– Полагаю, мадам, чем быстрее мы доберемся до Хитчем-Сент-Мартин, тем лучше, – заключил я. – Трудно сказать наверняка, но, может быть, эти люди уже в пути.

– Фенские болота в ночную пору – не лучшее место для тех, кто с ними не знаком, – многозначительно заметил Уорли, – даже если злоумышленники найдут проводника, но за столь короткий срок им это вряд ли удастся.

Леди Квинси кивнула.

– В таком случае будем надеяться, что вы правы, – деловито произнесла она. – С утра мы должны выехать как можно раньше. Господин Уорли, чтобы беспрепятственно путешествовать в воскресенье, нам потребуется ордер с подписью судьи. Не могли бы вы обратиться к магистрату от нашего имени? Очень глупо получится, если утром нас задержит какой-нибудь бюрократ. Человеку, занимающему столь высокую должность в Кембридже, будет намного проще договориться с местными властями, чем господину Марвуду, – его ведь здесь никто не знает.

Лесть возымела свое действие, и Уорли с поклоном заверил, что решит этот вопрос незамедлительно.

– И вот еще что, – прибавил я. – Пожалуй, разумнее всего будет, если господин Уорли завтра выедет вперед и предупредит домочадцев в Хитчем-Сент-Мартин. Им ведь нужно будет подготовить дом к нашему прибытию, и...

– Я пошлю слугу с письмом, – перебил Уорли. – Пусть выезжает на рассвете. Тогда я смогу сопровождать вас.

– Думаю, лучше вам поехать самому, сэр, – возразил я.

– Но почему?

– На случай, если эти двое отправятся в дорогу раньше нас. Госпожу Уорли необходимо предостеречь. Возможно, защита джентльмена ей понадобится раньше, чем мы думаем.

Часом позже я спустился вниз, чтобы перед отъездом отдать распоряжения владельцу таверны и слугам леди Квинси.

– Хитчем-Сент-Мартин? – переспросил хозяин. – Не уверен, что вы сумеете туда добраться в такой большой и тяжелой карете, сэр. Зимой бы даже пытаться не стоило.

– Неужели дороги настолько плохи?

– На Фенских болотах хороших дорог нет, – произнес он с мрачной гордостью.

От входа в таверну донеслись крики. Одна из горничных встала в дверях, преградив дорогу Джеремайе. Оказавшись зажатым между ней и стеной, мальчишка вопил так, будто его убивают.

– Пропустите мальчика, – велел я. – Он здесь по моему поручению. – Я снова повернулся к хозяину таверны. – Я жду вестей из колледжа Иерусалим.

Следом за мной Джеремайя поднялся наверх и вошел в гостиную леди Квинси. Теперь от паренька несло не только кухней, но и свежим конским навозом, и я велел ему встать у двери.

– Ну? – спросил я. – В присутствии этой дамы можешь говорить свободно. Для начала скажи, как доктор Бёрбро?

– Очнулся, сэр, но ужасно мучается из-за сломанной ноги и раны на голове. Говорит, шел мимо мельницы, поскользнулся и упал. Доктор хотел встретиться с мельником.

– А два незнакомца?

– Сегодня их видели в «Голове герцога», – ответил Джеремайя, но из-за его выговора до меня не сразу дошел смысл сказанного. – Дядя думает, что высокий – йоркширец, он знает, как они говорят, потому что дядя раньше служил в Марстон-Муре, а там одни йоркширцы. Оба ужасно жадные, у таких снега зимой не допросишься, но с ними лучше не ссориться.

– Когда они приехали? – спросил я.

– Сегодня утром. Хозяин сразу же ушел. Пешком. А слуга пообедал пораньше и тоже куда-то пошел. Но вернулись они вместе, уже ближе к вечеру, и велели, чтобы им подали лошадей. – Мальчишка ухмыльнулся, демонстрируя удивительно белые зубы и дырку на месте одного из верхних. – Тетя зимой умерла, и дядя ухаживает за прислужницей из харчевни. Она слышала, как эти двое обсуждали, успеют они к ночи добраться до Стрэтема или нет.

– Стрэтема? Где это? – спросила леди Квинси.

– У большой дороги, не доезжая Или, госпожа, – ответил мальчик с легким удивлением в голосе: видимо, Джеремайя был убежден, что все на свете знают, где находится Стрэтэм.

Его отчет послужил новым доказательством в пользу теории, которая зрела внутри меня, точно язва. Я заплатил мальчику за труды.

На серебряные монеты в своей грязной ладони мальчишка глядел, будто на чудо, равное библейскому чуду с хлебами и рыбами. А впрочем, для него это так и было, ведь является событие чудом или нет, зависит от обстоятельств, при которых оно происходит.

– Иди, – мягко произнес я.

Будто очнувшись, Джеремайя опрометью выбежал из комнаты. Я закрыл за ним дверь.

– Сколько вы ему дали? – спросила леди Квинси.

– Два шиллинга.

– Он же всего лишь мальчишка на побегушках, – с ноткой неодобрения в голосе заметила леди Квинси. – Людей подобного сорта баловать не следует. – Вдруг она улыбнулась мне так, что я тут же почувствовал себя абсолютно счастливым, как бы глупо это ни звучало. – Вы не откажетесь со мной отужинать, господин Марвуд? Нам нужно многое обсудить.

Для нас накрыли стол у камина в гостиной леди Квинси.

Ее горничная Энн порывалась остаться, но хозяйка отослала ее прочь. Компанию нам составил Стивен, маленький африканец: он разливал вино и своим присутствием обеспечивал соблюдение приличий, однако почти весь вечер он просидел почти невидимкой на низком табурете в тени в дальнем углу комнаты.

К нашему отъезду утром все было готово. Господин Уорли снова прислал к нам Джеремайю с разрешением для нас путешествовать в воскресенье, подписанным судьей. Уорли приложил для меня записку, сообщая, что нога у доктора Бёрбро сломана в двух местах и переломы весьма серьезны, к тому же его рассудок затуманен – вероятно, из-за удара по голове. Кучер и фореитор подготовили экипаж и лошадей, а Энн упаковала все вещи, которые не понадобятся до отъезда.

Я потянулся к блюду с заливными угрями.

– Мадам, помните слугу по имени Мэтью Горс? Он работал у вас в Барнабас-плейс.

Леди Квинси наморщила лоб.

– Знакомая фамилия. – Она щелкнула пальцами. – Да, знаю, о ком вы. Крепкий детина с веснушчатой физиономией?

– Да. Приметы сходятся.

– Если верно припоминаю, он некоторое время был слугой моего пасынка, а еще иногда прислуживал за столом. А почему вы спрашиваете?

– На днях я с ним повстречался. Теперь он служит у лорда Кларендона.

– Этот Горс имеет какое-то отношение к убийству Эдварда?

– Не знаю, – ответил я, почти не покривив душой. – Он пропал.

– Вы говорили, что выдан ордер на арест моей несчастной племянницы. Думаете, Горс помог ей расправиться с Эдвардом? Боюсь, весьма вероятно, что она воспользовалась чьей-то помощью. Ведь Эдвард слабаком не был.

Я задумался: что, если леди Квинси права? Я думал, что если кто-то и подкупил Горса, то наверняка Олдерли. Но чисто теоретически заплатить слуге могла и Кэт.

– В Барнабас-плейс ваша племянница хоть раз обращалась к Горсу? Он оказывал ей услуги? Исполнял ее поручения?

Леди Квинси покачала головой:

– Я мало что про него помню. Прислуги у нас было видимо-невидимо! – Ее светлость помолчала. – Интересно, где прячется Кэтрин?

– Кто знает?

– От нее можно ожидать чего угодно. Моя племянница всегда была странной, непохожей на других.

– И весьма изобретательной, – сухо прибавил я.

Некоторое время мы ели молча. Я украдкой поглядывал на леди Квинси. При свете камина и в сиянии свечей ее кожа мерцала.

Внезапно леди Квинси нарушила паузу.

– Горс – сообщник людей, которые приехали за нами в Кембридж?

Ее голос вернул меня с небес на землю.

– Возможно, – согласился я. – Даже очень вероятно.

Леди Квинси понизила голос:

– Они ведь не причинят нам вреда?

Благоразумие требовало умолчать о некоторых подробностях, как бы я ни желал снискать ее благосклонности. Наконец я решил пойти на компромисс со здравым смыслом.

– Полагаю, они злоумышляют против лорда Кларендона. Это единственное, о чем можно судить с уверенностью.

– Но эти двое наверняка не главные заговорщики, верно? Кому они служат?

Я пожал плечами:

– У его светлости много врагов.

– В том числе и герцог Бекингем, – прибавила леди Квинси.

Я устремил на нее испытующий взгляд. Леди Квинси с невинным видом посмотрела на меня в ответ.

– Причудливые, безумные замыслы подобного рода как раз в его вкусе, – продолжила она. – Лорд Кларендон – давний враг Бекингема. Помню, как в Брюгге они в любой момент готовы были сцепиться, точно псы.

– В Брюгге? То есть во время изгнания?

Я припомнил, что до Реставрации король год-два жил в Голландии под покровительством испанских властей. В Брюгге он содержал жалкое подобие двора. Брат короля жил с ним, и герцог Бекингем тоже провел там некоторое время. Все трое в ту пору были холостяками, и до Англии доходили многочисленные слухи об их распутствах.

– Вы тоже там были?

Леди Квинси, кажется, вздрогнула от неожиданности – огоньки свечей, отражавшиеся в ее глазах, затрепетали. Повисла короткая пауза.

– Недолго. Мой первый муж, сэр Уильям, до Реставрации служил королю в нескольких дипломатических миссиях. – Она облизнула губы. – В Брюгге герцог Бекингем не задержался. – Ее светлость улыбнулась мне и прищурилась, будто кошка во время охоты. – Не увидев для себя выгоды, он переметнулся на другую сторону и вернулся в Англию, дабы снискать расположение Кромвеля и взять в жены дочь Фэрфакса.

– Почему же король так его ценит?

– Кто знает? Король ни с кем не делится своими мыслями. Такова его натура. – Леди Квинси отпила глоток вина и отвернулась к огню. – Но хватит об этом. В сон меня пока не клонит, хоть мы и должны завтра выехать пораньше.

– Мадам, – произнес я. – От меня было бы гораздо больше пользы, если бы я лучше представлял, в чем дело.

Леди Квинси взглянула на меня с улыбкой:

– Господин Марвуд, вы и сейчас прекрасно мне служите, и я всем довольна.

– Но что это за история с девочкой... кажется, ее зовут Фрэнсис? Кто приказал вам привезти ее в Лондон? Король?

– Для вашего же блага вам лучше знать только самое необходимое. – Леди Квинси махнула рукой, словно отгоняя и мою тревогу, и мысли о короле. – Может быть, сыграем в карты? Скажем, в криббидж или в пикет?

– Простите, но я не умею. – Даже я сам заметил, как недовольно прозвучал мой голос. – В юные годы мне не разрешали играть в карты, а потом у меня хватало других забот.

– Совсем забыла, что вы из пуританской семьи, сэр. В таком случае я вас научу. Правила пикета очень просты, вы их освоите мгновенно. – Леди Квинси повысила голос. – Стивен, проснись и иди сюда.

Паж вышел из тени возле кровати. Будто темное привидение, он сонно побрел к нам, потирая глаза.

– Возьми свечу и принеси колоду карт из дорожного футляра на туалетном столике, – приказала леди Квинси. – Только осторожно, ничего не урони и не закапай карты воском. – Обращаясь ко мне, ее светлость прибавила: – Он ужасно неуклюжий, особенно по вечерам.

– Мальчик устал, – заметил я. – Ему пора спать.

– Какой же вы чужак! Когда Стивен мне нужен, он должен бодрствовать. Он здесь, чтобы мне прислуживать, а не чтобы спать, когда ему заблагорассудится.

Я не ответил. Леди Квинси рассмеялась.

– До чего вы серьезны, сэр. – Подавшись вперед, она шутливо прибавила: – Вы сейчас и сами похожи на ребенка. На обиженного ребенка.

Ее слова были оскорбительны, однако интонация, с какой леди Квинси их произнесла, одновременно указывала на то, что наши отношения стали менее формальными и более теплыми. С одной стороны, оскорбление, с другой – ласка.

Паж положил колоду на стол перед леди Квинси и снова скрылся в тени. Она разделила колоду на две стопки.

– Не сердитесь на меня, сэр. Господин Чиффинч говорит, что вы далеко пойдете, а в этом отношении ему можно доверять. – Леди Квинси улыбнулась мне, и я снова был очарован. – Поэтому отныне буду относиться к вам с бóльшим почтением. А теперь давайте играть.

Глава 35

К шести часам утра мы уже были в дороге и направлялись к северу от Кембриджа. Чем дальше мы отъезжали от города, тем сильнее менялся пейзаж. Местность становилась все более равнинной и сырой. Карета качалась и подпрыгивала на ухабах и в колеях. Один раз мы увязли в грязи. Пришлось высаживаться из экипажа и доставать весь багаж, чтобы шесть лошадей, кучер и фореитор вытянули нашу карету из этой трясины и мы могли продолжить путь.

– Ужасное место! – вполголоса пожаловалась леди Квинси, снова усаживаясь в свой угол. – Здесь хуже, чем в самой бедной стране.

Мы покатали дальше. Я устремил взгляд в окно. Дорога была проложена выше уровня самих Фенских болот, представлявших собой насквозь пропитанную водой пустошь, где тут и там виднелись коричневые омуты, грязные кусты и мелкие островки. Единственными живыми существами здесь были водяные птицы, чьи пронзительные меланхоличные крики заставили меня тосковать по шумным улицам Лондона. Мы проехали мимо нескольких ферм. Они располагались или на возвышенностях, или на участках земли, которые хозяева осушили, выкопав длинные прямые каналы. Попадавшиеся на пути крестьяне были приземисты и угрюмы. Но самое гнетущее впечатление производил серый купол неба, раскинувшийся на много миль до самого горизонта. По его своду медленно ползли облака.

Когда мы выезжали, было прохладно, но солнце поднялось выше, воцарился зной и воздух стал душным, предвещая грозу. Не считая случая с увязшей каретой, до Стрэтема мы добрались без приключений, и все же я облегченно вздохнул, когда мы въехали в эту маленькую деревеньку, стоявшую на низком холме. Было почти десять часов утра: из-за грязи на дороге мы ехали медленнее, чем хотелось бы. Уорли отправил своего управляющего встречать нас на единственном постоялом дворе.

Тот устремил на карету леди Квинси взгляд, исполненный сомнения.

– Экипаж придется оставить здесь, ваша светлость. До Хитчем-Сент-Мартин на нем не доехать, он слишком тяжелый и широкий.

– Тогда поедем верхом, – невозмутимо ответила леди Квинси. – Я буду рада немного размяться. Здесь есть гостиная, где я могу отдохнуть, пока вы готовите лошадей?

Служанка привела ее в сумрачную комнату в боковой части гостиницы. Окно выходило на фермерский двор. С леди Квинси остались Энн и Стивен. А я тем временем решил проследить, как седлают лошадей и переносят наши пожитки из кареты в пару повозок, которые для нас нанял управляющий.

Во дворе ко мне подошел фореитор леди Квинси.

– Наш приезд вызвал большое любопытство, – вполголоса сообщил он. – Всем интересно, кто такая ее светлость, по какому мы делу и надолго ли задержимся...

– То есть вопросов задают больше, чем обычно?

– Дело даже не в самих вопросах, а в том, как их задают. Такое чувство, будто этих людей кто-то...

– Подговорил?

Фореитор кивнул и пожал плечами.

– Может, мне просто кажется. Но, пожалуй, госпожу стоит предупредить.

– А со вчерашнего вечера через деревню проезжал еще кто-нибудь посторонний? – спросил я. – Меня интересует высокий мужчина с северным выговором и толстяком-слугой.

– Нет, сэр. – Фореитор выдержал паузу. – Вернее, так они говорят.

Возвращаясь в трактир, я размышлял о том, что, занимаясь секретными делами, начинаешь подозревать всех и вся. Недоверие порождает недоверие. Однако к словам фореитора следует прислушаться. Как и все слуги леди Квинси, он производил впечатление человека, знающего свое дело, и к тому же вид у него был весьма внушительный. Учитывая тайную связь между леди Квинси и королем, я бы ничуть не удивился, узнав, что все ее слуги взяты на службу по рекомендации господина Чиффинча.

У меня тут же возникло неприятное подозрение, что среди нас может скрываться осведомитель. Мне ведь приказано докладывать королю о каждом шаге леди Квинси. Так почему бы Чиффинчу не отправить еще кого-нибудь шпионить за мной?

Если наша поездка из Кембриджа в Стрэте повергла меня в уныние, то последние несколько миль до Хитчем-Сент-Мартин прямо-таки привели в отчаяние. Здешняя дорога оказалась гораздо уже, местами напоминая тропу, к тому же изрытую колеями и очень вязкую. На двух участках грязи было столько, что я боялся, что наши лошади увязнут по самые животы.

Леди Квинси оставила кучера в Стрэтеме, чтобы он охранял карету и наших собственных лошадей. Теперь вместе с управляющим наша группа насчитывала пять человек. Управляющий показывал дорогу, за ним ехала ее светлость, потом фореитор, впереди которого сидела Энн. Я замыкал цепочку, а передо мной цеплялся за седло Стивен. Мальчик почти прижимался ко мне, и я впервые заметил, как он хрупок. Казалось, вся его сила ушла в отеки, вызванные золотухой.

Тут я с облегчением заметил господина Уорли: преподобный выехал нам навстречу, чтобы проводить нас до деревни. Леди Квинси поприветствовала его, а затем сразу спросила, появлялись ли в Хитчем-Сент-Мартин за прошедшие день-два незнакомые люди.

– Нет, мадам, – ответил Уорли. – Не тревожьтесь. Если здесь кого-то заметят, меня сразу поставят в известность. Врасплох нас не застанут.

Мы поскакали дальше. Уорли ехал бок о бок с леди Квинси. Сейчас в нем труднее было распознать ученого мужа и особу духовного звания: на первый план вышел землевладелец, гордящийся своими угодьями – не только земляными, но и водными – и полный планов, которые он воплотит в жизнь, как только станет полноправным хозяином поместья.

– Здесь, мадам, я проложу водосток. Он будет идти отсюда... – раздумывая и брызжа энтузиазмом, Уорли указал в нужном направлении хлыстом, – досюда. Таким образом мы осушим еще пятьдесят-шестьдесят акров. Когда земля высохнет, таких плодородных почв не сыщется во всей Англии.

На одном участке дорога шла вдоль берега мелкого пруда, над которым тучами кружила мошкара. Насекомые сразу же набросились на нас, особенно их привлекала белая кожа леди Квинси, и ее светлость осыпала комаров совершенно неженственными ругательствами.

От пруда к деревне вела дамба. Показалась башня, такая же приземистая, как и обитатели этих варварских, пропитанных сыростью

земель. Деревенские жители наблюдали за нами из открытых дверей низких коттеджей с камышовыми крышами. Некоторые из них показывали пальцами на Стивена.

– Африканцев в наших краях еще не бывало, – сказал Уорли леди Квинси. – Большинство наших селян – коренные жители этих мест, и они сами, и их предки родились здесь. Некоторые даже до Стрэтема ни разу не доезжали, не говоря уж об Или и Кембридже.

Мы подъехали к церкви, располагавшейся на холмике, на склоне которого виднелись могилы. Напротив стоял довольно-таки большой дом, почти целиком выстроенный из кирпича. Сбоку в стене были проделаны ворота, и через них мы въехали во двор конюшни. Дальше земля шла под уклон. Там располагались хозяйственные постройки.

– Со времен моего деда почти ничего не изменилось, – произнес Уорли, обращаясь к леди Квинси. – Когда поместье будет моим, я снесу дом и выстрою новый на возвышенности за церковью, подальше от зловония навозной кучи. Господин Хэксби согласился начертить план особняка для настоящего джентльмена. Поместье будет одновременно и элегантным, и современным. Вы слышали о господине Хэксби, мадам? Он один из архитекторов, работающих над проектом нашей новой часовни в Иерусалиме.

Леди Квинси ответила неопределенным кивком. Уорли спешил и помог спуститься на землю даме. Я позвал фореятора и передал ему Стивена с рук на руки.

Тут я почувствовал на себе чей-то взгляд. Повернувшись к дому, я заметил в дверях старуху во вдовьем трауре. На нас она смотрела с неудовольствием. Одной рукой хозяйка опиралась на плечо маленькой девочки.

С грациозностью лебедя леди Квинси присела перед вдовой в реверансе.

– Госпожа Уорли. К вашим услугам, мадам.

Вдруг Стивен тихонько ахнул. Я опустил взгляд. Мальчик смотрел на девочку, а та – на него. По всей вероятности, они ровесники – обоим лет восемь-девять, не больше. Черты лица девочки показались мне смутно знакомыми, однако я никак не мог сообразить, кого она мне напоминает.

Дети, словно они отражения друг друга, одновременно вскинули руки и коснулись своих опухших шей.

Поместье в Хитчем-Сент-Мартин оказалось сырым и некомфортным. Хозяева трапезничали в выложенном каменными плитами зале с открытыми стропилами под потолком. Тут сильно пахло плесенью. Окна были малы, камин – огромен, но огонь в нем не горел, а из-за потрепанных гобеленов на стенах доносились шорох и возня крыс.

На обед нам подали рыбное рагу из вездесущих в этой местности угрей. Запить еду было нечем, кроме слабого пива. Пока мы впятером обедали, жизнь в доме была ключом: у нас над головами из невидимых нам комнат доносились шаги, кто-то разговаривал на повышенных тонах, мебель двигали и переставляли. Прибытие господина Уорли с двумя гостями и тремя слугами вызвало в доме большой переполох.

За столом прислуживала одна-единственная служанка, девочка чуть постарше Фрэнсис. Последняя сидела подле хозяйки, не отрывая взгляда от тарелки. Присутствие Фрэнсис не позволяло завести разговор о том, что госпожа Уорли, по всей вероятности, желала обсудить. По другую руку от нее сидел сам Уорли.

Сразу становилось ясно, что Фрэнсис не была хорошенькой девочкой даже до того, как ее черты обезобразил королевский порок: чересчур пухлая и неуклюжая, с непримечательными чертами желтоватого, усеянного прыщами лица и маленькими внимательными глазками. Больше я о ней ничего сказать не мог – когда госпожа Уорли велела воспитаннице нас поприветствовать, та присела в неловком реверансе, однако с момента нашего приезда девочка не произнесла ни единого слова. Я никак не мог избавиться от странного ощущения, будто я уже видел ее раньше.

Наше застолье никак нельзя было назвать оживленным. Единственным, кто много разговаривал, был господин Уорли. Пожилая леди слушала его рассказ о несчастном случае, произошедшем с доктором Бёрбро, однако ни малейшего интереса не проявляла. У госпожи Уорли выпали почти все зубы, и в результате она не столько ела рагу, сколько засасывала его, сопровождая этими звуками повествование внука.

Затем Уорли пустился в нескончаемые рассуждения о колледже Иерусалим и о поместье Уорли в Хитчем-Сент-Мартин. Только к концу обеда я задался вопросом, что заставило его трещать без умолку –

необходимость заполнить паузы или волнение. Возможно, спасение Бёрбро от верной гибели и наше присутствие в родовом гнезде выбило Уорли из колеи сильнее, чем мне казалось.

Леди Квинси была необычайно молчалива. Я заметил, как она то и дело поглядывала на Фрэнсис, а потом резко отворачивалась, будто ее отталкивала какая-то незримая сила. Во всяком случае, теперь мне стал понятен интерес ее светлости к золотухе, а также причина нашей встречи в Банкетном доме, когда король исцелял страждущих, и появление в доме леди Квинси мальчика-африканца. Меня больно задело, что она не открылась мне раньше, хотя бы накануне вечером, вместо этого дождавшись, когда я увижу Фрэнсис и все пойму сам. Я подозревал, что у этой женщины до такой степени вошло в привычку хранить секреты, что скрытность стала ее второй натурой.

Когда возникла пауза, я спросил, есть ли другие дороги, ведущие в деревню, или к ней можно подъехать только по дамбе.

– Это единственный путь, – ответил Уорли. – Бывает, из-за проливных дождей дамба уходит под воду, и Хитчем-Сент-Мартин превращается в остров. В такие дни мы совершенно отрезаны от большой земли.

– Ты преувеличиваешь, Ричард, – возразила его бабушка. – У нас ведь есть плоскодонки. Без них на Фенских болотах не обойтись. Я не разделяю глупую одержимость дренажными системами. Из-за нее в округе появились голландцы, эти иноземцы-безбожники. Кроме того, Господь не случайно создал Фенские болота такими, какие они есть. Или ты будешь спорить с замыслом самого Творца?

Уорли улыбнулся и коротко кивнул, хотя по его взгляду я понял: он недоволен, что бабушка ему противоречит. Преподобный бросил на меня быстрый взгляд.

– Чужакам редко удастся застать нас врасплох.

Затем Уорли вполголоса сказал несколько слов своей бабушке. Та кивнула и велела служанке убрать со стола, а затем уйти, чтобы не мешать нам беседовать.

– Ты тоже иди, Фрэнсис. Учи сегодняшнюю коллекту^[8]. После вечерней молитвы я тебя проверю.

– Разрешите ей поиграть с моим арапчонком, – вдруг после длительного молчания предложила леди Квинси. – Общение с ровесником ее развлечет... – Леди Квинси повернулась к Фрэнсис и

обратилась к девочке напрямую: – Если он тебе понравится, моя дорогая, можешь оставить его себе. Пусть это будет подарок от меня. Ведь мальчик – раб, и я могу отдать его кому пожелаю.

Девочка в первый раз посмотрела леди Квинси в глаза. Во взгляде Фрэнсис мелькнуло какое-то чувство, но она быстро взяла себя в руки.

– Мальчик-раб – неподходящий подарок для маленькой девочки, – возразила госпожа Уорли. – Слишком дорого и непрактично. К тому же, Фрэнсис, я тебе много раз повторяла, что избалованные дети не угодны Богу. Тем не менее поблагодари леди Квинси за доброту, а затем оставь нас.

Фрэнсис присела перед леди Квинси в еще одном неуклюжем реверансе, потом исполнила точно такой же перед госпожой Уорли, пробормотала себе под нос слова благодарности и удалилась. Когда мы остались вчетвером, госпожа Уорли повернулась к леди Квинси. В облике старухи было что-то не вполне человеческое: из-за узкой головы с выпяченным подбородком и кожи, усеянной оспинами, хозяйка напоминала ящерицу. Она облизнула губы кончиком языка, розовый цвет которого оказался неожиданно ярким по сравнению с желтым морщинистым лицом.

– Когда я писала леди Кларендон, я всего лишь сообщала о болезни девочки и просила помощи либо врача, либо самого короля, – произнесла леди Уорли.

– Вы уже тогда понимали, что это золотуха? – уточнила леди Квинси.

– Я и раньше видела людей с королевским пороком. На Фенских болотах это частый недуг.

– Тогда почему вы не желаете отпустить Фрэнсис в Лондон? Там ей помогут лучшие врачи Англии. И главное, сам король, помазанник Божий. Господь даровал ему силу исцелять эту болезнь.

Госпожа Уорли покачала головой:

– Я уже все объяснила леди Кларендон. Я умоляла, чтобы король позволил нам привезти Фрэнсис к нему, когда его величество в следующий раз посетит скачки в Ньюмаркете. Это совсем близко, а дальняя поездка станет для Фрэнсис слишком тяжелым испытанием. К тому же так мы привлечем к девочке меньше внимания. Уверена, будь жива ее светлость, она бы...

Уорли кашлянул:

– Простите, мадам, но нам не пристало перечить воле короля. Леди Квинси привезла мне письмо, написанное собственной рукой его величества, и он велит передать Фрэнсис леди Квинси. Ее светлость проделала дальний путь, чтобы забрать девочку, и я уж не говорю о дорожных расходах. Очевидно, что король благоволит Фрэнсис и печется исключительно о ее интересах.

Госпожа Уорли взглянула на него и снова облизнула губы.

– А ты, Ричард, печешься исключительно о собственных интересах. Если бы не король, не видать бы тебе должности в Иерусалиме. Любопытно, кто будет исполнять обязанности вице-магистра, пока доктор Бёрбро нездоров? Может быть, человек, пользующийся поддержкой короля?

Ее внук покраснел и отвел взгляд.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, мадам, – продолжила леди Квинси. – Ваша тревога за девочку делает вам честь. По всей вероятности, Фрэнсис вернется к вам через недельку-другую или, может быть, чуть-чуть попозже. Она будет писать вам из Лондона, и я тоже буду извещать вас о ее самочувствии.

– У девочки слабое здоровье, – произнесла госпожа Уорли, выстреливая слова, будто из пушки. – Она не привыкла к чужим людям и незнакомым местам. Мы – ее семья, другой семьи Фрэнсис не знает. Жестоко отнимать у ребенка все, что ему знакомо. Попечение над девочкой доверено мне, мадам, и я не позволю увезти ее из этого дома. Передайте королю, что буду весьма ему обязана, если он исцелит Фрэнсис в Ньюмаркете, как я и просила с самого начала.

Госпожа Уорли резко умолкла, с неожиданной силой отодвинула стул и встала, опираясь на столешницу. Когда внук хотел ей помочь, она оттолкнула его руку.

Мы с Уорли встали. Под стук трости по каменным плитам и шорох камышовых циновок, задеваемых подолом ее платья, госпожа Уорли направилась к двери. На трость она не опиралась, используя ее лишь для того, чтобы производить внушительное впечатление.

Никто не произносил ни слова. Я открыл перед хозяйкой дверь и, когда она проходила мимо, отвесил ей поклон. Госпожа Уорли на меня даже не взглянула. Это было всего лишь отступление, а не капитуляция.

Глава 36

После обеда Уорли подошел ко мне в холле.

– Приношу свои извинения за упрямство моей бабушки, – произнес он. – Будьте добры, передайте королю, что я здесь ни при чем. Я сделал все, что в моих силах, чтобы помочь вам.

– Этот дом ваш, сэр, – резко ответил я. – Разве вы здесь не хозяин? Уорли как будто смутился.

– Ну конечно.

– Тогда почему вы не можете настоять на своем?

– Бабушка так давно здесь распоряжается, что никто не осмеливается ей перечить – ни в доме, ни в деревне. Она сама себе закон. Госпожа Уорли не намерена отпускать девочку, и, чтобы забрать ее, вам потребуется распоряжение суда и королевский пристав.

– Что за нелепые заявления! – возмутился я. – Мы проделали такой путь и сильно потратились, король желает ребенку добра, и, видит Бог, девочка и впрямь нуждается в помощи, и вот теперь все мы должны потакать капризам старухи!

Я не стеснялся в выражениях, и Уорли болезненно поморщился.

– Если бы я мог что-то изменить, поверьте, я бы это сделал, – заверил он.

– Может быть, расскажете ей об ограблении и нападении на вашего слугу? Эта история интересует и других людей, не имеющих отношения к его величеству. Эти люди настроены враждебно, и вряд ли они будут так же любезны, как мы. Вероятно, тогда госпожа Уорли передумает.

Уорли с несчастным видом покачал головой:

– Вы не знаете мою бабушку, сэр. Она глуха к доводам рассудка. Особенно когда дело касается Фрэнсис.

На этой не слишком обнадеживающей ноте мы расстались. Я поднялся в отведенную мне спальню, расположенную в мансарде под самой крышей. Это помещение мне предстояло делить со Стивеном. Некоторое время я сидел у открытого окна, глядя на сад, почесывая самые легкодоступные из комариных укусов и пытаюсь собраться с мыслями. Вторая половина дня выдалась ясной и не по сезону теплой. Окно выходило на фруктовый сад, и аромат яблок наполнял комнату.

Наше путешествие превратилось в кошмар. Сначала ограбление в Иерусалиме, потом несчастный случай с Бёрбро, а теперь дополнительное осложнение, вызванное упрямством госпожи Уорли. Вдобавок пожилая леди находится на собственной территории, окруженная преданными ей людьми. Едва ли мы можем обратиться в суд, чтобы принудить ее силой. К тому же у нас не хватает полномочий: король предпочел обратиться к Уорли с просьбой, а не с приказом. А неопределенный статус Фрэнсис только усугубляет положение. Девочка – никто, и в Хитчем-Сент-Мартин она оказалась при содействии леди Кларендон, но ее светлость умерла, а значит, ничем нам помочь не может.

Во всяком случае, основные моменты прояснились. Король отправил леди Квинси за Фрэнсис. Леди Кларендон поручила заботы о ребенке госпоже Уорли, вероятно исполняя волю короля, а его величество, в свою очередь, помог Ричарду Уорли достичь карьерных высот, к тому же король до сих пор в какой-то степени выступает в качестве покровителя Уорли. Происхождение ребенка по-прежнему оставалось загадкой, хотя я полагал, что девочка, скорее всего, незаконнорожденная дочь короля.

Возраст Фрэнсис и то, о чем рассказывала мне леди Квинси вчера вечером, – свидетельства того, что ребенок был зачат или родился во время пребывания королевского двора в Брюгге, когда монарх жил в изгнании на континенте. Тогда в ближний круг короля входили его главный советник лорд Кларендон, он же сэр Эдвард Хайд, и герцог Бекингем – во всяком случае, некоторое время. Наверняка Бекингема известно об этой истории, и теперь он намерен использовать ее, чтобы приобрести политический капитал, который особенно пригодится ему при попытках сокрушить лорда Кларендона. Для этого герцог отправил за нами вслед двух своих наемников – человека, известного под прозвищем Епископ, и его слугу.

В деле наметилась если не полная ясность, то хотя бы намеки на нее. Однако многое оставалось непонятным. Каковы намерения Бекингема – причинить вред девочке, возможно, даже убить ее или просто получить над ней власть? И какова роль Эдварда Олдерли? Неужели его убийство имеет какое-то отношение к грустной нескладной девочке, которая сидела с нами за обеденным столом? Что Епископ искал в квартире Олдерли? А кто такой на самом деле Горс и

что означает его исчезновение? И в довершение всех бед убийство Олдерли при неясных обстоятельствах оказалось связано с именем Кэт Ловетт. Вопросы и предположения, страхи и сомнения кружились в моей голове, точно беспощадные фенские комары.

Издали долетел чей-то смех. Я поглядел в окно. Сначала я не мог понять, откуда он доносится. Потом я заметил движение в другой стороне сада. Я пригляделся повнимательнее. Внизу мелькнуло что-то коричневое, потом что-то белое.

На лужайку выбежали двое детей. Фрэнсис в коричневом платье гналась за Стивеном, успевшим снять камзол и туфли. Девочка была на полголовы выше мальчика и отличалась более крепким телосложением. Я подумал о том, как приятно видеть играющих детей, особенно этих двоих.

Но тут Фрэнсис кинулась на Стивена и сбила его с ног. Мальчик упал на берег ручья, обозначавшего границу фруктового сада. Прижав Стивена к земле, Фрэнсис ткнула его лицом в грязь, а потом схватила пригоршню и растерла по его волосам.

Сцена оказалась отнюдь не такой идиллической, как я полагал. Фрэнсис заливисто смеялась – куда только подевалась серьезная молчаливая девочка, которую я видел за обедом? Вот она зачерпнула еще две пригоршни грязи. Между тем Стивен извернулся и попытался встать. Фрэнсис потеряла равновесие, и почти вся грязь оказалась у нее на подоле.

Поднявшись на ноги, Стивен бросился бежать и скрылся под деревьями, девочка ринулась следом. Издали доносились ее возмущенные вопли, но потом какая-то женщина сердито ее окликнула, и Фрэнсис умолкла.

Если эта девочка и впрямь незаконнорожденная королевская дочь, почему же его величество не признал ее, как всех остальных своих детей, появившихся на свет вне брака? Одним больше, одним меньше – какая разница?

Мне пришла в голову только одна теория, объяснявшая и молчание короля, и всю эту скрытность: мать Фрэнсис – замужняя женщина.

Обоих детей ждала крепкая порка: Фрэнсис наказала служанка госпожи Уорли, а Стивена – фореитор леди Квинси. Причем недовольство госпожи Уорли вызвало и то, что девочка измазалась в

грязи, и то, что предаваться веселью по Господним дням, то есть по воскресеньям, не подобает.

Госпожа Уорли пригласила и леди Квинси, и меня пойти в церковь к вечерне вместе с домочадцами. Когда мы оба отказались, хозяйка поглядела на нас с осуждением. Фрэнсис правом выбора не обладала. Горничная увела ее и переодела в серое платье из плотной ткани, висевшее на девочке как мешок.

В церковь они отправились пешком в сопровождении господина Уорли. Я надеялся в их отсутствие поговорить с леди Квинси наедине. Однако ее светлость вместе с горничной удалилась в свою комнату, предоставив меня самому себе.

Около часа я прогуливался по саду, лениво отмахиваясь от комаров, успевших досыта напиться моей крови. Позади дома земля шла под уклон. Внизу была только застоявшаяся вода и пустое болото. Надо мной с жутковатыми, словно бы потусторонними, криками летали водяные птицы.

Чем дальше я размышлял о вчерашних событиях, тем больше убеждался, что Бёрбро упал в мельничный пруд вовсе не случайно. По неизвестной причине он выступил сообщником Епископа или другого человека, проникшего в квартиру Уорли в Иерусалиме. Но, узнав о нападении на Смита, своего старого слугу, Бёрбро рассердился. Он отправился на постоялый двор возле мельницы, чтобы лично выразить свое возмущение. Возможно, Бёрбро пригрозил двум заговорщикам разоблачением, однако в результате оказался покалечен мельничным колесом. Я ничего не мог доказать, однако косвенные свидетельства указывали на то, что все происходило именно так.

Если я прав, в беспощадности Епископа и его подручного сомневаться не приходится. Но здесь им не так-то просто будет до нас добраться. Уорли – точнее, госпожа Уорли – безраздельно властвует в Хитчем-Сент-Мартин, а единственный путь в деревню лежит через дамбу. Это не то место, через которое то и дело проезжают путешественники. Чужаки здесь сразу бросаются в глаза.

По случайности я наткнулся на Стивена во фруктовом саду. Мальчик от нечего делать бросал прутья в ручей. Я совсем о нем забыл – и все остальные, видимо, тоже. Бедный ребенок – диковинка, игрушка для богатой дамы, ему нет места ни среди других слуг, ни среди нас. Стивен – как маленькая собачка, которую гладят и с гордостью

показывают друзьям, но никакого практического назначения она не имеет. А теперь он обезображен болезнью: какой модной даме нужен питомец с золотухой?

Отеки на его шее напоминали гигантские морские раковины, прилипшие к скале. Захочет ли леди Квинси оставить мальчика у себя? И если да, какая жизнь ждет маленького африканца в ее доме? Ради Стивена я надеялся, что ему не придется долго находиться под одной крышей с Фрэнсис. Если сцена в саду, свидетелем которой я стал, яркий образец ее характера, мальчику не позавидуешь.

Заметив меня, Стивен встал и поклонился. Предыдущая хозяйка – леди, выбросившая его, как ненужную вещь, когда из-за королевской хвори он перестал быть хорошеньким мальчиком, – прекрасно его вышколила.

– Стивен, – обратился к нему я. – У меня к тебе поручение – гляди в оба. Похоже, что следом за нами едут два человека. Эти люди опасны. Думаю, что они желают зла и нам, и госпоже Фрэнсис.

У мальчика перехватило дыхание.

– Кто они, сэр?

Его звонкий, по-детски высокий голос оказался для меня неожиданностью. Если зажмуриться, можно подумать, что говоришь с обычным английским мальчиком.

– Один высокий, средних лет. Когда я видел его в последний раз, он был в коричневом камзоле. А его слуга толстый. У обоих шпаги. Они почти наверняка едут верхом. Как их зовут, я не знаю.

Стивен с боевым видом огляделся по сторонам.

– Они приехали за нами сюда?

– Наверняка не скажу, но очень может быть. Они ведь проследили за нами до Кембриджа.

– Я буду начеку, господин. Обещаю.

– Я тебе верю. – Тут мне в голову пришла мысль. – Ты обедал?

– Нет, сэр. Только яблоко съел.

Я вдруг рассердился. Никому не пришло в голову узнать, не голоден ли Стивен, включая меня.

– Пошли. Найдем тебе чего-нибудь поесть.

Глава 37

После вечерни викарий ужинал в поместье. Это был жилистый суевликий человек со сгорбленными плечами и постоянно бегающими глазами. Его фамилия была Доусон. Может быть, госпожа Уорли пригласила его нарочно, чтобы мы снова не завели разговор о Фрэнсис. Нас с леди Квинси представили викарию как знакомых господина Уорли, приехавших из Лондона.

Доусон когда-то был не только членом совета колледжа Иерусалим, но и наставником Уорли. Когда срок Доусона на посту подошел к концу, бедняга оказался в отчаянном положении: будучи из семьи со скромными средствами, состоянием он не обладал. Но по счастливой случайности в Хитчем-Сент-Мартин тогда освободился приход. Уорли, обладавший правом выдвигать на должность кандидатуру по своему выбору, предложил Доусону возглавить приход. Тот с благодарностью согласился. Жалованье невелико – всего сорок фунтов в год, к тому же дом викария отнюдь не в идеальном состоянии. Но Доусон заверил, что благодаря разумному подходу к финансам и милостивому покровительству господина Уорли и его бабушки ему прекрасно удастся сводить концы с концами, более того, Доусон умудрился найти жену, и теперь он содержит семью.

Все это и многое другое я узнал в первые же десять минут. Викарий тараторил без умолку, а хозяйева его даже поощряли – отчасти потому, что Доусон беспрестанно восхищался их щедростью, отчасти из-за желания отсрочить разговор о причине нашего приезда и судьбе Фрэнсис. Отношения между викарием и его благодетелями находились в идеальном балансе: и та и другая сторона извлекала из них выгоду.

Горели свечи. Фрэнсис, чудом удержавшись на ногах, по очереди сделала нам всем реверанс, а затем ее отправили спать. И снова всего лишь на долю секунды в ее чертах мелькнуло что-то смутно знакомое. После того как девочка ушла наверх, мы впятером сидели в мрачном зале – там же, где проходил обед. С одной стороны во главе стола сидел господин Уорли, с другой – его бабушка, по правую руку от нее усадили викария, а рядом с ним – меня.

Напротив нас, чуть опустив голову, сидела леди Квинси. Я и раньше замечал, что ей очень к лицу сияние свечей: ее кожа

приобретает мягкий насыщенный оттенок, как у цветка или дольки фрукта. Если бы не мои титанические усилия воли, я бы не сводил с нее глаз весь вечер.

– Вы прочли очень поучительную проповедь, сэръ, – любезно похвалила викария госпожа Уорли: она говорила таким тоном, будто ободряла слабого ученика. – Как жаль, что наши гости не смогли пойти к вечерне! Ваши слова дали бы им немало пищи для ума.

– Какие тексты вы взяли для своей проповеди, сэръ? – спросил я, чтобы поддержать не ладившийся разговор.

– «И всех объял страх»^[9], – сурово провозгласил господин Доусон. – «И славили Бога». Это седьмая глава Евангелия от Луки, – прибавил он уже спокойным тоном. – О воскрешении сына наинской вдовы.

Викарий так оживился, что заерзал на стуле, и его нога задела мою. Я отодвинулся.

– Очень трогательная история. Она о сострадании Господа нашего к вдовам, – заметила госпожа Уорли. – В своей ученой речи господин Доусон объяснил, почему все мы должны трепетать перед Богом и почему вдовы в особенности должны славить Его и бесконечное милосердие, которое Он нам являет.

Что это – хитрый способ поддеть леди Квинси? Викарий снова коснулся моей ноги. Я отодвинулся еще дальше и взглянул на него. К моему удивлению, я заметил, что он сидит, повернувшись к госпоже Уорли. Если известные мне законы анатомии остались прежними, ногой меня толкал кто-то другой.

– Когда Господь повелевает сыну вдовы восстать и тот поднимается с носилок, это символизирует благословенный шанс на искупление, который Спаситель дает нам во имя Отца своего.

Под столом мне снова наступили на ногу. Пульс застучал у меня в висках. Я поднял взгляд. Сидевшая напротив леди Квинси чистила яблоко, и кожура, словно змея, кольцами сворачивалась на ее тарелке.

На секунду наши взгляды встретились, и на ее губах мелькнула мимолетная улыбка. Затем нога под столом отодвинулась, а леди Квинси вернулась к своему яблоку.

В Хитчем-Сент-Мартин ложились рано.

После ужина викарий отбыл восвояси, перед этим долго сотрясая сырой вечерний воздух потоком благодарностей, и парадную дверь заперли на засов, таким образом отгородившись от внешнего мира. Мы собрались в салоне, где господин Уорли прочел перед домочадцами молитву. Собаку выпустили во двор. Госпожа Уорли проводила нас всех до подножия лестницы, где ждала горничная с подносом, на котором стояли горящие свечи.

– Полагаю, завтра вы покинете наш дом? – обратилась хозяйка к леди Квинси. – Я же понимаю, что Ричард должен вернуться в Иерусалим со всей возможной поспешностью, – после несчастного случая, произошедшего с доктором Бёрбро, дела в колледже наверняка обстоят плачевно. Мне сказать слугам, чтобы разбудили вас пораньше?

– Спасибо, не нужно. Я еще не определилась со своими планами. – Леди Квинси склонила голову. – Доброй ночи, госпожа.

Задержавшись у подножия лестницы, Уорли стали переговариваться вполголоса, должно быть обсуждая незваных гостей. Наверху леди Квинси помедлила. Я присоединился к ней. Уорли скрылись из виду за поворотом, хотя снизу все еще долетали их голоса.

– Чуть позже зайдите ко мне в комнату, сэр, – тихо произнесла леди Квинси. – Минут через двадцать. Я хочу спросить вашего совета.

Я поклонился, и ее светлость так громко и четко пожелала мне спокойной ночи, что не оставалось сомнений: назначенная встреча должна остаться тайной. Я поспешил напомнить себе, что мой визит в комнату леди Квинси не нарушит приличий, ведь с нами будет ее горничная Энн, помогающая хозяйке готовиться ко сну.

Я поднялся в свою спальню этажом выше. Единственным источником света была свеча в моей руке. На выдвижной кровати между моей постелью и окном спал Стивен. Когда я вошел, он не проснулся. Отчего-то под одеялом мальчик казался меньше. Я уловил его размеренное, едва слышное дыхание.

Опустившись на край постели, я попытался обратиться к доводам рассудка. С чего бы леди Квинси вкладывать в свои слова двойной смысл? Она просто хочет побеседовать со мной наедине, и не более того.

И все же я снял камзол и парик, положил то и другое на кровать и ополоснул руки и лицо в умывальной чаше на столике. Потом залез в рот зубочисткой. Я не брился дня три-четыре, но избавиться от щетины

уже не успевал. Я надел камзол, одернул рукава, водрузил на голову парик и постарался его поправить, насколько это возможно без зеркала.

За ужином под столом кто-то определенно касался моей ноги. Это был не викарий и не Уорли. Остается только леди Квинси.

– Дурак! – прошептал я, обращаясь к самому себе. – Какой же ты дурак!

Спальня леди Квинси располагалась прямо под моей. Воздух был холодным и сырым: госпожа Уорли не приказала растопить камин ради гостей. Комнату освещали две свечи, одна у кровати, вторая – на туалетном столике. Ее сияние отражалось в зеркале, и от этого свеча давала в два раза больше света. Пахло благовониями. В мускусном аромате ощущались приглушенные земляные нотки.

Леди Квинси уже сидела на постели, подставив под спину подушки. Я огляделся, высматривая горничную Энн, но той нигде не было видно.

– Закройте дверь, – тихонько велела ее светлость. – На задвижку.

Я повиновался. Пальцы тряслись так, что с задвижкой я справился не без труда.

– Здесь так холодно, правда? – заметила леди Квинси. – И к тому же сыро. Интересно, когда в эту комнату заходили в последний раз?

Я повернулся к ней и резко спросил:

– О чем вы хотите поговорить со мной, мадам?

Леди Квинси похлопала по кровати:

– Сядьте здесь, господин Марвуд. В темноте мне вас почти не видно. К тому же тогда нам не нужно будет повышать голос.

Когда я сел на указанное место, леди Квинси отодвинулась. Ее халат распахнулся, выставляя напоказ и ночную сорочку, и округлые груди.

«Боже милостивый! – пронеслось у меня в голове. – Ну зачем так меня дразнить?» Хотя, возможно, леди Квинси искренне считает меня безобидным существом, чуждым плотских желаний. Передо мной она испытывает не больше смущения, чем перед Энн или Стивенном.

Увы, для меня оба варианта одинаково унижительны.

– До чего унылое место, вы согласны? – с улыбкой проговорила леди Квинси. – Полагаю, эта злобная старуха утопила бы нас обоих в грязи, если бы верила, что останется безнаказанной.

Я невольно улыбнулся ее шутке. Белая рука леди Квинси лежала в нескольких дюймах от моей ноги. Ее пальцы тербли покрывало.

– Не представляю, как бы я выдержала эту поездку без вас, – призналась она.

– Уверен, вы бы прекрасно справились, мадам.

– Вы слишком низко себя цените, сэр. Король непременно хотел выделить мне сопровождающего, и я предложила вас. Его величество похвалил мой выбор.

На лесть я падок не меньше, чем любой мужчина, однако в этой ситуации ее комплименты настораживали.

– Никак не ожидала, что у самой цели мы натолкнемся на препятствие, – заметила леди Квинси.

– Вы про госпожу Уорли? Видимо, придется нам возвращаться в Лондон с пустыми руками. Или, может быть, задержимся на день-два в Кембридже? Оттуда напишете королю и спросите, как поступить.

– Есть другой способ. Если глупая старуха не желает отдавать нам Фрэнсис, мы заберем ее без разрешения.

– Нельзя просто увезти девочку. Представьте, какой будет скандал, мадам.

– Мы не дадим ему разгореться. От лишней огласки госпожа Уорли только проиграет, не правда ли? Ведь по закону у нее нет никаких прав на ребенка. К тому же ее внук сделает все возможное, чтобы замять эту историю, пусть даже в этом доме он не способен возразить бабушке в открытую. Уорли честолюбив. Он знает, кому нужно угождать, чтобы заслужить повышение.

– То есть мы позовем Фрэнсис и спокойно уедем из этого дома? – произнес я. – Даже если девочка не будет сопротивляться, госпожа Уорли вполне способна применить силу, чтобы помешать нам. И что же вы предлагаете? Мы с вашим слугой должны взяться за шпаги и расчистить путь клинками?

Вдруг осознав всю абсурдность ситуации, мы улыбнулись друг другу, словно два озорных ребенка, вместе задумавших шалость.

– Уверена, старуха будет рада возможности вступить с нами в бой, – заметила леди Квинси.

– И у нее есть все шансы победить. Шпаги нам не помогут. Все слуги и жители этой варварской земли готовы повиноваться любому ее

приказу. Что, если кто-то пострадает или даже погибнет? Не забывайте, мы здесь никто.

Леди Квинси поерзала среди подушек и встретила со мной взглядом.

– Тогда мы должны помешать ей поднять против нас всю деревню.

– Каким образом? – Разговор принял такой причудливый оборот, что я все еще улыбался, готовый поучаствовать в этом полете фантазии. – Вломимся к ней в спальню? Свяжем хозяйку и заткнем ей рот? А потом запрем ее и скроемся со всей возможной поспешностью, пока никто ничего не заметил?

Леди Квинси кивнула:

– Это разрешило бы наши затруднения.

– Мадам, вы же прекрасно знаете, что я шучу.

– А вы, сэр, прекрасно знаете, что в каждой шутке есть доля правды. – Леди Квинси стала поворачиваться ко мне, и ее груди под сорочкой пришли в движение. – Госпожа Уорли оказала нам в высшей степени нелюбезный прием, и я не прочь отплатить ей по заслугам. Я приехала сюда за Фрэнсис, и без нее я не уеду. – Леди Квинси выдержала паузу. – Если, конечно, вы мне поможете.

– Нет, на такую безумную авантюру я не пойду. У госпожи Уорли нет законных прав на ребенка, но и у нас нет права запереть хозяйку в собственном доме. Представьте, какой разразится скандал, если об этом узнают. Очень сомневаюсь, что король одобрит подобное самоуправство.

– Речь не о короле, а обо мне.

Леди Квинси медленно подняла руку. Тени от ее пальцев легли на мою ногу темными полосами. А потом она взяла мою руку и положила ее себе на грудь.

Будь я слугой или придворным, бравым солдатом или похотливым подмастерьем, я раструбил бы о своей победе на весь свет, приукрасив историю так, чтобы выставить свою мужскую доблесть в самом выгодном свете. Но я не таков, а жаль: моя совесть подстерегает меня там, где я меньше всего ожидаю на нее наткнуться. Как бы мне ни хотелось относиться к подобным вещам легко, я не могу. Такая манера идет вразрез и с тем, кто я есть, и с моим воспитанием. Даже возмужав, мы не в силах убежать от того, что в нас заложено с детства.

Но вернусь к Оливии – вернее, леди Квинси – и тому, что произошло между нами той ночью. Первый раз вышел торопливым – не из-за нее, из-за меня. Когда то, чего я так долго желал, оказалось в пределах досягаемости, я не в силах был ждать ни секунды.

Не успел я опомниться, а все уже было кончено.

Свечи по-прежнему горели. Я успел раздеться лишь частично. Одного прикосновения, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы я совсем потерял голову. Меня охватило разочарование. Неужели, кроме этой торопливой, неловкой, никому не принесшей удовлетворения возни, мне больше не о чем будет вспомнить?

Я отпрянул. От стыда я готов был провалиться сквозь землю. Я поддался ее чарам, даже отдавая себе отчет, что она не может испытывать ко мне влечения. Единственное, чего я хотел, – нырнуть в спасительную темноту.

Но Оливия – что ею двигало – жалость или расчет? – произнесла:
– В комнате холодно. Задуйте свечи и ложитесь ко мне.

Раздевшись до рубашки, я взобрался на высокую кровать. Мы с ней лежали рядом в милосердной, дышащей волшебством темноте. Соприкасались только наши руки. От постельного белья исходило тепло ее тела.

Некоторое время мы молчали. Я задавался вопросом, презирает ли она меня так же, как я самого себя. Но наш договор уже скреплен. Пойти на попятный я не мог, ведь это тоже противоречило моей природе. Я дал согласие участвовать в безумной затее Оливии. Меня поражало и то, с какой легкостью она подчинила меня своей воле, и то, что награда принесла мне так мало радости.

По просьбе Оливии я задернул полог вокруг кровати. Теперь нас окутывала крошечная тьма. Я не столько увидел, сколько почувствовал, как она повернула голову ко мне. Легкое, как шепот, дыхание коснулось моей щеки.

– Вы, наверное, думаете, что я сошла с ума, – произнесла она. – Всерьез раздумывать над подобной идеей...

– Сумасшедшей я бы вас не назвал. Скорее безрассудной. Или...

– Что?

– Или я не имею ясного представления о ситуации. – Я тоже повернул голову к ней. Должно быть, наши лица отделяли друг от друга

дюймов шесть, не больше. Я отбросил все предосторожности: после того, что между нами было, я мог позволить себе говорить откровенно. – Вы не производите впечатления сумасбродки. Наоборот. А значит, должна быть весома причина. Вы отчаянно стремитесь увезти Фрэнсис, и побыстрее.

– Продолжайте, Марвуд.

– Кому так срочно понадобилась эта девочка? Вам или королю? Или это ваш общий план? – Я подумал о Стивене и его золотухе. – Ваш интерес как-то связан с королевским пороком?

Оливия издала смешок.

– Можно и так сказать. Зажгите свечу. Я хочу вас видеть.

Я свесил ноги с кровати и отдернул полог. В темноте я нащупал на прикроватном столике огниво. На то, чтобы зажечь свечу, ушло не меньше минуты, и я был рад возможности подумать. Наконец фитиль зажегся. Огонек разгорался, подрагивая на сквозняке.

– Возможно, чтобы исцелить этот недуг, требуется срочное лечение, – стал рассуждать я. – Однако подобная спешка представляется излишней: несколько дней погоды не сделают. Но может быть, вы и сами точно не знаете, чего желает король? – Я выдержал паузу. – Фрэнсис его дочь?

– Неудивительно, что у вас возникла эта мысль, – произнесла леди Квинси.

Я ждал, но она больше ни слова не прибавила. Если Фрэнсис и впрямь незаконнорожденное королевское дитя, зачем прятать ее в этой забытой Богом глуши? Я вспомнил свои сегодняшние предположения: может быть, мать девочки состоит в браке и ребенка увезли, чтобы сохранить в секрете от мужа неверность супруги.

Я снова лег под одеяло и поглядел на леди Квинси. Ее голова лежала на подушке рядом с моей. Отблески свечи играли на ее лице, и в этом сиянии оно напоминало пейзаж с неизведанными долинами и холмами, а глаза превратились в два золотистых озера. И все же...

Пейзаж оказался не таким уж и загадочным. Я видел похожее лицо, причем совсем недавно. Как же я глуп!

– Мадам, – выговорил я. – Фрэнсис – ваша дочь?

Я почувствовал, как все ее тело напряглось, как натянутая струна.

Вместо ответа леди Квинси лишь спросила:

– От того, правда ли это, зависит, согласитесь ли вы мне помочь?

– Нет. Я же дал слово.

До меня донесся облегченный вздох. Некоторое время мы лежали молча, тишину в спальне нарушало лишь наше дыхание. За окном заухала сова. Собака гавкнула два раза и умолкла. Я попытался представить Фрэнсис молодой женщиной: от детской пухлости не осталось и следа, золотуха исцелена, фигура приобрела женственные очертания. Очень может быть, что взрослая Фрэнсис будет копией матери. Вероятно, грубой копией, и все же сходство с оригиналом, лежащим подле меня, станет безошибочным.

– Она ваша дочь, – произнес я. – Я в этом абсолютно уверен.

Рука леди Квинси скользнула по простыне между нами и легла мне на ногу. Она приподняла край моей рубашки. «Что бы это значило?» – подумал я.

На этот раз все происходило медленнее. Но ближе к финалу случилось то, чего я никак не ожидал. Ритм ускорялся, наша обоюдная страсть приближалась к пику, и вдруг перед моим мысленным взором возникла совершенно неуместная картина. Воображение нарисовало мне Кэтрин Ловетт в двойном седле, в котором мы ехали три дня назад, возвращаясь из лагеря погорельцев. Я не видел ее с мая, и за это время Кэт очень изменилась. Я вспомнил, как она покачивалась в седле позади меня и как, повернувшись к ней, я щекой почувствовал ее дыхание.

Кэт Ловетт. Боже правый! От неожиданности во мне пробудились детские суеверия: уж не колдовские ли это чары?

А потом страсть захлестнула меня мощной волной, и все было кончено.

Глава 38

Пока не рассвело, я вернулся к себе в комнату и почти сразу заснул как убитый.

Проснулся я час или два спустя. Первые лучи восходящего солнца проникали в щель между занавесками на кровати. Несмотря на то что спал я совсем мало, я чувствовал себя отдохнувшим. Мне понадобилось воспользоваться ночным горшком. Я встал и вытащил его из-под кровати. Облегчаясь, я бросил взгляд на выдвижную койку, на которой спал Стивен.

Мальчика там не оказалось.

Поспешив к окну, я раздвинул шторы. В комнату хлынул свет. Одеядо Стивена было откинута. Когда я поднялся в спальню, перед тем как нанести визит леди Квинси, мальчик совершенно точно был здесь. Но я не заметил его, когда вернулся. Впрочем, я и не проверял, на месте он или нет. Выходит, за ночь Стивен куда-то исчез, но я понятия не имел, когда именно.

Я ощупал постельное белье на койке. Оно было холодным. Я натянул бриджи, сунул ноги в туфли, надел камзол и шляпу, а с париком возиться не стал. Выйдя из комнаты, я спустился на первый этаж. Вокруг царил тишина, но снизу доносились стук и скрип: похоже, служанка уже разводила огонь в кухонном очаге.

Может быть, Стивен проголодался и спустился туда, чтобы выпросить корочку хлеба?

Я пошел на звуки и очутился в кухне. Служанка – та же самая, которая прислуживала нам за обедом, – при моем появлении чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Ты не видела Стивена? – спросил я. Когда служанка поглядела на меня с недоумением, я нетерпеливо пояснил: – Африканского мальчика. – Та покачала головой. – В комнате его нет. Куда он мог запропасться?

Служанка наконец обрела дар речи.

– Не знаю, господин. – Ее взгляд скользнул в сторону, к черному ходу. – Когда я пришла, дверь была не заперта. Я подумала, что ее оставила открытой моя госпожа. На нее иногда нападает бессонница, и она выходит прогуляться с утра пораньше.

Я пересек кухню и открыл дверь. Она вела на кухонный двор. В углу стоял курятник, в котором, судя по звукам, дрались несколько петухов. Я вышел на улицу. К конюшне и воротам, ведущим на дорогу, можно было пройти под аркой. Там я заметил на земле четкий отпечаток босой детской ноги.

Служанка вернулась обратно на кухню и снова принялась выгребать из очага золу. Я тихонько выругался. Пройдя мимо конюшни, я оказался в саду. Я стал звать Стивена, но мальчик не откликнулся. Дойдя до угла дома, я вошел во фруктовый сад, расположенный напротив конюшни.

Землю покрывала холодная серебристая роса. Две свиньи искали под деревьями паданцы. Я поднял голову и нашел взглядом свое окно в свинцовом переплете. Оно было втиснуто под самой крышей, а прямо под ним находилось превосходившее его размерами окно спальни леди Квинси. Мне показалось, что под деревьями в траве виднеется что-то, похожее на темные неровные следы. Виляя из стороны в сторону, они вели к ручью. У меня разыгралось воображение или Стивен действительно проходил здесь?

Я пошел по следу. Почти сразу же я заметил темную фигуру, лежавшую на берегу у воды. У меня на лбу выступил холодный пот. Выругавшись, я кинулся туда. Мои туфли скользили на мокрой траве.

Подбежав ближе, я испытал облегчение. Это не Стивен.

То, что я принял за темную кожу, оказалось коричневой шерстью. Остановившись на полном ходу, я склонился над телом. На боку лежала собака, у нее на морде я заметил белую пену. Глаза животного были открыты.

Переводя дух, я опустился на землю. Собака была крупной и, похоже, беспородной. Ее шею обхватывал широкий ошейник, утыканный шипами. Я коснулся бока собаки и почувствовал холод. Ран было не видно.

И ни следа Стивена. Однако я разглядел на траве другие следы, и они вели к затянутым туманом Фенским болотам.

– Яд, – безапелляционным тоном объявила госпожа Уорли, тыкая мертвого пса тростью. – Будь Гримболл склонен к припадкам, мы бы это заметили.

– Но где же Стивен? – задал вопрос я.

– Арапчонок? Готова поспорить, собаку отравил он. Это все их колдовские штучки. Вам следовало лучше за ним следить, сэр.

Вернувшись в дом, я нашел старую леди на кухне. Когда я рассказал ей, что случилось, она устремила на меня такой злобный взгляд, будто произошедшее – моя вина, а потом госпожа Уорли отправила горничную наверх, чтобы та разбудила ее внука. Господин Уорли сбежал вниз, даже не сняв ночной колпак и только накинув халат поверх сорочки. Вместе мы отправились во фруктовый сад.

Когда мы шли обратно к дому, нас отыскала Энн и передала госпоже Уорли послание от своей госпожи. Леди Квинси выражает хозяйке свое почтение и просит поставить ту в известность, что и гостья, и ее сопровождающие сегодня утром покинут Хитчем-Сент-Мартин. О Фрэнсис леди Квинси не упоминала.

– Мы не можем уехать, пока не отыщем Стивена, – обратился я к госпоже Уорли. – Мальчик должен быть где-то поблизости.

– Что случилось? – спросила Энн, от удивления забыв про манеры.

– Ночью Стивен ушел. Не знаю, в котором часу. Когда я встал, его кровать была пуста.

Горничная уставилась на меня во все глаза. При обычных обстоятельствах Энн ночевала бы в комнате своей госпожи – так же, как в Кембридже или в Пакеридже, где мы останавливались по дороге. Если она не знала наверняка о моей ночной встрече с леди Квинси, то во всяком случае что-то подозревала.

Господин Уорли медленно повернулся вокруг своей оси, описав полный круг, будто надеялся заметить Стивена на дереве или на садовой дорожке. Его худое смуглое лицо выражало обеспокоенность.

– Может, на мальчишку нашло помрачение? Из-за луны – вчера ведь было полнолуние. Африканцы отличаются от нас с вами, сэр. Способность к рациональному мышлению у них развита намного слабее, и даже спорят, есть ли у них душа, подобная нашей, или в этом отношении они ближе к лошадям и собакам. Одно можно сказать наверняка – этот народ подвержен безбожным суевериям. Тут моя бабушка права.

– Стивен вовсе не безумен, – возразил я. – Наверняка была причина, заставившая его выйти из дома.

– Во всяком случае, здесь его нет, сэр, – заметил Уорли. – Территорию поместья он покинуть не мог: высота стены – почти десять

футов, а сверху острые шипы.

Старуха с силой воткнула трость в жидкую грязь.

– Раз мальчишки нет на суше, значит он в воде. Или под водой. – Она устремила взгляд на Фенские болота, серые и призрачные в рассветном сиянии. – Может, он утопился, – прибавила госпожа Уорли с таким видом, будто в нынешней ситуации это наиболее благоприятный исход для всех заинтересованных сторон. – Арапчонку вряд ли известно, что самоубийство – смертный грех.

– Тогда нужно его искать, – резко бросил я. – У вас наверняка есть какая-нибудь лодка.

– В этой части страны все плавают на плоскодонках, сэр, – произнес Уорли в свойственной ему назидательной манере. – Не самое элегантное средство передвижения, зато благодаря низкой осадке хорошо приспособленное к здешним условиям. У каждого жителя Фенских болот есть плоскодонка.

– А ваша лодка на месте? – спросил я.

– Да. – Госпожа Уорли указала тростью в нужном направлении. – Наша плоскодонка привязана у причала во фруктовом саду.

Пока мы разговаривали, утро окончательно вступило в свои права и туман начал рассеиваться. За причалом, у которого покачивалась лодка, раскинулась водная гладь. Кое-где виднелись островки, заросли камыша и чахлые деревца. Среди них двигалось что-то темное. Через некоторое время я разглядел вторую плоскодонку, поменьше. На корме стоял мужчина и греб при помощи шеста.

– Кто-нибудь ловит угрей или рыбачит, – прокомментировал Уорли.

– Это Рэгфилд, – отрывисто произнесла его бабушка. – Живет с матерью в коттедже рядом с загоном для скота. – Госпожа Уорли нахмурилась. – Похоже, что-то стряслось. Надо его подзвать.

Мы спустились к причалу – я, госпожа Уорли и ее внук, а следом Энн. Рэгфилд греб быстро и отчаянно, будто спасаясь от погони. Он так орудовал шестом, что вокруг только грязные брызги летели. Заметив нас, мужчина направил плоскодонку к причалу. Неповоротливая посуда была не приспособлена для больших скоростей, – казалось, она вот-вот перевернется.

– Что он вытворяет? – удивился Уорли. – Да этот парень рассудка лишился!

– Рэгфилда что-то напугало до полусмерти, – сделала вывод госпожа Уорли.

– Госпожа! – прокричал Рэгфилд, подплыв к причалу. – Господин!

Плоскодонка врезалась в берег с такой силой, что мужчина едва не полетел за борт. Вот Рэгфилд вылез на сушу. Я схватил носовой фалинь и привязал лодку. Маленькая плоскодонка была забита корзинами. От нее исходил сильный запах рыбы.

– Госпожа, нужен викарий! – Акцент Рэгфилда был таким сильным, что я с трудом разобрал, о чем речь. – Там, на болоте, чертенок! Черный, как головешка! Он меня сглазил! Зовите скорее викария, а иначе я пропал!

– Чертенок? – переспросила госпожа Уорли. – Может быть, арапчонок?

– Нет, госпожа, чертенок! Настоящий чертенок! Увидел меня – и давай заклинания выкрикивать!

– Где именно ты с ним повстречался?

– На Приоровой горке.

– Это наверняка Стивен, – вмешался я. – Я должен его оттуда забрать.

– Но как мальчишка туда попал? – вдруг задалась вопросом госпожа Уорли. – Видимо, кто-то его туда отвез.

– Собака... – произнес я.

Госпожа Уорли взглянула на меня и сразу все поняла.

– Очевидно, на наших землях чужак. Сначала он пробрался сюда и каким-то образом отравил нашего пса, а потом забрал мальчишку и уплыл с ним к Приоровой горке. – Я вопросительно вскинул брови, а госпожа Уорли продолжила: – Это каменный островок примерно в двухстах ярдах отсюда, вот там, за большими зарослями камыша. – Она показала направление. – Это часть наших владений.

– Но где этот человек сейчас?

– Возможно, негодяй до сих пор там. Но зачем он похитил мальчишку? Хотя арапчонок мог уплыть с ним и по своей воле.

– Очень сомневаюсь, – возразил я. – Нужно немедленно плыть туда.

– Рэгфилд нас отвезет, – объявила госпожа Уорли.

Я удивленно поглядел на нее.

– «Нас»?

– Я поплыву с вами, сэр. Не допущу, чтобы этот незванный гость остался безнаказанным.

– Мадам, леди вашего статуса не подобает...

– Не подобает, сэр? Кто вы такой, чтобы указывать, что мне подобает делать в моем собственном саду, а что нет?

– Будет благоразумнее, если вместо вас поплывет господин Уорли.

Старуха бросила на внука взгляд, лучше всяких слов говоривший о ее мнении насчет него.

– Я хочу посмотреть сама, промышляют ли на наших землях браконьеры. Мы приготовили для этих негодяев ловушки.

Я пожал плечами:

– Как вам будет угодно. Однако вам следует надеть плащ потеплее, мадам, а я схожу за пистолетом.

Уорли прокашлялся.

– Позвольте похвалить ваше мудрое решение, сэр. Я бы, разумеется, отправился с вами, но дела подобного рода не для человека духовного сана. Боюсь, я скорее помешаю вам, чем помогу.

– Рэгфилд, пока мы собираемся, вычерпай воду из нашей плоскодонки, – приказала госпожа Уорли. – Места в ней больше, чем в твоей посудине, не говоря уж о том, что она гораздо чище.

– А без меня никак не обойтись, госпожа? Этот чертенок...

– Не мели чушь, – сердито бросила госпожа Уорли. – Уж поверь, лучше тебе повстречаться с чертенком, чем навлечь мой гнев.

Направившись к дому, я подозвал Энн.

– Известите о случившемся свою госпожу, – велел я.

У меня в голове понемножку начал зарождаться план. Стоит попробовать привести его в исполнение.

– Скажите госпоже, что она должна одеться как можно быстрее, и соберите ее вещи. А фореитору велите седлать лошадей.

Энн молча уставилась на меня. Без парика мои шрамы сразу бросались в глаза.

– Поторопитесь. – Я понизил голос. – И разбудите госпожу Фрэнсис. Передайте ее светлости, что нельзя упускать такой шанс.

Горничная поглядела на меня с растерянным видом, но ни спорить, ни задавать вопросов не стала. Я подозревал, что ей уже была известна цель поездки госпожи.

В дом мы вошли через черный ход. Я поднялся к себе в комнату и нашел плащ. Пистолет по-прежнему был в кобуре, прикрепленной к седлу. Я достал оружие, убедился, что оно заряжено, и сунул пистолет за пояс.

Снизу, из комнаты леди Квинси, уже доносились звуки, свидетельствовавшие о торопливых сборах. Я спустился по лестнице и вышел во двор. Госпожа Уорли направлялась обратно к привязанным лодкам. Шедший рядом с ней внук отчаянно жестикулировал, явно пытаясь отговорить бабушку от этой затеи. Я надеялся, что его постигнет неудача.

Рэгфилд ждал возле плоскодонки Уорли. Больше всего лодка походила на плоский ящик без крышки: грубо сколоченный дощатый прямоугольник, снизу – тоже доски, а снаружи и изнутри толстый слой дегтя, предназначенный для того, чтобы отталкивать воду. Я помог госпоже Уорли сесть в плоскодонку. Без особой ловкости, однако не теряя чувства собственного достоинства, старуха направилась к единственному сиденью, представлявшему собой еще одну доску, пересекавшую лодку примерно посередине. Усевшись в центре, госпожа Уорли положила трость на колени так, чтобы для меня рядом с ней места не осталось. Я кое-как примостился впереди, на носу плоскодонки.

– Плыть в такой холод! – прокомментировал Уорли с берега. – Я предупрежу деревенских, что в округе чужак. А потом распорядюсь, чтобы на первом этаже развели огонь. Завтрак к вашему возвращению будет готов, и, разумеется, вам нужно будет чего-нибудь выпить, чтобы согреться.

Он попятился к дому. А Рэгфилд, предпринимая огромные усилия, стал разворачивать неуклюжую посудину в нужном направлении. Я огляделся по сторонам. Госпожа Уорли меж тем провожала взглядом внука.

– Господину Уорли в колледже самое место, там он как рыба в воде, не то что в поместье, – резко заметила она. – И это притом что здесь одна сплошная вода, а по количеству рыбы мы в королевстве первые.

Она отвернулась и плотно запахнула плащ. На воде холод и впрямь пробирал до костей. Тем временем Рэгфилд стал действовать быстрее. Шест постоянно засасывало в ил, лежавший на глубине всего одного-

двух футов. Используя шест как своего рода примитивный руль, Рэгфилд огибал обширные заросли камыша. Я взял весло, лежавшее на дне лодки, и постарался внести в дело посильный вклад.

Плыли мы минут десять-пятнадцать, не больше. Как только камыши остались позади, перед нами предстала Приорова горка. Островок был около тридцати ярдов в длину: из-за крошечных размеров он явно не годился для сельскохозяйственных нужд. С одной стороны я заметил каменную горку, из-за которой это место и получило свое название. Единственной растительностью здесь были тщедушные деревца, и лишь у воды, на заболоченной земле, виднелись густые заросли кустов.

– Болото там, – пояснила госпожа Уорли, снова используя трость в качестве продолжения указательного пальца.

Когда мы подплывали к островку, я принялся вертеть головой, высматривая мальчика.

– Стивен здесь, – не в силах скрыть облегчение, объявил я. – Вот он, на горке, машет нам.

Нахмурившись, госпожа Уорли вытянула шею.

– А браконьера видите?

– Нет, мадам.

Похоже, старуха близорука. В ту же секунду меня осенило: я понял, как разрешить наше затруднение и увезти Фрэнсис из Хитчем-Сент-Мартин.

Я принялся вдохновенно врать:

– Нет... Хотя погодите... Кажется, вижу. По-моему, там кто-то есть.

– За горкой? Так я и думала. Там наши люди расставили ловушки и сети.

Плоскодонка пристала к пню у самой кромки воды. Я выбрался из нее и надежно привязал носовой фалинь. Стивен, заметивший нас, уже спускался к лодке.

Тут госпожа Уорли встала и, опираясь на палку, осторожно приблизилась ко мне.

– Возьмите меня за руку.

Высадившись на берег, старуха оглянулась.

– Ты пойдешь с нами, Рэгфилд. Дай я обопрюсь на твой локоть.

– Но, госпожа...

– Никакой это не чертенок, дубина. Обыкновенный мальчишка с темной кожей. Выбирайся из лодки сейчас же. Если на моей земле браконьер, я не успокоюсь, пока он не будет пойман и не предстанет перед магистратом.

Рэгфилд повиновался. Старуха явно внушала ему бóльший страх, чем браконьеры или черный чертенок с Приоровой горки.

Я приставил ладонь козырьком ко лбу.

– Да, я определенно его вижу. Вот он, мелькает между деревьями. Похоже, свою лодку он привязал на другой стороне острова.

– Тогда поспешим. Нам понадобится ваш пистолет.

Спотыкаясь, Стивен подобрался к нам. Мальчика трясло от холода. Сняв плащ, я набросил его Стивену на плечи.

– Полезай в лодку и сиди там, – велел я и, подтолкнув мальчика к плоскодонке, прибавил: – Пойдемте в ту сторону, мадам. Видите его? Если поторопимся, перережем ему путь к отступлению.

Взяв госпожу Уорли под руку, я уводил ее прочь от лодки, к тропинке, вившейся между поросшими жесткой травой кочками и заболоченными лужами. С другой стороны пожилую даму поддерживал Рэгфилд.

Я оглянулся. Стивен сидел в лодке. А госпожа Уорли все тянула нас вперед.

Выпустив ее руку, я развернулся и со всех ног кинулся обратно к лодке. Госпожа Уорли что-то кричала мне вслед, но я не разобрал ни слова. Торопливо отвязав фалинь, я оттолкнул лодку от берега и попытался запрыгнуть на борт, однако неудачно: одна моя нога очутилась внутри, вторая ушла под воду и увязла в иле. Совершив отчаянный рывок, я высвободился и, мокрый насквозь, перевалился через борт лодки.

Мы были примерно в шести футах от берега, и нас медленно уносило прочь. Госпожа Уорли сообразила, что происходит, и, опираясь на руку Рэгфилда, предпринимала все усилия, чтобы поскорее добраться до берега. Я схватил шест и воткнул его в дно. Шест тут же утонул в иле. Я со всей силы оттолкнулся, лодка резко рванулась вперед, а я на некоторое время завис над водой. Моя вытянутая рука по-прежнему сжимала шест.

И госпожа Уорли, и Рэгфилд что-то кричали. Тут пальцы Стивена вцепились в мою свободную руку.

Секунду моя судьба висела на волоске. И все же Стивену удалось затянуть меня обратно в лодку. Повернув шест, я вытащил его из ила.

А госпожа Уорли все кричала. Стивен изо всех сил работал веслом на носу, а я медленно и неловко орудовал шестом. Мы плыли к зарослям камыша, за которыми скрывался Хитчем-Сент-Мартин.

Глава 39

– Благодарю за гостеприимство, господин Уорли, – произнесла леди Квинси. – И будьте любезны, передайте мои наилучшие пожелания вашей бабушке, когда она вернется.

Мы шестером сидели в седлах во дворе дома Уорли. Фрэнсис усадили в двойное седло позади леди Квинси, Стивену предстояло ехать со мной, а насупленной Энн пришлось довольствоваться местом за спиной фореитора.

Леди Квинси выехала на проселочную дорогу. Фореитор последовал за ней. Я ненадолго задержался. Из сада доносились крики. К спасательному отряду присоединились конюхи и один из здешних селян.

– Сожалею, что так получилось, – сказал я. – Надеюсь, это приключение никак не повредит госпоже Уорли.

– Я тоже. – Вид у господина Уорли был ужасно встревоженный, да и немудрено. – Ей будет очень не хватать Фрэнсис.

– Понимаю. Однако пытаться вернуть девочку будет весьма неразумно с ее стороны. У вашей бабушки нет никаких прав на ребенка. А вы, сэр, сами видели письмо короля. Уверен, вы убедите госпожу Уорли не делать глупостей.

Кивнув ему на прощание, я поскакал следом за остальными. Бабушка повергает Уорли в трепет, однако время на его стороне, и ее власть над ним ослабнет, как только он покинет деревню. Кроме того, как я весьма прозрачно намекнул, в его интересах не дать ей совершить опрометчивые поступки: Уорли честолюбив, и, если он заинтересован в продвижении по службе, с его стороны глупо будет утратить благосклонность короля.

Фенские болота мы проехали без остановки. До Кембриджа мы добрались быстро, пообедали в «Розе» и взяли в конюшне свежих лошадей. Я справился о здоровье Бёрбро. Доктор полностью пришел в сознание, он в здравом уме, однако бедняга по-прежнему страдает от сильных болей. Тем, кто за ним ухаживает, Бёрбро сказал, что шел к мельнику, но поскользнулся на берегу и упал в пруд.

Во второй половине дня мы выехали в Пакеридж, где снова остановились в «Соколе». Дети устали, а Фрэнсис к тому же тихо плакала. Я задался вопросом, расставалась ли она когда-нибудь с госпожой Уорли и покидала ли Хитчем-Сент-Мартин с тех пор, как ее младенцем привезли в поместье.

Когда леди Квинси и я ужинали в ее комнате, нам сообщили, что прибыла карета ее светлости.

– Слава богу, – произнесла леди Квинси. – По крайней мере, завтра мы продолжим путь с большими удобствами.

Спать мы легли рано. Ни я, ни она ничего друг другу не сказали, да и что тут было обсуждать? Леди Квинси была со мной любезна – более того, выказывала мне признательность, но я понимал, что об еще одной ночи в ее постели и речи не идет. Впрочем, я даже не знал, хочу этого или нет. Леди Квинси интересовал не я, а то, что я могу для нее сделать. То, что произошло между нами в Хитчем-Сент-Мартин, было своего рода сделкой. Условный договор между двумя сторонами выполнен, взаимные услуги оказаны.

Я сказал хозяину таверны, что у леди Квинси слабые нервы. И Фрэнсис, и горничная Энн ночевали в ее спальне. Я убедился, что ставни на окне заперты на засов, а на лестничной площадке у двери я выставил форейтора с пистолетом и дубинкой. Сам я спал в соседней комнате.

Когда я вошел в нашу общую спальню, Стивен еще не спал. Я не пытался расспрашивать мальчика, пока мы спасались бегством из Хитчем-Сент-Мартин: почти всю дорогу он дремал или, во всяком случае, делал вид, что дремлет. Закрыв глаза, Стивен, казалось, не просто погрузился в молчание, а завернулся в него, будто в одеяло. Я опустил на корточки у его матраса и легонько потряс мальчика за плечо. Стивен испуганно уставился на меня. Он часто дышал, будто после быстрого бега.

– Ты ни в чем не провинился, – заверил я. – Но я хочу, чтобы ты рассказал, что случилось вчера ночью.

Мальчик сглотнул ком в горле:

– Я не мог уснуть, господин. Я... я слышал, как вы куда-то ушли.

Я кивнул, будто в моей ночной отлучке не было ничего особенного.

– Верно. И что дальше?

– Я встал и поглядел в окно. Подумал: вдруг вы в саду и я вас увижу?

Стивен остался один, и ему стало не по себе в темной комнате? Немудрено. Я и сам в его годы боялся ночи и скрывавшихся во мраке чудищ.

– Светила луна, сэр, и я заметил во фруктовом саду человека. Мне показалось, что он похож на вас, но я был не уверен, а еще вы же сами велели мне следить, не появится ли кто чужой. Вот я и спустился в сад, чтобы проверить.

Мальчик сидел на кровати, и в сиянии свечи белки его глаз и зубы особенно выделялись на фоне темной кожи. Смелость мальчика заставила меня устыдиться, так же как и то, что желание угодить мне пересилило его страхи.

– Я вошел в сад, споткнулся о собаку, и тут мужчина схватил меня и потащил в лодку. Он грозил перерезать мне горло, если буду кричать, и уплыл со мной на остров. Там был еще один мужчина.

– Зачем этот человек тебя увез?

– Они задавали мне вопросы. Хотели узнать, где комната госпожи Фрэнсис, одна она там спит или нет. Но я ничего ответить не мог.

– Значит, двое мужчин. Ты их хорошо разглядел?

Стивен покачал головой:

– Луна зашла за облако. Но они оба были здоровенные. Тот, что меня схватил, – толстый. А второй – его хозяин. Он сказал, что момент они уже упустили, скоро рассветет, и меня надо оставить на острове.

– Они тебя не тронули? – спросил я.

– Нет. Толстяк спрашивал, не пора ли на меня надавить, но его хозяин ответил – нет, толку от этого не будет, ведь я в этих краях такой же гость, как и они. Хозяин поверил, что я говорю правду. Поэтому они оставили меня там, а сами уплыли на лодке. – Мальчика начала бить дрожь. – Там было ужасно холодно, сэр! Я думал, насмерть замерзну.

Я похлопал его по руке:

– Ты храбрый мальчик. Спи.

Должно быть, Стивен совсем измучился: он заснул почти мгновенно. Я развел огонь и, завернувшись в плащ, сел у камина. Я валился с ног от усталости, однако мысли в голове так и скакали туда-сюда, будто блохи на собаке.

Епископ и его слуга, по всей видимости, возвращаются обратно в Лондон, однако рисковать нельзя: что, если эти двое предпримут еще одну попытку увезти госпожу Фрэнсис? Их вчерашняя неудачная вылазка была в высшей степени сумасбродной. Вероятно, слуга Епископа хотел на рассвете подстеречь служанку, когда та придет разводить огонь в кухонном очаге, и заставить ее показать, где спальня Фрэнсис. Однако внезапное появление Стивена вынудило слугу Епископа обратиться в бегство.

Потом я задался вопросом, все ли у Кэт благополучно в Лондоне, и помолился за нее.

На следующий день мы сели в карету ее светлости и отправились в Лондон. В экипаже ехали пятеро: леди Квинси, ее горничная, двое детей и я. Карета, покачиваясь, катила вперед, а внутри царил тишина. Глаза у Фрэнсис были красные, – похоже, девочка всю ночь плакала. Ее мать время от времени поглядывала на дочь из противоположного угла, однако лицо ее светлости было застывшим, будто у каменного изваяния.

Поначалу леди Квинси пыталась завести с Фрэнсис разговор. Рассказывала о лондонских красотах, о королевском дворе, лавках, театрах, речных прогулках. Фрэнсис время от времени кивала, а когда мать обращалась к ней напрямую, отвечала односложно. Я пришел к выводу, что девочка – не просто пешка в политической игре, Фрэнсис нужна леди Квинси по другой причине: та вдруг почувствовала себя матерью, которой не хватает дочери.

В середине дня карета въехала в Колыбельный переулок и остановилась у особняка леди Квинси. Слуги высыпали из дома встречать хозяйку. Я вылез из кареты, затем помог спуститься леди Квинси. Взяв меня за руку, она улыбнулась. Фрэнсис, Энн и Стивен поднялись вслед за ней на крыльцо.

В дверях леди Квинси замерла. Фрэнсис стояла рядом с ней, и мать положила руку дочери на плечо.

– Спасибо за то, что сопровождали нас, господин Марвуд. Очень вам признательна. До свидания.

И дверь закрылась. Слуги выгружали из кареты багаж. Было еще светло, поэтому я нанял мальчика, чтобы тот шел позади и нес мою сумку, а сам пешком направился через руины города к Флит-стрит, а

оттуда в Савой. Вследствие сидения в тесной карете я поначалу рад был возможности размяться, однако мои мышцы до сих пор ныли после путешествия верхом.

Над Лондоном нависли серые тучи, предвещавшие дождь. Я чувствовал себя будто человек, только что оправившийся после лихорадки. Я шагал по улицам, а город вокруг меня казался чем-то временным, находящимся в промежуточном состоянии: он уже не тот, что раньше, но каким он будет, еще не ясно. До темноты было далеко, и прохожие вовсю сновали между руинами, самодельными хижинами и недостроенными домами. Но даже самые уважаемые и зажиточные горожане жили в атмосфере непостоянства, будто цыгане, или нищие, или бродяги, вечно кочующие с места на место. Пожар оставил свой отпечаток не только на зданиях Лондона, но и на его обитателях.

Я был в подавленном настроении. Только на Чипсайде я набрался мужества, чтобы признаться самому себе, что меня гнетет. Почти год мысли об Оливии, леди Квинси, были моими постоянными спутниками. Эта женщина стала для меня не только предметом вожделения, но и чем-то большим: в глубине души я мечтал, что в будущем она станет главной героиней в драме моей жизни.

А теперь эти грезы развеялись как дым, причем отчасти по моей же собственной воле. Леди Квинси не делала из меня дурака. Не превращала меня в послушного раба, чтобы я по одному ее слову готов был на любую авантюру. Ей даже стараться не пришлось – до такого состояния я довел себя сам.

Но теперь с этим покончено. Чары развеялись. И все же внутри осталась пустота. Место, которое занимала леди Квинси, заполнить было нечем. Я лишился части себя, будто хирург разрезал меня и вынул важный орган. Здесь, на развалинах Лондона, я чувствовал себя новорожденным ребенком, обнаженным при ярком дневном свете и одиноким в окружении незнакомцев.

Стоило мне войти в коридор, и я сразу учуял исходивший от Сэма запах перегара. Мой слуга закрыл дверь костылем. Я бросил сумку на пол, затем кинул Сэму плащ.

Ловко поймав его, тот набросил плащ себе на плечо и отвесил неловкий поклон.

– Вас спрашивал джентльмен, сэр. Два раза. Его фамилия Милкот.

– Он мне что-нибудь передал?

– Нет, сэр. Только велел сказать, что он приходил. Этот Милкот, похоже, огорчился, что не застал вас.

Тревожный знак. Должно быть, что-то стало известно о пропавшем слуге Кларендона, Мэтью Горсе. Я подумывал о том, чтобы отправиться напрямик к Милкоту в Кларендон-хаус. Однако новости, скорее всего, дурные, и до утра они наверняка подождут. Так же, как и неизбежная встреча с господином Чиффинчем в Уайтхолле.

– Еще кто-нибудь заходил – или, может быть, крутился вокруг дома? Задавал вопросы? Наблюдал?

– Нет, – с ноткой разочарования в голосе ответил Сэм.

– Скажи Маргарет, что я вернулся. Ужинать буду рано. Разведи огонь в гостиной и принеси бутылку рейнского вина от господина Ньюкомба. – О последнем распоряжении я тут же пожалел, боясь доверять Сэму ключ от кладовой, где хранится вино. – А впрочем, за бутылкой я схожу сам.

Догадавшись, отчего я передумал, Сэм бросил на меня обиженный взгляд и заковылял прочь.

Утолив голод, я сразу приободрился. После ужина Маргарет пришла убирать со стола. Расположившись у огня с бутылкой и тем немногим, что в ней осталось, я подозвал служанку.

– Как госпожа Хэксби? – тихо спросил я. – Поладила с твоей подругой Доркас?

– Все благополучно, сэр. Хотя Господь свидетель, на чердаке у Доркас ей не место.

У меня создалось впечатление, что, по мнению Маргарет, нет на свете дома, достойного принять Кэтрин Ловетт.

– И она помогает разносить «Газетт»?

Маргарет кивнула:

– Да, господин, вчера они с Доркас вместе ходили по адресам. Вы бы ее не признали: лицо смуглое, оборванный старый плащ, на голове платок.

– Мне нужно встретиться с ней, и как можно скорее.

Я надеялся, что Кэт расскажет мне и о Горсе, и о событиях, предшествующих гибели Эдварда Олдерли. И если уж быть абсолютно честным с самим собой, мне было любопытно, изменятся ли мои

чувства к этой девушке после ее неожиданного появления перед моим мысленным взором, когда я делил ложе с леди Квинси. Разумеется, мой интерес был чисто теоретическим, ведь, если эта история благополучно разрешится, скоро она станет женой господина Хэксби.

– Сэр, завтра утром они с Доркас придут к господину Ньюкомбу за новыми газетами.

– В среду? – удивился я.

Обычно «Газетт» выходила по понедельникам и четвергам.

– В четверг у господина Ньюкомба будут устанавливать новый печатный станок. День выпуска пришлось перенести.

Господин Ньюкомб – правительственный печатник, среди прочего получивший выгодный подряд от «Газетт»: отсюда и преподнесенная мне в подарок бутылка рейнского вина. Когда еще был жив мой отец, я несколько месяцев снимал комнаты в его доме. В дни выхода «Газетт» подмастерье с утра пораньше выдавал разносчицам связки свежих номеров, и женщины разносили их по всему Лондону. За этим процессом следил поденщик Ньюкомба, и он же платил разносчицам за доставку очередного выпуска.

Сначала я хотел попросить Маргарет договориться с Доркас, чтобы, забрав газеты, та пришла вместе с Кэт в Инфермари-клоуз. Однако мне тут же пришла в голову другая мысль.

– В котором часу разносчицы получают газеты?

– В шесть утра, сэр. Господин Ньюкомб не любит, когда опаздывают.

– Как вам известно, в последнее время у нас возникают сложности с доставкой, – произнес я. – Господин Уильямсон весьма обеспокоен. Завтра утром я от его имени приду в печатню с необъявленной проверкой. Никого об этом предупредить не нужно.

Нахмурившись, Маргарет испытующе поглядела на меня. Это выражение лица было мне знакомо: она явно сообразила, что я задумал. Маргарет далеко не глупа. Я махнул рукой, давая понять, что она может идти.

Глава 40

Кэт опаздывала. Вчера Доркас вывихнула лодыжку, попав ногой в сточную канаву, расположенную посередине Картер-лейн возле собора Святого Павла. Мало того – оставшиеся номера «Газетт», полученные ими в понедельник, оказались испорчены: бумага намочила и от нее исходило зловоние. К тому времени они успели разнести газеты почти по всем адресам. Кэт помогла Доркас доковылять до дома в переулке возле Фенчерч-стрит. После этого было поздно идти в Савой за свежими номерами, и завершить обход в одиночку Кэт не смогла.

На следующий день Доркас нужно было побережь больную ногу, а Кэт отправилась доводить дело до конца. Но обход занял намного больше времени, чем она рассчитывала. Только к половине пятого ей удалось добраться до трактира «Зеленый дракон» – вернее, до того, что от него осталось после Пожара. Хозяин насколько мог старался вести дела на руинах своего заведения, соорудив над таверной временную крышу и поставив один длинный стол, за которым любой желающий мог отведать блюда дня – при наличии денег, разумеется.

Кэт вручила хозяину номер газеты, а тот в ответ обругал ее за опоздание. Ускользнув от похотливого конюха, девушка вышла на улицу. «Зеленый дракон» располагался на углу Темз-стрит и Ботольф-лейн. Следующим пунктом назначения была Ботольфская пристань у подножия Сент-Мэрис-хилла.

Кэт поглядела вперед, и у нее замерло сердце – по всей видимости, от испуга. Ей навстречу шел господин Милкот, помощник лорда Кларендона.

Принесла же его нелегкая! Кэт поспешила скрыться среди развалин конюшни у постоялого двора. Как бы ей ни хотелось задать Милкоту пару вопросов, нельзя допустить, чтобы он ее заметил.

Тот прошел мимо, даже не взглянув в ее сторону. Облегчение Кэт быстро сменилось недоумением: Милкот был на себя не похож. Одет в поношенные вещи темных тонов, шпага отсутствует... Даже его манера держаться претерпела изменения: Милкот шел, ссутулившись и опустив голову. Свою широкополую шляпу он надвинул на самые глаза, и, когда Милкот поравнялся с Кэт, она мельком успела увидеть его профиль. Лицо Милкота казалось бледнее обычного, – похоже, его что-то

тревожило или даже печалило. Кэт задалась вопросом: что такому человеку делать в нищей, полуразрушенной части города?

На следующее утро Кэт ждало новое потрясение, еще одна неожиданная встреча, на этот раз в печатной мастерской господина Ньюкомба. Они с Доркас стояли в толпе других разносчиц и ждали, когда им заплатят за доставку предыдущего выпуска и раздадут следующий.

И вдруг в дверях появился Марвуд. Кэт тут же опустила голову и искоса поглядела на него. Марвуд втянул в себя воздух. В мастерской стоял насыщенный запах свежих чернил, еще не успевших высохнуть на бумаге. Должно быть, здесь Марвуд чувствует себя в своей стихии, ведь в подобной печатне прошло его детство.

При виде постороннего человека все тут же притихли и замерли. Повисла напряженная пауза. Комната была забита до отказа, в основном женщинами всех возрастов. Спасаясь от утреннего холода, разносчицы кутались в шали и плащи. Все они поглядывали на Марвуда, но быстро отводили взгляды. Женщины застыли как статуи, словно боясь сделать неловкое движение.

«Значит, это и есть власть – или, по крайней мере, что-то близкое к ней», – подумала Кэт. Эта сцена вызвала у нее неприятное чувство. Марвуд – секретарь господина Уильямсона, и печатник Ньюкомб во всем ему подчиняется. В его силах по щелчку пальцев лишить их всех заработка.

В тишине Марвуд обвел всех взглядом, будто наслаждаясь тем, что их судьба в его руках.

– Продолжайте, – велел он. Кэт уловила в его голосе резкие нотки. – Не тратьте время зря.

У двери за деревянной конторкой стояли поденщик и подмастерье господина Ньюкомба. Поденщик выдавал разносчицам плату за понедельник, некоторые женщины расписывались в ведомости, но большинство лишь ставили крестик или оставляли на бумаге чернильный отпечаток большого пальца в подтверждение, что получили деньги.

А перед подмастерьем лежал другой документ – список маршрутов по Лондону, количество экземпляров газеты и имена разносчиц. Позади него, у двери, ведущей непосредственно в мастерскую, стоял

маленький, перемазанный чернилами мальчик, один из сыновей господина Ньюкомба, он бегал за новыми связками газет и выдавал их женщинам, а подмастерье ставил галочки в списке.

Доркас объяснила Кэт, что господин Марвуд и господин Уильямсон требуют, чтобы на всех этапах выпуска «Газетт» соблюдался строгий порядок, отраженный в отчетности. Экземпляр каждого листа газеты сохраняли, и раз в полгода их переплетали в одну книгу вместе с подробными отчетами о расходовании средств, выделенных от имени короля. Обо всем этом Доркас рассказывала Кэт с гордостью, будто документы напрямую связывали ее с королем, – можно подумать, его величество лично изучал каждый разворот, каждую строчку в отчете.

Марвуд встал за стойкой. Он сделал вид, что изучает списки и проверяет суммы денег, которые выплачивал поденщик.

– Продолжайте, – повторил Марвуд. – Я буду наблюдать за процедурой.

Прислонившись к стене, он стал следить за происходящим. Женщины по одной, по две подходили к стойке. И вот настала очередь Кэт и Доркас, маленькой женщины с кожей, напоминавшей скорлупу грецкого ореха. Кэт не поднимала глаз. Вот поденщик сунул руку в кожаный кошелек и отсчитал нужную сумму. Доркас поставила в ведомости крестик. Почерк у Кэт был весьма красивый и разборчивый, но в этот раз девушка нацарапала на бумаге пару корявых букв вместо подписи.

Затем обе женщины подошли к подмастерью, а от него направились к сыну печатника. Мальчишка уже протягивал им связки «Газетт», но тут Марвуд побарабанил костяшками пальцев по стойке. Сын печатника застыл.

– Я желаю осмотреть эту связку, – объявил Марвуд. – Мне кажется, она слишком тонкая. – Он заглянул в список. – В каждой стопке должно быть по пятьдесят экземпляров. Что ж, проверим.

Поденщик прокашлялся:

– Клянусь, все экземпляры на месте, сэр, от первого до последнего. Господин Ньюкомб не допускает оплошностей.

– Однако не мешает в этом убедиться, – парировал Марвуд. – Вы же не будете мне перечить?

– Нет, конечно, сэр. Прошу прощения.

Марвуд огляделся по сторонам, сделав вид, будто выбирает из разносчиц одну.

– Вы. – Он ткнул пальцем в Кэт. – Да, вы. Здесь слишком многолюдно. Выйдем в коридор, и у меня на глазах вы пересчитаете все экземпляры в связке.

Кэт почувствовала, что краснеет. Доркас рядом с ней напряглась и бросила на Марвуда взгляд, исполненный враждебности, но тут же опустила голову. Пожилая женщина, по всей видимости, решила, что Марвудом движет вовсе не внимание к мелочам, а похоть. Остальным, видимо, пришла в голову та же мысль.

Кэт вышла вслед за Марвудом в коридор. Он велел ей закрыть дверь. И тут девушка не выдержала. Каким же надо быть напыщенным индюком, чтобы расхаживать по мастерской с таким видом, будто ему принадлежит и здание, и все, кто в нем находится, включая Кэт. Девушка устремила на него негодующий взгляд.

– Женщины думают, будто вы сейчас целуете меня и лезете мне под платье, – прошипела она. – Как вы посмели?

– Уж лучше такое объяснение, чем правда, – возразил Марвуд. – Я вернулся в Лондон вчера вечером. Прежде чем отправиться в Уайтхолл, я должен поговорить с вами наедине. Развяжите стопку – вдруг кто-нибудь войдет?

Кэт с яростью атаковала ни в чем не повинный узел на бечевке.

– Как поживаете? – тихо осведомился Марвуд.

– Могло быть и хуже. – Она подняла на него взгляд. – Не могу сказать, что моя нынешняя жизнь приятна, но, по крайней мере, никто меня не беспокоил. – Девушка поджала губы. – Кроме вас, разумеется. Где вы пропадали? Я уж думала, вы про меня забыли.

– Не успели мы вернуться из Вур-Грин, как за мной послал король. В тот же самый вечер.

– Господи помилуй! Его величество знает обо мне?

– О том, что вы здесь, – нет. Кажется, он до сих пор считает вас виновной в убийстве кузена, хотя трудно судить, что у короля на уме. Но его величество вызвал меня не для того, чтобы поговорить об убийстве. Король приказал мне сопровождать леди Квинси во время ее поездки в Кембриджшир. Из Лондона мы выехали в пятницу на рассвете.

Кэт удивилась:

– Это поручение как-то связано с гибелью Эдварда?

– Не знаю. Очень возможно, однако даже не берусь предположить, каким образом. Ваш кузен оказался замешан в интриге, но не осознавал, насколько она масштабна и опасна. За свою ошибку Эдвард Олдерли заплатил жизнью. – Марвуд отвел взгляд. – Хотя, может быть...

«Хотя, может быть, интрига не имеет отношения к смерти Эдварда», – мысленно закончила фразу Кэт. Мысли Марвуда были написаны у него на лбу: он подозревает, что Кэт самолично расправилась с кузеном, ведь она поклялась его убить. Уж Марвуду ли не знать, что Кэт не боится постоять за себя и готова пустить в ход любое оружие, которое окажется под рукой. На глазах у Марвуда Кэт столкнула отца Эдварда с верхушки башни собора Святого Павла. Он знал, что Кэт пыталась убить и самого Эдварда после того, как тот ее обесчестил, и в результате она покалечила кузена на всю жизнь. А когда они с Марвудом встретились в первый раз, Кэт прокусила ему руку до кости, а ведь молодой человек, как потом выяснилось, просто хотел ей помочь. Кэт вела себя совсем как кошка, за которой на прошлой неделе она наблюдала возле платной конюшни: почуяв угрозу, сразу начинала шипеть и царапаться. И что же здесь неправильного?

Кэт нахмурилась:

– Что моей тете делать в Кембриджшире? И зачем ей понадобилось, чтобы вы ее сопровождали?

– Леди Квинси ездила по семейному делу, – пробормотал Марвуд. – Но сейчас не до того. Об этом поговорим потом.

Кэт почувствовала, что он смущен, и решила не отступать:

– А почему она взяла с собой вас?

– Король мне доверяет.

Кэт фыркнула:

– Полагаю, тетушка Квинси тоже.

Марвуд промолчал.

– А как дела у господина Хэксби? – спросила девушка. – Его уже отпустили?

– О его судьбе мне ничего не известно. Как раз собираюсь расспросить о нем кого-нибудь в Уайтхолле.

– Вы должны его вызволить. – Приблизившись к Марвуду вплотную, Кэт пристально уставилась на него. – Господин Хэксби

нездоров. К тому же он ни в чем не виноват.

– Сделаю для него все, что в моих силах.

– Скажите, что я в надежном месте, и передайте, что я думаю о нем. Когда встретитесь с ним, пожалуйста, передайте мне весточку через Маргарет.

Марвуд кивнул и отвернулся. Кэт едва сдерживала подступающий страх. Что, если господина Хэксби нет в живых? Одна мысль об этом повергала ее в отчаяние.

– Не могу дождаться, когда закончится эта история, – вдруг призналась Кэт. – Ненавижу прятаться по углам. Я хочу вернуться к моему труду. Что происходит в Кларендон-хаусе? Работы в павильоне остановлены?

– Точно не знаю. Я должен встретиться с господином Милкотом. Спрошу у него. Сейчас у лорда Кларендона тяжелые времена. Полагаю, у него много забот посерьезнее обустройства сада.

– Я видела его вчера во второй половине дня. Не лорда Кларендона, а господина Милкота.

– Он вас заметил? – сразу встревожился Марвуд.

Кэт торопливо покачала головой.

– Он спешил, к тому же шел дождь.

Марвуд устремил на девушку испытующий взгляд.

– Где вы его встретили?

– На Ботольф-лейн, со стороны Темз-стрит.

– Там ведь почти ничего не осталось?

– Зато временных убежищ хватает, – ответила Кэт. – Почти все подвалы расчистили. «Зеленый дракон» открылся снова. А на Ботольфской пристани почти так же оживленно, как раньше.

– Зачем вы туда ходили?

Кэт взглянула на Марвуда с неудовольствием: ей не понравилось, что он учиняет ей допрос. Девушка пожалела, что упомянула о Милкоте.

– Почему это вас вдруг заинтересовало? Владелец «Зеленого дракона» выписывает «Газетт», и начальник пристани тоже.

– А Милкот? Его туда каким ветром занесло?

– Откуда мне знать? – Кэт выдержала паузу, однако Марвуд не спешил нарушать молчание. – Я не сразу поняла, что это он, – вдруг прибавила девушка. – Милкот был на себя не похож.

– В каком смысле?

– Обычно он одевается соответственно положению. Но вчера Милкот больше смахивал на секретаря в адвокатской конторе, причем в захудалой. Шляпу надвинул так низко, что глаз было не разглядеть. При нем даже не было шпаги.

Марвуд так пристально глядел на Кэт, что ей стало неудобно.

– Кэт, – произнес он. То, что Марвуд обратился к ней по имени, удивило девушку – да что там, застигло ее врасплох. – Кэт, прежде чем уйти, я хочу...

Тут дверь мастерской распахнулась, и в коридор хлынула толпа женщин со связками печатных листов.

– Хорошо, – громко, повелительным тоном обратился Марвуд к Кэт. – Завяжи бечевку, женщина, и отправляйся работать.

Глава 41

Запасы человеческой выносливости – вещь загадочная. Невозможно измерить их или хотя бы догадаться об их существовании, пока обстоятельства не вытащат их наружу. Я бы никогда не подумал, что Бреннан настолько негибем, однако его поведение после ареста говорило само за себя.

– В понедельник его отпустили, – сообщил мне сержант в тюрьме Скотленд-Ярда. – И правильно сделали. Из этого Бреннана ни словечка не вытянули, даже когда жар спал, да и доказательств против него не нашлось.

– А что с господином Хэксби? – спросил я, позвякивая монетами в кармане.

– Как вы и велели, глаз с него не спускаю, сэр. Забочусь об этом бедном джентльмене, словно мать о младенце.

– Как его здоровье? Он ест?

– Выпил чуть-чуть бульона, но этими двумя каплями и воробей бы не насытился. – Сержант на секунду положил руки на собственный огромный живот, будто желая подчеркнуть разницу между своей прожорливостью и отсутствием аппетита у Хэксби. – А зубы у бедолаги стучат так, что он бы ни слова выговорить не сумел, даже если бы захотел. Во вторник к нему приходил врач. Этого доктора молодой Бреннан прислал. Но толку никакого. Я бы его заранее предупредил, что Хэксби лечить – только деньги зря переводить. Раз у старика трясучка, от здешней сырости дрожь его будет бить еще сильнее. Пока он отсюда не выйдет – не оправится.

– Хэксби допрашивали?

Сержант кивнул:

– Несколько раз. Однако наш джентльмен не из болтливых, верно?

Я задался вопросом: зачем Чиффинч так долго держит Хэксби под арестом? Может быть, против него появились новые доказательства? Но скорее всего, об архитекторе просто забыли. Я вытащил из кармана деньги.

– Отведете меня к нему?

Здоровенная ручища сержанта проглотила серебряные монеты. Покачивая необъятным сидалищем, он зашагал по коридору, где

располагались камеры, а я последовал за ним. Вслед нам неслись крики несчастных, содержащихся в общей камере. В нос ударило всепроникающее зловоние: пахло нечистотами и отчаянием.

Хэксби я нашел там же, где оставил его в прошлый раз: старик лежал на койке лицом к стене. Но когда я его окликнул, Хэксби медленно повернулся в мою сторону. При виде него я испытал потрясение: голова напоминала череп, обтянутый грязной тканью вместо кожи, одежда успела впитать тюремную грязь. Хэксби давно не брился, и седая щетина придавала ему дикий, даже хищный облик. Он напоминал отшельника, слишком долго бродившего по лесной чаще наедине с собственными мыслями.

– Соберетесь уходить – стучите в дверь, – велел сержант.

Когда мы с Хэксби остались одни, я наклонился и прошептал ему на ухо:

– У нее все благополучно, сэр. Она спрашивала о вас.

По всему телу Хэксби пробежала дрожь. Архитектор попытался сесть. Я обхватил его за плечи и прислонил к стене.

– Они до сих пор... – Хэксби осекся и облизнул потрескавшиеся губы. – Они до сих пор думают, что она?..

– Похоже на то. Однако наверняка не скажу – я уезжал на несколько дней. – Я запнулся, вспоминая о плане, который в прошлый раз обнаружил в записной книжке Хэксби. – Я был в колледже Иерусалим.

Старик, похоже, удивился.

– По поводу часовни? Вы?

– Нет, по другому делу. Я встречался с господином Уорли.

Хэксби кивнул:

– С родственником леди Кларендон. Со стороны ее светлости было очень любезно порекомендовать ему мои услуги.

Но старик тут же сменил тему, возвращаясь к судьбе Кэт:

– Вы уверены, что она в безопасности?

– Да.

Я оглядел камеру. На полу стоял открытый кувшин. На дне осталось немного пива, однако в нем плавала муха. Рядом стояло блюдо, на котором лежал один крысиный помет.

– Сэр, не отказывайтесь от еды и питья, иначе совсем ослабнете. Когда буду уходить, велю чего-нибудь вам принести.

Вдруг Хэксби протянул ко мне руку. Его длинные костлявые пальцы вцепились в мое запястье.

– Вы меня покидаете?

– Я вернусь, сэр. Даю слово.

После встречи с Хэксби я пересек Скотленд-Ярд и направился к более элегантным зданиям – непосредственно Уайтхоллу. За прошедшую неделю состояние Хэксби сильно ухудшилось, но, по крайней мере, он разговаривал со мной.

Пройдя через помещения, куда допускались посетители, я добрался до королевских покоев и велел передать господину Чиффинчу, что я здесь. Как я и предвидел, он заставил себя ждать. Ожидание – вот основное времяпрепровождение любого, кто посещает Уайтхолл. Только около полудня слуга наконец отвел меня к Чиффинчу. Мы вышли в Собственный сад и стали прогуливаться по засыпанным гравием дорожкам под окнами Тихой галереи.

– Король только вчера спрашивал, вернулись вы или нет, – произнес Чиффинч. – Когда вы приехали?

– Вечером.

– И как же прошла ваша поездка с леди Квинси?

Конечно же, всей правды о том, что произошло между нами, Чиффинч не узнал, однако я поведал ему о наших злоключениях в Кембридже и в Хитчем-Сент-Мартин. Я даже честно признался, как некрасиво поступил с госпожой Уорли. После того как я умолк, мы некоторое время шагали молча.

– Думаете, на этого человека, Бёрбро, напали? – вдруг спросил Чиффинч.

– По всей вероятности, да, но, хотя эта история едва не стоила Бёрбро жизни, он не захотел выдавать тех, кто столкнул его в пруд. Подозреваю, что Бёрбро был сообщником человека по прозвищу Епископ, однако между ними возникли разногласия.

Чиффинч хмыкнул:

– Вполне возможно. Бёрбро назначили членом совета еще при Кромвеле. Тогдашний Кембридж разительно отличался от нынешнего. А у герцога Бекингема до сих пор немало друзей в этих кругах, и большинство из них так и остались людьми Кромвеля. Будь у них шанс вернуть ему власть, они бы даже раздумывать не стали.

Что ж, подобная опасность нам не грозит – разве что на том свете: голова Кромвеля насажена на шест над Вестминстерским дворцом. Но Бекингом жив и здоров. С каждым новым открытием становилось все очевиднее, что я угодил в опасную историю и одной лишь опекой над ребенком, страдающим королевским пороком, дело не ограничивается.

В конце дорожки мы повернули и оказались в северной части сада, под окнами Тихой галереи. Солнце отражалось от сотен оконных стекол.

– А где ребенок? – спросил Чиффинч. – Я про госпожу Фрэнсис.

– У леди Квинси.

– Как по-вашему, стоит ли ждать неприятностей со стороны Уорли?

– Думаю, по собственной воле господин Уорли шум поднимать не станет. Он мечтает о повышении. Но госпожа Уорли – совсем другое дело. Она очень привязана к девочке.

– Думаю, этот вопрос мы уладим. Если старуха хочет и дальше получать королевскую пенсию, она не будет вставлять нам палки в колеса, как бы вы с ней ни обошлись и насколько бы сильно она ни скучала по ребенку. Поместье заложено, Уорли в долгах как в шелках. Десять лет старуху поддерживала на плаву только помощь от короля, да и молодого Уорли тоже. Они и так-то еле-еле сводят концы с концами.

Я не удивился: признаки того, что семейство Уорли переживало не лучшие времена, бросались в глаза и в его кембриджской квартире, и в доме в Хитчем-Сент-Мартин. Однако любопытно, что Чиффинч даже не сомневается – Уорли по-прежнему будут выплачивать пенсию, хотя девочка больше не под их опекой. Видимо, Уорли будут получать деньги за молчание.

В этот момент на садовой дорожке у меня почти не осталось сомнений: госпожа Фрэнсис и вправду королевская дочь. Как иначе объяснить постоянные расходы на ее содержание и то, с каким рвением Чиффинч исполняет волю повелителя? Становится понятна и заинтересованность Бекингема. Однако что именно задумал герцог? У короля великое множество бастардов, а Фрэнсис к тому же девочка.

– Можно задать вопрос, сэр? – отважился я спросить. – Удалось ли что-нибудь узнать о госпоже Ловетт?

– Что? – Чиффинч, глубоко погружившийся в размышления о госпоже Фрэнсис, ответил не сразу. – Нет. Эта мерзавка прячется. Ну да

ничего, рано или поздно мы ее выкурим из норы.

– Я не уверен, что убийца – госпожа Ловетт.

– В ее невиновности вы должны убеждать не меня, а короля.

– Мне стало известно новое обстоятельство, и, возможно, оно прольет свет на убийство Олдерли. Слуга лорда Кларендона, человек по фамилии Горс – тот самый, который обнаружил тело Эдварда в колодце, – пропал. Насколько я знаю, никто не видел Горса после того, как он помог нам перенести тело.

Чиффинч потер бородавку на подбородке.

– Я бы на вашем месте нанес визит в Кларендон-хаус. Что, если за время вашего отсутствия слуга объявился?

– Да, сэр. Но это еще не все. Оказалось, что раньше Горс работал в бывшей резиденции семейства Олдерли, Барнабас-плейс. Можно предположить, что они с Олдерли вступили в сговор.

– С какой целью?

– Вместе с бывшим хозяином Горс злоумышлял против лорда Кларендона.

– Кэтрин Ловетт тоже жила в Барнабас-плейс, – заметил Чиффинч. – Точно так же можно допустить, что слуга был ее сообщником и помог ей расправиться с Олдерли.

Я склонил голову, будто соглашаясь.

– А что насчет господина Хэксби, сэр?

– Говорят, архитектора допрашивать нет смысла. Он, похоже, выжил из ума – ничего не говорит, лишь трясется как осиновый лист. У этой женщины наверняка хватило ума не посвящать его ни во что важное.

– В таком случае, сэр, не лучше ли его выпустить?

Чиффинч нахмурился:

– Это еще зачем?

– В Скотленд-Ярде нам от него никакой пользы. Однако, вернувшись домой, Хэксби может послужить приманкой.

– То есть Ловетт покинет убежище ради того, чтобы с ним увидеться?

Я развел руками:

– Почему бы и нет, сэр? Она питает к Хэксби теплые чувства. Он дал ей крышу над головой и любимую работу.

Чиффинч пожал плечами:

– Может быть, вы и правы. Я подумаю.

Я поднял взгляд на окна галереи. В Уайтхолле тысячи окон, и возле каждого может притаиться соглядатай, пытающийся вывести чужую тайну, а их здесь тоже великое множество. И действительно – в середине галереи у открытого окна на втором этаже стоял богато одетый мужчина и глядел в сад. В лучах солнца парик на его голове казался золотым. Что, если этот человек наблюдал за нами с самого начала прогулки?

Я дотронулся до локтя Чиффинча.

– Сэр, за нами наблюдает герцог.

– Что? – Чиффинч повернулся ко мне. – Какой герцог?

– Бекингем. – Я указал взглядом на Тихую галерею. – Вот там, в эркере.

– Должен признать, он весьма умен, – вполголоса заметил Чиффинч, мельком глянув на окно. – Но порой от лишнего ума один вред. – Чиффинч зашагал дальше, а я последовал за ним. – Кстати, слышали новость?

– О чем?

– О Бекингеме. В понедельник король восстановил его во всех прежних должностях – и в своем ближнем круге, и в Тайном совете. Герцог нынче в большом фаворе, при дворе шагу нельзя ступить, не наткнувшись на него. Короля забавляет его общество. Поэтому следите за тем, что говорите о герцоге, – по крайней мере, на людях.

– Мы говорили о том, как поступить с господином Хэксби, сэр, – напомнил я.

– Допустим, мы его освободим. Как же мы будем за ним следить? А за тем, вторым... как его?... Бреннаном?

– Могу договориться со сторожем в здании чертежного бюро на Генриетта-стрит. Думаю, он не откажется нам помочь, особенно если я отблагодарю его за труды и пообещаю щедрую награду в будущем. Да и ссориться с нами он не захочет. Квартира Хэксби в другом месте, неподалеку от Стрэнда. Если желаете, я побеседую с кем-нибудь из тамошних слуг.

– Действуйте. И поторопитесь. Я распоряджусь, чтобы к вечеру Хэксби отпустили на все четыре стороны.

Я поклонился, отметив, что у Чиффинча есть необходимые полномочия, чтобы отдать приказ об освобождении Хэксби. Вот

лишнее доказательство власти, которой его наделил король. Похоже, монарх не желает, чтобы его тревожили из-за каждой мелочи.

Чиффинч оставался для меня загадкой. В продажности он не уступал другим придворным, к тому же обладал змеиным коварством. И все же король верил ему настолько, насколько вообще был способен доверять людям, а Чиффинч платил ему беззаветной преданностью.

Я пообедал в одиночестве в таверне на Кинг-стрит. Потом я планировал дойти до Кларендон-хауса через парк, однако Чиффинч дал понять, что я должен незамедлительно подкупить сторожа на Генриетта-стрит. Я понял, что это хороший знак. Если все пройдет по плану, сегодня ночью Хэксби будет спать в своей постели.

Вода в реке поднялась высоко, однако начинался отлив, и я решил доплыть на лодке от Уайтхолла до Савоя, заглянуть домой и оттуда дойти до Генриетта-стрит пешком. Как и всегда в этот час, на Уайтхолльской лестнице было многолюдно – здесь любой мог взять лодку и отправиться вверх или вниз по реке.

Так вышло, что свободных лодок на всех не хватало и мне пришлось ждать. Остановившись на южной стороне пристани, я устремил взгляд вперед, на внушительный фасад дворца, выходящий на реку. За обедом я выпил пинту вина: разговор с Чиффинчем прошел относительно благополучно, и я наконец позволил себе расслабиться после многодневного напряжения.

Люди вокруг меня сновали туда-сюда, однако я не обращал на них внимания. Рядом со мной в толпе послышались шаги, и я повернул голову. Народу на лестнице прибавилось. Я опустил взгляд на мутную воду, плескавшуюся у берега и у столбов, поддерживавших причал.

Мужчина рядом со мной кашлянул. Я чувствовал, как он подбирается ближе, стараясь найти предлог, чтобы завести разговор. Я сделал вид, будто не замечаю его. Собеседник мне не требовался. Я не испытывал ни малейшего желания обмениваться с незнакомцем банальными фразами о погоде или выслушивать рассказ о вчерашних петушиных боях.

– Господин Марвуд. Ну наконец-то.

Передо мной в потертом коричневом камзоле, небрежно положив руку на эфес шпаги, стоял Епископ.

Кто-то задел меня с другого бока. Я торопливо обернулся. Чуть позади стоял толстяк. Он тоже был вооружен старой кавалерийской шпагой. У меня же при себе не было даже трости. А впереди Темза. Бежать было некуда.

– За вами не угнаться, сэра, – продолжил Епископ своим резким голосом. – Ох и задали вы нам работу.

– Я вас не знаю, сэра, – холодно произнес я. – Извините, но я спешу. Я попытался уйти, но Епископ и толстяк подошли ближе, преграждая мне путь.

– Торопитесь некуда, сэра, – возразил Епископ. – Нам всем придется подождать. Одному Богу ведомо, когда появится свободная лодка.

Я облизнул губы. Ну зачем я пил за обедом вино?

– Оставьте меня в покое или буду звать на помощь.

– Это вряд ли. Ни господин Чиффинч, ни его хозяин не захотят, чтобы весь свет узнал, куда вы только что ездили, с кем и для чего. – Епископ опустил голову и прошептал мне на ухо: – Я имею в виду вас, даму и ребенка. А еще доктора, который едва не утонул, и несчастную старуху. Только подумайте, какой замечательный материал для плакатов! А уж мы позаботимся о том, чтобы к утру их расклеили по всему городу.

– Кто вы такой?

– Моя фамилия Вил, сэра. А это мой слуга Роджер.

– Что вам нужно?

– Перемолвиться с вами парой слов наедине. Неужели это так уж сложно? Я пытался встретиться с вами на прошлой неделе – если помните, я послал вам навстречу Роджера, когда вы возвращались домой после ужина в компании вашего друга господина Милкота. Бедняга Роджер очень огорчился, что вы с ним не пошли. А впрочем, не будем вспоминать о таких пустяках.

К Уайтхолльской лестнице подплывали две лодки с пассажирами с другого берега Темзы. Я поднял руку и прокричал:

– Сюда! Нужна лодка!

– Всеу свое время! – прокричал кто-то с другого конца причала. На Уайтхолльской лестнице образовалось некое подобие очереди, места в которой бдительно охраняли. – Жди своей очереди или прыгай в воду и плыви!

– Не тревожьтесь, сэр, – произнес Вил. – Мы найдем вам лодку в ближайшее время, но сначала, уж будьте так любезны, пойдете со мной. Один человек очень хочет с вами побеседовать.

– Ваш хозяин? – уточнил я. – Случайно, не его светлость герцог Бекингем?

– Тише, сэр. Следуйте за нами. Обещаю, вы не пожалеете. Нет на свете человека, настолько довольного своей службой, что он упустит шанс подняться еще выше.

Пока Вил произносил эту речь, его слуга подталкивал меня своим огромным животом к двери подземного хода, ведущего во дворец. Как бы ненароком слуга распахнул плащ, и передо мной сверкнул кинжал – это оружие проще незаметно пустить в ход, чем шпагу. Неужели они задумали меня убить?

Я устремил затравленный взгляд на плескавшуюся подо мной воду. У берега неглубоко, но река полна и грязи, и дворцовых нечистот. Спрыгнув с причала, я не утону – более того, мне даже не придется плыть. Единственная опасность, которая мне грозит, – опозориться. Но Вил со слугой никуда не денутся и тут же придут мне «на помощь».

Лодка ударилась о ближайшую опору. На причал из нее выкарабкался пожилой законник. Вокруг столпились пассажиры, готовые занять его место.

Я действовал по наитию, не думая о последствиях. Оттолкнув Роджера, я прыгнул с причала прямо в лодку. Та неистово закачалась из стороны в сторону, и я едва не полетел за борт. Меня с головы до ног окатило водой. Лодочник выругался и вскинул весло. На лестнице началась суматоха. Люди роились, будто пчелы из растревоженного улья, и кричали.

– Ну, тебе конец, сукин сын! – объявил лодочник и замахнулся веслом, явно желая столкнуть меня в реку.

Я вовремя пригнулся и выставил вперед предплечье. Вцепившись в планшир, я с трудом выговорил:

– У меня есть золото. Заплачу вам фунт. Плывите вниз по течению.

Лодочник замер с веслом в руке. Порывшись в кармане, я достал кошелек. Об мою щеку ударилось что-то твердое, и я охнул: наверное, кто-то бросил в меня камешек или даже монету.

Лодочник пожал плечами. Оттолкнувшись веслом от берега, он развернул лодку и стал грести к середине реки.

– Или заплатишь фунт сейчас, или, Богом клянусь, утоплю, – произнес лодочник так тихо и доверительно, что из-за ветра я с трудом разобрал его слова.

Глава 42

Со дня моего последнего визита Кларендон-хаус изменился. Появилось ощущение заброшенности, как будто, несмотря на все великолепие, поместье утратило свою значимость. Никто не подмел листья на главном дворе. Даже у ограды не стояла толпа.

Когда я подходил к главным воротам, часы вдалеке пробили четыре. Слуги узнали меня, а стоило мне упомянуть имя Милкота, как меня тут же пропустили, хотя и не выказав того почтения, как во время прошлых моих посещений. Войдя в боковую дверь, я попросил лакея известить господина Милкота о моем прибытии.

Тот отправил на поиски мальчишку, а лакей скрылся в своей нише, предоставив мне любоваться бюстами императоров и картинами с изображениями древних богов, украшавшими коридор. Я слонялся туда-сюда под этими произведениями искусства. В доме оказалось холоднее, чем на улице. В пустом камине я заметил дохлую мышь. С каминной полки на меня неодобрительно глядел император Адриан.

На лестнице раздались шаги, и на площадку вышел Милкот. Тепло пожав мне руку, он провел меня в кабинет на первом этаже. Милкот закрыл дверь на щеколду и проверил, надежно ли она заперта. Мы остановились у высокого окна, глядя, как ветер гоняет листья по двору.

– До чего же я вам рад, сэр, – вполголоса произнес Милкот. – Ума не приложу, как быть. Под ногами будто зыбучие пески.

– Горса не нашли?

– Умоляю, говорите потише. От чужих ушей нигде не скрыться. К тому же лорд Кларендон сейчас принимает герцога.

– Герцога?

Я потрясенно уставился на Милкота, подумав, что Бекингом вдруг нагрязнул в дом своего злейшего врага.

– Герцога Йоркского. Они с его светлостью беседуют. И лорд Кларендон, и герцог видели, как вы пришли. Оба хотят вас видеть, поэтому нам с вами надо спешить.

– Так что относительно Горса?

– Его видели на Лиденхолл-стрит. Мой слуга рассказывает, что заметил на улице знакомое лицо и угостил Горса вином. Тот поведал, что теперь служит новому хозяину и тот платит ему гораздо больше,

чем предыдущие, а через месяц-другой Горс и вовсе разбогатеет. Мой слуга рассказывает, что на нем была новая бобровая шляпа – такая вещь наверняка обошлась Горсу шиллингов в пятьдесят-шестьдесят, не меньше.

– И кто же его новый хозяин?

– Этого Горс говорить не пожелал.

Значит, Лиденхолл-стрит. Стоило Милкоту произнести это название, и в памяти у меня что-то забрезжило. Я спросил:

– Когда ваш слуга встретил Горса?

– В субботу. Я сразу же отправился к вам, но ваши слуги сказали, что вы в отъезде. Где вы были?

– Исполнял поручение короля, – ответил я.

Упомянутая Милкотом улица находится недалеко от Ботольф-лейн – переулка, где Кэт видела Милкота. Лиденхолл-стрит расположена в восточной части окруженного стеной Сити, рядом с Тауэром, эта улица – одна из немногих, уцелевших во время Пожара.

– Вы ходили туда искать Горса?

Милкот покачал головой. Его красивое лицо выглядело изможденным.

– Решил дождаться вас. Кроме того, я почти не знаю эту часть города.

– В поместье обсуждают исчезновение Горса?

– Да, но меньше, чем можно было ожидать. Видимо, у слуг других забот хватает. Многие уволились, и, без сомнения, еще найдутся те, кто последует их примеру.

Тут у меня упало сердце: я вспомнил, что именно находится на Лиденхолл-стрит.

Милкот оглянулся на дверь.

– Идемте, сэр, дольше задерживаться нельзя. Нас ждут.

Герцог Йоркский оказался так же высок, как и его брат-король, однако природа наделила его более приятной внешностью. Но трудно было представить этого человека смеющимся. Симметричные черты его неподвижного лица и безукоризненно прямая осанка наводили на мысль о мраморных статуях, что вполне сочеталось с изысканным, но строгим декором Кларендон-хауса.

Герцог принял меня в личном кабинете графа, где из-за постоянно горящего камина было жарко и душно. Я низко поклонился его высочеству, затем тестю герцога, лорду Кларендону. Оба сидели за столом. Перебинтованные ноги Кларендона покоились на мягкой скамеечке. Гримаса боли искажала его лицо.

Когда герцог взглянул на Милкота, на его губах промелькнуло что-то наподобие улыбки.

– Оставьте нас на некоторое время, Джордж, но далеко не уходите.

Милкот отвесил поклон и вышел из кабинета. Я вспомнил, что они с герцогом служили вместе во время французских войн.

– Итак, Марвуд, вы благополучно возвратились из поездки в Кембриджшир. Не расскажете ли о ней поподробнее?

Я оказался в затруднительном положении. Правду не должен знать никто, кроме его величества и Чиффинча. Однако ко мне обращается сам брат короля, и об отказе не могло быть и речи.

– Я сопровождал леди Квинси во время поездки в деревню под названием Хитчем-Сент-Мартин, сэр. Мы привезли в Лондон девочку. Госпожу Фрэнсис.

Руки герцога Йоркского взлетели к шее.

– У нее?..

Он жестами показал отеки.

– Да, сэр, золотуха.

– Сильная?

– Об этом недуге мне известно мало, сэр, но болезнь сразу бросается в глаза.

Кларендон зашевелился в кресле.

– Никаких трудностей не возникло? Со стороны Уорли или во время путешествия? Вам никто не досаждал?

Я помедлил. Без разрешения короля с моей стороны неразумно рассказывать о случившемся в Кембридже в подробностях.

Я ответил:

– Госпожа Уорли не хотела расставаться с ребенком.

– Ее мнения по этому вопросу никто не спрашивает, – заметил герцог, взглянув на Кларендона. – Эта женщина получила за свои услуги щедрое вознаграждение.

– А еще за нами следовали двое мужчин, сэр, – прибавил я. – Они хотели проникнуть в дом Уорли и пытались узнать, где спальня

девочки. Полагаю, эти двое задумали украсть ребенка, однако мы им помешали.

– Этого я и боялся, – вставил Кларендон.

Герцог повернулся к тестю.

– Он ничего не сможет сделать без...

Кларендон кивнул и поджал губы.

«Он ничего не сможет сделать без...» О ком они? О Бекингеме? Но что именно связывает ему руки?

– Где ребенок сейчас? – спросил герцог.

– Насколько мне известно, в доме леди Квинси, сэр.

– Там девочке ничего не грозит, – проговорил герцог, обращаясь к Кларендону. – Уж об этом мой брат позаботится. У него есть свои причины охранять дом леди Квинси.

Герцог взглянул на меня и нахмурился, будто жалея, что позволил себе говорить так откровенно в моем присутствии. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей в камине.

– Но дело же не в ребенке, верно? – выпалил герцог, словно не мог больше сдерживаться. – Главное...

– Довольно, сэр, – перебил лорд Кларендон. Старик поморщился, словно от внезапной боли. – Сама по себе девочка не играет никакой роли, а если играет, то очень маленькую. Но...

– Но от нее будет зависеть все, – подхватил герцог Йоркский. – Если...

Интересно, о каком условии речь? У меня в голове что-то щелкнуло, – казалось, в невидимом механизме повернулся винт, и мои мысли приняли совершенно новое направление. Я вспомнил загадочную сломанную шкатулку, обнаруженную на полу в комнате Олдерли. Возможно, ответ кроется в ее содержимом.

После разговора с герцогом Йоркским и его тестем я спросил у Милкота, не согласится ли он побеседовать со мной наедине. Милкот проводил меня вниз, и через просторные приемные на первом этаже мы вышли на террасу с видом на сад: тут нас наверняка не подслушают.

– Я заметил, что сегодня на Пикадилли ни одного недовольного, – произнес я.

– Это пока, – пожал плечами Милкот. – Но я уверен, что шпионы Бекингема и сейчас наблюдают за воротами.

– Кстати, о людях Бекингема, – проговорил я. – Со дня нашей последней встречи вы видели тех двоих, которые мутят народ? Верховодов?

– Высокого мужчину в коричневом камзоле и его толстого слугу? Нет. Оба уже несколько дней не показывались.

– Если заметите их, пожалуйста, дайте мне знать.

Если Вил и его слуга снова объявятся на Пикадилли, возможно, я сумею убедить Чиффинча поговорить с королем и взять этих двоих под арест. Признаюсь честно, сегодня днем они меня не на шутку напугали, причем не только своим поведением: до какой же степени эти двое были уверены, что им все сойдет с рук, чтобы похищать меня прямо на территории Уайтхолла!

– Для меня это очень важно, – прибавил я.

Должно быть, уловив в моем голосе необычную интонацию, Милкот устремил на меня испытующий взгляд.

– Разумеется, сэр. Можете на меня положиться.

Когда мы шли по террасе, я взглянул на павильон, где нашли тело Эдварда Олдерли. Окно на верхнем этаже было открыто. У двери высилась груда старого кирпича. Край накрывавшей ее холстины колыхался на ветру. На промокнувшей от дождя куче песка была брошена тачка.

Милкот словно прочел мои мысли.

– Трудно поверить, что работы будут доведены до конца, не правда ли? Ее светлость была бы весьма опечалена, увидев павильон в подобном состоянии.

– Каков был характер леди Кларендон?

– В свое время нрав у нее был суровый, но возраст и болезни сотворили с ней жестокие вещи.

Я кивнул, про себя подумав, что точно так же можно описать кухню леди Кларендон, госпожу Уорли.

Милкот тихо прибавил:

– Его светлость тоже стар и болен.

Я взглянул на Милкота:

– Про подагру лорда Кларендона мне известно. Однако страдает ли он от каких-нибудь других недугов?

– Нет – во всяком случае, не от телесных. Да и ум его ничуть не притупился. Однако за эти месяцы на долю лорда Кларендона выпало

столько испытаний, не говоря уже об утрате львиной доли влияния при дворе, что я невольно сомневаюсь, оправится ли он после всех ударов судьбы. Друзья лорда Кларендона отворачиваются от него один за другим. Если Бекингом вместе с другими врагами его светлости в парламенте добьются, чтобы над ним учинили судебное разбирательство, что же тогда останется? Даже жизнь его светлости окажется под угрозой, и спасти его сможет только вмешательство короля.

– А как же вы, сэръ? – спросил я. – Куда вы пойдете, если с лордом Кларендоном произойдет худшее?

Милкот ответил мне прямо-таки с ангельской улыбкой:

– Я? За себя я не волнуюсь. Герцог Йоркский обещал найти для меня место в своем доме, и я уверен, что он не нарушит слово, данное боевому товарищу. Я спас ему жизнь во время осады Арраса, а герцог не забывает тех, кто оказал ему услугу. – Некоторое время мы шли молча, а потом Милкот тихо прибавил: – Но я боюсь за его светлость.

Покинув Кларендон-хаус, я больше получаса прогуливался по парку, стараясь распутать клубок, каким мне представлялось это дело. В одном я был уверен: все нити взаимосвязаны – и утонувший в колодце лорда Кларендона Олдерли, и ребенок, которого прятали среди Фенских болот, и вор в колледже Иерусалим, и королевский порок. Вил – любопытно, за что его прозвали Епископом? – явно исполняет чужую волю, по всей видимости герцога Бекингема. А дочь леди Квинси и пропавшее содержимое серебряной шкатулки – важные части этой интриги.

Однако я никак не мог сообразить, в чем именно она заключается. Ради чего Бекингом и Вил идут на такой риск и затраты? Вил преследует меня, а я даже не догадываюсь почему. Может быть, он надеется подкупить меня и переманить на свою сторону? Или хочет, чтобы я замолчал навсегда?

Я ходил из стороны в сторону, и меня все сильнее одолевало уныние. Мало мне того, что король использует меня в своих интересах! Но гораздо хуже то, что я тайно укрываю Кэт Ловетт от властей. Если мой обман вскроется, за неисполнение воли короля мне грозит не только отставка и потеря дохода. Меня ждет арест и, возможно, суд. Дело вполне может закончиться виселицей.

В конце концов я пришел к выводу: я должен что-то предпринять, что угодно, иначе собственные мысли сведут меня с ума. Дойдя до Чаринг-Кросс, я по воде добрался до Сити и высадился подальше – на Старой Лебединой пристани у Лондонского моста. Это место было связано у меня с неприятными воспоминаниями, и я поспешил к улицам Сити – вернее, к тому, что от них осталось.

И на набережной, и среди доков вдоль реки жизнь была ключом, а рангоуты и оснастка многочисленных судов на фоне серого неба напоминали рваную паутину. На Темз-стрит было почти так желюдно, как до Пожара, несмотря на то что многие постройки были временными.

Я шагал на восток в сторону Тауэра. Я прошел мимо Паддинг-лейн, где в прошлом году вспыхнул Пожар, затем вышел на Ботольф-лейн, идущую параллельно Паддинг-лейн, так же как и расположенная за ней Лав-лейн. Между улицами высился настоящий лабиринт из развалин, над глубокими подвалами с кирпичными стенами жители соорудили импровизированные крыши из холста и дерева.

И повсюду толпы людей: одни спешили по делам, другие просто глядели вперед, на широкую серую реку, видневшуюся в дальнем конце Темз-стрит. Больше всего было мужчин – строителей, портовых рабочих или просто празднующихся и бродяг, целыми днями шныряющих по улицам Лондона.

Постепенно я заметил еще одну категорию прохожих. Маленькими группами повсюду стояли моряки – все как один в выходной одежде и пьяные вдрызг. Попадались и более respectable горожане: секретари или ремесленники, отправившиеся на прогулку в свой выходной день, а также торговцы и представители различных профессий. Большинство мужчин были трезвы, однако вели себя так, будто замышляли что-то недоброе.

Я проходил мимо глубокого дверного проема. Там, выставив напоказ грудь, стояла женщина. Щеки изрыты оспинами, однако лицом недурна, да и фигура статная.

– Благослови вас Господь, ваша честь. Не желаете поразвлечься? – Она коснулась моей обожженной щеки. – Ах, люблю джентльменов, побывавших на войне! Вот уж кто знает толк и в галантности, и в стремительных штурмах!

Покачав головой, я поспешил дальше, однако ее льстивые уговоры неслись мне в спину, пока я не свернул на другую улицу. Блудница сулила мне райское блаженство за ничтожные гроши. Будучи пуританином и сыном своего отца, я находил подобную торговлю плотью одновременно и отвратительной, и притягательной. Пожар сжег дотла Флит-элли и окрестности – излюбленное место сводников и содержателей публичных домов. Им и их подопечным, женщинам легкого поведения, пришлось искать другие улицы, чтобы предлагать там свои услуги. Где же еще продавать и покупать это уродливое подобие любви, как не среди руин Лав-лейн?

По крайней мере одна нехитрая загадка разрешилась: теперь понятно, зачем Милкот навевывался в эту часть города и почему скрывал свой визит. Он не первый и не последний джентльмен, охочий до запретных удовольствий, а лорд Кларендон – известный ханжа: такой не простит своему секретарю распутства.

Ускорив шаг, я стал подниматься на Сент-Мэрис-хилл. У меня язык чесался поделиться с Кэт своим открытием. Но в моей памяти была все еще свежа наша с леди Квинси «сделка»: кто я такой, чтобы разыгрывать из себя сурового блюстителя морали?

Я стал прохаживаться туда-сюда по Лиденхолл-стрит, по пути заглядывая в кофейни, пивные и таверны. Милкот рассказывал, что его слуга встретил Горса именно на Лиденхолл-стрит. Однако сюда меня привела еще одна причина. Одна из здешних таверн носит название «Золотой шар». В последний день своей жизни Олдерли послал туда сынишку Беарвудов Хэла с письмом для Епископа, то есть господина Вила.

Обойдя заведения, я не заметил ни одного знакомого лица. Впрочем, это еще ничего не значило: в большинстве таверн, и в крупных, и в маленьких, есть отдельные помещения. К тому же после Пожара не затронутые огнем улицы вокруг Лиденхолл-стрит стали гораздо более густонаселенными, чем раньше.

Вил обедал в здешней таверне, а почти две недели спустя на этой же улице видели Горса, но стоит ли придавать значение этому совпадению? Если обратиться к доводам рассудка, при обычных обстоятельствах подобное случается каждый день. Однако нынешние обстоятельства моей жизни можно назвать какими угодно, только не обычными. А доводы рассудка не имели ни малейшего отношения к

моему пересохшему горлу, холодному поту и настоящей потребности то и дело оглядываться через плечо. С тех пор как Вил сегодня подстерег меня в Уайтхолле, в моей душе поселился страх.

Глава 43

Кэт ждала на кухонном дворе Инфермари-клоуз. Маргарет уговаривала ее зайти в дом, но девушка отказалась. Она предпочитала стоять у бочки с водой, укрываясь под навесом крыши от лившегося с вечернего неба дождя.

К тому времени, как вернулся Марвуд, уже почти стемнело. До Кэт донесся стук в дверь, а через некоторое время из открытого окна послышался его голос. Голос этот звучал сердито, чему Кэт несколько не удивилась. Когда он вышел во двор, она встретила его с газетами под мышкой. Лицо Марвуда было бледным и напряженным. Появление Кэт его отнюдь не обрадовало.

– Спасибо, – произнесла девушка.

Это короткое слово разом погасило его гнев: так из-за внезапного штиля парус повисает на мачте, будто ни на что не пригодная тряпка. Очевидно, Марвуд ждал от Кэт чего угодно, только не благодарности. За прошедший год она убедилась, что мужчины – сущие дети и зачастую ими можно с легкостью управлять или хотя бы не дать им наделать глупостей, последствия которых придется расхлебывать еще долго.

– Что вы здесь делаете? – потребовал ответа Марвуд. – Боже правый, вы совсем ума лишились?

– У меня есть благовидный предлог – я к вам по делу. Вы должны это видеть.

– Что именно?

– Испорченные газеты. На последние экземпляры не хватило чернил. Подписчики жалуются. У господина Ньюкомба дома никого, и дверь заперта. Поэтому я пришла к вам. – Кэт протянула газеты Марвуду. – Ваш сегодняшний визит с проверкой доказал мне, какое важное значение имеет для вас выпуск «Газетт».

Марвуд машинально взял связку у Кэт. На ее иронию он не обратил внимания. Бумага намочила под дождем. Действительно, в обязанности разносчиц «Газетт» входило приносить обратно экземпляры с изъяном, но обычно женщины откладывали это дело до следующего утра. Подозвав стоявшую в дверях кухни Маргарет, Марвуд вручил газеты ей.

– Отдашь Сэму, – велел он. – Пусть с утра отнесет их господину Ньюкомбу.

Когда они остались во дворе одни, Марвуд снова поглядел на Кэт.

– Что вас сюда привело на самом деле?

– Я просто хотела вас поблагодарить.

– За что?

– За то, что вы добились освобождения господина Хэксби, за что же еще?

– Кто вам сказал?

– Бреннан.

Марвуд нахмурился:

– Вы с ним виделись?

– А почему бы и нет? – пожала плечами Кэт. – Не беспокойтесь, глупостей я не наделала. Мне известны привычки Бреннана. Я подкараулила его на пути к дому. Я готова поклясться, что никто меня не заметил. К тому же я хотела узнать, все ли благополучно у самого Бреннана. Его ведь арестовали по моей вине.

– Вы уверены, что он не выболтал лишнего?

Кэт покачала головой:

– Сначала он заболел. Его не могли допросить, пока не прошла лихорадка. А потом он сказал, что хозяин мастерской не посвящает его в важные дела, ведь он рядовой чертежник. И обо мне Бреннану тоже ничего не известно. В конце концов его отпустили.

– Что, если Бреннан лжет? Это вам не приходило в голову?

Не знай Кэт, что Марвуд к ней равнодушен, она бы заподозрила, что его одолела ревность.

– Вы напрасно так плохо думаете о нем.

– Я стараюсь не думать об этом человеке вовсе – ни плохо, ни хорошо.

Кэт едва не рассмеялась.

– Я хочу увидеться с господином Хэксби. Вы можете устроить нам встречу?

– Увидеться? Да вы и впрямь с ума сошли! Неужели вы забыли, что вас обвиняют в убийстве? Или что господина Хэксби только-только выпустили из тюрьмы?

– А вы забыли, что мы обручены? – От кротости Кэт не осталось и следа. Она чуть не испепелила Марвуда взглядом, однако сумела

обуздать свой гнев. – Я понимаю, что иду на риск, сэр, – тихо произнесла девушка. – Мы обязательно предпримем все необходимые меры предосторожности, но мне все равно нужно с ним поговорить. Я должна узнать, как он, не нуждается ли в помощи. Господин Хэксби живет во дворе «Трех петухов».

Усилием воли Марвуд заставил себя говорить так же взвешенно, как и она:

– Сейчас это невозможно. Во-первых, мне приказано установить за Хэксби наблюдение на случай, если вы захотите с ним повидаться. Вам придется выждать. Может быть, я отведу вас к нему через пару недель, когда все уляжется и господин Хэксби вернется к работе в мастерской. А сейчас вам надо уходить, да поскорее, и впредь в моем доме не появляйтесь.

– Погодите. Вы обыскивали квартиру моего кузена?

Марвуд ответил кивком.

– Там есть какие-нибудь ценности? Дядя, конечно, разорился, но Эдварду наверняка удалось хоть что-то сохранить.

Марвуд пожал плечами:

– Да. На глаз точную стоимость его вещей определить трудно, однако его имущество потянет на немалую сумму – может быть, даже на сотни фунтов. Если оно, разумеется, до сих пор на месте.

– Мне нужны деньги. К тому же Олдерли меня обманули. Все, что осталось, по праву принадлежит мне.

– Несомненно. Если только Олдерли не оставил завещания, по которому его имущество переходит к другому лицу. Но вы ведь не в том положении, чтобы отправиться к нотариусу и заявить о своих правах, верно? Во всяком случае, при нынешнем положении дел. – Марвуд помедлил, затем признался: – Но когда я осматривал квартиру Олдерли, я взял несколько вещей на случай, если вам понадобятся деньги. Карманные часы, серебряные вилки и прочие мелочи. Они наверху, у меня в кабинете. Из сумки я их не доставал. Если хотите, можете забрать их прямо сейчас.

Этот жест, продиктованный добротой и чуткостью, застал Кэт врасплох. Ей на глаза навернулись слезы, и она закусил губу.

– Пусть пока хранятся у вас, – ответила девушка. – Здесь надежнее.

– И конечно, Олдерли принадлежало все здание, – продолжил Марвуд с такой поспешностью, будто ему не терпелось закрыть эту

тему. – Он расплатился по закладной в полном объеме. Но вопрос в том, как доказать ваши права.

– Но...

Кэт осеклась. По переулку за высокой стеной кто-то бежал. Один человек – нет, двое, а может, и трое. Послышались звуки борьбы. Драка была недолгой, но ожесточенной. Затем раздался скрежет металла по камню и протяжный жалобный вскрик, который постепенно стих.

Раздались удаляющиеся шаги. У Кэт пересохло в горле, на коже выступил холодный пот. Они с Марвудом застыли, уставившись друг на друга. Марвуд зашел в дом и позвал Сэма, велел тому принести фонарь.

Следом за двумя мужчинами Кэт поднялась наверх. Тени прыгали по ступеням, обгоняя хозяев. К тому времени, как все трое вооружились, вышли в коридор, отперли дверь и стали осматриваться при тусклом свете, переулок опустел.

– Что это? – спросил Сэм, указав костылем на предмет, валявшийся на каменных плитах мостовой.

Марвуд наклонился, а когда выпрямился, в руках у него была бобровая шляпа с широкими полями. Вертя ее и так и этак, он внимательно разглядывал шляпу при свете фонаря.

Сэм протянул руку к шляпе и погладил шерсть.

– Хорошая, – заметил он. Марвуд молчал. – Похоже, совсем новая. Сэр, если она никому не нужна, я, так уж и быть, избавлю вас от хлопот и заберу ее себе.

Кэт пристально вглядывалась в лицо Марвуда.

– В чем дело?

– Горса в последний раз видели на Лиденхолл-стрит. Он был в новой шляпе. В бобровой.

– Судя по звукам, кто-то шел к вашему дому, – принялась рассуждать Кэт. – Но другие люди схватили его и утащили отсюда. Думаете, сюда приходил Горс?

– Мы не знаем. – Марвуд устремил взгляд в темноту в дальнем конце переулка. – Трудно сказать, был Горс одним из нападавших или сам пострадал от них. Нам не известно, сколько человек подстерегали жертву. Не знаем мы и того, жива она или мертва. К тому же мы не имеем представления, зачем Горс сюда приходил.

– Короче говоря, хозяин, ясно только то, что ничего не ясно, – весело заключил Сэм. – Что ж, обычное дело.

– Возвращаемся, – распорядился Марвуд. – На улице нам делать нечего.

Они вошли в дом. Марвуд распорядился, чтобы ужин подали в гостиную, где в камине теплились угли. Они с Кэт разделили холодный пирог с бараниной. У обоих не было аппетита. Почти ничего не съев, Марвуд отодвинул тарелку.

– Обратно поедете в наемном экипаже, – объявил он. – Мы с Сэмом вас проводим – на всякий случай.

– В этом нет нужды.

– Предосторожности лишними не будут. Ситуация усугубляется с каждым днем. Полагаю, мне и самому грозит опасность. Сегодня на Уайтхолльской лестнице меня подкараулили двое. Средь бела дня. Это были люди герцога Бекингема.

– Но почему? – спросила Кэт. – В чем причина?

– Хотел бы я знать ответ.

– А Эдвард? При чем здесь он?

Марвуд молча пожал плечами. Когда Кэт поужинала, он позвал Сэма и велел тому принести плащи.

А пока они ждали, Марвуд сказал:

– Извините, что утром в мастерской Ньюкомба поставил вас в неловкое положение. – Отвернувшись от Кэт, он принялся с остервенением ворошить угли. – Я должен был предвидеть, как остальные расценят мое повышенное внимание к вам. Начнутся смешки, пересуды...

– Пустяки, – отмахнулась Кэт, думая о сумке с вещами Эдварда и о том, с какой заботой Марвуд собрал их для нее. – Это не худшая из моих неприятностей.

Марвуд опустил кочергу. На секунду их взгляды встретились. Марвуд улыбнулся и начал что-то говорить, но тут дверь распахнулась и вошел Сэм с их плащами на локте.

На следующее утро Кэт проснулась рано. Доркас еще всю храпела на своей половине чердака. Обычно четверг был для Доркас рабочим днем, а значит, требовал раннего подъема. Но из-за нового печатного станка господина Ньюкомба график выпуска «Газетт» сдвинулся.

Лежа на спине, Кэт смотрела, как лучи рассвета пробиваются сквозь трещины в черепице. Она слышала, как зашевелились животные в конюшне, воздух был полон их насыщенными, острыми запахами.

Кэт с непреодолимой силой тянуло в мастерскую. Она хотела стоять перед чертежной доской и при все более ярком свете разглядывать план будущего здания. Без работы она чувствовала себя будто голодный без пищи.

Но вместо этого она будет вынуждена прятаться по углам и из кожи лезть вон, чтобы положить свои жалкие несколько пенни в их с Доркас общий котел. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»^[10], – сказал Кэт отец, когда она шарахнулась от попрошайки, и Томас Ловетт счел нужным прочесть дочери нравоучение по этому поводу. Однако сейчас Кэт от этой науки было не легче. Тут ей пришла в голову богохульная мысль: будь Господь архитектором, он устроил бы все более разумно.

Ни с Витрувием, ни с Палладием не приходится гадать, каковы их намерения, и чаще всего оба достигают поставленных целей. К тому же, став взрослой женщиной и лишившись богатства, Кэт пришла к выводу, что обещанное воздаяние на небесах – малое утешение для тех, кто страдает от нищеты в земной жизни. С тех пор как Кэт покинула дом Олдерли, у нее было более чем достаточно возможностей увидеть, как живут бедняки.

Позже Кэт отправилась в пекарню за булочками, и вдруг туда ворвался мальчишка с новостью, что из реки выловили тело убитого мужчины. Сейчас оно на Ботольфской пристани у ворот Биллингсгейт. Кто такой этот человек, неизвестно. Вернувшись на конюшню, Кэт обо всем рассказала Доркас.

– Труп? – Доркас принялась с трудом подниматься на ноги. – Надо пойти взглянуть. Говоришь, убили? Помоги-ка мне встать. Скорее, пока его не унесли.

Кэт в первый раз видела, чтобы у Доркас так загорелись глаза. Для многих лондонцев смотреть на трупы – особенно если речь шла о телах убитых – своего рода забава, вызывающая нездоровое оживление.

– Может, на берег что-нибудь нужное вынесло, так заберем себе, – прибавила Доркас.

Поняв, что спорить бесполезно, Кэт помогла ей спуститься по лестнице. Вдвоем они пошли к реке, на ходу жуя булочки, а небо над их

головами затянуло мрачными серыми тучами. Ботольфская пристань была расположена за мостом, ниже по течению, где Темза приближается к устью и принимает совсем другой облик. От кораблей на воде было не протолкнуться – мелкие посудины так и сновали между лихтерами, а посередине реки на якоре стояли торговые суда.

Во время отлива Доркас часто ходила на берег смотреть, как дети копошатся в грязи и мусоре, выискивая что-нибудь, представлявшее хоть малейшую ценность. Темза отличалась своенравием. Река чего только не уносит, говорила Доркас, однако никогда не угадаешь, что она решит оставить. Люди, промышлявшие таким способом, знали Доркас. Некоторые приносили свои находки ей, и если она заключала, что сможет извлечь выгоду из мокрой тряпки или поношенного башмака, то покупала эти вещи.

Торговые ряды у пристани удивительным образом опустели, да и на берегу народу было меньше, чем обычно. Зато на выступавшем вперед причале собралась шумная толпа, и все как один глядели вниз.

Доркас дотронулась до локтя одного подмастерья:

– Где его нашли?

Веснушчатое лицо мальчишки сияло от восторга.

– С подветренной стороны от вон того лихтера. Ночью он зацепился за якорную цепь.

– Как его убили?

– Говорят, ножом ударили.

– Кто он такой?

– Не знаю. Наверное, папист – за это его и прирезали. Вот, смотрите.

На секунду толпа расступилась, давая дорогу портовому чиновнику. Среди ног и подолов Кэт разглядела на причале распростертое тело мужчины. Раздетый догола, он лежал на спине. Всю его одежду украли или перед смертью, или после нее. Руки и ноги были повернуты под неестественными углами, а глубокая бескровная рана, дочиста промытая водой, пересекала грудь. При виде обнаженной кости девушка сглотнула ком в горле, стараясь побороть тошноту.

Широко открытые глаза покойного глядели в небо, розовый беззубый рот был открыт. Парика он, похоже, не носил: его волосы лежали на причале, будто светло-рыжие водоросли. Белая кожа

выглядела совсем бесцветной, если не считать густой россыпи веснушек.

«Веснушки... веснушки... – пронеслось в голове у Кэт. – Господи помилуй, неужели это Горс? Быть того не может!»

Толпа снова пришла в движение, и тело на каменных плитах причала скрылось из виду. Констебль вместе с офицерами решительно шагали к нему.

Кэт отвернулась. Взяв Доркас под руку, она повела ее прочь.

Глава 44

В конце концов они настигли меня тогда, когда, как мне казалось, ничто не предвещало беды. Во-первых, была середина дня, а во-вторых, я предпринял меры предосторожности. Обедать я пошел в «Козу» на Чаринг-Кросс – в этой таверне мы с Милкотом ужинали чуть больше недели назад. Прежде чем зайти внутрь, я убедился, что никто из прохожих не наблюдает за мной с излишним вниманием.

Я сел за общий стол, но выбрал место в темном дальнем углу, чтобы следить за дверьми. Милкот часто приходил сюда, чтобы хоть несколько часов отдохнуть от гнетущей атмосферы, царившей в Кларендон-хаусе. Я надеялся встретить его: вдруг Милкоту что-то известно о неудавшейся попытке Горса нанести мне визит? Если, конечно, вчера к Инфермари-клоуз действительно приходил Горс.

Побаловав себя пирогом с олениной, я запил его элем. Чтобы избежать разговоров с соседями по столу, я притворялся, будто поглощен чтением свежего номера «Газетт» – владелец таверны закупал наше издание для своих посетителей. Насладившись трапезой, я почувствовал себя отдохнувшим – мне удалось хоть ненадолго, но все-таки сбежать от тревог. По телу разлилась приятная нега, эль чуть затуманил мне голову, но не более того. За час с лишним, проведенный в многолюдном пабе, страх, будто придавливавший меня к земле своей тяжестью, рассеялся. За прошедшие десять дней я до того сжился с этим страхом, что, только избавившись от него, осознал, какое тяжелое бремя я нес.

Поев, я расплатился по счету и отправился в нужник, представлявший собой зловонную пристройку. Справив нужду, я вышел во двор. Там меня и подкараулили Епископ и толстяк. Епископ – мысленно я по-прежнему называл его так, хотя теперь мне было известно, что его фамилия Вил, – вырос передо мной, преграждая путь. Одновременно у меня за спиной послышались шаги и тяжелое дыхание. Выходит, слуга дежурил у стены нужника. Он с силой ткнул меня в бок дулом пистолета. Охнув от боли, я отпрянул и врезался в дверной косяк.

Раздался щелчок взводимого курка.

– Механизм у этого пистолета чувствительный, сэр, – тихо и невозмутимо произнес Вил. – Весьма непредсказуемое оружие. Советую вам не делать резких движений. Да и за Роджером, к сожалению, водится привычка сначала делать, а потом думать. Мы же не хотим, чтобы наша встреча закончилась несчастным случаем.

– Убьете меня – пожалеете, – выговорил я хриплым голосом, мало похожим на мой собственный.

– Кто же на нас подумает, сэр? Да и вообще, с чего вдруг вы заговорили про убийство? Я всего лишь даю вам дружеский совет, желая уберечь вас от несчастья.

Дуло пистолета воткнулось мне в бок еще глубже.

– Прошу за мной, сэр. – Вил взялся за рукоятку шпаги. – Нас ожидает карета.

Слуга подтолкнул меня к переулку, ведущему со двора на улицу. Я попробовал оказать запоздалое сопротивление, но Вил и его слуга шагнули ближе, зажимая меня с двух сторон. Мою щеку обдало горячее дыхание толстяка. От него пахло пивом и луком.

– Будьте же благоразумны, сэр, – снова обратился ко мне Вил. – Нас двое, а вы один. Мы не желаем вам зла. Клянусь честью, в пределах часа привезем вас обратно.

Я хотел прошмыгнуть назад в таверну, но Роджер потянулся к моему парикю, схватил меня за правое ухо и выкрутил его так, что я вскрикнул. Оба то тащили, то толкали меня, пока наконец не вытянули из переулка на улицу, где стояла карета. Я успел заметить, что экипаж не наемный. Маленькая, простая и неприметная карета явно была предназначена для городских улиц. Как только мы сели внутрь, экипаж дернулся и тронулся с места. Окованные железом колеса заскрежетали по мостовой. Изнутри кареты уличный шум казался мне стуком земли, падавшей на закрытый гроб. Должно быть, все это заняло не больше минуты.

Роджер взял веревку и связал мне руки за спиной. Действовал он быстро и умело, его пальцы двигались на удивление проворно: от такого неповоротливого увальня подобной ловкости не ожидаешь.

– Всего лишь мера предосторожности, сэр, – вполголоса заверил меня Вил. – Пожалуйста, не беспокойтесь.

– Заткнуть ему рот, хозяин? – спросил Роджер.

– Что скажете, господин Марвуд? Я бы с удовольствием с вами побеседовал, но только если пообещаете, что не станете делать глупостей.

– Вы в любом случае поступите так, как считаете нужным, и мои слова ничего не изменят.

Я пытался сообразить, куда мы едем. Может быть, к Стрэнду, в направлении Сити? Карета гроыхала, к тому же она так часто петляла и поворачивала, останавливалась и снова продолжала путь, что невозможно было определить, где мы.

– Должно быть, наши манеры показались вам грубыми, – произнес Вил. – Как вы наверняка догадались, сэр, я родом из Йоркшира, а у нас не принято ходить вокруг да около. Единственное, чего от вас хочет мой хозяин, – перекинуться с вами парой слов наедине. Признайте, сэр, вы сильно осложнили мне задачу. Я уже в третий раз приглашаю вас к нему, а вы заставляете меня действовать жестче, чем мне хотелось бы.

– Избавьте меня от ваших упражнении в остроумии, – ответил я. – Мне известно, кто ваш хозяин. Знаю я и о том, что вы совершили по его приказу. Если ему так необходимо со мной встретиться, отчего же он не пригласил меня официально, как любой честный человек?

– Говорят, ваш приятель господин Хэксби снова на свободе, – продолжил Вил, будто не расслышав моих слов. – Вы же не хотите, чтобы его постигли новые несчастья? А молодая женщина, его служанка – если она, конечно, действительно служанка? Должно быть, весьма любопытная штука. Дочь цареубийцы... Яблоко от яблони недалеко падает? Скоро ее разыщут, и тогда я за ее жизнь гроша ломаного не дам – от палача ей не уйти. Но что, если... – Выдержав паузу, Епископ поглядел на меня. – Но что, если у нее найдется друг при дворе, готовый замолвить за нее словечко?

Я отвернулся и уставился на тяжелую занавеску, отделявшую меня от свободы. Старая кожа покрылась пятнами и растрескалась. За годы под ударами стихии она затвердела, точно дерево. Я устремил взгляд на пятно, в котором моему растревоженному разуму мерещились очертания кабаньей спины.

Кнут и пряник. Сначала Вил угрожал мне, затем попытался меня подкупить. Его дерзость просто не укладывалась в голове. Мое положение в Уайтхолле нельзя назвать высоким, но и мелкой сошкой я больше не был. У меня влиятельные покровители. Мое имя известно

королю. Мой начальник – Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона. Я секретарь в Совете красного сукна, где всем заправляет господин Чиффинч.

Однако хозяина Вила, то есть герцога Бекингема, все это нисколько не смущает. Он слишком богат, слишком уверен в своих силах, слишком заносчив, чтобы обращать внимание на такие пустяки. Если Эдварда Олдерли убили по его приказу, герцогу ничего не стоит избавиться и от меня тоже. А я ведь даже не знаю из-за чего.

Я подумывал о том, чтобы сбежать, пока мы не доехали до цели. Но Вил сидел ко мне так близко, что его колено задевало мое, к тому же вытянутые ноги Епископа преграждали путь к дверце справа. Мы ехали лицом к запряжке. Роджер сидел напротив, расположившись так, чтобы не дать мне подобраться к дверце слева. И у слуги, и у хозяина быстрые ноги и длинные шпаги. Мои руки были связаны за спиной так, что приходилось сидеть скособочившись, и в движениях я был ограничен. Мои похитители зажали меня со всех сторон, совсем как во дворе.

Некоторое время мы ехали в тишине – если можно считать тишиной звуки с улицы, хриплое дыхание Роджера и нетерпеливое постукивание пальцев Вила по гарде шпаги. Я рассудил, что они оба наверняка бывалые солдаты, по всей видимости служившие в армии Кромвеля, а впрочем, это еще ничего не говорит об их нынешней позиции, ведь после Реставрации почти вся страна перешла под знамена короля с той же легкостью, с какой человек сбрасывает один камзол и надевает другой. Однако я заметил в поведении Вила особенность, объяснить которую было сложнее.

Епископ явно был не из благородного сословия и даже не пытался изображать из себя джентльмена, однако обороты речи выдавали в нем образованного человека.

– Ну и урод, правда, сэр? – спросил Роджер так, будто меня в карете не было. – Видали его ухо? А шею?

– Замолчи, Роджер, – сухо произнес Вил. – Неприлично оскорблять гостя.

Во рту у меня пересохло, дыхание стало поверхностным и учащенным, несмотря на все мои старания его замедлить. Я уже не надеялся определить, где мы. Что, если мне предстоит пытки или даже смерть? За секунду перед моим мысленным взором промелькнули последствия, которыми моя гибель обернется для других: Маргарет и

Сэм лишатся заработка и крыши над головой, а над Хэксби и, самое главное, над Кэт нависнет угроза еще страшнее. Незаметно для себя я обзавелся подопечными, хотя вряд ли госпоже Ловетт пришлось бы по душе подобное определение.

– Что-то вы совсем притихли, сэр, – заметил Вил. – А впрочем, любой мудрый человек знает, что молчание – золото. Позвольте дать вам совет, сэр. Когда предстанете перед нашим хозяином, говорите лишь тогда, когда он к вам обратится. – Епископ облизнул губы. – Хозяин – выдающийся человек во всех отношениях, однако склонен впадать в ярость при малейшем подозрении, что ему перечат.

Я взглянул на его фигуру, покачивавшуюся в полумраке кареты. Лицо Епископа было не более чем в восемнадцати дюймах от моего.

– Похоже, вы его боитесь, – заключил я.

Вил повернулся к слуге:

– Роджер, пора завязать ему глаза. Не забудь затянуть повязку потуже.

Глава 45

– Скорее, – повторяла Кэт, – скорее.

Ее беспокойство передалось Доркас. Обе женщины быстро удалялись от многолюдной набережной Темзы, торопясь укрыться в безопасном месте – в конюшне на Фенчерч-стрит.

– Что на тебя нашло? – шепотом спросила Доркас, когда они благополучно поднялись на чердак.

– Я должна кому-нибудь рассказать...

– Про мертвеца? Это еще зачем? К обеду молва разойдется по всему городу – а может, уже разошлась.

Но Кэт волновало другое. Безымянный раздетый догола человек, лежавший на пристани, – Мэтью Горс. Нужно поскорее рассказать об этом Марвуду. Судя по бобровой шляпе, накануне вечером Горс наносил визит в Савой, но в последний момент кто-то помешал ему встретиться с Марвудом.

Старый дворец выходил длинным фасадом на реку, а из-за прилива вода в Темзе вчера поднялась высоко. Кэт закусил губу, пытаясь сообразить, что это значит. Похоже, что Горса убили вскоре после того, как он постучал в дверь Марвуда. Затем слугу раздели – видимо, чтобы его труднее было узнать, – и скинули тело в реку.

Ночью Темза не подчиняется никаким законам, на реке властвуют лишь течения. Будь удача на стороне убийцы, тело Горса унесло бы в устье, к морю, где оно стало бы пищей для крыс, птиц и других ночных хищников. Но, очевидно, течение утащило труп под Лондонский мост. Отсюда и самые заметные повреждения – переломанные руки и ноги, рана на груди. Однако после того, как тело проплыло под мостом, фортуна отвернулась от душегуба. Когда начинается сильный отлив, обломки и мусор, проплывающие между опорами моста, иногда прибывает к северному берегу рядом с воротами Биллингсгейт, и они оказываются в укромной гавани у Ботольфской пристани и расположенной ниже по течению лестницы Таможни.

– Ты его знала? – шепотом спросила Доркас.

Кэт кивнула.

– Тогда лучше помалкивай. – Ее коричневая грязная рука дотронулась до локтя Кэт. – Не высовывайся, дорогуша. Твое дело

сторона. Не буди лихо, пока оно тихо.

– Я должна повидаться с одним человеком и все ему рассказать.

Доркас отдернула руку и сжалась, будто стараясь казаться меньше.

– Не надо.

– Я не могу поступить иначе.

– С каким человеком? С господином Марвудом? С тем самым, который вчера утром тебя в сторонку отзывал?

– Да.

– Он твой?..

– Любовник? – сердито перебила Кэт. – Нет, конечно!

Доркас шарахнулась от разгневанной девушки.

– Тогда напиши ему письмо, раз уж ты иначе не угомонишься. Купим бумагу, а карандаш у тебя есть.

– Я бы предпочла поговорить с ним лично.

Кэт пришло в голову, что убийство Горса может повлиять и на расследование, которое ведет Марвуд, и на ее собственное положение. В Кларендон-хаусе кто-то знал, каким образом кузен Эдвард оказался в садовом павильоне в ночь убийства, – знал, но молчал. Теперь Кэт была почти уверена, что этот человек – Горс. Он ведь раньше был слугой Эдварда.

– Ох, с огнем играешь, – запричитала Доркас. – Из-за тебя к нам того и гляди констебли нагрянут. А там и до виселицы недалеко.

– Не знаю, где хозяин, – произнес Сэм, вешая один из нарядных плащей Марвуда на веревку в кухонном дворе. – Он перед нами отчет не держит.

– Как только вернется, сразу передай ему это письмо. – Кэт сунула ему в руку сложенный лист бумаги.

– Хорошо, госпожа, как пожелаете.

Когда Кэт добралась до Савоя и вошла во двор Инфермари-клоуз, первым, кого она увидела, был опиравшийся на костыль Сэм. Маргарет на рынке, сказал он ей. Он был один, якобы чистил обувь и одежду.

– Вы зачем пришли? – спросил Сэм, понизив голос до хриплого шепота. – Маргарет говорит, это опасно. Когда вы вчера вечером объявились, ее с перепугу чуть удар не хватил.

– Чтобы довести Маргарет до такого состояния, нужно что-то посерьезнее, – дерзко возразила Кэт, про себя подумав, что Сэм

наверняка опять пропустил за обедом кружечку крепкого эля. – Марвуд в Уайтхолле?

– Бог знает, где его носит целыми днями. Одно скажу – в кабинете он штаны не просиживает. Если желаете знать мое мнение, госпожа, дураком надо быть, чтобы вот так совать нос в дела, которые тебя не касаются.

– Я твоего мнения не спрашивала, – парировала Кэт.

– От благородных и толстосумов надо держаться подальше, – пустился в философские рассуждения Сэм, размахивая перед носом Кэт платяной щеткой. – Особенно таким, как он. Из своей среды лезть – против природы идти. – Сэм уставился на щетку. – Да и я не делом занят. Разве пристало взрослому мужчине хозяйскую одежду чистить? Ему бы для такой работы горничную или мальчишку нанять. А я моряк, служил его величеству верой и правдой, а меня заставляют щеткой махать! Это, я вам скажу, прямое неуважение к монарху. Придет хозяин – так ему и заявлю!

– И потеряешь место.

– Может, хозяин в «Козе». – Сэм неожиданно вернулся к теме местонахождения Марвуда. – Знаете эту таверну на Чаринг-Кросс? Господин Милкот опять туда обедать пошел – я его видел, когда сам ходил... э-э... подкрепиться. А хозяин в последнее время с ним часто общается. Наверное, господин Милкот знает, где он. – Сэм бросил щетку в корзину с одеждой и обувью, которую принес из дома. – Вот что, госпожа, пойду-ка спрошу у него.

– Нет, – твердо возразила Кэт, живо представив, как пьяный Сэм, покачиваясь, вваливается в «Козу» с тайным посланием для чопорного господина Милкота. – Даже не думай.

К тому же втягивать в дело Милкота опасно. Девушка улыбнулась Сэму. Застигнутый врасплох, тот нахмурился и счел за лучшее улизнуть со двора.

Чем дальше Кэт размышляла, тем больше убеждалась, что начинать поиски следует с «Козы». Если Марвуд в таверне, она велит передать ему записку без подписи, сообщая, что тело Горса обнаружили в реке у ворот Биллингсгейт. Внутрь она, разумеется, заходить не станет: вдруг ее увидит Милкот?

В дверях таверны Кэт спросила у лакея, обедает ли у них сегодня господин Милкот и не с ним ли его друг Марвуд – ей надо передать ему записку. Лакей ответил, что не знает, но сейчас спросит. Однако по злой иронии судьбы, пока лакей звал мальчишку на побегушках, по лестнице спустился Милкот собственной персоной. Лакей отвесил ему поклон и отошел в сторону, давая посетителю дорогу.

– Эта молодая женщина спрашивается о вашем друге, господин, – доложил он, кивая в сторону Кэт. – Желает знать, обедали вы с ним сегодня или нет.

Встречи было не избежать. Кэт не успела и глазом моргнуть, а Милкот уже глядел на нее. Несмотря на то что девушка изменила внешность – замоталась в шаль, надела поношенный плащ, придала коже смуглый оттенок при помощи сока грецкого ореха, – Милкот сразу понял, кто перед ним: в его взгляде мелькнуло узнавание. В этот момент Кэт остро осознала, как легкомысленно себя вела. Винить некого – она угодила в беду по собственной глупости.

Девушка повернулась, собираясь бежать, но было слишком поздно. Милкот схватил ее за руку. Кэт развернулась, нащупывая в кармане нож.

– Боже, сэр! Что такое? – вскричал слуга и схватил Кэт за вторую руку. – Она воровка?

– Не пугайтесь, – ответил Милкот и подтащил сопротивляющуюся Кэт на дюйм-два ближе к себе. – Все в порядке. Мне просто нужно побеседовать с этой женщиной. – Поглядев на Кэт, он тихо прибавил, так чтобы лакей не услышал: – Я не причиню вам вреда.

Ее пальцы стиснули рукоятку лежавшего в кармане оружия. Можно попробовать ударить Милкота ножом, однако он наверняка увернется, а одолеть его силой нечего и надеяться. Но даже если Кэт сумеет его ранить, что ей это даст? И лакей, и мальчик на побегушках глаз с нее не сводят. Улица полна народу. У ворот Королевских конюшен солдаты. Переполох начнется мгновенно.

– Прошу вас, доверьтесь мне, – произнес Милкот.

Он бросил лакею монету, и тот с ухмылкой юркнул обратно в таверну. Кэт догадалась, как именно слуга истолковал происходящее.

Девушка почувствовала, как кровь приливает к лицу.

– Доверять вам? С какой стати?

Милкот пропустил ее вопрос мимо ушей. Он тащил ее по улице, вот они прошли Сент-Мэрис-лейн, потом вышли на маленькую безлюдную улочку к западу от Ковент-Гарден.

– С вашей стороны бродить по городу – несусветная глупость, госпожа Хэксби, – заметил Милкот, останавливаясь возле лавки с запертыми ставнями. – Выдан ордер на ваш арест. – Он нахмурился. – Что там говорил лакей? Вы спрашивали, обедаю ли я с другом. Кого вы имели в виду? – (Кэт молчала.) – Наверняка Марвуда. – Милкот взял ее за плечи и встряхнул. – Зачем вы его ищете? Вы с ним знакомы?

Кэт по-прежнему держала правую руку в кармане. Она потихоньку вытянула нож из самодельных ножен.

Девушка ответила:

– Я слышала, что король поручил ему расследовать убийство господина Олдерли.

Милкот отпустил руку Кэт. Похоже, ответ его озадачил.

– Не понимаю...

Кэт выхватила нож и ткнула им в середину левого бедра Милкота. Клинок вошел в плоть меньше чем на дюйм, но на секунду ее потрясенная жертва застыла как громом пораженная. Проскочив мимо Милкота, Кэт нырнула в переулок слева. У нее за спиной раздался крик боли. Кэт свернула направо и выскочила на улицу пошире.

Окрестности Ковент-Гарден она знала хорошо. Девушка не выпускала нож, лишь спрятала оружие под плащом. За спиной она услышала топот погони. Опрометью кинувшись во двор позади пекарни, Кэт распахнула дверь и стрелой пролетела через кухню, не обращая внимания на ошарашенных пекарей. Ворвавшись из кухни в лавку, Кэт выбежала на улицу с другой стороны здания.

Девушка мчалась во весь дух, пока не добралась до уважаемых окрестностей парка Линкольнс-Инн-Филдс. Остановившись возле одной из посыпанных гравием дорожек, Кэт с трудом переводила дух. У нее колело в боку. В ее сторону направлялись две нарядно одетые леди, а по пятам за ними следовали лакеи. Вдруг Кэт согнулась пополам, и ее вырвало всего в десяти ярдах от этой группы.

– Опять пьяная шлюха! – визгливым голосом сказала та леди, что постарше. – Зачем сюда только пускают эту шваль?

Глава 46

Карета остановилась. Я услышал, как кучер спрыгнул с козел, а потом опустил для нас ступеньки. Дверца открылась. Когда Вил протискивался к выходу, его шпага задела мою ногу. А потом Роджер без предупреждения вытолкнул меня из кареты. Не видя, куда ставить ногу, я оступился и споткнулся. Вил поймал меня.

– Осторожнее, сэр.

Когда Епископ схватил меня, я почувствовал, что в его теле нет ни капли жира, одни кости и мускулы. На ощупь я определил, что его камзол, похоже, из добротного сукна, однако мой палец на секунду угодил в дырку.

– Роджер, нельзя ли поделикатнее? Идемте, сэр, я возьму вас за одну руку, а мой слуга – за другую.

Они потащили меня по двору – под ногами у меня были земля и камни, а в нос ударила смесь запаха свежего навоза и зловония выгребной ямы. Похоже, рядом конюшня. Щелкнул хлыст, звякнула сбруя, а затем раздался постепенно удалявшийся топот копыт. А после этого я слышал лишь наши шаги, далекий шум улиц и тяжелое дыхание Роджера. И вдруг до меня долетела песня дрозда-дерябы – что за неожиданная услада для слуха!

Судя по едкому запаху, мы были среди развалин, оставшихся после Пожара, – похоже, восстановительные работы здесь еще не начались, а временных жилищ погорельцев поблизости нет.

Щелкнула металлическая щеколда.

– Спускайтесь, сэр, – распорядился Вил. – Здесь узко, я пойду первым, а Роджер будет замыкать наше шествие.

Мы медленно спускались по лестнице, а запах сырости, сточных вод и старого пепелища все усиливался. Я насчитал шестнадцать ступенек, а внизу нас ждала еще одна дверь – ее Вил отпер ключом.

Когда мы зашли внутрь, я некоторое время стоял бок о бок с Роджером. Раздался скрежет кремня по металлу, затем Вил принялся осторожно дуть на трутницу, и вот наконец ему удалось разжечь огонь. В нос мне ударил неприятный запах сальной свечи.

– Роджер, скажи господину... э-э... господину Пирсону, что мы с радостью ждем, чтобы он почтил нас своим присутствием. А я останусь

с господином Марвудом. Но сначала привяжи его к кольцу в стене – мало ли что?

Роджер особо не церемонился: когда он затягивал узлы у меня на запястьях и заламывал мои руки еще дальше за спину, я едва не вскрикнул от боли. Через некоторое время дверь за слугой закрылась, и мы с Вилом остались одни.

– Что ж, наконец-то у нас появилась возможность побеседовать наедине.

Он снял с моих глаз повязку, и при виде пляшущего огонька свечи я заморгал.

Во рту пересохло, и я судорожно сглотнул.

– Чего от меня хочет ваш хозяин?

– Пусть он расскажет вам об этом сам. Не могу передать, как же я рад, что вы наконец-то почтили нас своим присутствием! Что и говорить, вы заставили нас побегать, мой господин уже начал терять терпение. – Внезапно Епископ сменил тему. – А где девочка, которую вы привезли с Фенских болот? По-прежнему в доме леди Квинси?

– Не знаю. Зачем она вам так нужна?

Когда Вил не ответил, я счел, что терять мне нечего, и в свою очередь стал забрасывать его вопросами:

– Это вы убили Эдварда Олдерли? А кто сбросил доктора Бёрбро в мельничный пруд? Тоже вы?

– Разумеется, нет, – ответил Вил. Его резкий северный говор будто нарочно был создан для того, чтобы выражать негодование. – За кого вы меня принимаете?

– На похищение вы, во всяком случае, способны. Мало того, после смерти Олдерли вы проникли в его квартиру, и одному Господу ведомо, что вы оттуда украли. Вы...

– Я не взял ничего, что не принадлежало бы мне или другим людям. – В голосе Епископа зазвучал искренний пыл. – А что касается Неда Бёрбро, то этот человек мой друг. Вернее, был моим другом. Он пришел на мельницу, чтобы поговорить о моем... э-э... визите в Иерусалим, и не буду отрицать, между нами возникли разногласия, но это был обычный дружеский спор, не более того. Но потом Роджер рассказал, что, возвращаясь обратно в колледж, бедняга-доктор поскользнулся на камнях и упал под мельничное колесо. Роджер видел все своими глазами.

«Воистину, нет на свете большей глупости, чем святая наивность», – подумал я. Неужели Вилу не приходило в голову, что Роджер столкнул Бёрбро под мельничное колесо, чтобы тот их не выдал? Доктор спасся чудом. Роджер – один из великого множества слуг, действующих не по хозяйским правилам, а по своим собственным.

Черты Вила исказила гримаса гнева, возмущение он сдержал лишь огромным усилением воли.

– Сэр, как у вас язык повернулся обвинять меня в покушении на его жизнь! – продолжил он уже тише. – Ваши подозрения неоправданны. Я не из тех, кто бездумно отнимает чужую жизнь. Да будет вам известно, я слугитель церкви, а не наемный убийца.

Я уставился на него во все глаза:

– Вы – священник? Не может быть! Вы носите оружие, да и в пасторской рясе я вас ни разу не видел, и...

Вил гордо выпрямился:

– Сэр, нынешний род занятий я избрал не по собственной воле. На эту стезю меня толкнули обстоятельства. – Епископ нахмурился и отошел от меня на пару шагов, яростно отбросив ногой валявшуюся на пути палку. Однако его потребность оправдаться была слишком велика, и он разразился пламенной речью: – Между прочим, в юности я даже не думал о святых обетах. Я изучал право. Но после университета я вступил в ряды Армии нового образца. Там я научился фехтовать и встретил бедолагу Роджера. Он служил под моим началом, и, когда много лет назад его ранили при Марстон-Муре, я молился вместе с ним. А потом сам Господь призвал меня к себе на службу. После рукоположения я стал армейским капелланом. Во времена Кромвеля мне дали приход в Йоркшире, и я ни в чем не нуждался. Но после возвращения короля у меня несправедливо отняли все нажитое.

– Ах вот оно что. Теперь начинаю понимать. Так вот почему вы ненавидите лорда Кларендона.

В стране были сотни таких обездоленных священников. После Реставрации парламент, не слушая никаких возражений, принял целый сонм карательных религиозных законов, целью которых было усилить влияние в стране англиканской церкви и лишить влияния слугителей Римско-католической церкви и всевозможных раскольников – считалось, что все они являются политическими врагами. В результате многих англиканских священников, приверженных старым

пуританским традициям, лишили приходов. В совокупности все эти карательные законы стали известны как Кодекс Кларендона, поскольку считалось, что за их принятием стоял именно он.

– Ненавижу? Вы напрасно приписываете мне столь дурные побуждения, сэра, – возразил Вил. – Как христианин, я обязан бороться против лорда Кларендона и всего, что он воплощает. Не буду скрывать, его смерть принесла бы мне радость, ведь она стала бы благом для Англии. Однако ненависти к этому несчастному я не испытываю. Более того, я молюсь за его бессмертную душу, хоть и сомневаюсь, что мои молитвы будут услышаны.

Я пожал плечами, не желая вступать в спор. Я почувствовал, что потребность Вила оправдать свои поступки – его слабое место, и я опять ударил по больному:

– Значит, вот почему вас прозвали Епископом. Вы священник – точнее, были им.

Вил устремил на меня суровый взгляд:

– Мое прозвище следует понимать в сатирическом смысле, сэра. Я не особо жалую епископов.

Несмотря на свое незавидное положение, я подавил улыбку. Я встречал многих людей, похожих на Вила: несгибаемых, безукоризненно честных – во всяком случае, с точки зрения их собственных представлений о чести, – убежденных в своей правоте и в том, что они служат своему Богу именно так, как Он того желает, и при этом начисто лишены даже малой толики самоиронии.

– Мы с Бёрбро одновременно поступили в колледж Сидни-Сассекс, – продолжил рассказ Вил. – Мы были не разлей вода. Он принял сан намного раньше, чем я, однако Бёрбро предпочел стать членом совета колледжа Иерусалим и остаться в университете – в те времена это было богоугодное место. Он бы уже мог дослужиться до вице-канцлера, если бы не все эти люди с их суровыми законами и папистскими методами. Но Бёрбро понимал, что его дни в Кембридже сочтены. Уорли и его союзники делали все, чтобы от него избавиться. Вот почему Бёрбро с радостью согласился мне помочь.

Тут мне в голову пришла кощунственная мысль. Прошедшие двадцать пять лет снова и снова доказывали, что церковь отравляет нашу политику. Разве работа правительства не стала бы проще и приятнее, если очистить страну от религии? Кто знает, вдруг Англия

стала бы таким земным раем, что обещания блаженства на небесах нам бы больше не понадобились?

– Не надо отчаиваться, – провозгласил Вил. Его голос зазвучал громче, будто он вещал с кафедры. – Господь не бросает своих слуг и посылает им новые орудия взамен утраченных. Праведники одержат верх.

– А я? – Я ощущал стреляющую боль в руках, а веревки впивались в запястья. – Я, стало быть, тоже орудие, сэр?

– Придет время – узнаете. – Вил склонил голову набок – видимо, слышал приближавшиеся шаги. А затем он дал мне совет, который меня весьма озадачил: – Вам стоит вспомнить притчу о блудном сыне. Если жизнь дает нам второй шанс, нужно воспользоваться им сполна. Ведь это такая редкая удача!

Вернулся Роджер. Я взмолился, чтобы мне принесли горшок и чего-нибудь попить. Вил согласился исполнить обе просьбы и даже приказал Роджеру развязать мне руки, чтобы мне проще было справиться естественную надобность. Затем Роджер принес мне горшок и кувшин слабого пива. Когда я справлял нужду, Вил отвернулся, однако Роджер не сводил с меня глаз, поглаживая рукоятку пистолета. Я растер затекшие плечи и руки.

Вил приказал слуге снова привязать меня к кольцу. Они с Роджером о чем-то шепотом посоветовались, а после этого велели мне набраться терпения и сказали, что сейчас оставят меня одного, но свечу забирать не станут.

– А впрочем... – произнес Вил, уже собиравшийся открыть дверь. – Может быть, сначала хотите помолиться вместе со мной?

– Нет, спасибо, сэр, – ответил я. – Сейчас я не в том настроении, чтобы молиться.

Вил удрученно покачал головой:

– В час беды человеку всегда надлежит открыть сердце Господу.

Отвернувшись к стене, я ждал, когда он уйдет.

Мужчина, спустившийся в подвал, отличался высоким ростом и ладной фигурой. На нем была мантия законника. Лицо скрывал черный капюшон с прорезями для глаз и рта. В левой руке он нес свечу. Незнакомец пришел один.

Наряд этого человека напоминал маскарадный костюм Смерти, для полного сходства недоставало только косы. Этот образ выглядел бы скорее театрально, чем зловеще, если бы не шпага в его правой руке.

Он нацелил клинок на меня. Я пятился, пока не уперся в стену. Человек в маске сделал выпад, и наконечник шпаги оцарапал мне шею – справа, прямо под подбородком. Движение было таким стремительным, что я даже вздрогнуть не успел.

Я вскрикнул. Неизвестный медленно опустил шпагу. Маленькую ранку защищало. По шее потекла струйка крови. Меня всего трясло. Я в буквальном смысле слова только что побывал на волосок от смерти.

«Должно быть, это Бекингем или кто-то из его ближнего круга», – подумал я. Ведь Епископ и Роджер – его слуги. Но скорее всего, передо мной герцог собственной персоной. Рост подходит, к тому же говорят, что Бекингем гордится своим мастерством фехтовальщика. Более того, в Уайтхолле часто рассказывают, с каким удовольствием герцог переодевался, дабы не быть узанным, когда в начале года его обвинили в государственной измене и он подался в бега.

– Может быть, мне сразу же приказать слугам убить вас? – произнес человек в капюшоне, снова направляя шпагу на меня, затем скидывая ее вверх, – похоже, он салютовал сам себе. – Так было бы проще. Вы доставили мне много неприятностей.

Голос тоже принадлежал Бекингеми. Но герцог явно не желал быть узанным, а значит, благоразумнее всего было ему подыграть.

– Я служу королю, сэр, – начал я. – И если...

– Ну разумеется, все мы служим королю, – перебил Бекингем. – Марвуд, когда я захочу услышать вашу речь, я задам вам вопрос. Помните серебряную шкатулку? Маленькую, с монограммой на крышке?

– Да, сэр.

Конечно же, я помнил. Эту шкатулку я нашел в квартире Олдерли на Фэрроу-лейн, – по всей вероятности, Эдвард украл ее из кабинета лорда Кларендона. Всех очень интересовала эта вещица, но я даже не догадывался почему. Я не смог даже расшифровать монограмму.

Бекингем взмахнул шпагой, рассекая перед собой воздух. Ни дать ни взять мальчишка-школяр с прутом.

– Где она?

– У господина Чиффинча, сэр. – Я помедлил. – Замок сломан. Кто-то ее открыл.

– Кто?

Я пожал плечами, насколько это возможно для человека, руки которого заведены назад и привязаны к кольцу в стене.

– Не знаю.

– Мне нужно содержимое этой шкатулки.

– Когда я нашел ее в квартире Олдерли, она была пуста.

– Вы в этом твердо уверены? Настолько, чтобы поклясться на Библии?

– Да, сэр. – Я говорил правду, но отчего-то мои слова прозвучали как ложь. – Я не знаю, что было в шкатулке. Мне об этом ничего не известно.

За исключением того, что самые могущественные люди Англии жаждут заполучить ее содержимое: король, герцог Йоркский, лорд Кларендон, герцог Бекингем. По какой-то причине для них это было смертельно важно: из-за этой шкатулки были убиты несколько человек, и она имеет какое-то отношение к Фрэнсис и ее золотухе. Я полагал, что шкатулку взломал Вил, когда обыскивал квартиру Олдерли, он же и забрал то, что лежало внутри. Но если это загадочное нечто не у Бекингема, тогда у кого же?

– Так вот зачем я вам понадобился? – спросил я. – Из-за шкатулки и ее содержимого вы держите меня на привязи, точно собаку?

Бекингем не ответил. Два огонька свечи дрогнули, и его тень заплясала на влажных стенах.

– Вы всем довольны? – неожиданно спросил герцог.

– Что, простите?

– Вы довольны своей жизнью, Марвуд? – Бекингем взмахнул пальцами, унизианными перстнями, указывая на то, что меня окружало. – Разумеется, я говорю не о вашем нынешнем положении – оно, конечно, не из приятных. Но в целом? Как бы там ни было, а вы все-таки сын своего отца. Разве вам не горько служить людям, уничтожающим все, за что он боролся? Дай им волю, они объявят всех честных пресвитериан преступниками. Эти люди охотятся за каждым христианином, не желающим пресмыкаться перед их епископами. Больше того, я убежден, что за кругленькую сумму они с потрохами продадут Англию папе римскому.

Вил призывал меня вспомнить притчу о блудном сыне и быть благодарным за то, что мне дали второй шанс. Так вот что он имел в виду.

Я сглотнул ком в горле.

– Ради пропитания и крыши над головой я делаю все, что от меня требуют, сэр. – Я подумал о Чиффинче и его коварных интригах. – Я человек бедный. Признаюсь, не все поручения мне по душе и не все поступки моих хозяев.

Без предупреждения Бекингом снова сделал выпад в мою сторону. Наконечник шпаги начертил в воздухе невидимую восьмерку всего в дюйме от моего носа.

– На убийство вы тоже готовы пойти, Марвуд?

– Не понимаю вас, сэр.

– У меня есть свидетели, уважаемые люди, готовые показать, что вы поклялись расправиться с Эдвардом Олдерли, и на следующий день его обнаружили утонувшим в колодце. Есть и другие свидетели, которые видели, как вы шли по полям и проникли в сад лорда Кларендона через заднюю калитку в тот самый день, когда убили Олдерли.

– Эти свидетели лгут, – с возмущением возразил я.

– Не важно. Главное, что таким людям, как они, поверят. Среди них есть даже священник.

Стало быть, ради своих целей Вил без зазрения совести сунет меня в петлю за преступление, которого я не совершал. Я попытался сохранить спокойствие.

– Зачем же мне убивать Олдерли?

– Вы питали нечестивую страсть к его кухне, дочери цареубийцы, и хотели защитить ее. А Олдерли угрожал отправить ее на эшафот.

– В ваших словах ни капли правды, сэр, и вам это прекрасно известно.

– Вы человек неглупый, – произнес герцог. – То, что известно мне или вам, не имеет отношения к делу. Главное – убедить людей.

– У меня есть друзья.

Бекингом рассмеялся:

– Неужели вы думаете, что люди вроде Чиффинча и Уильямсона придут вам на помощь, если вас обвинят в убийстве? Они и пальцем не

пошевельнут. – Герцог выдержал паузу, внимательно глядя на меня. – Короля это тоже касается. И особенно короля.

Я отвернулся. Прошло несколько секунд. Судя по звукам, Бекингом убрал шпагу в ножны.

– Для вас не все потеряно, – проговорил он мягко, почти ласково. – Нам обоим известно, что король и его министры не могут отдавать любые приказы, какие пожелают. Его величество завидует своему французскому кузену, обладающему абсолютной, ничем не ограниченной властью. Но в нашем королевстве все устроено по-другому. На что выделить средства, решает парламент, а я, вернее, мы, то есть те, кто посвятил себя нашему делу, пользуемся широкой поддержкой в палате общин и даже в палате лордов. Простые люди сочувствуют пресвитерианам, а не епископам. Они на нашей стороне, а не на стороне двора. Король прекрасно понимает, что стоит мне щелкнуть пальцами, и поднимется весь Сити.

Герцог умолк. Мы оба знали, что он раскрыл свое инкогнито. Однако его лицо по-прежнему было скрыто капюшоном, как будто этот маскарад сам по себе доставлял ему удовольствие, а мне хватило ума сообразить, что в разыгрываемой Бекингом пьесе мне отведена роль зрителя.

– Работайте на меня, – тихо продолжил герцог. – Точнее, вместе со мной, Вилом и другими такими, как мы. Ради наших общих убеждений и интересов. Вы сохраните все свои нынешние должности, но при этом станете моими глазами и ушами. А когда мы добьемся своего, вас ожидает награда – и в этой жизни, и в следующей.

Я помедлил, прокручивая в голове его слова. И руки, и плечи пронзала стреляющая боль. Вдруг на меня накатила сильнейшая усталость. Если откажусь, велики ли мои шансы выбраться из этого подвала живым? И разве в словах Бекингема нет доли истины? Не пора ли мне задуматься о собственных интересах?

– Сэр, – произнес я. – Ничто не доставит мне большей радости, чем возможность исполнять свой долг перед Господом и служить вам.

Я отнюдь не гордился собственным поступком. Но что еще мне оставалось? Когда Бекингом оставил меня одного, давая мне время подумать, я успел сполна предаться мрачным размышлениям.

Через некоторое время Вил и Роджер вернулись. Они отвязали меня и предложили мне еды и вина.

– Вы позволите мне уйти? – с замиранием сердца спросил я, надеясь, что герцог не усомнился в искренности моего согласия и что его слова не были частью игры, о правилах которой я мог лишь гадать.

– Разумеется, сэра, – ответил Вил. – Когда пожелаете. Роджер распорядится, чтобы вам подали карету. Но, к сожалению, снова придется завязать вам глаза. Хозяин настаивает.

– Почему?

– Потому что такова его воля, и для меня этой причины достаточно. Хозяин использует это место во многих целях.

Я опять остался один, но, во всяком случае, теперь я мог пройтись и размять затекшие руки и ноги. Примерно через полчаса они опять вернулись, завязали мне глаза и помогли подняться по лестнице во двор. Я с наслаждением вдохнул свежий воздух. Солнце грело мне щеку.

Вил взял меня за правую руку, Роджер – за левую. Хоть я и перестал быть пленником, моя свобода передвижения была ограничена. Мы зашагали через двор. Впереди звякала сбруя.

– Если я правильно понял, мы с вами еще увидимся, сэра, – вежливо произнес Вил. – Для нас это будет большая честь. Осторожно, ступеньки. Забирайтесь в карету.

– Отвезите меня на Стрэнд, – сказал я.

– Как вам будет угодно.

Я сразу почувствовал, что передо мной не наемный экипаж и даже не скромная карета вроде той, в которой меня привезли. Забираясь внутрь, я коснулся дверцы, а не обычной кожаной занавески. Внутри я уловил до боли знакомый аромат – нотки мускуса и свежий запах земли после дождя. С упавшим сердцем я осознал, что угодил из огня да в полымя.

– Прошу вас, садитесь, сэра, – раздался голос леди Квинси. – Позвольте я помогу вам снять повязку.

Глава 47

– А ведь я говорила Бекингему, что вы согласитесь. – Леди Квинси откинулась на спинку сиденья и устремила взгляд на меня – я сидел напротив. Она улыбнулась. – Сначала он мне не верил. Все твердил, что его люди преподадут вам урок и отучат совать нос в его дела. Но я сказала: «нет», он не понимает ни вас, ни ваших мотивов. Вы можете стать ему не врагом, а союзником. К тому же я заверила, что вы мой друг. Я за вас поручилась.

За какую-то секунду все перевернулось с ног на голову. В этой истории ничто нельзя считать само собой разумеющимся.

Карета ехала по улицам. Леди Квинси выбрала не внушительный экипаж, в котором мы совершили путешествие в Кембриджшир, а легкую элегантную карету для передвижений по городу. Кроме нас, внутри больше никого не было. Я узнавал места, где мы проезжали. Спускаясь по Сноухилл, мы удалялись от Сити. Справа от нас показались развалины церкви Пресвятой Девы Марии в Лэнгборне.

– Утром герцог неожиданно пришел ко мне с интересным предложением. Мы несколько часов подряд беседовали наедине. Я рассказала, как добры и услужливы вы были, когда мы забирали Фрэнсис. – Леди Квинси отвела взгляд – вероятно, изображая скромность. – И... в других случаях тоже, хотя о подробностях я, конечно же, умолчала.

«Слава богу, – пронеслось у меня в голове. – Леди Квинси думает, будто я по-прежнему без ума от нее».

Я спросил:

– Неужели предложение герцога каким-то образом касается меня, мадам?

Похоть ослепляет мужчину, заставляя видеть только то, что ее подпитывает. А когда избавляешься от этого чувства, ситуация предстает в гораздо более ясном свете. Но леди Квинси еще не понимала, что после той ночи в Хитчем-Сент-Мартин меня больше не тянет к ней, будто мотылька к огню. О перемене в моих чувствах известно только мне, но не ей. И в этом мое единственное преимущество.

– Я вас знаю, – проговорила леди Квинси, сделав легкое, но отчетливое ударение на глаголе, чтобы напомнить, что мы с ней познали друг друга в библейском смысле этого слова. – Мы с вами похожи, Марвуд. В конце концов, вы поступаете так, как велит вам долг.

Я опустил голову.

– Все мы следуем зову долга.

Пока что в этой ситуации безопаснее всего повторять слова леди Квинси или соглашаться с ней. Поворачивая за угол, карета резко качнулась и подол леди Квинси зацепился за мою ногу. Платье ее светлость поправляла с нарочитой неспешностью. Мы проехали по Холборнскому мосту и стали взбираться на холм.

– Истинная правда, – с легким придыханием ответила леди Квинси. – Мы оба руководствуемся чувством долга. Я предана королю не меньше, чем вы, мой дорогой Марвуд, ну разумеется, а как же иначе? Но когда Бекингом пришел ко мне и наставил меня на путь истинный, показав, в чем состоит мой долг, я поняла, что стать союзницей Бекингема – лучший способ служить на благо короля, а значит, и других людей. – Ресницы леди Квинси затрепетали. – В том числе и Фрэнсис.

Я кивал и улыбался, стараясь не показывать растерянности.

– И вы узнали об этом только сегодня?

– Да. – Оливия смотрела на меня широко распахнутыми невинными глазами, и ее взгляд был полон искренности. – Поэтому герцог и нанес мне визит. Мы ведь с ним не чужие. Я знаю Бекса много лет, мы впервые встретились еще при дворе в Брюгге. Мы с герцогом давние друзья.

«Брюгге, – подумал я. – И снова Брюгге». В те времена все трое – король, герцог Йоркский и герцог Бекингом – были холостяками. Отцом Фрэнсис мог стать любой из них.

– Бекс хотел увидеть Фрэнсис своими глазами, и я велела ее привести. Девочка очаровала его, и я убеждена, что он желает ей только добра. Герцог согласен, что Фрэнсис должна получить то, что принадлежит ей по праву, и, более того, так будет лучше для всей Англии. Бекингом уверен, что король тоже даст согласие, как только узнает всю правду. Иначе и быть не может.

И все-таки, каков точный возраст Фрэнсис? Девять лет? Десять?

– В таком случае я был прав, мадам, – произнес я.

– Правы? – Леди Квинси искоса взглянула на меня и чуть улыбнулась. – В чем именно?

– Помните наш разговор в доме госпожи Уорли? – Я внимательно наблюдал за ней. – У вас в спальне.

Оливия отвела взгляд, изображая стыдливость, но я очень сомневался в искренности ее чувств.

– Я предположил, что девочка ваша дочь.

– Да, сэръ, вы правы. Фрэнсис родилась до моего первого замужества, когда я служила фрейлиной у леди Хайд, впоследствии леди Кларендон. Я была молода, глупа и впечатлительна. Я легко поддавалась соблазнам, и обмануть меня не составляло труда. Учить меня уму-разуму было некому. Отец умер, а мать вступила в новый брак, и ей стало не до меня.

– А когда Фрэнсис появилась на свет?

Выдержав паузу, леди Квинси снова поглядела на меня, и в кои-то веки в ее манере не чувствовалось ни притворства, ни расчета.

– Ребенка сразу же забрали. Лорд Кларендон и его супруга обо всем позаботились. Меня никто не спрашивал – юной девице, лишенной поддержки, заступничества ждать не от кого. Малышку отдали кормилице, а потом увезли в Англию, к Уорли. Я впервые увидела ее, только когда мы с вами приехали в Хитчем-Сент-Мартин. Но кровь не вода, верно? У матери есть долг перед дочерью.

– У отца тоже.

– Вот именно. – Леди Квинси подалась вперед и коснулась моей руки пальцем, обтянутым перчаткой. – Наконец-то мы добрались до сути. И поэтому, мой дорогой Марвуд, вы, конечно же, не откажетесь сопроводить меня к моему поверенному. Насколько мне известно, один раз вы уже наносили ему визит, однако он был занят и не смог вас принять.

Я удивленно поглядел на нее.

– Вы про господина Тёрнера? – уточнил я. – Из Барнардс-инн? Он ваш поверенный?

Я посетил его контору больше недели назад и предъявил королевский ордер секретарю Фрэнкли. А тот сообщил, что внезапно разбогатевший Олдерли приходил к господину Тёрнеру, чтобы полностью расплатиться с леди Квинси и погасить закладную на дом в Фэрроу-лейн. А заодно Олдерли решил обсудить вопрос, касавшийся

брачного договора. Тогда я подумал, что Эдвард намерен сделать предложение некой леди. Однако теперь я понял, что речь шла не о его браке. Но о чем же тогда?

Карета остановилась у входа в Барнардс-инн со стороны Холборна.

– Попросите господина Тёрнера спуститься ко мне.

Экипаж стоял на дороге, не давая проехать другим повозкам, а я вошел во двор, затем поднялся по лестнице в холле. Секретарь сразу же узнал меня. В его взгляде отразилось смятение.

– Господин Тёрнер занят, сэр...

– Передайте начальнику, что на улице, в карете, его ждет леди Квинси.

Фрэнкли бросил на меня затравленный взгляд. В кабинет Тёрнера он вошел без стука. До меня донесся гул голосов, а затем, поправляя парик, в приемную вышел тучный неопрятный человек – господин Тёрнер собственной персоной. Я узнал краснолицего мужчину с пронизательным взглядом, которого мельком видел во время своего предыдущего визита.

– Господин... э-э... Марвуд?

– К вашим услугам, сэр. Позвольте отвести вас к ее светлости.

Мы шумно спустились по лестнице. Когда мы шли по двору, Тёрнер не произносил ни слова, только украдкой поглядывал на шрамы у меня на лице и шее. Он явно не знал, как держать себя со мной. Я открыл перед ним дверцу кареты, и поверенный отвесил леди Квинси неуклюжий поклон. Ее светлость велела ему сесть в экипаж. Забравшись внутрь, он протиснулся в угол напротив нее и сжался так, будто хотел казаться как можно меньше.

– Составите нам компанию, сэр? – к моему удивлению, предложила леди Квинси. – Придется вам сесть рядом со мной.

Она взглянула на поверенного с хитрой улыбкой, тот вздрогнул и попытался улыбнуться в ответ, но волнения скрыть не смог.

– Господину Тёрнеру нужно больше места, чем нам с вами, вместе взятым, – прибавила леди Квинси.

Багровый от стыда, Тёрнер поспешил извиниться. Я сел в карету, и наши с леди Квинси колени оказались прижатыми друг к другу.

– У меня к вам вопрос, сэр, – обратилась ее светлость к Тёрнеру. – Чисто гипотетический. Позвольте изложить вам дело. Английский джентльмен в чужом краю сделал предложение леди, тоже англичанке.

Та ответила согласием. При свидетелях они заключили устный договор и в знак помолвки обменялись золотыми монетами. На следующий день англиканский священник обвенчал их в присутствии тех же свидетелей, но ни разрешения на брак, ни официального оглашения помолвки не было. Жених подарил невесте простое золотое кольцо. Юные и пылающие страстью влюбленные не стали откладывать первую брачную ночь и незамедлительно консумировали свой брак. А на другой день джентльмен написал леди письмо, в котором называл ее своей любимой женой и упоминал не только устный брачный договор, но и проведенную вместе ночь. Мне любопытно, считается ли такой брак законным на английской земле?

Тёрнер смущенно заерзал на сиденье. Он взглянул сначала на меня, потом на леди Квинси.

– И да и нет.

– Так не бывает, сэр, – сердито возразила леди Квинси. – Дайте мне определенный ответ.

– В таком случае брак, скорее всего, признают законным. Готовы ли свидетели подписать письменные показания в подтверждение?..

– К сожалению, обоих нет в живых, и священника тоже. Так уж вышло, что все трое умерли во время вспышки чумы.

– А джентльмен?..

– Не желает признавать свое участие в этом деле. Было свидетельство с подписью священника, но джентльмен забрал его себе и, по всей вероятности, уничтожил. Кроме свидетельства леди, единственные доказательства – письмо, написанное его рукой после заключения брака, кольцо и монета. На последней остались следы зубов джентльмена – прежде чем отдать ее леди, он укусил монету и согнул ее в знак обручения.

– Ваша светлость, если кольцо простое, без какой-либо надписи, им можно пренебречь. Оно ничего не доказывает. А следы зубов – это уже интереснее. Конечно, свидетельство весьма необычное, но его вполне можно использовать – при условии, что у джентльмена сохранились зубы и их отпечатки совпадут с отпечатками на монете. Но главный аргумент – письмо. Если подтвердится, что оно написано рукой джентльмена, такое доказательство трудно оспорить. В этом послании он обращается к леди по имени?

– Да. – Леди Квинси позволила себе чуть улыбнуться. – Поскольку брак был заключен тайно, в адресе указана девичья фамилия леди. Однако в самом письме джентльмен называет ее по своей фамилии.

«Да смилуется над нами Господь и все Его ангелы», – мысленно произнес я молитву. Наконец-то я догадался, к чему все это клонится, но я не мог понять, как это может привести к счастливому концу для кого-либо, за исключением, возможно, герцога Бекингема.

Поджав губы, Тёрнер погрузился в раздумья. Его лоб блестел от пота.

– Как я уже сказал, кольцо не имеет значения, и монета, по всей видимости, тоже... Но претензии леди, безусловно, обоснованны. Очень жаль, что свидетели и священник умерли, однако, если представить в суде письмо от джентльмена, оно послужит чрезвычайно весомым доказательством.

– Значит, брак признают действительным?

– Не могу сказать, посчитают ли его законным – отчасти потому, что само юридическое понятие законного брака обозначено весьма туманно. На практике в делах, связанных с оспариванием легитимности семейных союзов, порой обращаются ко всем трем ветвям права – церковной, светской и финансовой. А хуже всего то, что у представителей этих сфер нет единого мнения, какой брак считать заключенным по всем правилам. Поэтому вердикты могут быть противоречивыми. Случай, который вы описали, безусловно, необходимо рассмотреть в церковном суде, а у них браки регулируются средневековым каноническим правом в соответствии с исправленными Канонами 1604 года. А если ситуация осложнена спором по поводу владения имуществом, то этими вопросами занимается гражданское право, и следовательно...

Леди Квинси вскинула руку:

– Довольно, сэръ. Задам последний вопрос. Что, если стороны вступали в повторные браки?

На лице Тёрнера отразилось неприкрытое потрясение.

– В таком случае, мадам, дело осложняется еще больше, – медленно произнес он. – Особенно если одна сторона решит подать в суд на другую, ведь двоебрачие является уголовно наказуемым преступлением, поэтому это дело должно быть рассмотрено как таковое.

Глава 48

– Будьте осторожнее, – предупредил Бреннан. – На Генриетта-стрит лучше и вовсе не показывайтесь. Мне кажется, сторожа подкупили.

– Кто? – спросила Кэт.

– Откуда мне знать? Должно быть, негодяи из Уайтхолла. Хотя здесь рыщут и другие люди – что-то вынюхивают, задают вопросы соседям...

Вечером этого неудачного дня Кэт отыскала чертежника в саду пивной на Лонг-Акре, куда он время от времени заходил пропустить кружечку по пути домой. Сбежав от Милкота, Кэт за несколько часов обошла полгорода, надеясь напасть на след Марвуда. Но в результате девушка только зря натерла ноги. Вдобавок ее мучили голод, жажда и подступавшее отчаяние.

– Не желаете выпить? – предложил Бреннан, словно прочитав ее мысли. – Да и подкрепиться вам бы явно не помешало. Хотите, закажу хлеба и сыра?

Кэт молча кивнула и опустилась на освещенную солнцем скамью. Бреннан ушел делать заказ. На девушку никто не обращал внимания. Когда Бреннан вернулся, она так остервенело накинулась на еду и эль, что у чертежника глаза на лоб полезли.

Через пару минут Кэт спросила с набитым ртом:

– Как господин Хэксби?

– Неплохо. Переехал на новую квартиру. Хозяин разрешил ему заселиться на неделю раньше. Там ему спокойнее.

– Что?

Кэт растерянно поглядела на Бреннана, а потом сообразила, о чем он. Хэксби арендовал квартиру под чертежным бюро. Въехать туда он должен был в начале нового квартала, то есть на Михайлов день, 29 сентября. Там они с Хэксби будут жить, когда станут мужем и женой. Эта мысль застала Кэт врасплох. Неожиданно она почувствовала гадливость. Хэксби годится ей в деды. Вдруг их помолвка показалась Кэт вульгарной и нелепой. Подобные союзы – для других пар, ведущих иной образ жизни, но только не для нее и Хэксби.

– Старик постоянно вас вспоминает, – прибавил Бреннан. – Ему вас не хватает. И мне тоже. – Чертежник залился краской и торопливо продолжил: – Я имел в виду, что работа копится. Заказчики хотят видеть финальные чертежи Драгон-Ярда в конце месяца, но, прежде чем их утвердить, не мешало бы посетить место будущей стройки и проверить фундаменты.

Не то чтобы слова Бреннана прозвучали для Кэт как полная бессмыслица, однако бóльшую часть смысла они для нее утратили. Заказ в Драгон-Ярде – самый крупный за все время существования чертежного бюро: господину Хэксби доверили спроектировать и построить заново небольшую улицу к северу от Чипсайда. В последние несколько месяцев ее жизнь так или иначе крутилась вокруг этого проекта. Теперь же он потерял для нее свою значимость.

Допив эль, Кэт убрала недоеденные хлеб и сыр в карман и встала.

– Спасибо.

– Куда вы? – спросил Бреннан, торопливо поднимаясь на ноги. – Где вы живете?

– Вам лучше не знать.

Бреннан вскинул руку, пытаясь задержать девушку. Но Кэт увернулась от него и через заднюю калитку выскользнула на улицу.

Экипаж Кэт узнала по вдовьему ромбу на дверце. Она и раньше много раз видела этот герб на серебряной посуде с позолотой, которую тетушка Квинси привезла в Барнабас-плейс, когда вышла замуж за Генри Олдерли, отца Эдварда и дядю Кэт. Эта посуда была свадебным подарком, преподнесенным королем в честь свадьбы Оливии и ее первого супруга, сэра Уильяма Квинси.

Внутри ромба герб семьи тетушки и герб сэра Квинси были объединены в один. Даже с помощью геральдики ее тетя пыталась создать впечатление, будто ее второго брака с сэром Генри Олдерли, царевубийцей, который умер банкротом, не было вовсе. По убеждению Кэт, эта женщина полагала, что правда не должна вставать на пути у более удобной альтернативы.

Карета остановилась у южной стороны Стрэнда, возле Арунделхауса. Лакей спрыгнул с запяток кареты, спеша открыть дверцу, и Кэт пришлось сойти в водосточный желоб, в котором, к счастью, было сухо.

Сегодня девушка почти час простояла в толпе на Стрэнде, надеясь заметить Марвуда.

И тут из кареты вылез он собственной персоной. Кэт отвернулась, пряча лицо. Ее щеки пылали, как в лихорадке. Марвуд обернулся, заглядывая внутрь кареты. Тут показалась рука в серой перчатке. Марвуд взял эту кисть и склонился над ней.

«Бесстыжий повеса!» – мысленно возмутилась Кэт. Марвуд пополнил число дураков, думающих не головой, а совсем другим местом.

Марвуд зашагал к Савою. Лакей закрыл дверцу и вскарабкался обратно на запятки. Карета стала медленно прокладывать себе путь среди других экипажей.

Это ничего не меняет, рассудила Кэт. Ей в любом случае нужно поговорить с Марвудом – не только ради него, но и ради себя самой. Она последовала за Марвудом. Они шли по Стрэнду к массивным воротам Савоя, а затем шагнули в скрывавшийся за ними широкий мощеный двор.

На территории бывшего дворца шум Стрэнда звучал приглушенно. Дорога шла под уклон, спускаясь к реке, а слева высились стены и дымовые трубы Савоя. Кэт ускорила шаг, поравнялась с Марвудом и дотронулась до его локтя.

Он развернулся так резко, будто девушка ударила его ножом.

– Что за...

– Мне нужно с вами поговорить.

– Здесь? Посреди бела дня? На виду у всех прохожих? – пришел в негодование Марвуд. – И вам еще обязательно нужно, чтобы меня заметили в вашем обществе! Вы хотя бы подумали, чем это может обернуться не только для вас, но и для меня?

– Я весь день вас искала, а вы, оказывается, приятно проводили время с моей тетей. Вы из-за ее чар совсем ум потеряли.

Марвуд покраснел.

– Это не то, что вы думаете. Я...

– Вы знаете, что Горс мертв? – перебила Кэт. – Сегодня утром его выловили из Темзы.

Марвуд нахмурился. Несколько секунд он не произносил ни слова, затем спросил:

– Отчего умер Горс?

– Слышала, его ударили ножом. Я видела его тело на Ботольфской пристани, и на груди была огромная рана.

Марвуд озадаченно поглядел на Кэт.

– Но, судя по шляпе, вчера вечером Горс был здесь.

Кэт кивнула в сторону Савойской лестницы, спускавшейся к реке.

– Тогда, возможно, тело сбросили в воду там, а потом его течением унесло под мост.

Глаза Марвуда округлились: он понял, что из этого следует. Вчера вечером во дворе дома в Инфермари-клоуз они с Кэт слышали шаги убийцы. От места преступления их отделяла только стена.

– Новость, должно быть, уже облетела весь город, – произнес Марвуд.

– Насколько мне известно, тело никто не опознал. Люди судачат об убийстве, но кто жертва – не знают.

– Хотите сказать, что мы единственные, кто знает о смерти Горса?

– Возможно. – Кэт запнулась в нерешительности и все же призналась: – Сегодня я ходила в «Козу», чтобы рассказать вам о случившемся, но там меня заметил Милкот.

– Только этого не хватало!

– Спрятаться я не успела. Он попытался меня схватить. – Кэт отвела взгляд. – Я ранила его ножом в ногу и убежала.

Марвуд едва не испепелил ее взглядом.

– Господи помилуй, – произнес он. – Угораздило же вас сделать такую глупость! Милкот оправится от раны?

– Какая это рана? Так, комариный укус.

Напряжение лопнуло, словно мыльный пузырь. Оба расплылись в улыбке, но тут же отвели взгляды, будто стесняясь своего легкомыслия.

– Что будем делать? – спросила Кэт.

– Выследить вас Милкоту не удастся. Возвращайтесь к Доркас и молитесь, чтобы не объявился человек, видевший нас вместе. – Марвуд огляделся по сторонам. – Но сначала я тоже должен вам кое-что сообщить, пока есть возможность. Бекингом и ваша тетя плетут заговор против Кларендона и, может быть, даже против самого короля.

– Моя тетя? Значит, вы не...

Перебив ее, Марвуд затараторил:

– У леди Квинси есть дочь, Фрэнсис. Девочка непризнанная, она жила в уединенном месте у родственницы леди Кларендон. Поэтому

леди Квинси отправилась в Кембриджшир и настояла, чтобы я ее сопровождал, – ей нужно было забрать девочку.

– У тети есть ребенок? Отчего же она не признает свою дочь?

– Потому что отец Фрэнсис – не первый муж леди Квинси. Она родила ее до брака, когда жила в доме Кларендона в Брюгге. Леди Квинси тогда служила фрейлиной у ее светлости.

– Почему леди Квинси перевезла дочь в Лондон только сейчас? – спросила Кэт.

– Она только что ездила к поверенному и задавала вопросы о законности брачных договоров. Может быть...

– Тетушка надеется, что ее брак с отцом ребенка был законным?

Марвуд кивнул:

– Если этот мужчина жив, ее браки с сэром Уильямом Квинси и вашим дядей будут признаны недействительными. А...

Но Кэт сама догадалась, к чему он ведет:

– А если в брак вступал отец Фрэнсис, этот союз тоже станет недействительным...

– А значит, его детей от второго брака объявят незаконнорожденными, – продолжил Марвуд.

Кэт заметила, какой нездоровый у него вид: Марвуд стоял сторбившись, его кожа блестела от пота, он дышал, как после быстрого бега, и тараторил, словно больной в лихорадке.

– Когда король содержал двор в изгнании, они все жили в Брюгге. Его величество, герцог Йоркский, Бекингем и Кларендон. И ваша тетя.

Стоило Кэт сообразить, что это означает, и все другие мысли вылетели у нее из головы.

– Чего добиваются тетя и Бекингем?

– Герцогу нужны власть и слава. – Марвуд поглядел на девушку сверху вниз. – А что касается вашей тетушки, то она, кажется, внезапно ощутила потребность быть с дочерью. Не уверен, что девочка испытывает схожие чувства и точно так же тянется к матери. Однако главный вопрос...

– Кто отец ребенка? – договорила Кэт.

Мысли о Джордже Милкоте не шли у Кэт из головы, поэтому она почти не удивилась, когда встретила его снова. Он прошел по Ботольф-лейн и свернул на Темз-стрит. Ранним вечером на улице было

многолюдно. Кэт и Доркас направлялись в кухмистерскую, чтобы купить чего-нибудь к ужину. У Кэт в кармане позвякивали деньги – Марвуд дал ей намного больше, чем требовалось, чтобы заплатить лодочнику, – и теперь она хотела угостить Доркас.

Кэт заметила Милкота возле таверны «Зеленый дракон» – там же, где и два дня назад. Он был в той же поношенной одежде темных тонов, что и в прошлый раз. Ссутулившись и не глядя по сторонам, Милкот явно куда-то торопился. Кэт отвернулась, делая вид, будто читает объявление на двери таверны. Милкот прошел мимо, даже не взглянув на них с Доркас. Протолкавшись сквозь толпу моряков, он свернул на Лав-лейн.

Будь у Кэт хоть капля благоразумия, она бы возблагодарила Господа за счастливое избавление и вместе с Доркас поспешила в свое надежное убежище на конюшне. Но что, черт возьми, понадобилось в этой части города человеку вроде Милкота? И почему он так бедно одет? Кэт дотронулась до локтя Доркас.

– Пожалуйста, давай пойдем за этим человеком. Хочу узнать, куда он направляется.

Доркас испуганно уставилась на девушку:

– Это твой знакомый?

– Я его несколько раз видела.

– Зачем тебе за ним следить?

– Просто из любопытства.

– Кто он такой?

Кэт не ответила. Взяв свою старшую подругу под руку, она потащила ее за собой.

Доркас улыбнулась ей:

– А ты хитра. Надо же, с виду и не скажешь.

Они вышли на Лав-лейн. Впереди примерно в двадцати ярдах от них маячила высокая фигура Милкота.

– Вот только... Ты наверняка сама знаешь, для чего мужчины сюда наведываются.

– Нет, не знаю. Для чего?

– Этот переулок всегда назывался Лав-лейн. Но свое название он стал оправдывать только после Пожара. Там нынче промышляют шлюхи. Ближе к реке – больше улова.

– Но этот человек не...

Кэт осеклась. Милкот остановился перед домом, во время Пожара лишившимся верхних этажей, – уцелел один лишь первый. Над его почерневшими каменными стенами соорудили импровизированную крышу. Обе женщины, не сговариваясь, замерли.

Доркас перевела дух.

– Ежели ты положила на него глаз, то похоже, что напрасно.

Милкот окинул взглядом узкий переулочек и постучал в дверь. Открыли ему почти сразу же. Человека на пороге Кэт не разглядела. Милкот юркнул внутрь, и дверь закрылась.

Тем временем мимо Кэт и Доркас быстрым шагом прошли двое мужчин, направлявшихся прочь от реки. Шпага того, что повыше, задела подол Кэт, а его спутник оттолкнул Доркас с дороги. Кэт сердито поглядела им вслед. На секунду оба остановились, глядя на дом, где скрылся Милкот. Высокий что-то сказал своему приятелю, а тот кивнул, не сводя глаз с фасада. Затем они продолжили путь тем же быстрым шагом, что и раньше, и направились в сторону Фенчерч-стрит. Тот мужчина, что пониже ростом, был толст как бочка. Вскоре оба скрылись в толпе.

– Пойдем-ка отсюда, – произнесла обеспокоенная Доркас, явно не желавшая здесь задерживаться. Взяв Кэт за руку, она попыталась увести девушку. – Я проголодалась.

Кэт высвободила руку:

– Погоди.

Эти двое напомнили девушке о просьбе, с которой к ней обратился Марвуд, когда они вместе возвращались в Лондон из лагеря погорельцев на ферме Мангота. Марвуд хотел, чтобы Кэт предупредила его, если заметит двух мужчин, которые, по его словам, желают ему зла: один высокий и худой, в длинном коричневом камзоле, второй маленький, но толстый, оба вооружены шпагами. Кэт спросила, имеют ли эти люди отношение к убийству Эдварда или интригам леди Квинси, но Марвуд не дал ей четкого ответа. Неужели это те самые двое? Выходит, они желают зла и Милкоту тоже?

– Сначала пройдем мимо этого дома.

Не глядя на Доркас, Кэт зашагала по переулочку. К девушке пристал было один прохожий, но та оскалилась и плюнула ему под ноги. Нахала как ветром сдуло. Тут Доркас догнала Кэт и снова взяла ее под руку.

– Я тебя умоляю, не делай глупостей. Тут опасно. Пойдем домой.

Но Кэт не позволила себя увести. Вот они поравнялись с домом, куда зашел Милкот. С крючка над дверью свисала тряпка, напоминавшая обрывок платья. Доркас попыталась утащить Кэт прочь.

– Что это за место? – с упавшим сердцем спросила Кэт. – Ты знаешь?

Доркас поморщилась:

– А то сама не видишь!

– Публичный дом?

– В самую точку. – Доркас помедлила, а потом зашептала: – Но мой сын рассказывал, что это заведение похабнее других. С ним на корабле служил один парень, так он сюда захаживал, когда команду на берег отпускали, а когда моряки узнали, что он ходит в этот дом, его мигом на рее вздернули.

Кэт остановилась.

– За что?

– Так ведь это заведение для мужеложцев, дорогуша. Ежели моряки поймают такого нечестивца, завсегда с ним расправляются. Вешают, а то и хуже.

Глава 49

Король, в отличие от меня, отнюдь не считал, что дело столь срочное.

Мне бы не следовало удивляться, и все же этого я не ожидал. Прежде чем покинуть Савой, я дал Кэт денег на лодку до Сити, потом зашел домой в Инфермари-клоуз, умылся и переоделся во все лучшее. Когда я сошел с портшеза у главных ворот Уайтхолла, было начало седьмого. Я воспользовался этим средством передвижения, чтобы не испачкать свой наряд в грязи или дорожной пыли. Пройдя через помещения, открытые для публики, я добрался до дверей, ведущих в личные покои его величества. Стражники отказались пропускать меня, не найдя моего имени в сегодняшнем списке посетителей.

Я отправил записку господину Чиффинчу, умоляя его за меня поручиться и объясняя, что мне нужно поговорить с королем с глазу на глаз. Через некоторое время Чиффинч вышел и отвел меня в укромную нишу. Хранитель личных покоев короля раскраснелся от вина – в течение дня его лицо постепенно темнело, а к полуночи и вовсе приобретало красно-коричневый оттенок.

– Надеюсь, вы не побеспокоили меня из-за пустяка, Марвуд.

– Дело очень важное. Мне срочно нужно к королю.

– Его величество занят, – ответил Чиффинч. – Да и в любом случае сомневаюсь, что он вас примет. Лучше изложите свое дело мне. Если оно достаточно важное, я скажу королю, когда у него появится возможность встретиться с вами.

– Прошу прощения, сэр, но я должен поговорить с королем лично, – возразил я. – Вопрос очень деликатный.

– Если у вас в голове есть хоть капля ума, вы предоставите судить об этом мне, – парировал Чиффинч, почесывая крупную бородавку на подбородке. – Ну хорошо. Если вопрос и впрямь деликатный, пойдемте ко мне в кабинет. Там вы мне все расскажете с глазу на глаз.

– Сэр, вы наверняка помните, как на прошлой неделе король оказал мне честь и взял меня с собой на лодочную прогулку. Его величество пожелал побеседовать со мной именно в такой обстановке – в лодке только он и я, кругом вода, – поскольку речь шла о тайне, не подлежащей разглашению. – Тут я несколько погрешил против

истины. – И король приказал, чтобы я докладывал лично ему все, что узнаю об этом деле. Его величество выразил свою волю предельно ясно. Я не имею права ослушаться короля.

Тут я рисковал. Я не знал наверняка, до какой степени король доверяет Чиффинчу. Но, к моему облегчению, тот пожал массивными плечами.

– Возможно, сейчас король занят. Но, пожалуй, я могу пропустить вас. Будете ждать, когда у его величества появится свободная минута.

– Вы сообщите королю о моем приходе, сэр?

Чиффинч состроил гримасу:

– Не дерзите, Марвуд. Вам подобная манера не к лицу.

– Простите, сэр, я забочусь о благе короля.

Фыркнув, Чиффинч повел меня к дверям личных покоев его величества. Он что-то шепнул стражнику, и мы вошли внутрь.

Король истратил много денег на обустройство общественных покоев в Уайтхолле, поскольку их великолепие должно было достойно подчеркнуть его могущество. Личные королевские покои были столь же ослепительны, но в них присутствовала небрежная, роскошная экстравагантность: позолоченная французская мебель, яркие ковры, картины, часы и скульптуры отражали вкус и характер владельца.

Чиффинч повел меня в приемную. Он велел мне тихо ждать там, не досаждая высокопоставленным особам. Затем он направился в смежную гостиную. Когда перед ним открыли дверь, я успел мельком заглянуть внутрь. Сцена, которую я на секунду увидел через дверной проем, напомнила мне полотно голландского художника в раме. Комната была залита сиянием свечей, и в их подрагивающем свете стояли и вели светскую беседу разодетые в пух и прах придворные, а за большим столом в окружении группы мужчин и женщин восседал король. Они играли в карты. На столе сверкали горы золотых монет.

Мое внимание привлекла высокая фигура: рядом с королем стоял герцог Бекингем. Вот он наклонился и с улыбкой указал на золото. Дверь закрылась, и картина исчезла.

Людей в приемной было ничуть не меньше, но мужчины и женщины переговаривались шепотом, и глаза у них постоянно бегали. Здесь ждала свита, готовая в любой момент услужить тем, кто обладал более высоким статусом, и собирались просители в надежде, что кто-то из сильных мира сего в соседней комнате удостоит их аудиенции. Я

отошел в угол за мраморным камином, молясь, чтобы герцог Бекингем не вышел в приемную и не заметил меня.

Шло время – сначала минуты, потом часы. Одни придворные входили в гостиную, другие покидали ее, но посылать за мной король не спешил. Через некоторое время я нашел себе место на скамье у стены. Каждый раз, когда открывалась дверь, из гостиной доносился звон бокалов и гул голосов, а вместе со звуками в приемную просачивались насыщенные запахи свечного дыма и благовоний. Прислуга сновала туда-сюда с вином и закусками, но тем, кто собрался в приемной, никто подкрепиться не предлагал. Я видел, как из гостиной с мрачным видом вышел герцог Йоркский и решительным шагом пересек приемную. На почтительные поклоны он не отвечал, а меня, казалось, не заметил вовсе.

Наконец вернулся Чиффинч. Его лицо успело приобрести еще более темный оттенок.

– Вы зачем прячетесь в углу, Марвуд? Король примет вас в Красной комнате.

Слуга отвел меня туда. Король сидел за столом, ел куриную ножку и время от времени делал глоток из бокала с вином. Его тяжелое лицо с крупными чертами сегодня выглядело обвисшим, а морщины проступили глубже. От моего поклона король лишь отмахнулся и велел мне открыть окно.

– Жарища, как в печке! – сердито бросил он, затем повернулся к прислуживавшему за столом слуге. – Оставьте нас.

Когда тот вышел, король потянулся к блюду с камбалой тюрбо.

– Слушаю вас, Марвуд. Значит, вы съездили с леди Квинси в Кембриджшир. Говорят, она вами довольна. – Резко посуровев, его величество спросил: – А что известно про убийство Эдварда Олдерли? Вы напали на след Кэтрин Ловетт?

– Еще нет, сэр, – солгал я. – Однако произошло много других событий.

– Вот как? – Положив вилку на тарелку, король вытер губы салфеткой. – Рассказывайте.

– Убили еще одного человека, слугу лорда Кларендона по фамилии Горс. Вчера ночью его ударили ножом, а тело бросили в Темзу. Оказалось, прежде чем устроиться на службу в Кларендон-хаус, он

работал в доме Олдерли. Между этими двумя убийствами должна быть связь, но пока не знаю какая.

– Возможно, слуга узнал Кэтрин Ловетт и эта женщина приказала убить его, чтобы он ее не выдал.

– Это еще не все, сэр. Вам известно, что леди Квинси привезла из Кембриджшира ребенка? Девочка больна золотухой, и леди Квинси желает, чтобы прикосновение вашего величества исцелило ее. – Кивнув, король оторвал себе кусок курицы с другого блюда. – Насколько я понимаю, когда эта девочка, госпожа Фрэнсис, появилась на свет, леди Кларендон устроила так, чтобы ребенок рос в глуши, в доме ее родственницы. Однако родная мать девочки – леди Квинси.

Король нетерпеливо отмахнулся.

– Да-да. Очень советую вам не говорить об этом никому за пределами этой комнаты.

– Вопрос в том, кто отец госпожи Фрэнсис. – Король вдруг нахмурился, а я, собравшись с духом, продолжил: – И был ли заключен брачный договор между леди Квинси и этим человеком. – Король застыл неподвижно с куском курицы в руке. Он не сводил с меня глаз. – Я полагаю, что этот документ существует и лорд Кларендон хранил его у себя в кабинете в серебряной шкатулке. Она была заперта. Но незадолго до смерти Эдвард Олдерли украл эту шкатулку из кабинета его светлости.

– Каким образом? Лорд Кларендон – человек осторожный, он никого не подпускает к себе близко.

Я поклоном выразил свое согласие.

– Во времена процветания семейства Олдерли Эдвард познакомился с секретарем лорда Кларендона, господином Милкотом.

– Милкотом? Ах да, помню. Он еще воевал. Брат о нем высокого мнения.

Я еще раз поклонился.

– Олдерли возобновил это знакомство. Господин Милкот – человек великодушный. Он одалживал Олдерли деньги и несколько раз даже приглашал его в Кларендон-хаус. Во время одного из таких визитов Олдерли был застигнут в кабинете его светлости, но благодаря убедительной отговорке он отвел от себя подозрение. Все это мне известно наверняка, сир.

– Значит, вы полагаете, что тогда Олдерли и похитил шкатулку. – Король помолчал, потом ухватился за нить, которую я уже нашупал. – Понимаю. Это была не случайная кража. Кто-то сказал Олдерли, что именно искать.

– Да, сир. После убийства Олдерли я нашел шкатулку в его квартире и отдал ее господину Чиффинчу. Однако шкатулка оказалась взломана, а ее содержимое забрали. До меня квартиру обыскивал человек по фамилии Вил, состоящий на службе у герцога Бекингема. – Король закашлялся, но не стал меня перебивать. – Когда я сопровождал леди Квинси в Кембриджшир, Вил и его слуга ехали за нами. Они задумали похитить госпожу Фрэнсис, но мы им помешали. Однако сегодня днем эти двое увезли меня силой и некоторое время держали в подвале где-то в развалинах. Там со мной разговаривал человек – полагаю, что это был сам герцог Бекингем. Он хотел переманить меня на свою сторону, чтобы я стал его информатором. Я притворился, будто согласен – что еще мне оставалось? Но...

– Вы всего лишь полагаете, что с вами говорил Бекингем? Вы ведь наверняка знаете герцога в лицо. Почему же вы не можете сказать с уверенностью, он это или не он?

– Тот человек был в маске, сир.

– Продолжайте. Вы хотите сказать, что документ из шкатулки теперь у герцога?

Я покачал головой:

– С его слов я понял, что он до сих пор ищет то, что хранилось в шкатулке. Значит, в квартире Олдерли нужного документа не оказалось.

– Куда же он, черт возьми, подевался?

– Думаю, что перед смертью Олдерли взломал шкатулку и где-то спрятал бумаги. Вполне возможно, что он собирался нарушить договоренность с Вилом. Вероятно, прочтя документ, Олдерли рассудил, что бумаги стоят дороже, чем обещанное Вилом вознаграждение. Он надеялся продать документ тому, кто больше заплатит.

– То есть Олдерли хотел обратиться напрямую ко мне? Или?..

Король осекся и забарабанил пальцами по столу. Его величество так сердито отодвинул стул, что тот покачнулся. Король встал, подошел к окну и замер, глядя на Собственный сад.

– Но тут вмешалась его проклятая кузина и прикончила его совсем по другой причине. – Король повернулся ко мне, и я с удивлением увидел на его лице улыбку. – Вот что значит воля случая. С ней не поспоришь, Марвуд. По душе нам это или нет, наша жизнь зависит от броска костей.

– Есть еще одно обстоятельство, сир, – продолжил я. – Леди Квинси заключила союз с герцогом Бекингемом. У нее очень честолюбивые планы и на собственное будущее, и на будущее дочери. Сегодня она ездила к поверенному и попросила меня сопровождать ее. Леди Квинси спрашивала о некоем письме от мужчины, который, по ее словам, женился на ней в Брюгге. Ее интересовало, можно ли письмо такого рода считать равносильным брачному договору. Она...

Король стукнул кулаком по столу с такой силой, что столовые приборы задрезжали.

– Все это ложь, Марвуд. Но почему, черт вас побери, она доверилась вам? Потому что Бекингем вас подкупил?

Я постарался не выказывать страха перед королевским гневом.

– Причина не только в этом, сир. Леди Квинси доверяет мне, поскольку убеждена: я сделаю все, что она пожелает, лишь бы угодить ей. Кроме того, заговорщики, видимо, рассудили, что ничего не потеряют, даже если я обо всем расскажу вам.

Поразмыслив над моими словами, король спросил:

– Так, значит, это правда? – В его голосе прозвучала издевка. – Вы влюблены в леди Квинси?

– Нет, сэр. Назвать мои чувства любовью – преувеличение, но было время, когда...

Король поглядел на меня и отвел взгляд. Мускул у него на щеке дернулся.

– Дурак несчастный! – Его величество оглянулся на меня. – Я не о вас. Любой может потерять голову из-за женщины, за это я мужчину винить не стану. Я имел в виду лорда Кларендона. Ему давным-давно следовало сжечь бумаги из шкатулки. Он сказал мне, что так и поступил. Ох уж эти законники – у них рука не поднимается уничтожать документы! Клочки бумаги для них – все равно что хлеб насущный.

Лицо короля посуровело. Он сел и приказал мне позвонить в колокольчик на столе. Я не отважился завести разговор о

предполагаемом отце Фрэнсис или обвинениях в двоеженстве. Король не поблагодарит меня за напоминания о том, что он наверняка знает сам – и чего боится.

Когда пришел слуга, его величество велел подать ему письменные принадлежности. Пока король писал письмо, я стоял рядом – его величество ограничился лишь несколькими строками. Затем он сложил лист бумаги, взял свечу и расплавил кончик сургуча. На послание упала большая красная клякса. Король приложил к ней свое кольцо.

Взяв письмо, монарх глядел на него пару секунд, затем бросил на стол рядом со мной.

– Передайте лорду Кларендону, – приказал король. – Немедленно. Если он уже в постели, скажите, чтобы его разбудили. Отдайте письмо лично в руки его светлости, пусть Кларендон распечатает его у вас на глазах.

Кларендон-хаус был погружен в темноту. Горели только фонари сторожей у ворот, выходящих на Пикадилли, и еще один фонарь над главным входом в особняк.

Увидев королевский ордер, сторожа меня сразу пропустили. Один из них проводил меня до боковой двери в западной части дома. Там в коридоре дежурил лакей. Единственными источниками освещения были свеча и фонарь сторожа. Наши шаги по мраморному полу эхом отражались от погруженных в темноту стен. Яркие фигуры на потолочной росписи в темноте походили на призраков.

Лакей позвонил в колокольчик, и наконец к нам вышел слуга.

– Его светлость распорядился, чтобы его не беспокоили.

– Я настаиваю, чтобы граф меня принял. – Я показал письмо. – Это послание от короля. К тому же у меня есть ордер.

Угрюмость с лица слуги как рукой сняло.

– Разумеется, сэр.

По узкой лестнице он повел меня к личным покоям лорда Кларендона.

– Должен предупредить, что его светлость не один, – сказал он, когда мы остановились на лестничной площадке. – Он беседует с его высочеством.

– А господин Милкот здесь? – уточнил я.

– Насколько мне известно, нет, сэр. Если желаете, могу узнать.

Я горько пожалел, что король дал это поручение именно мне. Предстоящий разговор с лордом Кларендоном меня отнюдь не радовал, но я не ожидал, что встречу и с его зятем тоже. Никто не любит гонцов с дурными вестями, а у меня не было ни малейшего желания наживать такого могущественного врага, как брат и наследник короля.

Кларендон и герцог Йоркский беседовали в кабинете. Слуга велел мне ждать в приемной. Он постучал в дверь и, когда хозяин разрешил ему войти, скрылся внутри. Из кабинета послышались голоса, я разобрал имя короля и свое собственное. Слуга вернулся и с поклоном придержал для меня дверь.

В жарком, душном кабинете ярко горели свечи. Герцог и его тесть расположились у огня. Лорд Кларендон сидел в кресле на колесиках. Герцог проигнорировал мой низкий поклон, да и вообще даже не взглянул на меня.

– Мне сказали, что у вас для меня письмо, Марвуд, – произнес Кларендон.

Я отдал ему послание.

– Король велел мне проследить, чтобы вы его вскрыли, ваша светлость.

Кларендон вскинул брови:

– Чтобы я наверняка его прочел? – Несмотря на возраст и слабое здоровье, голос у Кларендона был звучный, а в тоне чувствовалась ирония. – Король напрасно беспокоился.

Сломав печать, его светлость развернул письмо. Я стоял в стороне и наблюдал за ним. Кларендон надел очки и поднес бумагу к самым глазам. Потом опустил ее и поджал губы. Герцог сидел, уставившись на огонь.

Кларендон поманил меня к себе:

– Будьте любезны, передайте письмо его высочеству.

Он протянул мне письмо, даже не потрудившись его сложить.

Пробежав глазами по строкам, герцог вскинул голову:

– Это неприемлемо.

Кларендон ответил:

– Чего-то подобного я и ожидал. Разумеется, ваша судьба вызывает у меня тревогу. – Его светлость взглянул на меня. – Но подробности обсудим позже. Марвуд, можете доложить королю, что я прочел письмо, и герцог тоже. Передайте его величеству, что нынче я живу в чужом

краю, где я никого не знаю, а большинство тех, кто знал меня, видно, об этом позабыли.

Герцог Йоркский неловко заерзал в кресле.

Неожиданно Кларендон натянуто улыбнулся.

– Но прошу напомнить королю, что у меня еще остались друзья, и я не допущу, чтобы зло восторжествовало.

После этого меня отпустили. Слуга ждал меня в приемной. Вместе мы стали спускаться по тускло освещенной лестнице.

– Я послал лакея узнать, дома ли господин Милкот, сэръ, – вполголоса произнес слуга.

Внизу из холла доносились торопливые, взволнованные голоса – они звучали то громче, то тише. Я узнал голоса привратника и мажордома – его я видел мельком, когда обедал с Милкотом. Заметил я и двух других лакеев, а также одного из сторожей, дежуривших у ворот. А шестой человек, мужчина в черном, стоял в стороне с бумагой в руке.

Услышав наши шаги на лестнице, все умолкли и вскинули головы. Их лица были бледны.

Вперед вышел мажордом:

– Господин Марвуд, вы только что от его светлости и его высочества?

– Да, – подтвердил я, переводя взгляд с одного слуги на другого. – В чем дело?

Мажордом не ответил на мой вопрос.

– Они сейчас в кабинете его светлости?

– Да.

– Полагаю, я должен сообщить им о произошедшем. – Он указал на мужчину в черном, судя по одежде, это был секретарь. – Вы тоже пойдете со мной на случай, если они пожелают узнать подробности.

Я отвел мажордома в сторону. Старик был в халате и с ночным колпаком на голове. Когда его позвали, он явно готовился ко сну.

– Я здесь по поручению короля, сэръ, – сообщил я. – Что случилось?

Мажордом устремил на меня невидящий взгляд.

– Господина Милкота арестовали, – произнес он.

Глава 50

На следующее утро в Уайтхолл я пришел рано. Однако новость об аресте Милкота опередила меня. В Тихой галерее все только об этом и говорили.

Чиффинч принял меня в своем кабинете. Он был еще в халате, и рядом с ним на столе стояли тарелка с булочками и чашка горячего шоколада. У окна его цирюльник водил лезвием бритвы по ремню. Чиффинч весело поприветствовал меня, что для него было весьма необычно, и велел цирюльнику оставить нас.

– Начнем с главного, – произнес Чиффинч. – Лорд Кларендон что-нибудь передал королю?

– Велел сказать его величеству, что он нынче в чужом краю, где его почти никто не знает, однако у него есть друзья и он не допустит, чтобы зло восторжествовало.

– Громкие слова. Но я ожидал, что без боя он не сдастся.

– У лорда Кларендона был герцог Йоркский, и его светлость дал прочесть письмо его высочеству. Герцог пришел в негодование.

Чиффинч пожал плечами:

– Без поддержки короля старик ничего не сможет предпринять, даже если на его стороне герцог. К тому же его высочество не дурак. Он наследник короля, а значит, не решится перечесть его величеству.

Выдержав паузу, Чиффинч обмакнул кусочек булки в шоколад и отправил в рот. На халате осталась дорожка из капель.

– Вы слышали, что господина Милкота арестовали? – спросил я. – Вам известно, в чем его обвиняют?

– Да. – Чиффинч вытер губы салфеткой. – Весть о его аресте дошла до нас вчера, поздно вечером. Герцог Бекингем об этом позаботился. Скорее всего, Уайтхолла слухи достигли раньше, чем Кларендон-хауса. Для Бекингема и его сторонников момент крайне благоприятный. Ну и дела – содомия! – Чиффинч присвистнул. – Кто бы мог подумать? А ведь Милкот известен всем как очень храбрый джентльмен. Неужели в его виновности нет ни малейших сомнений?

– Полагаю, что нет, сэр. Ночью я разговаривал с секретарем магистрата. – Я смущенно запнулся. – Выломав дверь, констебли

увидели... э-э... картину, которую невозможно было истолковать по-другому.

– Как они вообще там оказались?

– Два человека донесли на Милкота. Они видели, как он заходил в дом, и сказали, что цель его визита – совершить содомский грех с мужчиной, находившемся в этом здании.

Чиффинч почесал нос.

– Какая мерзость! Что ж, пословица гласит: пришла беда, отворяй ворота. Грязь подобного рода пристаёт ко всем, кто с ней соприкасается. К примеру, репутации лорда Кларендона будет нанесен большой урон. Пойдут слухи, что его светлость все знал и закрывал глаза на происходящее. Хотя, может, так оно и было – лорд Кларендон очень доверял Милкоту, более того, ценил его. Милкот жил в доме графа, обедал с ним за одним столом. В лучшем случае его светлость будут упрекать в отсутствии проницательности, а в худшем... сами понимаете. Уж поверьте, Марвуд, его светлости от этой истории один вред.

– Оба свидетеля состоят на службе у герцога Бекингема, сэр, – заметил я. – Один из них – священник по фамилии Вил, лишенный прихода.

– Но он ведь по-прежнему священнослужитель, верно? Тогда к его показаниям судья отнесется со всей серьезностью.

– Этот человек ехал за леди Квинси до самого Кембриджшира. Он известен под прозвищем Епископ. Вил был на дружеской ноге с Олдерли, а после смерти Эдварда обыскал его квартиру. Он искал серебряную шкатулку. А еще Вил и его слуга собирали у ворот Кларендон-хауса недовольных.

Чиффинч задумался.

– Я передам ваши слова королю. Думаю, его величество придет к заключению, что служба господина Вила герцогу Бекингему не имеет существенного отношения к этому делу. Да и в любом случае содомия – тяжкий грех и уголовное преступление. – Чиффинч взглянул на меня с улыбкой – никогда прежде я не видел его таким довольным. – В целом вы хорошо поработали, Марвуд. Так и передам королю. Возвращайтесь к господину Уильямсону и своим обязанностям в Скотленд-Ярде. Сейчас мне ваши услуги не требуются.

Застигнутый врасплох, я молча глядел на него.

Чиффинч взмахом руки указал мне на дверь.
– Будете выходить – позовите цирюльника.

После разговора с Чиффинчем я отправился напрямик в Скотленд-Ярд. Как ни странно, я чувствовал себя потерянным. Вся моя жизнь вертелась вокруг расследования убийства Олдерли и его непредвиденных последствий. Теперь же меня отодвинули в сторону. Но многое осталось для меня тайной, а Кэт по-прежнему была вынуждена скрываться. Незавершенные дела всегда оставляют неприятный осадок.

Я забросил свои рутинные обязанности на целых две недели, и за это время работы накопилось великое множество. К моему облегчению, господина Уильямсона в кабинете не оказалось. Мне предстояло разобрать и разложить по категориям множество документов. «Газетт» исправно выходила и без моего участия, но конфиденциальная переписка Уильямсона с корреспондентами по всему королевству оказалась совсем заброшена: обязанность переписывать и отправлять эти послания обычно была возложена на меня.

Я взялся за работу. Остальные клерки пытались разузнать причину моего отсутствия, но я отвечал на их расспросы уклончиво. Я понимал, что они относятся ко мне настороженно, ведь я служу сразу двум начальникам и подозрительно часто отлучаюсь по делам, не имеющим отношения к «Газетт».

Несколько часов спустя прибыл Уильямсон. Он вызвал меня в свой личный кабинет и велел закрыть за собой дверь.

– Наконец-то вы вернулись, – заметил он. – Теперь вам придется работать вдвое больше, чтобы наверстать упущенное.

– Да, сэр.

– Мне известно, что вы расследовали обстоятельства смерти Эдварда Олдерли, – продолжил Уильямсон. – Слышали последние новости?

– Нет, сэр.

– Содомит Милкот только что дал признание. Это он убил Олдерли.

– Милкот? Ничего не понимаю. Я ведь...

– Он добровольно дал магистрату письменные показания под присягой, – перебил Уильямсон. – Милкот сознался, что в ту ночь

столкнул Олдерли в колодец. Пообещав своей жертве золота, преступник заманил ее в павильон именно с этой целью.

– Но зачем, сэр?

– Причина проста – Олдерли шантажировал Милкота. Узнав, что тот мужеложец, Олдерли грозился разоблачить его. Милкот отдал ему почти все свои деньги, а потом, видимо, не выдержал. Даже самый жалкий червяк зашевелится, если на него наступить.

Мысленно перетасовав доказательства, будто колоду карт, я получил совсем другой расклад. Допустим, причиной тесного общения Олдерли и Милкота был шантаж – откровенно говоря, их дружба с самого начала меня озадачивала, ведь у этих людей так мало общего. Выходит, причина резко возросшего благосостояния Олдерли – не деньги от герцога Бекингема или, во всяком случае, не только они. Олдерли шантажировал Милкота и вдобавок продал его злосчастную тайну Бекингему. Таким образом, действуя по приказу Бекингема, Олдерли смог получить доступ к личному кабинету лорда Кларендона и украл серебряную шкатулку.

Вдруг я сообразил, что тут не обошлось без Горса. Слуга наверняка знал про содомию. Теперь ясно, почему Горс позволял себе дерзости при разговоре с Милкотом, да и желание последнего взять в сообщники именно этого слугу нашло объяснение. Значит, Милкот выследил Горса и убил его тоже?

– Тут нужно действовать крайне осмотрительно, – рассуждал Уильямсон. – Подумать, как мы представим это дело, о чем объявим официально, а о чем умолчим. Я посоветуюсь с лордом Арлингтоном.

– Но для чего Милкот признался в убийстве Олдерли, сэр? – вдруг спросил я. – В этом не было ни малейшей необходимости. Доказательств против него нет.

– Даже у содомитов должна быть бессмертная душа. Может, перед смертью он захотел покаяться перед Господом. Почему бы и нет? Какая ему теперь разница? Его же не смогут повесить дважды.

Глава 51

Сынишка Ньюкомба заявил:

– Он сказал, чтобы вы пришли туда.

– Куда? – спросила Кэт.

– В печатню. Мне велено сразу вас туда проводить.

Паренек нагнал их с Доркас, когда они уже почти закончили обход. Переступая с ноги на ногу, ее напарница не сводила с мальчика глаз и внимательно слушала их разговор.

– Он чем-то недоволен? – спросила Кэт.

Мальчишка бросил на нее хитрый взгляд. Как и все подмастерья печатников, он был с ног до головы перемазан чернилами: одни кляксы свежие, другие за недели и месяцы успели выцвести. Чернила впитались в его кожу, одежду и даже, наверное, в самую душу.

– Мне сказали, так распорядился господин Марвуд.

Кэт повернулась к подмастерью спиной.

– Не волнуйся, – шепнула она Доркас, хотя и сама чувствовала, что дела принимают неприятный оборот.

Девушка последовала за мальчишкой в Савой. В мастерской Ньюкомб следил за установкой своего нового печатного станка. Отведя Кэт в сторону, он велел ей идти в Инфермари-клоуз. Выходя, она почувствовала на себе его долгий, задумчивый взгляд.

Марвуда Кэт не застала, зато дома оказались Сэм и Маргарет. Сэм передал ей письмо.

– Хозяин не хотел оставлять его у Ньюкомба, – пояснил слуга. – От слухов и без того спасу нет.

– Я не виновата, – сердито бросила Кэт. – Это все из-за его поведения – он только хуже делает! Передайте ему, что мне отнюдь не льстит, что меня считают его любовницей.

Кэт резким движением распечатала письмо. Марвуд обошелся без приветствий.

Ордер на ваш арест аннулирован. Можете возвращаться к господину Хэксби, когда пожелаете.

Дж. М.

Скомкав листок, Кэт сунула его в карман.

– Ордер на мой арест отменили. Ничего не понимаю.

– Вы разве не слышали, госпожа? – Сэм расплылся в широкой улыбке. – Олдерли прикончил содомит Милкот. Убийца во всем сознался.

Чертежное бюро показалось Кэт знакомым и вместе с тем чужим. Оно было не похоже на место, жившее в ее воображении, – место, куда она жаждала вернуться все две недели своего изгнания. Хэксби и Бреннан встретили ее одновременно и с энтузиазмом, и с настороженностью.

Хэксби сидел у огня. Указав девушке на табурет рядом с собой, он взял ее за руку.

– Случившееся нужно воспринимать как предостережение, – заметил он. – Чем быстрее поженимся, тем лучше. Когда станете моей женой, я сумею вас защитить.

Кэт покорно склонила голову. Мысль о том, что Хэксби станет ей защитой и опорой, показалась девушке смехотворной, и все же она понимала, что в браке с ним есть свои преимущества: она больше не будет девицей без роду и племени, живущей под чужим именем, у нее появится свое место в мире.

– Даже без Кларендон-хауса работы у нас по горло, – между тем рассуждал Хэксби. – И Драгон-Ярд, и часовня в Иерусалиме. Вчера доктор Рен заходил узнать, как у меня дела, и справлялся о вас. Он говорит, что у вас удивительно верная рука – вам отменно удаются мелкие детали. А я возразил – что же тут удивительного? Женские ручки от рождения намного изящнее наших. Не зря дамы столько вышивают. – Пальцы Хэксби конвульсивно сжались. Он устремил на Кэт голодный взгляд. – Только представьте, дорогая, каких высот мы с вами сможем достичь, когда поженимся и будем жить под одной крышей.

Вечером Кэт снова отправилась в Инфермари-клоуз в надежде застать Марвуда. На этот раз ей посчастливилось. Покинув Уайтхолл, он зашел домой, чтобы переодеться, перед тем как отправиться в театр. Марвуд принял ее в гостиной.

– Что за история с господином Милкотом? – спросила она, едва переступив порог.

Марвуд встал.

– Значит, новость дошла и до вас? Милкот сознался в убийстве Олдерли. По собственной воле дал письменные показания магистрату.

На глаза Кэт выступили слезы. Она отвернулась, пытаясь взять себя в руки.

– Что с вами? – спросил Марвуд.

Кэт вдруг охватил гнев. Она резко развернулась.

– За меня не тревожьтесь, со мной все хорошо. Я всего лишь удивлена и немного огорчена. Господин Милкот производил впечатление приятного джентльмена.

– Судя по всему, ваш кузен его шантажировал, это и стало причиной убийства. Я подал запрос, чтобы ордер на ваш арест немедленно аннулировали, и препятствий никто чинить не стал.

– Спасибо, – холодно произнесла Кэт.

Марвуд испытующе смотрел на нее.

– Благородно со стороны господина Милкота, не правда ли? Несмотря ни на что.

Под пристальным взглядом Марвуда Кэт чувствовала себя не в своей тарелке. Она спросила:

– А что известно про другое дело, сэр?

– Вы о чем?

– Я про тетушку Квинси.

– Я больше не имею отношения ни к этой истории, ни к этой даме. – Марвуд выдержал паузу. – Наверное, вы с господином Хэксби скоро поженитесь?

– Да, сэр. – Из чистого упрямства Кэт не отводила глаз. – Мы только сегодня об этом говорили. Господин Хэксби очень великодушный человек. Его даже не смущает, что у меня нет приданого.

– Осмелюсь заметить, что господин Хэксби получит от вашего союза выгоду иным путем. К тому же вы, вероятно, сможете претендовать на долю имущества Олдерли, если оно чего-нибудь стоит. – Вдруг Марвуд изменился в лице. Он стукнул кулаком по столу. – А еще я должен передать вам безделушки, которые забрал из квартиры вашего кузена.

Открыв дверь, Марвуд позвал Сэма. Когда вошел слуга, Марвуд отдал ему ключ и велел принести сумку, висящую в дальнем углу запертого шкафа в хозяйской спальне. Кэт и Марвуд молча слушали, как Сэм неровной поступью взбирается по лестнице: несмотря на костыль и потерю ноги, он преодолевал ступеньки с поразительной быстротой и ловкостью. Судя по стуку у них над головами, слуга добрался до спальни.

«Благодарность проявлять сложно, – мысленно рассуждала Кэт, – и жалость тоже. Марвуд, должно быть, сокрушен: этот простофиля, видимо, претендовал на руку и сердце леди Квинси».

– Не сомневаюсь, вы тоже скоро вступите в брак, сэр, – заметила Кэт.

Ее слова прозвучали резче, чем она намеревалась.

– Это вряд ли.

– Отчего же? Что может быть естественнее для мужчины, чем обзавестись супругой? – «Если только речь не идет о мужчине вроде Джорджа Милкота», – мысленно прибавила Кэт. – Вы достаточно обеспечены, чтобы создать семью.

– Я незавидный жених, у меня есть изъяны.

Сэм медленно спускался по лестнице.

– Вы об этом? – Кэт дотронулась до своей щеки. – Стыдитесь шрамов? – Как ни странно, она вдруг разозлилась. – Очень глупо, сэр. Они почти незаметны, вы делаете из мухи слона.

Марвуд повернулся к ней правым неповрежденным профилем. Тут в комнату вошел Сэм и положил сумку на стол перед хозяином.

– Это ваше, – произнес Марвуд, пододвигая сумку к Кэт. – Конечно, богатство невеликое, но, по крайней мере, никто не скажет, будто господин Хэксби взял в жены бесприданницу.

Расстегнув сумку, Кэт принялась разбирать содержимое. Она сразу узнала изящные золотые настольные часы из Барнабас-плейс. Они принадлежали дяде. В кошельке лежали три фунта десять шиллингов. А вот тетин набор французских вилок, их привезли из Парижа и использовали только по особым случаям. Карманные часы, но без ключа завести их невозможно. В красивой деревянной шкатулке Кэт обнаружила мускатный орех на сумму фунтов пять или даже больше. А еще...

Портрет ее матери на фоне Колдриджа – поместья, которое должно было достаться Кэт. Однако глаза на холсте были повреждены. Кэт подняла взгляд. Марвуд смотрел на нее.

– Картина висела на стене в квартире Олдерли, – пояснил он. – Должно быть, он тыкал в нее кинжалом. Это ваша мать?

Не в силах выговорить ни слова, Кэт кивнула.

– Красивая женщина. – Чуть запнувшись, Марвуд прибавил: – Я думаю... Если захотите, умелый мастер наверняка сможет отреставрировать картину. Нынешние умельцы просто чудеса творят.

Сглотнув ком в горле, Кэт произнесла:

– Я рада, что теперь портрет будет у меня, сэр. Благодарю. Отец заказал его в честь свадьбы. Как видите, он написан на доске. На самом деле портрет парный.

Кэт провела пальцами по раме и нащупала две застёжки, одну справа, другую слева. Обе легко поддались. Рама разделилась на две части, переднюю и заднюю. Кэт достала изнутри деревянную панель и повернула ее обратной стороной вперед.

А вот и второй портрет, на нем изображен ее отец, Томас Ловетт, в молодости – нарядно одетый в честь свадьбы, он торжественно серьезен. Сразу видно, что перед тобой процветающий каменщик из лондонского Сити.

Однако внутри скрывалось что-то еще: на пол выпал сложенный лист бумаги. Марвуд наклонился и поднял его, но, к удивлению Кэт, молодой человек тут же отвернулся и направился к окну.

– Сэр, что вы делаете? – спросила она.

Марвуд уже развернул бумагу и ознакомился с текстом. Теперь он смотрел не столько на Кэт, сколько сквозь нее. Судя по его застывшему лицу, он был ошарашен.

– Мне нужно обратно в Уайтхолл.

Глава 52

Когда меня наконец пригласили к королю, была почти полночь. В этот раз он принимал меня в той же гостиной, в которой накануне вечером играл в карты. Остальные играли за тем же столом, перед ними лежали горы золотых монет. Лица у игроков были раскрасневшиеся и сердитые. Возможно, игра так и не прекращалась.

– В чем дело, Марвуд? – Голос у короля был очень усталый.

Монарх указал на свое ухо, я послушно наклонился и прошептал:

– Сэр, вы должны увидеть то, что я нашел.

Его величество поглядел на меня, и, похоже, выражение моего лица убедило его в том, что дело и впрямь срочное. Король встал.

– Следуйте за мной, – приказал он.

Через личные королевские покои его величество повел меня к реке. Эта часть дворца больше напоминала стройку: король перестраивал свои личные покои. Слуга поставил рядом с нами фонарь и удалился. На берегу реки было ветрено. Меня пробрала дрожь. В первый раз я почувствовал в воздухе приближение зимы.

Я достал бумагу, хранившуюся между двумя частями поврежденного двойного портрета.

– Вот, сэр. Полагаю, именно это послание хранилось в серебряной шкатулке, украденной у лорда Кларендона. Олдерли спрятал его у себя дома, в раме картины.

Король взял у меня листок. Положив бумагу на парапет, он прочел письмо при свете фонаря. Позади нас из дворца доносилась музыка, однако здесь нас окружали лишь звуки реки и ночной природы. Перевернув бумагу, король прочел распоряжение, написанное на обратной стороне.

– Кто-нибудь, кроме вас, читал письмо?

– Нет, сэр. Разумеется, за исключением Олдерли.

– Вы в этом уверены?

– Да. С тех пор как Олдерли украл письмо, больше его никто не видел.

А впрочем, и до этого письмо, вероятно, не попадало в руки никому, даже королю, – во всяком случае, до того как лорд Кларендон с

осмотрительностью юриста конфисковал у леди Квинси и послание, и серебряную шкатулку еще в Брюгге.

– До недавнего времени я был уверен, что письмо уничтожено. – Король сунул руку в карман жилета и достал серебряный ключ от той самой шкатулки, затем поднес его к фонарю, освещая замысловатую филигранную монограмму.

– Вы догадались, что означают переплетающиеся инициалы?

– Эта буква похожа на «Я», сэра. А вот здесь, кажется, «О».

Король со вздохом убрал ключ обратно в карман.

– В пронизательности вам не откажешь. Вы ведь понимаете, в чем смысл монограммы?

«Яков и Оливия». Сколько я знал леди Квинси, всегда думал, что она когда-то была любовницей короля. Но я ошибался. На самом деле ее любовником был герцог Йоркский. А ее нынешняя связь с королем возникла исключительно на основе общих интересов: сначала леди Квинси помогла его величеству скрыть опрометчивый поступок брата, а впоследствии старалась быть полезной королю и в других отношениях.

– Вы понимаете? – повторил король.

– Думаю, что да, сэра.

Мой голос слегка дрогнул, и отнюдь не от холода. Король знал, что у его брата и Оливии Воден, ныне называющей себя леди Квинси, в Брюгге случился роман и Фрэнсис – их дочь. К тому же его величеству известно, что Кларендоны отдали этого незаконнорожденного ребенка на воспитание Уорли и за это назначили им щедрое содержание. Но король не подозревал о том, что письмо до сих пор существует, пока лорд Кларендон не обнаружил его пропажу, и тогда ему пришлось во всем признаться королю.

Что, если именно это обстоятельство настроило его величество против Кларендона? Неужели оно стало последней каплей, из-за которой тот в конце концов лишился поддержки короля?

Письмо написано собственной рукой герцога Йоркского в Брюгге, в 1657 году. Оно адресовано госпоже Оливии Воден. Однако в самом послании герцог ясно дал понять, что он обращается к женщине, с которой связан брачными узами и в глазах Господа, и в глазах закона. Герцог писал о венчании, состоявшемся накануне, и о брачной ночи, которую они провели в объятиях друг друга. Он называл по имени

священника, освятившего их брак по всем канонам англиканской церкви.

Из послания следовало, что герцог Йоркский – двоеженец, ведь позже он женился на дочери лорда Кларендона, а значит, его дети незаконнорожденные. Хороший юрист – к примеру, господин Тёрнер – на основании такого письма способен добиться, чтобы маленькую госпожу Фрэнсис признали законной дочерью герцога Йоркского. В таком случае она становится следующей претенденткой на престол после своего отца. И, скрывая этот документ, лорд Кларендон совершил тяжкое преступление.

Так вот почему король велел привезти Фрэнсис в Лондон – так удобнее следить за девочкой. Золотуха, которой страдает ребенок, лишь удобный предлог. Но его величество не ожидал, что леди Квинси перейдет на сторону Бекингема.

– Поднимите створки фонаря, – приказал король.

Я подчинился. Огонек затрепетал и почти погас. Я повернул фонарь, чтобы защитить его от ветра. Король свернул письмо в трубочку и медленно, осторожно скормил его ненасытному пламени. Когда бумага догорала, его величество обжег пальцы. Выругавшись, он опустил створку фонаря.

Я ждал – подданному не пристало первому заговаривать с монаршей особой. «Слава богу, – думал я. – Наконец-то все кончено». Кларендон превратился в политическую обузу: этому способствовали и неприязнь, которую к нему испытывал народ, и его привычка поучать короля. А теперь Кларендон и вовсе утратил последний шанс вернуть благосклонность короля, и опасность парламентского разбирательства только возросла. Бекингем одержал верх. Чтобы эффективно управлять государством без Кларендона, король будет вынужден полагаться исключительно на герцога и его союзников в парламенте. Но, по крайней мере, король уничтожил письмо, лишив Бекингема самой желанной победы: возможности использовать Фрэнсис, чтобы внести сумятицу в порядок престолонаследия и ослабить позиции герцога Йоркского, таким образом еще больше усилив собственное влияние.

– Марвуд, – вдруг обратился ко мне король. – Насколько мне известно, у девочки золотуха.

Погруженный в задумчивость, я не нашелся с ответом и лишь молча поклонился.

– Нужно показать ее главному хирургу, пусть подпишет свидетельство о болезни. Если врач подтвердит, что девочка и в самом деле страдает от золотухи, доставьте ко мне и ее, и леди Квинси, и я проведу закрытую церемонию наложения рук. Когда получите сертификат, дайте знать Чиффинчу, он все устроит.

– Как пожелаете, сэр. Но...

– В чем дело?

Король уже собирался уходить.

– В доме леди Квинси есть еще один ребенок, больной золотухой, – ее африканский паж. Вы позволите привести на церемонию и его тоже?

Монарх остановился и поглядел на меня:

– Зачем?

Я и сам толком не знал ответа.

– Просто хочу сделать для него доброе дело. К тому же он нам очень помог, когда на Фенских болотах люди Бекингема пытались украсть госпожу Фрэнсис.

– Хорошо. Но сначала один из моих хирургов должен подтвердить, что у мальчика действительно золотуха.

– Господин Найт уже выдал ему сертификат, сэр.

Король издал короткий смешок и хлопнул меня по спине – по-свойски, словно близкого друга.

– Ну и чудак же вы, Марвуд.

Глава 53

В следующий понедельник, последний день сентября, мы с леди Квинси нанесли второй визит главному хирургу – на этот раз и со Стивеном, и с госпожой Фрэнсис. Леди Квинси не прятала лицо под вуалью и не стала возражать, когда слуга, докладывая о ее прибытии, назвал ее настоящим именем. Если господин Найт нашел это обстоятельство любопытным, он был слишком хорошо воспитан, чтобы высказываться на этот счет.

Доктор осмотрел Фрэнсис, и, когда он объявил, что у ребенка действительно золотуха, последствия стали неожиданностью для нас всех. Госпожа Фрэнсис затопала ножками и принялась кричать, что у нее никак не может быть той же болезни, что и у грязного арапчонка. Девочка рыдала в голос и даже пыталась укунить мать за руку. Стивен глядел на нее большими глазами.

– Хорошая порка и пара дней на диете из хлеба и воды, – громко произнес господин Найт, под вопли госпожи Фрэнсис выписывая сертификат. Подняв голову, он взглянул на девочку с добродушной улыбкой. – В данном случае я бы рекомендовал начать лечение именно с этих мер. Полагаю, они возымеют свое действие. Желаете, чтобы я выписал ей и пропуск на церемонию?

– Нет, спасибо, – ответила леди Квинси. – Король согласился провести для нее закрытую церемонию.

Господин Найт вскинул брови:

– Ах вот как. Очень великодушно со стороны его величества. – Доктор посмотрел на Стивена. – А когда король будет исцелять вашего пажа?

– Полагаю, на ближайшей публичной церемонии. Но не будем вас задерживать, ведь вас ожидают пациенты, сэр.

Было очевидно, что леди Квинси судьба Стивена не волнует. Она использовала болезнь мальчика как ширму, дабы скрыть истинную причину своего интереса к золотухе и лечению этой болезни.

Пока господин Найт выписывал пропуск для Стивена, мы с большим трудом усадили Фрэнсис в карету. Я ушел оплачивать счет, а когда вернулся, девочка более или менее успокоилась, хотя, пока карета

медленно катилась по улицам, стук колес непрерывно сопровождался ее хныканьем. Истерика дочери привела мать в замешательство.

– Хочу обратно в Хитчем-Сент-Мартин! – вдруг взвыла Фрэнсис. – Хочу жить с госпожой Уорли!

Закрыв лицо руками, она повторяла эти две фразы снова и снова, будто заклинание. К тому времени, как мы подъехали к Колыбельному переулку, эти причитания стихли.

Леди Квинси дотронулась до моего локтя и посмотрела на меня с усталой улыбкой.

– Мой дорогой Марвуд, – прошептала она. – Ума не приложу, что бы мы без вас делали.

– Уверен, вы бы прекрасно обошлись и без меня, мадам.

– Хочу узнать ваше мнение еще по одному вопросу. Пожалуй, Стивен мне больше не нужен. – Она пододвинулась чуть ближе ко мне. – Даже если мальчик исцелится, для пажа он слишком большой – взгляните, черты его лица уже грубеют. Скажите, как избавиться от арапчонка, особенно с такими изъятиями? Их продают, как и всех прочих рабов? Пожалуйста, дайте мне совет.

Двое детей сидели напротив, на одном сиденье, но на расстоянии друг от друга. Оба не сводили с нас глаз и ловили каждое слово. Я повернулся к леди Квинси. Влечение плоти и влечение сердца не связаны друг с другом, рассудил я, и точно так же они не связаны с влечением души.

– Позвольте мне взять Стивена к себе, мадам, – попросил я.

– К вам? На что вам маленький раб?

– Моим слугам не помешал бы мальчик на побегушках.

– Конечно, забирайте. Я отдам вам его свидетельство о болезни и пропуск на публичную церемонию.

Я еще не сказал леди Квинси, что король согласился лечить Стивена наложением рук на закрытой церемонии вместе с Фрэнсис. Вместо этого я ответил:

– Конечно же, я заплачу вам полную цену. Нужно будет навести справки, какова стоимость такого мальчика.

– Не беспокойтесь. – Леди Квинси коснулась моей щеки пальцем, затянутым в перчатку. – Пусть Стивен будет моим подарком в знак нашей дружбы.

В Уайтхолле друзья становятся врагами, а враги друзьями в мгновение ока. Господин Чиффинч, казалось, забыл, что раньше испытывал ко мне неприязнь. Во вторник он приказал мне после обеда явиться к нему в покои. Он угостил меня вином и похвалил за то, что я служу королю на совесть и при этом умею держать рот на замке.

– Его величеству известно, что на меня можно положиться, – прибавил Чиффинч. – Подчиненных я выбираю тщательно, поэтому ваши достижения в некоторой степени моя заслуга.

Я воспользовался этой неожиданной похвалой, чтобы спросить, как его величество намеревается поступить с герцогом Бекингемом и его подручными, Вилом и Роджером.

Чиффинч снисходительно улыбнулся.

– А вы все так же наивны, – произнес он. – Король осыпает герцога всеми возможными милостями, его величеству приятно общество Бекингема, герцог повсюду его сопровождает, и в Тайном совете наш монарх прислушивается к его мнению.

– Но...

– Никаких но. У короля нет друзей и врагов в том смысле, какой вкладываем в эти слова мы, его подданные. Мудрый человек всегда держит недоброжелателей рядом – чем они ближе, тем меньше у них возможностей строить козни за твоей спиной. К тому же нет ни единого доказательства, изобличающего Бекингема. Когда герцог разговаривал с вами, его лицо скрывала маска, а значит, вы не можете с абсолютной уверенностью утверждать, что это был именно Бекингем, я прав? Ну а что касается человека по фамилии Вил и его слуги, то, да будет вам известно, оба сейчас пользуются большой популярностью в Сити. Они выкорчевали гнездо содомитов. Тем самым они заслужили благодарность лондонцев.

Некоторое время мы молча пили вино.

– И учтите, – прибавил Чиффинч. – На вашем месте я бы не рассчитывал на расположение герцога Бекингема. Этот человек ничего не забывает.

Глава 54

В тюрьме Ньюгейт Джорджа Милкота поместили в одиночную камеру, и это было единственное, в чем ему повезло. В руках худших из лондонских преступников, ожидающих смертной казни в общей камере, мужеложца постигла бы страшная участь. Я не знал, кто оплатил эту маленькую привилегию, а когда я спросил об этом Милкота, он ответил, что тоже не знает. Возможно, над Милкотом сжалился лорд Кларендон или даже герцог Йоркский, хотя официально ни тот ни другой не оказывали приговоренному ни капли поддержки.

После случившегося в прошлом году Пожара бóльшая часть здания тюрьмы до сих пор лежала в руинах: камни западной стены разлетелись на куски от сильнейшего жара. Милкота держали в части здания, которую временно отвели для этих целей, пока тюрьму не восстановят полностью. Стены камеры почернели от копоти, а дверь обуглилась, хотя по-прежнему оставалась крепкой. В воздухе стоял запах сырости. Зарешеченное окошко размером было меньше квадратного фута. Стекло отсутствовало, и внутрь проникали звуки и запахи с расположенного внизу двора.

За исключением койки, сесть было некуда, поэтому мы с Милкотом разговаривали стоя. Меня потрясло, насколько он изменился. На нем был все тот же завитой парик, но теперь он спутался и сваялся. Я заметил на щеке Милкота кровоподтек. Бледный, небритый и неопрятный, он был одет в мятую, покрытую пятнами одежду.

– Вы мой первый посетитель, – заметил Милкот. – И возможно, единственный. Зачем вы пришли? Должно быть, вы принесли мне дурные вести.

– Я пришел, потому что хотел поговорить с вами, – ответил я. – В сносных ли условиях вас содержат?

– В терпимых. Еду приносят дважды в день. Полагаю, тюремщики в нее плюют. Но бóльшую часть времени они оставляют меня в покое, а это уже само по себе немало.

– Скажите, вы убили не только Олдерли, но и Горса? – задал вопрос я.

– Я оказался в отчаянном положении. – Тон Милкота был почти скучающим, будто он говорил о деле, не имевшем лично к нему ни

малейшего отношения. – Тем вечером я шел к вам, чтобы предупредить: двое проходимцев, нанятых Бекингом, снова объявились возле Кларендон-хауса. До вашей двери оставалось всего несколько шагов, и вдруг я заметил, что за мной кто-то следит. Я устроил засаду на соглядатая. А когда оказалось, что это Горс, я...

– Вы убили его, чтобы раз и навсегда заткнуть ему рот, – продолжил я.

Милкот нахмурился:

– Разве я мог поступить по-другому? Горс не оставил мне выбора. Он был главным свидетелем против меня. Этот слуга требовал все больше денег, угрожая, что отправит лорду Кларендону письмо, в котором разоблачит меня. Поэтому я ударил его ножом, а тело бросил в реку. Добраться с ним до берега было нетрудно – я приехал верхом и просто закинул труп на лошадь. К тому времени почти стемнело. Возникли у прохожих вопросы, я сказал бы, что везу домой пьяного друга. Однако я никого не встретил.

– Спускаясь с трупом к реке, вы очень рисковали. Вас легко могли заметить.

– Зачем пользоваться Савойской лестницей, когда рядом пристань Сомерсет-Ярд? В такой поздний час там не оказалось ни души. Вода стояла высоко, к тому же был отлив.

– И все-таки вам крупно повезло.

– Повезло? – Милкот обвел камеру широким жестом. – И это вы называете везением? Нет, просто у меня не оставалось другого выхода, и я сделал то, что мог. Во всем виноват Горс. Во всем. Однажды вечером он заметил меня на Лав-лейн и догадался, зачем я туда пришел. Эти сведения он продал своему бывшему хозяину Олдерли. Они с самого начала были заодно. Вот как Горс получил место в Кларендон-хаусе.

– Ах вот оно что, – произнес я. – При помощи шантажа вас заставили дать Горсу рекомендацию. Один раз вы сказали, что этого слугу рекомендовала леди Кларендон, но позже вы забыли о собственных словах и начали себе противоречить, утверждая, что кандидатуру Горса предложили вы.

– Я не жалею о том, что Горс и Олдерли мертвы, – проговорил Милкот. – Оба были злыми людьми. Они принудили меня...

Осекшись, Милкот отвернулся к стене.

«Разве шантаж не худшее преступление, чем содомия?» – подумал я.

– К чему они вас принудили? – спросил я.

– Олдерли нужна была серебряная шкатулка из кабинета лорда Кларендона – я так и не узнал зачем. А еще оба требовали денег. – Лицо Милкота исказила гримаса. – Все больше и больше. Мне даже приходилось красть у его светлости... – Милкот снова повернулся ко мне. – Олдерли обещал, что, заполучив шкатулку, оставит меня в покое. Клялся честью. Но честь ему была неведома. Этот мерзавец солгал.

– Олдерли увидел госпожу Хэксби, когда она работала в павильоне, – догадался я. – Он тут же сообразил, что вы ему еще пригодитесь.

– Для меня это стало последней каплей. – Милкот закрыл лицо руками. – Олдерли жаждал ей отомстить. Он велел мне в субботу заманить госпожу Хэксби в павильон, когда разойдутся все работники. От меня требовалось придумать благовидный предлог – скажем, задержать ее, чтобы обсудить ход работ: позволит ли господину Хэксби здоровье выполнить заказ в срок? А еще Олдерли сказал, что крышка колодца должна быть убрана, а дверь павильона не заперта и калитка в саду тоже. И в тот момент я понял, как низко пал.

В камере воцарилась тишина. Снизу со двора доносились то окрики, то вопли, то смех.

– Я не мог допустить, чтобы Олдерли заманил госпожу Хэксби в ловушку. – Милкот встретился со мной взглядом. – Я не желал участвовать в подобном деле, сэр. Я притворился, будто согласен. Однако я не сказал госпоже Хэксби ни слова и подстерег Олдерли сам. Но этот негодяй догадался, что я задумал, и набросился на меня со шпагой. Я сбросил его в колодец, о чем нисколько не жалею. Я оставил тело в воде, чтобы Горс обнаружил его в понедельник утром. Впоследствии я опасался, что моя виновность будет очевидна всем. Запаниковав, я написал Чиффинчу трусливое письмо, обвиняя в убийстве госпожу Хэксби, и за это мне нет прощения.

Признание вытянуло из Милкота последние силы. Он резко опустился на койку, представлявшую из себя соломенный тюфяк на узкой каменной полке, тянувшейся вдоль стены.

– Письмо было ошибкой, – заметил я. – Напрасно вы отправили его именно Чиффинчу. Немногим было известно о его участии в этом деле.

Милкот застонал и привалился спиной к стене камеры. Я не понимал, что им двигало. Не человек, а клубок противоречий. С одной стороны, он остался прежним – тем же бравым солдатом, верным слугой и настоящим джентльменом, заслужившим всеобщее уважение. Но с другой стороны, его странные наклонности так и выпирали вперед, будто сучки на деревянной доске, и являлись такой же его частью, как храбрость или учтивость. Однако не они сами заставили Милкота пойти на неблагоприятные поступки – им руководил страх разоблачения.

Я вспомнил, как мы ужинали в «Козе» в тот день, когда сбежал Горс. Милкот в тот раз напился до беспамьятства. Теперь я понимал почему: Горс знал его тайну. В тот вечер, перед тем как погрузиться в беспамьятство, Милкот схватил меня за руку и спросил, когда закончится этот кошмар. Теперь мы оба узнали ответ на этот вопрос, практически с точностью до дня. Стало нам известно и то, каким именно будет финал. Для Милкота эта история закончится на эшафоте.

Милкот сел прямо, явно пытаюсь взять себя в руки.

– Госпожа Хэксби вернулась в чертежное бюро? – спросил он.

– Да. Скоро она станет женой владельца.

– Этого старика? – Милкот поморщился. – Какая мерзость.

Хотя у меня самого мысль об этом браке вызывала отвращение, я постарался говорить спокойно, будто судьба «госпожи Хэксби» меня мало интересовала.

– Насколько я понял, речь идет о союзе по расчету, а не по любви. От этой сделки выиграют обе стороны.

– Вы не передадите ей от меня одну вещь? В качестве свадебного подарка или в знак извинения.

– Какую?

– Ту самую шпагу.

– Оружие работы Клеменса Хорна, принадлежавшее Олдерли? – уточнил я. – А я думал...

– Рука не поднялась выбросить такую вещь. Знаю, что надо было от нее избавиться, и все же... Я нашел человека, который отшлифовал клинок и стер с него герб, а еще я собирался раздобыть новые ножны – старые от пребывания в воде пришли в негодность... – Милкот пожал плечами. – Сейчас все эти хлопоты кажутся такими мелкими! При аресте ее забрали. Я напишу записку, и шпагу отдадут вам. Это

единственная ценная вещь, которая у меня осталась. Да и в любом случае, если госпожа Хэксби действительно кузина Олдерли, шпага принадлежит ей по праву.

Милкот быстро нацарапал карандашом записку на форзаце, вырванном из Библии. Потом мы снова погрузились в неловкое молчание.

– Вы знаете дату? – наконец спросил я.

– Когда меня повесят? Нет. Мне никто ничего не говорит. Смерти я не боюсь, Марвуд, но я бы хотел, чтобы все поскорее закончилось. Самое худшее во всем этом – ожидание.

Навестив Милкота в Ньюгейте, на следующий день я нанес визит леди Квинси. Меня провели в гостиную на втором этаже. Хозяйка сидела у окна и пришивала к сорочке кружева. За этим занятием леди Квинси выглядела очаровательно и являла собой образец безупречной женственности, – скорее всего, так и было задумано. Госпожи Фрэнсис в комнате не было.

– Вы очень пунктуальны, сэр, – заметила хозяйка, когда я отвесил ей поклон. – Люблю мужчин, знающих цену времени. Стивен уже готов, но, прежде чем заберете мальчика, пожалуйста, составьте мне компанию. – Отложив шитье, леди Квинси улыбнулась. – Может быть, отужинаете со мной? Я сегодня совсем одна.

За этим, на первый взгляд безобидным, приглашением безошибочно угадывался скрытый смысл. Я ответил, что спешу и не могу задерживаться: как и предложение леди Квинси, мой отказ тоже следовало толковать двояко. С лица хозяйки тут же исчезла улыбка. Полагаю, в этот момент она поняла, что все кончено. Мы больше ничем не могли быть друг другу полезны, и теперь нас ничто не связывало.

Леди Квинси попросила меня позвонить в колокольчик, чтобы пришла горничная. Ее светлость приказала Энн собрать Стивена и привести мальчика в холл. Пока мы ждали, хозяйка вручила мне четыре документа: свидетельство о собственности, подтверждающее, что раб принадлежит ей, письмо с ее подписью, согласно которому она передавала невольника мне, свидетельство о болезни от господина Найта и пропуск на публичную церемонию, выписанный доктором во время нашего последнего визита.

– Ну вот и все, сэр, – холодно произнесла леди Квинси и снова взялась за шитье. – Думаю, вряд ли мы с вами повстречаемся снова.

– Позвольте с вами не согласиться, мадам. Король приказал мне сопровождать вас и госпожу Фрэнсис на закрытую церемонию, когда будет назначена дата. Кроме того, я должен привезти на нее Стивена.

– Стивена? Стивена?! Это еще что за вздор?

– Король сказал, что исцелит своим прикосновением и его тоже, причем в тот же самый день.

Леди Квинси едва не поперхнулась от негодования, однако возражать не решилась. Мы холодно попрощались, и я спустился в холл. Стивен ждал меня с узелком, в который было завернуто его скудное имущество.

До ворот Мургейт мы дошли пешком, а там я нашел возницу, согласившегося отвезти нас в Савой. Я задал мальчику два-три вопроса, но он отвечал только «да» или «нет». Большая часть пути прошла в молчании.

Когда мы приехали в Инфермари-клоуз, дверь нам открыл Сэм. При виде Стивена он присвистнул:

– Ух ты, африканец! На последнем корабле, где я служил, тоже был вот такой черный паренек. Ловкий, как кошка, а уж псалмы пел не хуже любого христианина. Умеешь петь псалмы, малец?

Стивен молча глядел на моего слугу.

Сэм отвесил ему легкий подзатыльник.

– Я просил хозяина найти мне в помощники шустрого мальчишку. Ты, пожалуй, сгодишься, как только разговаривать научишься.

Я отвел Стивена на кухню. Маргарет вопросительно взглянула на мальчика.

– Он что же, будет жить с нами?

– Именно, – подтвердил я. – Стивен будет помогать тебе на кухне и выполнять любые твои поручения.

– А не опасно держать в доме язычника?

– Дай ему какую-нибудь работу. Он тебе будет и лучину щипать, и уголь носить, и полы подметать, и в лавку бегать, и вертел крутить.

Стивен во все глаза смотрел по сторонам.

– Только сначала накорми его, – прибавил я.

Глава 55

Ближе к вечеру Хэксби и Кэт остались в чертежном бюро одни. Бреннан отправился в Сити проследить, как роют новые подвалы в Драгон-Ярде.

Кэт измеряла высоту арки, как вдруг раздался стук в дверь. Вошел Джеймс Марвуд с длинным свертком под мышкой. Кэт взглянула на незваного гостя с досадой: из-за него она сбилась со счета. Девушка не видела Марвуда с прошлой недели, когда он отдал ей сумку кузена Эдварда и почти сразу же умчался в Уайтхолл.

Поздоровавшись с господином Хэксби, Марвуд направился к ней. Положив сверток на стол, молодой человек развернул его. Под старым плащом скрывалась шпага.

– Что это? – спросила Кэт, отложив карандаш. – Вы не могли бы положить эту штуку в другое место?

– Господин Милкот просил отдать ее вам, – ответил Марвуд. – Пусть она будет чем-то наподобие свадебного подарка. Шпага принадлежала вашему кузену. Лет ей немало, однако она изготовлена самим Клеменсом Хорном, – кажется, это означает, что она предмет мечтаний.

– Вы правы, – подтвердил Хэксби, вскинув голову при упоминании имени мастера. – Оружие его работы дорого стоит.

– Я вовсе не мечтаю об этой шпаге, – возразила Кэт. – Для кузена она была предметом гордости.

– В таком случае продайте ее, – посоветовал Марвуд.

Хэксби не без труда поднялся на ноги. Шаркая и на ходу расстегивая камзол, он направился в уборную.

Кэт дотронулась до ножен.

– Кожа до сих пор мокрая. Так и не высохла после колодца.

– Милкот сказал, что ножны придется заменить. От воды кожа разложилась.

Девушку бросило в дрожь.

– Я к этой вещи близко подходить не желаю. Прошу вас, сэр, заберите ее, чтобы я ее больше не видела.

– Как вам будет угодно.

– Вы были ко мне очень добры, – произнесла Кэт так резко, будто упрекала его. Девушка вдруг осознала, насколько привыкла воспринимать заботу Марвуда как должное, а ведь он так много для нее сделал! – Я вам благодарна.

– Пустяки, – буркнул Марвуд.

Хэксби скрылся в уборной и закрыл за собой дверь. Послышался скрежет задвижки. Будущий супруг Кэт не любил, чтобы его беспокоили, когда он пытался опорожнить свой вялый кишечник.

Кэт шагнула ближе к Марвуду.

– Вы его видели? Как он?

– Милкот? Настолько хорошо, насколько возможно в таком положении. Его держат отдельно от других приговоренных, для него это уже счастье. Милкот ждет, когда ему сообщат дату казни.

– По-своему он человек неплохой, – заметила Кэт. – Порядочный, храбрый. И хозяину, и королю служил на совесть. К тому же он был вовсе не обязан признаваться в убийствах.

– А еще он содомит, – резко и сурово прибавил Марвуд.

Его тон вывел Кэт из себя.

– А мой кузен Эдвард был насильником. Жестоким человеком. Шантажистом. Вором. Он убил бы меня при малейшей возможности. Неужели вы и вправду считаете, будто Милкот хуже Эдварда Олдерли?

– Может быть, и нет. Но вы же не станете отрицать, что поведение Милкота противоречит природе и нарушает законы – как Божьи, так и человеческие.

– Откуда вы знаете?

– Содомия – грех и преступление. Это всем известно.

– А если никто никому не причиняет вреда и все совершается по обоюдному желанию?

– Вы что же, спорите с Библией? – Марвуд запнулся. – И английские законы, по-вашему, ошибочны?

– Может, и ошибочны. Что ж тут такого? – Кэт почувствовала, что собеседник уже не на твердой почве. – К тому же ошибается не Библия, а люди, которые нарочно толкуют ее так, чтобы оправдать жестокие законы.

– Милкот убил и вашего кузена, и Горса. Разве он не заслуживает казни за одни только эти преступления?

– Мы сейчас о другом, – сердито возразила Кэт.

– Да вы просто сумасбродка.

Марвуд отвернулся и стал заворачивать шпагу в плащ.

– Оказывается, вы такой же, как и все, – выпалила Кэт. Они сами не заметили, что спорили уже не из-за Милкота. – Я думала, вы другой, но я ошибалась. Вы плетете интриги и строите козни не хуже остальных. Ваша жизнь крутится вокруг господина Уильямсона и господина Чиффинча. Все прикидываете, как им услужить и что они сделают для вас взамен. От вас только и слышно: лорд такой-то, герцог такой-то! Бегаете от одного к другому и шепчете им на ухо секреты. Вас волнует только, что сказал вам король во время последней аудиенции. А еще ваш дом в Савое, слуги и этот глупый новый парик. Я не знаю даже, насколько искренна ваша доброта ко мне. Готова поспорить, вы и тут преследуете свои интересы.

Кэт замолчала, переводя дух. Она сама не ожидала от себя такой гневной вспышки.

– Зачем вам выходить за Хэксби? – вдруг спросил Марвуд.

– А вам какое дело? Я распоряжаюсь своей жизнью так, как считаю нужным. Я решила, что стану его женой, значит так тому и быть. И на это у меня есть две самые весомые причины на свете: во-первых, я очень уважаю господина Хэксби, а во-вторых, для нас обоих это благоразумный шаг.

– Благоразумный?

Марвуд побледнел, и шрамы на левой стороне его лица сразу проступили четче.

– Именно. Кстати, о благоразумии. Вы в последнее время виделись с моей тетей?

– Да. – Марвуд попятился так, будто Кэт хотела его ударить. – Но...

– Советую держаться от нее подальше. – Кэт одновременно хотела и побольнее задеть Марвуда, и помочь ему. – Неужели сами не понимаете? Эта леди с фарфоровым личиком – та еще змея, рано или поздно она отравляет все, к чему прикасается. Ее яд погубит и вас, если уже не погубил.

Марвуд поморщился:

– Благодарю за совет, однако вы напрасно тревожитесь. Будьте любезны, попрощайтесь за меня с господином Хэксби.

Марвуд взял сверток и отвесил поклон. Остановившись в дверях, он оглянулся.

– Вы сказали, что ножны до сих пор мокрые после колодца. Но как вы узнали, что в тот роковой день на поясе Олдерли была именно эта шпага, ведь у вашего кузена их несколько? И почему вы так уверены, что ножны побывали в колодце? Откуда...

Марвуд умолк. С улицы доносился обычный шум. Из уборной раздался низкий стон Хэксби, являвшийся выражением то ли боли, то ли удовольствия.

От гнева Кэт не осталось и следа.

Девушка произнесла:

– Я подумала... просто предположила, что... эти ножны висели у Эдварда на поясе, когда он...

Они с Марвудом долго глядели друг на друга. Затем он, ни слова не говоря, отвернулся и поднял щеколду. Когда Марвуд ушел, Кэт направилась в свою каморку. Слова – вещь опасная, и воспоминания тоже. Девушка легла на кровать и уткнулась в стену. На глаза навернулись слезы. Кэт старалась ни о чем не думать и гнала от себя все до единой мысли.

Глава 56

Джорджа Милкота повесили 7 октября вместе с восемью другими приговоренными к смерти преступниками. Это был понедельник – казни чаще всего проводили именно в этот день недели. Осуществление правосудия стоит денег. Когда позволяли обстоятельства, власти предпочитали экономить за счет масштабов: гораздо практичнее вешать как можно больше преступников за одну церемонию. К тому же любая публичная казнь собирает многолюдные и зачастую буйные толпы, отчего лондонские улицы оказываются запружены еще больше обычного, а это, в свою очередь, не лучшим образом сказывается на торговле.

Утром приговоренные, все мужчины, были доставлены на повозке в Тайберн. Кандалы с узников сняли еще в тюрьме, и тогда же палач пожал руку каждому преступнику. Делалось это вовсе не из вежливости: так палачу удобнее было определить рост человека и рассчитать, какой длины веревка потребуется.

Я смотрел на повозку издали, но ближе подходить не стал. Некоторые заключенные облачились в лучшие воскресные камзолы, кое-кого сопровождали родные и друзья. Но проститься с Милкотом не пришел никто, и он был одет в те же грязные вещи, что и на прошлой неделе, единственным отличием было отсутствие шляпы и парика. Милкот стоял в стороне от остальных, держась за борт повозки. Однако его осанка оставалась прямой, а лицо невозмутимым. Милкот шел на смерть, как подобает солдату.

Процессия медленно преодолела Сноухилл и перешла через мост Холборн. Возле церкви Святого Эгидия в Полях телега остановилась, и всем приговоренным дали по кварте эля, чтобы облегчить их переход в мир иной. Свою порцию Милкот вылил на землю, чем вызвал шумное негодование толпы.

В Тайберне преступников ждало Тройное дерево, представлявшее собой три столба, поддерживавших горизонтальный деревянный треугольник, на котором с легкостью можно было вздернуть больше дюжины приговоренных одновременно. Обогнав процессию, я протолкался к подножию эшафота, где палач проверял веревки и

перешучивался с женщинами в толпе. При виде моего ордера с королевской подписью он тут же застыл.

Я отвел палача в сторону.

– Насколько мне известно, сегодня вам предстоит казнить человека по фамилии Милкот?

– Верно. – Палач сплюнул на землю. – Содомита и душегуба.

– За какую сумму вы согласны исполнить свою работу так, чтобы он долго не мучился?

Палач оглядел меня с головы до ног.

– Публика останется недовольна. Такому, как он, легкой смерти никто не желает.

– Сколько?

– За десять шиллингов, сэр, я потяну его за ноги и сломаю шею. Но сначала пускай попляшет на веревке минуточку-другую.

Я постучал пальцем по ордеру.

– Сломаете ему шею сразу же, как только вздернете, – получите фунт золотом. Десять шиллингов сейчас и еще десять потом.

Мы ударили по рукам, а когда повозка подъехала к эшафоту, я скрылся в толпе. Приговоренным накидывали петли на шеи прямо в телеге, их казнили по три человека зараз. Некоторые использовали свое право обратиться к толпе, другие молились Творцу. Но Милкот молчал. Стоя, как на параде, он глядел вверх, на небо. Я не мог не восхититься его мужеством.

Когда речи были произнесены, приговоренным завязывали глаза. Лошадь вели вперед, к эшафоту. Палач надевал удавки на шеи преступников. Потом лошадь вместе с телегой отходила от эшафота, а приговоренные оставались болтаться в воздухе, брыкая ногами и опорожня мочевые пузыри.

Милкот оказался во второй группе. Перед тем как ему на глаза надели повязку, он поднял голову. Его глаза пробежали по толпе, как будто высматривая лицо друга. Когда Милкот взглянул в мою сторону, я вскинул руку, и он кивнул: надеюсь, мой былой приятель разглядел меня и понял, что он не один. Милкот оказал Кэт услугу, хотя, возможно, она не заслужила подобной доброты. Однако я уважал Милкота за этот поступок.

Когда всем троем завязали глаза, палач подал знак, и его подручный стал уводить лошадь с телегой от эшафота. Внезапно

повисла тишина, словно весь мир затаил дыхание. А потом тела троих казненных заплясали в воздухе.

Тут палач шагнул вперед, огромными ручищами обхватил лодыжки Милкота и резко дернул. На этом все было кончено.

Расплатившись с палачом, я медленно направился в сторону Генриетта-стрит, собираясь рассказать Кэт и о казни, и о своем вмешательстве. Одному Богу известно, на что я рассчитывал в ответ. Похвалы от Кэт уж точно ждать не приходилось. Но пусть эта девушка знает, что я воздал должное лучшим качествам Милкота так же, как и она, хотя для того, чтобы их оценить, у Кэт были свои причины.

По пути я обдумывал еще один вопрос, уже три дня мучивший меня, как незаживающая гнойная рана. Ножны шпаги Клеменса Хорна и впрямь не высохли. Кэт было известно, что они побывали в колодце. Но только Милкот, Горс и я знали об этом. Я не рассказывал Кэт подробностей, а от Милкота или Горса она об этой детали узнать не могла.

Мэтью Горс, утверждавший, будто заметил тело Олдерли в колодце в понедельник утром, не смог бы разглядеть утопленника, если бы не спустил в шахту фонарь. Милкот сказал мне, что Олдерли велел ему заманить Кэт в павильон в субботу вечером. Однако, по словам Милкота, распоряжения Олдерли он не исполнил и вместо этого сбросил Эдварда в колодец, чтобы раз и навсегда избавиться от шантажа.

Тогда откуда же Кэт знала, что ножны намокли от колодезной воды? И почему она была так уверена, что в тот вечер из своих многочисленных шпаг ее кузен выбрал именно эту, работы Клеменса Хорна?

Но что, если?.. Допустим, Милкот мне солгал.

Предположим, в субботу, во второй половине дня, после разговора со мной в кружевной лавке на Новой бирже Кэт отправилась в павильон. «До встречи с нашими клиентами осталось меньше часа, — сказала она, убегая. — Мне пора». Возможно, клиентом, о котором шла речь, был Милкот? Значит, Кэт вошла в павильон, ожидая найти там Милкота, но вместо секретаря лорда Кларендона ее подкарауливал Олдерли?

А несколькими минутами ранее во время нашей беседы Кэт сказала: «Когда-нибудь я убью своего кузена».

Как еще объяснить расхождения, связанные с ножнами шпаги работы Клеменса Хорна? В теории схватка между Кэт и ее кузеном заведомо неравная: дюжий мужчина со шпагой против безоружной девушки, застигнутой врасплох. Но Кэт не робкого десятка, к тому же я только что предупредил ее о коварных планах кузена, а значит, ее положение было далеко не так безнадежно, как может показаться. А затем в тот же вечер, задолго до того, как о смерти Олдерли стало известно, Кэт покинула Лондон, хотя на Новой бирже решительно заявляла, что не станет убегать от кузена. Но возможное обвинение в убийстве – совсем другое дело.

Допустим, Милкот вернулся в павильон и обнаружил, что Кэт и след простыл, а в колодце плавает тело Олдерли. Даже пожелай он разоблачить девушку, Милкот никак не мог обвинить ее в убийстве, умолчав о собственном участии в этой истории. Ну а все остальное, включая финальный акт трагедии, закономерно проистекало из принятых Милкотом решений: когда терять ему стало больше нечего, он взял вину за смерть Олдерли на себя. Шантаж Эдварда Олдерли превратил Милкота в злодея. Эта роль оказалась ему не по нутру, и, возможно, своим признанием Милкот пытался искупить вину перед Кэт.

Стоит ли рассказывать ей об этом – хотя бы для того, чтобы Кэт знала, какую услугу Милкот оказал ей напоследок? Или лучше помалкивать?

На Генриетта-стрит я постучал в дверь под вывеской с розой. Узнав меня, привратник сразу оказал мне радушный прием. Заботясь о добром имени Кэт, я спросил, на месте ли господин Хэксби.

– Вы с ним только что разминулись, господин, – ответил привратник. – Да и с остальными тоже. – Его манера речи показалась мне непривычно оживленной. Неужто привратник навеселе? – В чертежном бюро ни души.

– Куда же они все подевались?

– В церковь ушли. – Привратник указал на собор Святого Павла, возвышавшийся напротив. – Господин Хэксби сегодня венчается со своей кузиной. А господин Бреннан и доктор Рен – свидетели.

– Но о помолвке еще не объявляли, – произнес я. – Я думал, свадьба состоится в конце месяца.

– Господин Хэксби получил разрешение от епископа. – Привратник многозначительно ухмыльнулся. – Уж очень ему не терпелось.

Кэт лежала на спине, одетая в ночную сорочку и чепец. Занавеси вокруг кровати были раздвинуты. В комнате горело не меньше дюжины свечей – что за безрассудное расточительство!

– Я хочу видеть свою невесту в первую брачную ночь, – чуть невнятно выговорил Хэксби, прижимаясь к ней за ужином. Отчего у жениха заплетался язык, от вина или от болезни, Кэт не знала. – Разве я этого не заслужил?

До тех пор Кэт полагала, что их брак, по сути, договоренность между деловыми людьми, заключенная для взаимной выгоды, и обычный супружеский долг в условия не входит. В мае, предлагая Кэт стать его женой, Хэксби создал у нее именно такое впечатление. Он стар и болен, поэтому о постельных утехах Хэксби не заикался ни тогда, ни позже – до нынешнего момента.

Кэт возблагодарила Бога за то, что пока лежит в постели в одиночестве. Она прислушалась к ночным звукам. Из-за близости Ковент-Гарден на Генриетта-стрит редко воцарялась полная тишина. И под колоннадами вокруг площади, и на соседних улицах почти в любое время дня и ночи можно было наткнуться и на уличную девку, и на попрошайку, и на игрока в кости.

Еще не пробило полночь, и с улицы доносились крики, пение, стук копыт и колес по дороге. Кэт с радостью поднялась бы на этаж выше, в свою каморку на чердаке, смежную с мастерской. Там тише, в ней она ближе к небу, и ее покой никто не тревожит. Но вместо этого Кэт лежит в своей новой спальне. Хэксби взял в аренду весь этаж целиком, и теперь ее новая квартира состояла из салона, или гостиной, и четырех комнат, помимо той, в которой она сейчас находилась. По крайней мере, Хэксби не собирался делать из Кэт кухарку: еду для них будут готовить на первом этаже или можно будет заказывать блюда в кухмистерской или таверне.

– Очень удобно, – рассуждал Хэксби, показывая Кэт эту квартиру. – Я буду и работать, и жить в одном здании, а ты наверняка

будешь рада наконец стать хозяйкой в своем доме.

Кэт не ответила. Она заключила с Хэксби сделку, и условия, которые он ей предложил, были более чем выгодны. После событий этих трех недель Кэт должна бы была радоваться, что она не в тюрьме и не на виселице. Отныне она полноправная хозяйка собственного дома и мастерской. Днями напролет она будет заниматься делом, которое ей интересно. Вместе с фамилией господина Хэксби она получила защиту, подкрепленную законом. Благодаря мужу Кэт обрела статус. Разве у нее есть хоть один повод для жалоб?

Как будто в ответ на ее вопрос из уборной донесся низкий стон. В начале вечера они взяли наемный экипаж и поехали в «Барашек». Хэксби устроил трапезу роскошнее обычной и к тому же выпил больше вина. Кэт подозревала, что сейчас он расплачивается за эти излишества. Но не вечно же ее муж будет восседать на стульчаке. Скоро он выйдет и потребует того, что принадлежит ему по праву, данному церковью и государством.

Но хуже, чем в тот раз, когда кузен Эдвард подстерег ее в собственной спальне и взял силой, точно не будет. Кэт утешалась этой мыслью. Как бы там ни было, от Хэксби она не видела ничего, кроме добра. В отличие от Эдварда.

Стоило Кэт мысленно свернуть на эту дорожку, и она тут же оказалась во власти старого кошмара, от которого ей, возможно, никогда не избавиться. Время и усилие воли помогли Кэт приглушить воспоминания о совершенном над ней насилии. Однако новому воспоминанию всего лишь три недели, рана так свежа, что еще кровоточит. Стоило Кэт закрыть глаза, и эта картина тут же представляла перед ее мысленным взором.

«Когда-нибудь я убью своего кузена», – сказала она Марвуду во время встречи на Новой бирже.

Это всего лишь фигура речи, говорила она себе. Просто выражение ненависти, за которым не стоит никаких преступных намерений. В тот субботний вечер Кэт действительно не строила никаких планов. После того как она попрощалась с Марвудом на Стрэнде, у девушки из головы не шла новость о том, что кузен ее выследил. Однако это не повод пренебрегать обязанностями по отношению к господину Хэксби и клиентам. Утром господин Милкот украдкой подошел к ней и попросил ее прийти в павильон Кларендон-хауса, чтобы обсудить с ним

деликатный вопрос: способен ли господин Хэксби выполнить задачу, которую на себя взял. Господин Милкот сказал, что его смущает ухудшающееся состояние здоровья Хэксби, да и работы идут слишком медленно. И ради Хэксби, и ради себя самой Кэт не могла допустить, чтобы они потеряли этот заказ.

Милкот просил Кэт зайти через калитку в сад, сказав, что нарочно оставит ее незапертой. «Боюсь, если нас увидят вместе в отсутствие господина Хэксби, слуги будут сплетничать, – вполголоса произнес Милкот. – А когда до вашего начальника дойдут слухи о нашем разговоре с глазу на глаз, он, конечно, захочет узнать, что мы обсуждали. Я уж не говорю о том, что дурная молва навредит вашей репутации. Сами знаете, людям только дай повод. Поэтому я буду осмотрителен и прошу вас тоже соблюдать осторожность».

Кэт была тронута его заботой и польщена тем, что он желает знать ее мнение. От подозрения, что Милкот задумал ее соблазнить, Кэт отмахнулась: как любой истинный джентльмен, он дорожит честью. Казалось, Милкота смущала даже сама мысль о том, что ему придется разговаривать с девушкой наедине. Однако теперь Кэт поняла истинную причину его смущения. Эдварду была известна тайна Милкота, и кузен воспользовался ею, чтобы шантажом заставить секретаря лорда Кларендона заманить Кэт в ловушку.

После разговора с Марвудом Кэт так боялась опоздать, что всю дорогу почти бежала: сначала по Стрэнду, потом с Чаринг-Кросс на Пикадилли до Кларендон-хауса. Темнело. Никто не видел, как Кэт вошла в сад: к тому времени садовники уже закончили работу.

Павильон был не заперт. Не дожидаясь приглашения, Кэт вошла внутрь, закрыла за собой дверь и позвала господина Милкота. В ответ из подвальной кухни донесся мужской голос. Кэт спустилась по лестнице. Дверь была открыта. На каминной полке горел фонарь. По стенам подвала плясали тени.

– Сэр!

Кэт вошла в помещение, и дверь тут же захлопнулась у нее за спиной.

– Ах ты тварь, – произнес мужской голос. – Грязное противоестественное отродье. Чертова подстилка.

Кэт развернулась. Прислонившись к двери, стоял Эдвард. В руке он держал шпагу. Из-за повязки на глазу он напоминал причудливое

существо из ночного кошмара – наполовину чудовище, наполовину паяц.

– Кричи сколько хочешь, – продолжил кузен. – Никто не услышит. В такой поздний час в саду ни души.

Кэт попяtilась, нащупывая нож. Но оружие проткнуло ткань и застряло поперек кармана. Девушка отчаянно дергала рукоятку, но никак не могла высвободить клинок.

Эдвард медленно приближался, наконечник его шпаги подрагивал в воздухе, а узкие ножны покачивались у него на поясе. Эдвард выглядел крупнее, чем она помнила, он отяжелел и обрюзг. Кэт вспомнила, как он навалился на нее всем своим весом. Его вонь. И боль.

Не сводя глаз с Эдварда, Кэт шаг за шагом пятилась от него вглубь подвала. Напротив колодца высилась гора досок – часть разобранных лесов, которые работники использовали, когда клали свежий раствор в шахте колодца. В углу Кэт заметила лебедку. К сожалению, инструментов в подвале не осталось – работники унесли все до единого.

Плечо Кэт коснулось стены. Дальше отступить некуда.

Эдвард рассмеялся:

– Теперь ты от меня никуда не денешься.

– Разве мало зла ты мне причинил? – спросила Кэт.

Ее голос прозвучал чуть громче шепота.

– За то, что ты на меня напала, я мог бы обвинить тебя в покушении на мою жизнь, – продолжил Эдвард, будто не услышав. – И добиться, чтобы тебя повесили. Но тогда все пойдет законным порядком, а какое от этого удовольствие? Права на месть заслуживаю я, а не судьи. – Он дотронулся до повязки на глазу. – В Библии сказано: око за око.

Кэт водила рукой по стене, надеясь нащупать свободный кирпич, которым можно воспользоваться как оружием. Надеяться оставалось только на чудо.

– Пожалуй, задеру-ка я сначала твою юбку и преподам тебе тот же урок, что и в прошлый раз. С тех пор ты созрела еще больше, кузина, самое время собирать урожай.

Кэт похолодела, ее замутило от страха. Ее левая рука почувствовала дуновение воздуха. Кэт стояла возле камина, над

которым тянулась каминная полка.

От наконечника шпаги ее отделяло не больше ярда.

– А когда доведу дело до конца, выброшу твои бранные останки в колодец. Для тебя это большая честь, кузина. Говорят, здешняя вода самая чистая в Лондоне. Да только ты ее быстро отравишь своими миазмами.

Времени на раздумья не было, нужно было действовать. Кэт потянулась к полке, и ее рука задела фонарь. Просунув пальцы между ним и стеной, девушка со всей силы запустила фонарь в Эдварда.

Сделанный из кованого железа, фонарь оказался тяжелее, чем рассчитывала Кэт. Девушка надеялась добросить фонарь до кузена, но вместо этого он с грохотом упал на каменную плиту у ног Эдварда. Однако, следя за полетом фонаря, кузен на секунду отвлекся. Эдвард опустил шпагу и отступил на шаг.

Свеча погасла.

Но еще до этого прижавшаяся к стене Кэт стала отползать от камина в дальний угол за колодцем. В подвале воцарилась почти кромешная тьма, но память подсказывала ей, в каком направлении двигаться. Там и доски, и лебедка. Может быть, она найдет, чем обороняться. Или...

Но добраться до угла Кэт не успела. Эдвард быстро пришел в себя. Он бросился к девушке, отрезая ей путь к отступлению. В темноте его лицо казалось лишь тенью. Он отступил на шаг, готовясь сделать выпад по всем правилам фехтования. С утробным хрюканьем Эдвард рванулся вперед, нацелив наконечник ей в плечо.

– Черт...

Но прежде чем ругательство сорвалось с его губ, кузен резко умолк. Пока Кэт пыталась увернуться от смертоносного клинка, Эдвард вдруг завалился вперед. Шпага со звоном упала на каменный пол. Раздался треск: голова Эдварда ударилась о парапет колодца. И – о чудо! – кузен исчез.

Кэт испытывала своего рода извращенную гордость из-за того, что сказала чистую правду, когда Марвуд завел речь о смерти Эдварда. «Я к нему и пальцем не притрагивалась, – ответила Кэт Марвуду. – Клянусь Богом, это истинная правда». Но, кроме гордости, она почувствовала облегчение: почему-то Кэт не хотелось ему лгать.

После того как Эдвард скрылся из виду, раздался крик, потом бурный плеск. Цилиндрическая шахта колодца усиливала и искажала эти звуки. Дрожащая Кэт опустилась на колени у края и устремила взгляд вниз, в непроглядную черноту.

– Помоги, – взмолился Эдвард тоненьким, женским голоском. – Ради...

Некоторое время он барахтался в воде, но постепенно плеск стих, и вот Кэт слышала только собственное дыхание.

Девушка отползла от колодца и встала. Ее руки и ноги тряслись, совсем как у Хэксби, когда у него случались приступы дрожи.

Кэт понимала, что должна уходить, пока ее никто здесь не увидел. Главное, чтобы в подвале все было так же, как в тот момент, когда Хэксби запирает павильон. Кэт выглянула в ближайшее окно. Почти совсем стемнело. Обдумывать свои действия было некогда. Когда сгустятся сумерки, в сад выпустят мастифов.

Кэт задела ногой валявшийся на полу предмет. Опустив взгляд, она с трудом различила очертания фонаря. Кэт подняла его. Фонарь был еще теплым. Кэт зашвырнула его в колодец. Когда фонарь упал в воду, раздался плеск. Опустившись на корточки возле деревянной крышки, девушка попыталась подтащить ее к колодцу. Но крышка оказалась слишком тяжелой. Мышцу в спине пронзила острая боль.

Вдруг Кэт охватила неуправляемая паника. Придется оставить крышку на прежнем месте. Ей ничего не остается, кроме как спастись бегством.

Тут дверь со скрипом открылась, возвращая Кэт из прошлого в настоящее. Она в доме на Генриетта-стрит, и сегодня ее первая брачная ночь.

Шаркая, Хэксби вышел из уборной и направился в сторону кровати. Подойдя ближе, он произнес:

– Ах! Я рад, что ты еще не спишь.

Хэксби отдернул одеяло. Кэт лежала на спине, сдвинув ноги и вытянув руки вдоль боков – ни дать ни взять каменная фигура на надгробной плите гробницы.

Хэксби не без труда вскарабкался на кровать. Он склонился над Кэт и стал глядеть на нее сверху вниз. Его широкая ночная рубашка в таком положении напоминала пузырь. Ночной колпак Хэксби съехал

набок, придавая хозяину неуместно залихватский вид. Новоиспеченный муж положил руку на живот Кэт, и теперь она лежала там, будто огромный бледный паук. Кэт закрыла глаза. Уговор есть уговор. Она мысленно приказала себе не шарахаться от Хэксби. Можно представить на месте супруга какого-нибудь молодого человека, скажем... просто для примера... Джеймса Марвуда – конечно, в те редкие моменты, когда он с ней приветлив и не раздувается от гордости как индюк.

– Ах! – снова сорвалось с губ Хэксби, и на этот раз его голос был полон грусти.

Рука мужа больше не давила Кэт на живот. Она открыла глаза. Хэксби неуклюже отодвинулся от нее, лег и повернулся к молодой супруге спиной. Забравшись под одеяло, он свернулся в клубок, прижав колени к груди.

– Задержи полог, жена, – глухо выговорил он. – И задуй свечи.

Глава 57

Господин Чиффинч арендовал дом поблизости от Виндзора. Мы отправились туда в карете без опознавательных знаков – их нарочно держат в Скотленд-Ярде для частных поездок членов королевского двора. Мы хотели добираться водой, однако ненастье заставило нас изменить планы, к тому же пришлось бы плыть против течения.

Был последний день ноября, День всех душ. Раньше король не мог нас принять. Я сидел лицом к запряжке рядом с леди Квинси, Стивен и Фрэнсис устроились напротив. Нас сопровождали два всадника – и они, и кучер с фореитором были вооружены на случай, если мы наткнемся на разбойников.

Карета дребезжала, качалась и подпрыгивала, нас четверых так и швыряло друг на друга. Иногда внутрь проникали капли дождя. Пока Лондон не остался позади, мы почти не разговаривали.

Леди Квинси осталась недовольна, когда я сообщил ей, что король дал согласие исцелить Стивена во время той же церемонии. Однако ее светлость прилагала усилия, чтобы скрыть досаду.

– Вы слышали? – шепнула она мне на ухо. – Этой ночью лорд Кларендон бежал за границу. Подумать только!

– Да, мадам.

Драма наконец достигла развязки. Останься Кларендон, ему пришлось бы предстать перед судом. Среди прочего его обвиняли в коррупции, и тут Кларендон-хаус выступал железным – вернее, каменным – доказательством вины хозяина. Кроме того, говорили о государственной измене: некоторые из его врагов утверждали, будто именно из-за Кларендона мы проиграли в войне с голландцами, мало того – он продал нас французам. Дойди дело до разбирательства, его светлости было бы не сносить головы.

– Пасть так низко! – продолжила леди Квинси. – С головокружительных высот!

В ее тоне прозвучали вопросительные нотки: ее светлость предлагала мне поддержать разговор. Я приглашением не воспользовался. Через полторы мили леди Квинси предприняла новую попытку.

– Говорят, король использует дом господина Чиффинча для тайных встреч... того или иного рода. – Она повернула голову, и я щекой почувствовал ее дыхание.

Смысл намеков леди Квинси понять было нетрудно: там у короля появлялась возможность проводить встречи в более приватной обстановке, чем в Уайтхолле или Виндзорском замке.

Я кивнул в темноте кареты, показывая, что принял ее слова к сведению, но ничего не ответил.

Леди Квинси не сдавалась.

– Господин Чиффинч сообщил мне, что моя племянница вышла замуж, – взялась она за новую тему. – Вот так неожиданность! Учитывая все обстоятельства, Кэт очень повезло найти себе мужа. Пусть даже ее супруг одной ногой в могиле.

– Полагаю, господин Хэксби к ней добр, – ответил я.

– Что ж, и на том спасибо.

Леди Квинси отстранилась от меня.

– Фрэнсис, душенька, – произнесла она. – Ты, наверное, замерзла. Иди сюда, сядь рядом со мной. А твое место займет господин Марвуд.

Церемония состоялась в доме Чиффинча, после того как король отобедал. Была середина дня. Сумерки уже прокрадывались в комнаты, и в углах сгущались тени.

Нас проводили наверх, в длинную галерею на втором этаже. Дождь стучал по стеклам высоких окон, в воздухе стоял запах реки. Мы вчетвером ждали в начале галереи. А в ее конец, там, где горели свечи, двое слуг внесли тяжелое старинное кресло с подлокотниками из украшенного резьбой дуба. Один из королевских врачей – не господин Найт – изучил свидетельства о болезни обоих детей и объявил документы действительными. Один из королевских капелланов описал для нас порядок церемонии.

Мы прождали больше часа, и вот наконец король вместе со свитой поднялся по другой лестнице из большого зала внизу. Его сопровождающие вышагивали торжественно, совсем как процессия духовенства в Вестминстерском аббатстве. Каблуки их туфель постукивали по голым доскам пола.

Король на нас даже не взглянул. Монарх отдал приказ начинать церемонию. Капеллан нараспев прочитал знакомые строки из Книги

общих молитв. По сигналу Чиффинча леди Квинси подвела Фрэнсис к его величеству.

Все происходило так же, как и три месяца назад в Банкетном доме Уайтхолла. Число молитв сократили, да и обстановка была скромнее, но основные моменты церемонии остались без изменений. «Ритуал есть ритуал, – подумал я. – Обряд нужно исполнить в точности, иначе результата не будет. Форма так же важна, как и содержание, а может быть, даже важнее. Однако насколько действенен этот ритуал, вопрос иной».

Когда леди Квинси и Фрэнсис зашагали обратно, девочка шла, уставившись себе под ноги, а лицо ее светлости было мокрым от слез. Чиффинч кивнул мне. Я подвел Стивена к фигуре, безмолвно восседающей в высоком кресле.

Капеллан читал так быстро, что в спешке путал слова. Король поднял глаза, и наши взгляды встретились. Лицо монарха было неподвижно, будто у скульптуры из темного дерева. В полутьме его карие глаза казались черными. Они ничего не выражали, в них только подрагивали крошечные огоньки свечей. Я не заметил в этом взгляде ни проблеска мысли или чувства.

Вот пустоту между нами заполнили слова, взмывавшие к закопченному гипсовому потолку, а я задался вопросом: верит ли сам король в свою силу? Действительно ли его величество считает себя посредником между подданными и милосердным Господом, наделившим его чудесным даром исцелять королевский порок, – ведь монарх уже повторял это чудо тысячи раз? Или на самом деле король – простой смертный, играющий роль на своей величественной сцене исключительно ради собственных интересов?

А может быть, истина лежит где-то посередине?

notes

Примечания

1

«Четыре книги по архитектуре» (*ит.*).

Травея – в средневековой архитектуре стран Западной Европы один пролет, структурная секция внутреннего пространства.

3

Модно, по моде (*φρ.*).

4

Истина в вине (*лат.*).

Бедлам – лондонская больница для душевнобольных, название которой стало нарицательным.

6

Контрфорс – дополнительная опора, служащая для усиления несущей стены.

Сотня – историческая административная единица в Англии, возникшая в IX веке. Предполагается, что изначально территории разделялись на сотни по площади пахотных земель.

Коллекта – в католическом и лютеранском богослужении краткая молитва, передающая в сжатой форме смысл текущего дня или праздника.

Лк. 7: 16.

Мф. 5: 3.